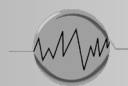

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 9 2018 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгчов — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филоп. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

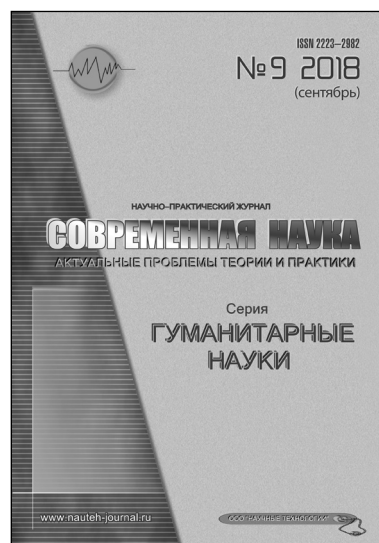
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 9 сентябрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.09.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Гафаров А. А., Галеева М. А. — Законодательная политика Российской империи в отношении мусульман (конец XVIII – начало XX вв.): эволюция и региональная специфика
Gafarov A., Galeeva M. — Legislative policy of the Russian Empire against Muslims (the end of XVIII – beginning of XX centuries): evolution and regional specificity..... 5

Клеймёнова О. А. — К вопросу о формировании хазарской государственности
Kleymenova O. — To the question of Khazar state system formation 11

Котов А. Э. — Экономическая политика в кавказском регионе, Сибири и Средней Азии глазами русских консерваторов: 1894–1899 гг
Kotov A. — Economic policy in the Caucasus region, Siberia and Central Asia through the eyes of Russian conservatives: 1894–1899 16

Мельников А. В. — Восприятие латинства на примере летописного рассказа о крещении Руси
Melnikov A. — The perception of Latins in chronicles the story of the baptism of Rus 21

Степанов В. Л. — Бакинская нефть как фактор гражданской войны в России
Stepanov V. — Baku oil as a factor of the civil war in Russia (the case of south Caucasus)..... 26

Терещенко Э. Б. — Провинциальная печать периода преподавания Н. Г. Чернышевского в саратовской гимназии (1851–1853 гг.)
Tereschenko E. — Provincial seal of the teaching period of N. G. Chernyshevsky, Saratov gymnasium (1851–1853)..... 31

Чининов И. В. — Система организации власти в японской деревне
Chininov I. — The system of organization of power in Yapese village 35

Ярцев С. В., Шушунова Е. В. — Жертвоприношение собак в контексте почитания предков на Боспоре (на примере материала городища «Белинское» в Восточном Крыму)
Yartsev S., Shushunova E. — The sacrifice of dogs in the context of ancestor veneration in the Bosporan kingdom (on the example of the settlement Belinskoe in the Eastern Crimea) 41

Педагогика

Ашмарина С. И., Токарев Ю. А., Кандрашина Е. А., Измайлов А. М. — Факторы привлекательности высшего образования за рубежом
Ashmarina S., Tokarev Yu., Kandrashina E., Izmailov A. — Factors of attraction of higher education abroad 45

Вертинская О. М. — Художественный фильм как средство обучения иностранных студентов профессиональному общению на русском языке в рамках специальности «Лечебное дело»
Vertinskaya O. — The feature film as a means of teaching foreign students to professional communication in Russian within the specialty «Medical business»..... 51

Кутейников А. Н. — К вопросу об адаптации преподавателей вуза к новым профессиональным условиям
Kuteynikov A. — To the question of adaptation of university teachers to new professional conditions 55

Филология

Ахметзадина З. Р., Абсалямова Л. Ф. — Лингвокультурологический анализ концепта «fate»/«язмыш» в английской и башкирской языковых картинах мира (на материале художественных текстов)
Akhmetzadina Z., Absalyamova L. — Linguoculturological analysis of the concept «fate»/«язмыш» in English and Bashkir worldviews (on the material of fiction texts)..... 58

Белошицкая Н. Н. — Особенности жанрового и метадискурсивного использования высказываний, построенных по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций в русском и английском языках <i>Beloshitskaya N.</i> — The peculiarities of the genre and metadiscourse usage of the utterances built on the models of confirmative-interrogative constructions in Russian and English languages 65	Гаврилова Н. В. — «Дядя Ваня» как элемент национальной мифологии <i>Gavrilova N.</i> — «Uncle Vanya» as an element of the national mythology..... 100
Бронская Л. И., Сони́на Е. В. — Образ «серединного человека» в романе Е. В. Гришковца «Асфальт» <i>Blonska L., Sonina E.</i> — The image of the «middle man» in the novel E.V. Grishkovets «Asphalt»..... 70	Гайсина Ф. Ф. — Культ горы в башкирском фольклоре <i>Gaisina F.</i> — Mountain cult in the Bashkir folklore 104
Бурцева А. В., Рычкова Т. А. — Имидж русского языка как иностранного и проблемы языковой политики на Кольском Севере <i>Burtseva A., Rychkova T.</i> — The Russian as a foreign language image and the language policy problems in the Kola North..... 76	Гончарова А. В. — К вопросу о сопоставлении терминологической лексики как приему обучения (на материале русского и английского языков) <i>Goncharova A.</i> — On the question of comparing terminological vocabulary as a method of learning (on the material of Russian and English languages)..... 109
Ваганов А. В. — Конструкции с имплицитной компаративной семантикой в повести А. П. Чехова «Моя жизнь» <i>Vaganov A.</i> — Structures with the implicit comparative semantics in A.P. Chekhov's novel «My life»..... 82	Дацун Н. А. — Латинская и английская терминология в сфере права и деловой коммуникации <i>Datsun N.</i> — Latin and English terminology in the field of law and business communication..... 113
Васильева Т. Н., Григорьева Л. П. — Литературные персоналии как исследовательская проблема (теоретические основы работы по составлению литературоведческой базы данных) <i>Vasilieva T., Grigoreva L.</i> — Literary personals as a research problem theoretical basis of the compilation of literary database..... 87	Емельянов И. С. — Феномен «чернухи» и трансформация северного дискурса в русской литературе Якутии <i>Emelianov I.</i> — The phenomenon of «chernukha» and the transformation of northern discourse in Russian literature of Yakutia 116
Вертинская О. М. — Особенности языковой репрезентации смысловой оппозиции «свет – тьма» в образах главных героев рассказа Л. Петрушевской «Богиня Парка» <i>Vertinskaia O.</i> — Features of the language representation of the semantic opposition «light – darkness» in the characters of the main characters of the story of L. Petrushevskaya «The Goddess of the Park» 90	Ильина С. С. — Обращения в малазийском варианте английского языка как способ передачи особенностей национальной культуры малазийцев <i>Il'ina S.</i> — Forms of address in Malaysian variety of the English language as a means to express cultural features of its speakers 121
Волобуева О. Н. — Концепт «понимать»/ «understand» в русской и английской фразеологических картинах мира <i>Volobueva O.</i> — The concept «understand» in Russian and English phraseological picture of the world..... 95	Кондрашова Н. В. — Пути международного научного сотрудничества и выбор языка-посредника при проведении совместных исследований <i>Kondrashova N.</i> — The ways of international scientific cooperation and the choice of a lingua franca for joint research 128
	Краснов Р. В., Благинин В. А. — Тематические связи понятий «язык» и «культура речи» в научных исследованиях и их визуализация <i>Krasnov R., Blaginin V.</i> — Thematic connections of the concepts «language» and «manner of speech» in scientific research and their visualization 131

Осипов Д. В., Федотова Н. С. — Идентификация ценности «индивидуализм» в коммуникативном поведении героев популярных американских фильмов <i>Osipov D., Fedotova N.</i> — Individualism value identification in communicative behavior of characters of popular American movies 136	Смирнова Ю. В. — Сравнительный анализ переводов сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» (на материале IX главы) <i>Smirnova Ju.</i> — Comparative analysis of translations of the fairy tale by Lewis Carroll «Alice's adventures in wonderland» (based on the chapter IX the mock turtle's story) 172
Парфенова К. С. — Тематическая типология фразеологических единиц (на материале Санкт-петербургских газет) <i>Parfenova K.</i> — Thematic classification of phraseological units (on the material of Saint-Petersburg newspapers) 141	Солодилова И. А., Соколова Т. Ю. — Когнитивные механизмы формирования эвфемизмов <i>Solodilova I., Sokolova T.</i> — Cognitive mechanisms for euphemisms' formation 178
Перцев Е. М., Джулиус К. — М. Цветаева в англоязычных переводах: анализ трех новейших переводов стихотворения «Тоска по родине» <i>Pertsev E., Julius K.</i> — Tsvetaeva in English translation: an analysis of three of the latest translations of the poem 'Longing for the motherland'/'Yearning to get back home'/'Homesickness' 144	Терских Т. Ф. — Анализ неопределённо-личных предложений в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» <i>Terskih T.</i> — Analysis of the indefinite-personal sentence in the novel «Master and Margarita» by Bulgakov M. A. 183
Петрова И. М. — Когнитивный аспект комбинаторики сочинительных парных словосочетаний в английском и русском языках <i>Petrova I.</i> — Cognitive aspect of combinatorics of compositional paired phrases in English and Russian ... 151	Цуриков А. Н. — Народная журналистика в контексте освещения чрезвычайных ситуаций современными средствами массовой информации <i>Tsurikov A.</i> — Citizen journalism in the context of coverage of emergency by modern media 188
Подгорнова А. В., Рассоха М. Н. — Персональный антропонимикон: трансформация личного имени (на материале электронных адресов) <i>Podgornova A., Rassokha M.</i> — Personal anthroponymicon: name transformation in email addresses 157	Чжан Яньцю — Особенности языковых средств передачи эмоций в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова <i>Zhang Yanqiu</i> — The peculiarities of language means for transmitting emotions in the proze of A. Pushkin and M. Lermontov 195
Райгородецкая Ю. М. — Особенности клише в официально-деловом стиле речи (на материале русского и английского языков) <i>Raigorodetskaya Yu.</i> — Peculiarities of clichés in official style of speech (based on the Russian and English language sources) 162	Чичерова Е. А. — Субкультурная специфика лексико-фразеологических единиц соматического кода (на материале военного сленга США) <i>Chicherova E.</i> — Subcultural specificity of lexical and phraseological units of the somatic code (on the material of us military slang) 201
Сафонов М. А. — Оценочная детерминация при переводе <i>Safonov M.</i> — Estimated determination at the translation. 165	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 206
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 208

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX ВВ.): ЭВОЛЮЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

LEGISLATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE AGAINST MUSLIMS (THE END OF XVIII — BEGINNING OF XX CENTURIES): EVOLUTION AND REGIONAL SPECIFICITY

**A. Gafarov
M. Galeeva**

Summary. The article is devoted to the study of the legislative policy of the Russian Empire in relation to the Muslim population in the late 18th and early 20th centuries. As a source of research, legislative and normative acts were used. The analysis showed that this policy was controversial. Despite the positive impulse for the introduction of limited tolerance, it was inconsistent, regional in nature, aimed at strengthening the imperial order.

Keywords: Russian empire, legislative policy, Muslims, late XVIII — early XX centuries.

Гафаров Анвар Айратович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
anvargafarov@mail.ru

Галеева Мариям Арслановна

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
galeeva_mariyam@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению законодательной политики Российской империи в отношении мусульманского населения в конце XVIII — начале XX вв. В качестве исследуемого источника были использованы законодательно-нормативные акты. Осуществлённый анализ показал, что данная политика носила противоречивый характер. Несмотря на позитивный импульс введения ограниченной веротерпимости, она была непоследовательной, имела региональную специфику, была направлена на укрепление имперского строя.

Ключевые слова: Российская империя, законодательная политика, мусульмане, конец XVIII — начало XX вв.

Присоединение к России в XVI — XVIII вв. обширных территорий с мусульманским населением сопровождалось активной христианизацией. Гонение на иноверчество привело к сильному этноконфессиональному напряжению в стране. Чреда народных восстаний, а также задачи восточной политики побудили российское правительство во второй половине XVIII в. несколько смягчить религиозное законодательство. В период правления Екатерины II произошёл переход к веротерпимости. Пытаясь достичь этноконфессионального компромисса, прагматичная императрица стремилась заручиться поддержкой социальных групп, обладающих реальным влиянием (феодалов, духовенства, купцов).

Готовность мусульманской элиты России к взаимным уступкам послужила основой для некоторого расширения прав мусульман и признания официального статуса ислама. Была уничтожена Контора Новокрещенских Дел (1764), разрешено вновь строительство ограниченного числа мечетей (1767). Купечество получило право торговли по всей территории империи (1776), а также орган самоуправления — Казанскую Татарскую Ратушу (1782). Татаро-башкирские феодалы были уравнены в правах с русским дворянством (1784). В 1773 г. был издан закон о терпимости всех вероисповеданий, запретивший «архиереям вступать

в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальникам» [1, Т. XIX, с. 775–776].

В 1783 г. мусульманам было дозволено избирать ахунов (старших духовных лиц) [1, Т. XXI, с. 805]. Несколько позже мусульманское духовенство получило официальный статус указных мулл и сословный орган — Оренбургское Магометанское Духовное Собрание (1788) «для заведывания всеми духовными чинами того закона» [1, Т. XXII, с. 1107]. В лице ОМДС мусульмане, таким образом, получили ограниченную религиозную автономию. Первоначально под его юрисдикцию попадало всё мусульманское население России, кроме мусульман бывшего Крымского ханства, (однако к середине XIX в. его полномочия были ограничены Европейской Россией и Сибирью). Первым муфтием стал ахун Каргалы М. Хусаинов; также были назначены его помощники — три заседателя (кадии, сменяемые каждые три года), определён секретарский штат и казённое содержание [1, Т. XXII, с. 1107–1108, Т. XXIII, с. 20–21, 452–454]. Несмотря на официальный статус, выходным днём для ОМДС (в соответствии с религиозными нормами) была утверждена пятница [1, Т. XXIII, с. 341]. Муфтиям было разрешено приобретать земли у башкир, заселять их иноверцами («нехристиан-

ского исповедания»), купленными за границей [1, Т. XXIII, с. 164–165, 399].

В 1794 г. был издан указ о создании Таврического Магометанского Духовного Правления в Симферополе; в его округ вошла Таврическая область (впоследствии и Западные губернии). Первым муфтием таврического духовенства был назначен кади-эскер Сейт-Мехмет эфенди; «в помощь ему» были определены шесть кадиев [1, Т. XXIII, с. 482]¹. В 1826 г. был утверждён порядок избрания кадиев², и лишь в 1831 г. было принято общее Положение о Таврическом Магометанском Духовенстве [2, Т. VI. Отд. II, с. 337–345]. Оренбургский и Таврический муфтии (а также кади-эскер ТМДП), как высшие чиновники, были подсудны Правительствующему Сенату [1, Т. XXXI, с. 872].

В 1805 г. был также утверждён штат «для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи»: «Ахунд или первенствующий Духовный Магмат» и семь мулл [1, Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. III и IV, с. 58]. По утверждённому правилу ахунд «имеет смотрение за всеми Муллами», право «отрешить нерадивого Муллу и определить другого верного и исправного, но с утверждения Начальника округи Елисаветпольской» [1, Т. XXVIII, с. 1109–1100; 2, Т. VI. Ч. II, с. 341]. «Главный надзор и управление духовными делами... иноверческих исповеданий на Кавказе и за Кавказом» были «сосредоточены в лице Наместника» (1856) [2, Т. XXXI, Ч. I, с. 682–683]. Впоследствии на основе Положений об управлении Закавказского Мусульманского духовенства в 1872 г. были сформированы Духовные управления: шиитского (во главе с шейх-уль-исламом) и суннитского (во главе с муфтием) мазхабов [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397].

Указом 17 декабря 1796 г. и Положением 1831 г. Таврическое магометанское духовенство было освобождено «от всяких податей и налогов» [3, с. 517; 2, Т. I, с. 911–912, Т. VI. Отд. II, с. 338]. (В 1826 г. было сделано уточнение, что запись представителей Таврического Магометанского духовенства в торговые разряды возможна в случае выхода из духовного звания и несения соответствующих повинностей [2, Т. I, с. 911–912]). Также, согласно Учреждению для управления Кавказской Области (1927), высшее местное духовенство (кадии, эфенди и ахуны) [2, Т. II, с. 152], а по Положениям 1872 г. и приходское «освобождаются от платежа казенных податей и повинностей, а равно от телесного наказания, доколе состоят в духовных должностях» [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 381–382]. «В про-

чих же Губерниях Магометанское Духовенство состоит в подушном окладе и подвержено повинностям оно» [2, Т. I, с. 911–912].

В обязанность муфтия входило разъяснение в своих фетвах государственной политики, а также контроль за мусульманским духовенством (приёмка экзаменов, назначение, смещение, проверка религиозной литературы и т.д.)³. Указные муллы (получившие утверждение муфтия) помимо своих прямых обязанностей, исполняли государственно-административные функции. В частности, в 1828 г. в приходах ОМДС и в 1832 г.— ТМДП, а позднее (1872) — Закавказского края были введены метрические книги, для записи актов гражданского состояния (рождений, браков и смертей) [2, Т. III, с. 837–240, Т. VII, с. 859–860, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397]. Их ведение и осуществление выписок [2, Т. XLIX. Ч. 1, с. 772] было возложено на приходское духовенство. Несмотря на это муллы ОМДС не были выведены из подушного оклада и выполнения повинностей, а с 1822 г. вновь могли быть подвергнуты телесным наказаниям [1, Т. XXXVIII, с. 36–37], также как и «чины приходского (Таврического — А.Г., М.Г.) Магометанского духовенства»: имамы, хатыпы, муллы, мудариссы⁴. Только в 1863 г. все духовные лица нехристианских исповеданий были изъяты от телесных наказаний [2, Т. XXXVIII. Ч. 1, с. 353]. В середине XIX в. было также определено положение мусульманского духовенства в войсках [2, Т. XXX. Ч. 1, с. 715–716, Т. XXXII. Ч. 1, с. 933, Т. XXXV. Ч. 1, с. 895–896] (Крымско-Татарского эскадрона, в казачьих войсках отдельного Сибирского корпуса, Оренбургского линейного № 11 батальона, Финляндского № 4 линейного батальона, при Гвардейском корпусе, при штабе войск в Царстве Польском и др.) [2, Т. XXX. Ч. 1, с. 715, Т. XXXI. Ч. 1, с. 62–63, Т. XXXIII. Ч. 2, с. 436, Т. XXXV. Ч. 1, с. 141, Т. XXXVI. Ч. 2, с. 663–664, Т. XL. Ч. 1, с. 565–566].

Официальное мусульманское духовенство стало не только опорой имперской власти среди мусульманского населения России, но и активным проводником её влияния в Средней Азии и Казахстане. Для укрепления российского влияния на Востоке в «степи распространяются мечети по повелению правительства» и определяются муллы из казанских татар с назначенным жалованием из казны, создаются татарские школы, строятся караван-сарай [1, Т. XXII, с. 142–144, 450, 493–495, 604–606, 839]. В указе 1782 г. повелевалось построить для казахов «мечети, выбрав к тому удобные места» [1, Т. XXI, с. 406]⁵. Подобное намерение было высказано им-

¹ По Положению (1831) ТМДП состоит из муфтия, кади-эскера, уездных кадиев (Симферопольского, Феодосийского, Перекопского, Евпаторийского и Ногайского). См.: [2, Т. VI. Отд. II, с. 338].

² Кадий избирается представителями общества из кандидатов, представленных «от Муфтия и Кади-Эскера чрез Губернатора», и утверждается Главным Управлением Духовными делами Иностранных Исповеданий. См.: [2, Т. I, с. 1239–1240].

³ В 1798 г. была определена процедура назначения кандидатов на духовные звания. См.: [1, Т. XXV, с. 195].

⁴ Однако, «чины Высшего Магометанского Духовенства ни в каком случае не подлежат телесному наказанию», § 48. См.: [2, Т. VI. Отд. II, с. 341].

⁵ Через 2 года власти напомнили «о скорейшем окончании мечетей для народов Магометанского закона, позволяя, ежели ещё где-либо оные построить нужно, Нам представить». См.: [1, Т. XXII, с. 144].

ператрицей и в отношении горцев Большой и Малой Кабарды (1792): для смирения их пригласить «несколько Мулл из Наших Казанских Татар, коим бы и мечети завести», а «для сильнейшего ж впечатления и утверждения привязанности к Нам» послать на некоторое время Оренбургского муфтия, «который с пользою употреблён был... для введения устройства» в казахских степях [1, Т. XXIII, с. 308].

Туркам, пожелавшим принять российское подданство и поселиться в Николаеве, администрация также обещала (1792) построить мечеть (с казанским содержанием имама и его помощника) [1, Т. XXIII, с. 324]¹. В 1802 г. было удовлетворено ходатайство, казахского султана Чанчар-Султамметева: о постройке за казённый счёт «мечети и дома для моления» на р. Иртыш [1, Т. XXVII, с. 67–68]. На аналогичное прошение султана Сюка (1819) государь также изъявил соизволение «на построение за счёт казны для него мечети» [1, Т. XXXVI, с. 29]. Для ногайцев, водворённых «в Таврической губернии на Молочных Водах» (Мелитопольский уезд — А.Г.) в 1806 г. были построены 6 мечетей и 6 домов для мулл [5, с. 164–165]. По принятым правилам «для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи» (1805) полагалось «исправить, возобновить и построить» «пять мечетей, назначенных в штат» и «на содержание оных ежегодно со двора давать по 50 коп» [1, Т. XXVIII, с. 1100].

В 1862 г. было разрешено «строить мечети не по одним Высочайше утвержденным образцовым планам и фасадам (1844 — А.Г., М.Г. [2, Т. XIX. Ч. 1, с. 41]), но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными» [2, Т. XXXVII. Ч. 2, с. 507–508].

Несмотря на то, что практически все сферы жизни татарского общества подпали под действие общероссийских законов, многие вопросы, не выходящие за пределы мусульманской общины, по-прежнему решались по шариату или адату (обычному праву). Это положение было закреплено в указах 1767, 1811, 1826 гг.² (и др. последующих). Сохранение норм шариата в семейно-брачных отношениях побудило Министерство духовных дел и народного просвещения к их изучению, чтобы учитывать в практической жизни³. Было также официально

признано допущение «раздела имений, оставшихся после Магометан, по их закону» [2, Т. I, с. 527–528]. «Дела сего рода в отношении к религии, предоставлять Суду Магометанской Духовной власти; а в отношении к встречающимся в оных следствиям гражданским, например: к похищению имения, к личной обиде и проч., предоставлять к власти Гражданской» [2, Т. I, с. 1265].

Данные начинания опирались на практику, апробированную в различных регионах империи. Например, в указе об учреждении родовых судов и расправ «между Горскими народами» Большой и Малой Кабарды (1792) предписывалось создать судебные органы на основе избрания населением «из лучших людей (определив им «приличное жалованье» — А.Г., М.Г.), ...не примешивая к оным никого из Наших Офицеров, по примеру тому, как с пользою заведены в Оренбурге между Киргизцами Расправы». Эти «родовые Суды и Расправы могут судить тяжёлые их дела и малые проступки по их обыкновениям; но важные преступления, как то: измена, убийство и разбой должны рассматриваемы быть в пограничном Суде по законам Нашим» [1, Т. XXIII, с. 307–308].

Ближние положения звучат в регламентах по Закавказскому региону. В «Правилах для Магометанского Духовенства Елисаветпольской округи» (1805) значится: «кроме драк, ссор, грабительства, воровства и смертоубийства, входить (духовенству — А.Г., М.Г.) позволено, но без всякой за то платы от спорящихся, и для того назначается от казны жалование». Имеются в виду, прежде всего, семейно-брачные дела (п. 5); «в разделе имения после родителей между детьми, — уточняется в п. 11, — поступать по Татарским (мусульманским — А.Г., М.Г.) законам» [1, Т. XXVIII, с. 1100]. Согласно Учреждению для управления Кавказской Области (1927) дела, представляющие разбор мусульманского духовенства — «одни дела, до веры и совести касающиеся, и дела по несогласию между мужем и женою, и между родителями и детьми, принадлежат разбирательству Духовенства по их законам»; в разбор гражданских дел им вмешиваться не позволено [2, Т. II, с. 152]. Аналогичные нормы были утверждены в Положениях (1872) [2, Т. XLVII, Ч. I, с. 379–397].

В Положении о Таврическом Магометанском Духовенстве (1831) также говорится, что оно «рассматривает и решит по своему закону всякие собственно Духовного рода дела Магометан» (§ 1)⁴: «возникающие в приходах дела о порядке Богослужения, о обрядах и исправлении духовных треб, также о заключении и расторжении бра-

¹ Реализовать идею создания турецкого поселения за недостатком средств не удалось. В 1800 г. турецкие колонисты переехали в Карасубазар и «приписались по состоянию в тамошние обыватели» [4].

² Ссылки на указы 28 мая 1767 г., 5 мая 1811 г. фигурируют в документе 1 декабря 1826 г. «О порядке производства дел, касающихся до Магометан». См.: [2, Т. I, с. 1265]. Исключение было сделано также для мусульманских иностранных купцов: «Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов татаров, суд и расправу чинить по их законам и по-прежнему обыкновению» (1744). См.: [6, с. 71].

³ В результате в регионы с мусульманским населением направлялись соответствующие запросы, где проводились обсуждения и уточнения. См.: [7, л. 1–2, 6, 19].

⁴ С 1854 г. было предоставлено право при несогласии с решением мусульманского суда, обратиться в «обыкновенные суды». См.: [2, Т. XXIX. Ч. 1, с. 559–560].

ков, о («нравственном» — А.Г., М.Г.)¹ неповиновении детей родителям, о спорах по завещаниям или при разделе наследства по Магометанским законам (в случае, «когда участвующие в сих делах Магометане просят о сем», § 4)² и других сего рода...; а равно о назначении Депутатов к межеванию Вакуфских земель» (§ 77) [2, Т. VI. Отд. II, с. 337, 343]³. Несмотря на то, что вакуфы в Крыму признавались «неприкосновенною собственностью Мусульманского Духовенства» и оставались «под главным распоряжением и надзором» ТМДП (1827, 1829) [2, Т. II, с. 854, Т. IV, с. 190], спорные дела по ним предавались в присутственные места [2, Т. IV, с. 56, Т. VIII. Ч. 1, с. 108]⁴.

Отмеченные ограничительные суждения и оговорки по делам о неповиновении детей родителям, наследстве были распространены и на ОМДС [2, Т. X, Ч. 2, с. 991–992, Т. XI, Ч. I, с. 504]. Священные христианские предметы (иконы, мощи, «части одежды и гробов» и др.) были исключены из права наследования иноверцами (1841) [2, Т. XVI, Ч. I, с. 429–430]. Были также введены общие ограничительные нормы в отношении дел о прелюбодеянии (1937) (магометанские духовные места должны ограничиться «наложением духовного покаяния и исправления», оставляя гражданским судам, в случае необходимости, право подвергать виновных светскому наказанию) [2, Т. XII, Ч. I, с. 526], о имущественных спорах при расторжении браков (с возможностью обратиться в обычный суд) [2, Т. XXI. Ч. 1, с. 13] и т.д. Что касается межконфессиональных браков запретительная регламентация скорее усилилась. Если брак между мусульманами и представителями евангелического исповедания с жёсткими ограничениями⁵ разрешался, то мусульман «с Христианками Российскими подданными Греко-Российского и Римско-Католического исповеданий ко вступлению в брак,— закон по-прежнему предписывал,— не допускать вовсе» [2, Т. II, с. 37].

В Средней Азии наряду с государственными судами по Положениям об управлении Туркестанским краем (1867, 1886), Степными областями (1868, 1891) также су-

ществовали народные суды (казиив и биев), «разрешающие подсудные им дела⁶ на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев» [8, с. 420]. Суд казиив рассматривал дела оседлых туземцев, исходя из положений шариата. Споры кочевников относились к ведению суда биев и судились по адату. По этому поводу Пашино П.И. писал, что казахи «обращаются по большей части с тяжёлыми делами в бийлик, суд биев». Там дела решаются «на основании чингисхановой ясы»⁷. На Кавказе с 1870 г. в соответствии с указом Сената (1869) учреждались Горские словесные суды [8, с. 401], которые также судили подобным образом. Даже там, где не создавались особые суды, дела инородцев разбирались их внутренними управлениями (в Сибири, Астраханской, Ставропольской губ.) «на основании их обычаев и обрядов»⁸. Такое положение расценивалось властью как терпимое [8, с. 558]⁹, отражающее реальную политическую и культурно-правовую ситуацию в среде мусульманского населения данных регионов [11].

Как видим, во второй четверти XIX в., несмотря политику веротерпимости, усиливаются ограничительные меры в отношении мусульман России, ущемляющие их конфессиональное и общественно-политическое положение¹⁰. Эти тенденции ещё больше усилились во второй половине XIX в. Власти стремились усилить административный надзор за мусульманами и ограничить их некоторые права (вводится практика приведения к присяге мусульманских священнослужителей в уездных полицейских управлениях, был увеличен сбор за браки мусульман, все конфессиональные школы мусульман были подчинены надзору Министерства Народного Просвещения, дела о вакуфных имуществах были переданы в ведение Министерства Государственных Имуществ и т.д.) [2, Т. XLV, Ч. I, с. 820; 12, Т. VIII, с. 172].

Контрреформы Александра III привели к попятным движениям в общественно-политической жизни страны, ужесточению этноконфессиональной политики, усилению христианизации и русификации. Были ус-

¹ Уточнение 1934 г. «Светское наказание» по этим делам представляется предварительно на утверждение Начальника губернии См.: [2, Т. IX. Ч. 2, с. 112].

² Впрочем, при неудовольствии решением, тяжбующиеся стороны могут обратиться в гражданские суды (§ 5). См.: [2, Т. IX. Ч. 2, с. 112, Т. VIII. Ч. 1, с. 783–784].

³ По делам о прелюбодеянии «магометанский» суд не имеет права приговаривать к телесным или иным светским наказаниям, при этом личные решения муфтия не могут иметь силу судебных приговоров. См.: [2, Т. VII, с. 498–505].

⁴ По положению 1839 г. при производстве «торгов на отдачу в откуп вакуфных земель» в ТМДП должен присутствовать губернский прокурор. См.: [2, Т. XIV. Ч. 1, с. 803–804].

⁵ Венчание евангелическим духовенством, «по обряду сей Церкви», христианская принадлежность детей, прижитых от этих браков и т.д. (1826, 1827, 1832). См.: [2, Т. I, с. 577, Т. II, с. 37, Т. VII, с. 964].

⁶ Из компетенции народных судов исключались дела, связанные с тяжкими преступлениями (против христианской веры, русского населения, государственные, убийство, изнасилование, поджог и т.д.).

⁷ Однако «эта яса до того строга, что в настоящее время киргизы отдаются в некоторых родах своих преступлений русским судам, а в местах, близких к мусульманским народам, решению шариатского суда». См.: [9, с. 47].

⁸ При переносе разбирательства в мировые и общие судебные установления «решения по сим делам основываются на степных законах и обычаях инородцев». См.: [8, с. 558].

⁹ На заявлении начальника Терской области о неудовлетворительном отношении горцев к «судебно-мировым учреждениям» государь оставил пометку (1882): «Меня не удивляет». См.: [10, с. 278].

¹⁰ Например, права занимать выборные должности: «в селениях, обществах и волостях, ... где с христианами обитают магометане, голова избирается из христиан, а подчинённые ему лица могут быть избираемые и из магометан». См.: [2, Т. XIII, Ч. I, с. 564].

ложнены правила об избрании и назначении духовных лиц¹. В 1888, 1890 г. был установлен по округу ОМДС образовательный ценз «для духовных лиц»². В документах об открытии мечетей, наряду с уже традиционными требованиями³, вновь зазвучали напоминания: что построение мечетей в округе ОМДС «допускается в таком только случае, если от этого не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар»; а по Таврической губернии начальство «предварительно... где есть христианская церковь, обязано входить в сношения с Епархиальным Архиереем» [12, Т. VI, с. 533]. В 1885 г. в Крыму была проведена ревизия вакуфов. В результате заведывание ими было возложено на особую Комиссию [12, Т. V, с. 439–440], дабы провести «разыскание и приведение в известность частных вакуфов», «подлежащих переходу в ведение казны» [12, Т. VI, с. 451]. В 1891 г. были введены «временные правила» заведывания крымскими вакуфами. В Туркестанском крае решено было облагать налогами вновь учреждаемые вакуфы [12, Т. VIII, с. 616] и т.д.

Под давлением революционного, национально-освободительного движения в начале XX в. власти были вынуждены вернуться к политике веротерпимости: пойти на некоторые уступки. 26 января 1903 г. был подписан Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где было признано за благо «укрепить соблюдение властями... заветов веротерпимости», «свободное отправление их (иноверцев — А.Г., М.Г.) веры» [12, Т. XXIII, с. 114]. На основе объявленных принципов было скорректировано новое Уголовное уложение о наказаниях (1903), в котором из 65 статей «Раздела преступлений против веры и церкви» (гл. II) прежнего Уложения осталось лишь 26 статей [12, Т. XXIII. Ч. 1, с. 187–191]. В число преступлений «отпадение от православия» не было включено. Совращение к отпадению признавалось преступлением лишь в случае, если оно было совершено посредством насилия, угрозы и обольщения (ст. 82, 86). При этом виновный в поноше-

нии признанного в России нехристианского вероисповедания в храме или во время публичного богослужения наказывался арестом или штрафом (ст. 76–77) [12, Т. XXIII. Ч. 1, с. 188–190].

В последующем указе 12 декабря 1904 г. было вновь выражено «душевное желание» «охранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры», «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их (иноверцев — А.Г., М.Г.) всякого, прямо в законе не установленного, стеснения», «провести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев..., чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересам Государства и явною пользою Русского Народа» [12, Т. XXIV, с. 1197–1198]. В результате в Указе и Высочайше утверждённом положении Комитета министров 17 апреля 1905 г. («Об укреплении начал веротерпимости») было признано, что «отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию», а посему установить, что «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки, подлежат по желанию их исключению из числа православных» [12, Т. XXV. Ч. 1, с. 257–259].

Апогеем уступок под давлением революционных сил стал Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), который наряду с прочими гражданскими свободами обещал даровать свободу совести [12, Т. XXV. Ч. 1, с. 754]. В итоге в очередной раз были изменены некоторые положения Уголовного законодательства. Количество статей главы 2 «О нарушении ограждающих веру постановлений» сократилось с 26 до 24; было смягчено наказание за религиозное совращение [12, Т. XXVI. Ч. 1, с. 262]. Однако нормативный и практический механизм реализации «выполнения непреклонной... воли» монарха, декларированной в Манифесте (1905), так и не был определён⁴.

¹ Однако, если Оренбургский муфтий «назначается» «Высочайшей властью» по представлению министра ВД, то Таврический муфтий и Кади-Эскер «избираются» министром ВД и утверждаются «Высочайшей властью». См.: [12, Т. X. Ч. 1, с. 5, Т. XI, с. 309].

² Для заседателей Собрания — свидетельство об испытании «в объеме курса 4-х первых классов Гимназии, уездного или городского училища, татарской учительской школы, или, ...2-х классного начального народного училища» МНП; для высшего приходского духовенства (ахуны, хатыпы) в городе — свидетельство об испытании в объеме курса «одно классного начального народного училища»; для сельских мулл — свидетельство Уездных училищных советов «о знании ими русской разговорной речи и чтения». См.: [12, Т. VIII, с. 444–445]. См. также: [12, Т. X. Ч. 1, с. 4–5, Т. X. Ч. 1, с. 663–664]. Испытания на знание русского языка «производятся особыми Комиссиями, кои... учреждаются в городах при учебных заведениях» МНП. См.: [12, Т. X. Ч. 1, с. 664].

³ О том, чтобы при каждой мечети было не меньше 200 душ мужского пола; общество предоставляло достаточное количество средств на содержание мечети и необходимого при ней духовенства.

⁴ Не были приняты законопроекты «О гражданском равенстве», «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», предложения мусульманской фракции о защите прав и положения мусульманского духовенства, вакуфной собственности, возвращении избирательных прав мусульманам Казахстана и Средней Азии, передачи конфессиональных школ в ведение ОМДС и др. См.: [13]. Отдельные постановления об учреждении штатного мусульманского духовенства в войсках (с разрешением при необходимости «приглашать мулл из ближайших мест»), «для совершения религиозного обряда «джиназа» при погребении», «приведения к присяге», «совершения общественных богослужений и произнесения проповедей» (1908); демократизации ТМДП (дозволениями занимать духовные должности при мечетях лицам всех состояний, 1912) можно рассматривать как инерцию после революционного взрыва. См.: [12, Т. XXVIII. Ч. 1, с. 368, Т. XXXII. Ч. 1, с. 86].

Коллизии политики веротерпимости лишь подтверждают мысль о том, что модернизационные попытки в России имели компенсационный характер и были в целом направлены на укрепление имперской системы [14]. Как было показано: после наступления относительной стабилизации, этноконфессиональная политика характеризуется перманентным наступлением на права иноверцев. Однако даже при этом, законодательство в отношении мусульман демонстрирует, что

преференции веротерпимости, прежде всего, представлялись колониальным окраинам (Крым, Кавказ, Средняя Азия), относительно недавно включённым в состав империи. Регионы Поволжья и Приуралья считались колониально освоенными¹. Положение местных мусульман было определено законодательством Екатерины II в последней трети XVIII века; в дальнейшем оно в основном лишь регламентировалось и урезалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. 50 Т. / Под ред. М. М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. XIX. — 1083 с., Т. XXI. — 1070 с., Т. XXII. — 1174 с., Т. XXIII. — 974 с., Т. XXV. — 932 с., Т. XXVII. — 1196 с., Т. XXVIII. — 1349 с., Т. XXXI. — 941 с., Т. XXXVI. — 734 с., Т. XXXVIII. — 1354 с., Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. III и IV. — 1178 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ-2). Собрание Второе. 12 декабря 1825–28 февраля 1881 гг. 55 Т. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. — Т. I. — 1527 с., Т. II. — 1561 с., Т. III. — 1648 с., Т. VI. Ч. II. — 710 с., Т. VII. — 1414 с., Т. VIII. Ч. 1. — 792 с., Т. IX. Ч. 2. — 828 с., Т. X. Ч. 2. — 910 с., Т. XI. Ч. I. — 896 с., Т. XII. Ч. I. — 823 с., Т. XIII. Ч. I. — 1072 с., Т. XIV. Ч. 1. — 1180 с., Т. XVI. Ч. I. — 925 с., Т. XIX. Ч. 1. — 1446 с., XXI. Ч. 1. — 669 с., Т. XXIX. Ч. 1. — 912 с., Т. XXX. Ч. 1. — 779 с., Т. XXXI. Ч. 1. — 1111 с., Т. XXXII. Ч. 1. — 1067 с., Т. XXXIII. Ч. 2. — 596 с., Т. XXXV. Ч. 1. — 962 с., Т. XXXVI. Ч. 2. — 1032 с., Т. XXXVII. Ч. 2. — 837 с., Т. XXXVIII. Ч. 1. — 942 с., Т. XL. Ч. 1. — 989 с., Т. XLV. Ч. I. — 897 с., Т. XLVII. Ч. I. — 1049 с., Т. XLIX. Ч. 1. — 949 с.
3. Архив графов Мордвиновых. Том третий / Предисловие и примечания В. А. Бильбасова. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. — 706 с.
4. Познахирев В. В. «Заводится колония турецкая при Николаеве» (к истории одного несостоявшегося проекта конца XVIII века) // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3758> (дата обращения: 18.10.2018).
5. Варадинов Н. В. История Министерства Внутренних Дел. Ч. I. / [Соч.] докт. прав и философии Н. Варадинова. — СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1858. — 250 с., 45 с.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. — СПб. — Т. II. — 1907. — 476 с.
7. Государственный Архив Астраханской Области (ГААО). — Ф. Ф-488. — Оп. 1. — Д. 483. — 28 л.
8. Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Книга первая. Томы I–III. (Т. II). — СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. — 737 с.
9. Пашино П. И. Туркестанский край в 1966 году. Путевые заметки / П. И. Пашино. — СПб., 1868. — 176 с.
10. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 4. / Сост. И. И. Тхоржевским; под. гл. ред. стас-секр. Куломзина. — 472 с.
11. Гафаров А. А., Набиев Р. А. Тенденции развития правовой культуры российских мусульман (XIX — начало XX вв.) / А. А. Гафаров, Р. А. Набиев // Право и государство: теория практика. — 2012. — № 10. — С. 46–51.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). Собрание Третье. 1 марта 1881–1913 гг. 48 Т. — СПб.: Государственная типография, 1885–1916. — Т. V. — 1525 с., Т. VI. — 1261 с., Т. VIII. — 1167 с., Т. X. Ч. 1. — 1017 с., Т. XI. — 1410 с., Т. XXIII. Ч. 1. — 1277 с., Т. XXIV. — 1271 с., Т. XXV. Ч. 1. — 1109 с., Т. XXVI. Ч. 1. — 1157 с., Т. XXVIII. Ч. 1. — 1041 с., Т. XXXII. Ч. 1. — 1891 с.
13. Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917) / Д. М. Усманова. — Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1999. — 164 с.
14. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.

© Гафаров Анвар Айратович (anvargafarov@mail.ru), Галеева Мариям Арслановна (galeeva_mariyam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Не случайно мусульман этих регионов власти широко использовали на государственной службе: татарских мулл в качестве проводников имперской политики в казахских степях, а башкир на службе в «башкирском войске».

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ХАЗАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

TO THE QUESTION OF KHAZAR STATE SYSTEM FORMATION

O. Kleymenova

Summary. In the article the features of becoming of the Khazar state system in the North Pontic steppes, factors that defined the specificity of social-historical and political development of Khazar Khaganate are examined. The special attention is devoted to the inter-ethnic contacts in the region, such as mutual relations of khazars with settled-agricultural people from the point of view of social and political traditions continuity.

Keywords: Khazar Khaganate, nomads, settled-agricultural population, mutual relationship, state system, multi-ethnicity, trade.

Клейменова Ольга Александровна

*К.и.н., старший преподаватель, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова
kleymenova.rgmu@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления хазарской государственности в степях Северного Причерноморья, а также факторы, которые определили специфику общественно-исторического и политического развития Хазарского каганата. Особое внимание уделяется межэтническим контактам в регионе, в частности, взаимоотношениям хазар с оседло-земледельческими народами с точки зрения преемственности общественно-политических традиций.

Ключевые слова: Хазарский каганат, кочевники, оседло-земледельческое население, взаимосвязи, государственность, полиэтничность, торговля.

Историю кочевых обществ сегодня зачастую изучают в тесной связи с историей оседлых народов. Такой подход является одним из определяющих при осещении ключевых вопросов этнополитического и культурного развития населения Северного Причерноморья. Однако подобная традиция сформировалась не сразу. Многие вопросы, связанные с социально-экономическим и политическим развитием степных племен, стали предметом длительных и многочисленных дискуссий в исторической науке. Еще с появлением труда В.Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен» сложились два направления в исследовании Хазарии — как самостоятельного объекта истории (преимущественно в трудах востоковедов), так и в связи с прошлым России (в работах по русской истории). Затрагивая проблему взаимодействия оседлых и кочевых народов, следует отметить, что в Европе эта тема вызвала интерес еще в Новое время. Однако ее настоящую научную разработку начали в XIX веке. Так, в своей монографии Ж. Дегинэ контакты между скотоводами и земледельцами трактуется двусмысленно: с одной стороны, это постоянное противостояние, с другой — путь кочевников к цивилизации [1]. В первой половине XX в. Р. Груссе формулирует закон «сильной личности», которая способна образовывать мировые империи [2]. При этом взаимоотношения с соседями получают значимость только после завершения формирования империи и имеют для нее негативное значение. Французский историк Л. Альфан, анализируя причинно-следственные связи возникновения и развития степных империй, относит к ним и контакты с оседлыми народами, в частности славянами [3].

На рубеже XIX — XX вв. впервые наметилась тенденция изучения истории кочевых и оседлых обществ в аспекте взаимодействия и взаимовлияния двух различных хозяй-

ственных укладов (П.В. Голубовский, А.Я. Ефименко). Традиционные представления о том, что кочевники несли только уничтожение, были признаны односторонними, подчеркивалась роль кочевников в распространении восточных культурных влияний и на Европу, и на население южнорусской территории [12, с. 15–17]. Противопоставление славян и кочевников, характерное в большей степени для советской исторической науки, создание концепции извечной борьбы «леса со степью» повлияло на формирование определенных стереотипов. Нередко весь спектр межцивилизационных контактов сводился к рассмотрению военно-политических аспектов их взаимоотношений, что во многом обусловило актуальность дальнейших научных изысканий. Во второй половине XX в. комплексное использование археологических и письменных источников при исследовании кочевых обществ позволило достичь значительных успехов. В этом отношении особый интерес представляют работы В.В. Мавродина, М.И. Артамонова, С.А. Плетневой, А.П. Новосельцева, М.П. Абрамова, А.В. Гадло, М.Г. Магомедова и др. С конца XX в. контакты кочевых и оседлых народов периферии Руси все чаще освещаются с позиции перманентного взаимодействия двух историко-культурных ареалов, появились междисциплинарные исследования, в которых отдельные аспекты исторических взаимосвязей рассматриваются в широком кросс-культурном контексте [4, с. 23]. Сегодня все активнее обсуждается вопрос о взаимовлиянии, в частности, тюркских и оседлых культурных традиций во многих сферах жизни и деятельности, этногенезе, культуре, архитектуре, в отдельных деталях быта и обычаях. Осознание специфичности общественно-исторического и политического развития кочевых обществ позволило выделить ряд тем, требующих более детального и объективного анализа. Так, в частности, был поставлен вопрос: можно ли называть

кочевые сообщества государствами? Введение в научный оборот понятия «кочевой империи», как особой формы политической организации кочевников, вызвало противоречивые суждения о том, считать ли империю государством.

На процесс становления государственности у степных народов в значительной степени влияло наличие или отсутствие межэтнических контактов в синтезных зонах. Политическая история кочевых обществ представлена набегами на соседние народы, что стало нормой взаимоотношений в Степи, стратегически важной для их хозяйства. В то же время, это был не слишком надежный и стабильный источник дохода, зависевший от баланса сил между кочевниками и оседлым населением. Номады были заинтересованы не столько в расширении пастбищ, сколько в покорении территорий с другим хозяйственно-культурным типом, и не столько в постоянной оккупации оседлых образований, сколько в поддержке даже слабых императоров. В долговременной перспективе для них выгоднее было заставить население платить регулярную дань [33, с. 355]. В то же время, тяготение кочевников к центрам оседлости, свойственное эпохе формирования ранних государств, порождало различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур [25, с. 240]. Степная империя могла быть связана оседлой культурой не только с соседним народом, но и с земледельческим населением отдаленных территорий [8, с. 46]. Включение земледельческих народов в экономическую систему кочевых обществ предполагало более сложную политическую структуру последних, а хозяйственная зависимость, в свою очередь, усиливала взаимные влияния и переводила их на качественно новый уровень — социально-политический. Как отметил Н. Н. Крадин, государственность в форме «кочевых империй» развивалась только в тех регионах, где кочевники имели длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами [17, с. 18]. Степень интеграции кочевого и оседлого компонентов в кочевых империях могла быть разной. При этом важным считается наличие даннических отношений с оседло-земледельческим населением и сохранение правящей верхушкой, хотя бы частично, кочевого образа жизни, а также использование кочевых племен в качестве основной военной силы [24, с. 152].

Середина VII в.— это время установления власти хазар в степях Восточной Европы. В первой половине VIII в. хазары укрепляют свои позиции на нижней Волге, что способствует росту международного авторитета государства на протяжении VIII — IX вв. Анализ источников свидетельствует о том, что государственное устройство Хазарии было дуалистическим. Ибн Даста указывает, что титул правителя у хазар — Йша; но верховный правитель у них Хозар-Хакан. Последний считался только номинальным главой, реальная власть принадлежала именно Йша, занимавшегося государственными делами и руководившего войском [15,

с. 16]. Двоевластие было характерным для многих государств средневековья. Одной из его возможных причин в Хазарском каганате считают разнородность этнического состава нации. Время от времени каган мог принимать помощь еще одного предводителя какой-то влиятельной этнической группы, и постепенно такая организация власти стала постоянной [7, с. 230]. Захват соседней территории не был решающим в образовании степной империи. В ситуации с Хазарией немаловажную роль в этом процессе сыграли арабские войны на Кавказе. Арабо-хазарская война закончилась в 737 г. поражением хазар, однако им удалось сдержать натиск арабов и не допустить их в Восточную Европу. Как отмечает Е. С. Галкина, именно в этот период Хазарское протогосударство значительно расширило свои границы и получило статус каганата, начало проводить самостоятельную международную политику, основным вектором которой стал союз с Византией [9, с. 9–10].

Своеобразным индикатором распространения влияния хазарского кагана и успехов во внешнеполитической деятельности стала практика заключения династических браков с дочерьми вассальных правителей. Браки вместе с договорами считались гарантом мирных взаимоотношений, хоть и не всегда обеспечивали бесконфликтное сосуществование. В начале VIII в., во многом из-за угрозы со стороны арабов, наиболее тесные союзнические отношения установились у хазар с византийским правительством. В 732 г. был заключен брак между цесаревичем Константином и хазарской принцессой Чичак, их сын Лев Хазарин занимал византийский престол в 775–780 гг. [10, с. 92–93]. Следует отметить, что хазары достаточно эффективно использовали свои династические союзы в интересах хазарской политики в Крыму, Причерноморье, Закавказье, Восточной Европе. Можно говорить про формирование достаточно оригинальной и своеобразной тюркско-хазарской модели брачных отношений, распространенных среди представителей правящего класса. Однако уже в X в. правители Хазарии могли претендовать только на браки с представителями местных племен и небольших государств, что было обусловлено ослаблением каганата [31, с. 94]. Это еще раз подтверждает тезис о том, что о степени влиятельности кочевого объединения судили исходя из того, брали ли жен из него, и, что еще важнее, отдавали ли туда своих родственников.

Характерно, что с появлением на исторической арене хазары не были кочевниками. Хазарский каганат является классическим примером перехода к оседлости без прямого влияния внешнего окружения, на территориях, где отсутствовали земледельческие традиции. Хазарские правители практиковали переселение хазар на правах военных поселенцев в стратегически важные, часто окраинные районы государства, в частности в Крым и Подонье [23, с. 64]. Со временем Хазарский каганат приобретает более сложную форму политической организации, о чем сви-

детельствуют такие признаки, как наличие комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, определенная территория, значительные подвластные владения. Это дает возможность исследователям идентифицировать его как кочевую империю. Практически для всех средневековых кочевых образований и тем более империй была характерна полиэтничность, чему во многом способствовали торговые отношения и военная активность. Следует отдать должное хазарским правителям, сумевшим сконцентрировать в государстве производственные и военные отношения многонационального населения, а также достижения покоренных и соседних племен.

Кочевники зачастую мешали полноценной торговле между великими государствами и, в то же время, нередко выступали ее гарантом, обеспечивая безопасность торговых операций в периоды нестабильности в степи. Участие кочевых племен южнорусских степей в торговле оседлых государств проявлялось неодинаково: если печенеги и половцы в дальнейшем будут выполнять преимущественно посредническую роль, то Хазарский каганат предстает полноценным субъектом средневековой торговли. Хазары охраняли пути, которые вели из Европы на Восток и Кавказ. Существование Хазарского каганата и Арабского Волжского торгового пути имело следствием появление русских купцов в хазарских городах и русских воинов в хазарских войсках и, соответственно, включение русских племен в орбиту восточного культурного влияния. Русы и славяне составляли основу населения в самом центре Хазарского каганата, приазовских, донских, кубанских и прикавказских степях [6, с. 165]. Интересен факт наличия в Итиле иудейской, мусульманской, христианской и языческой общины, каждая из которых имела своих судей. Веротерпимость была обусловлена важной ролью каганата в международной торговле. Можно провести интересную параллель в организации управления и судопроизводства в Хазарском государстве: «Обе ветви были приспособлены к отдельным группам или общинам: религиозным — в случае с судопроизводством и этническим — в случае с управлением» [7, с. 232].

С образованием степных государств у номадов, как правило, появлялось регулярное войско. Хазарское войско было разноплеменным. В ранний период становления государства оно состояло из хазар, а также подвластных им народов и племен. В IX — X вв. главную роль уже играет наемное войско, которое, по мнению А.П. Новосельцева, было разделено на две части — мусульманскую и славяно-русскую [22, с. 121]. Расширяя границы своих владений на западе, хазары одновременно пытались закрепиться и в Закавказье. Известны случаи, когда славянская верхушка договаривалась с правящей верхушкой Хазарии, и отряды славян принимали участие в захватнических походах на Кавказ. С обострением взаимоотношений с прикаспийскими государствами Хазария не смогла выступить против

них, так как в ее армию входили мусульманские наемники, отказывавшиеся воевать против единоверцев, и каганат решил использовать русских союзников [19, с. 30]. Сначала союзническо-федеративные, то есть относительно мирные взаимоотношения со временем обострились в результате государственного переворота в каганате и перехода фактической власти к иудейскому «царю». Опасность для Руси представлял и военно-политический союз Хазарии с Византийской империей, которая планировала распространить свою власть на все Северное Причерноморье [16, с. 26]. Последнее, вероятно, и привело впоследствии к войне и гибели каганата в столкновении с русско-печенежским союзом.

Анализируя контакты хазар со славянами, следует отметить, что вплоть до возникновения Древнерусского государства эти кочевники находились на более высоком уровне развития и диктовали свои условия. В начале IX в. развивалась торговля мусульманских стран с Восточной Европой, позднее — со Скандинавией. Возможно, именно желание контролировать экономические выгоды от этой торговли и стимулировало Хазарию к политическому контролю над славянскими племенами. Довольно сложно определить начальный этап во взаимоотношениях славян и Хазарского каганата, но можно согласиться с П.П. Толочко, который указывает на границу VIII — IX вв., как на их возможное начало [30, с. 37]. На протяжении первой половины X в. летопись не упоминает о каких-либо столкновениях с хазарами, как будто со второй половины столетия они не имели возможности бороться с Киевом за господство над восточнославянскими племенами. Это может быть вполне вероятным, если взять в расчет перемещения венгров и печенегов, отделившие Киевское княжество от Приазовья. Восстановление политических отношений Киева и Хазарии можно наблюдать только при Святославе. Под 964 г. в летописи значится начало конфликта с хазарами. Князь Святослав, собрав армию, выступил на Оку и на Волгу. Дошедши до земель вятичей и узнав, что они платят дань хазарам, он заставил их платить ее себе [28, с. 39]. И Олег, и Святослав заставляли подчиненные племена выплачивать дань, как и хазарам, иногда облегчая ее с целью закрепления за собой этих народов [26, с. 85].

Изучение Хазарии, ее социально-политической истории представляет интерес и в связи с тем, что при поиске наиболее ранних, начальных истоков древнерусской государственности сегодня все чаще упоминается так называемый «южный след», а именно — хазарский [27, с. 15–16]. Если вначале номинальную зависимость от Хазарии родоплеменная знать северян и вятичей могла использовать для опоры централизаторским устремлениям киевских князей [16, с. 22], то впоследствии пребывание под хазарским контролем дало возможность организовать разноплеменные территории в гомогенную целостность, которая перевесила хазар и их государство, образовало тот

начальный политический организм, который позднее стал ядром древнерусского государства [30, с. 38]. В то же время ближайшее окружение хазар (славяне, народы Поволжья и Северного Кавказа), находившиеся на тот момент на более низком уровне развития, не способствовали дальнейшему экономическому и политическому развитию каганата [32, с. 220].

Средневековые историки часто начало государственности связывали с принятием христианства или ислама. Так же как у сформировавшихся земледельческих государств, такой аспект религиозной политики имел место и у кочевых обществ, которые должны были включаться в сферу международной политики в качестве союзника одной из держав. Однотипная религия страны-неофита означала привлечение этого государства на свою сторону, вовлечение его в сферу собственного политического влияния. Такую практику использовали Византия, Арабский халифат и другие государства. Хазары, как и другие этнические компоненты, входившие в их состав, сначала были язычниками, поклонялись небесному божеству Тенгри-хану. Можно отметить и тот факт, что пластичность тенгрианства позволяла тюркютам в новых взаимоотношениях и при столкновении с новыми религиозными системами органично усваивать и перерабатывать их в часть собственной культуры [14, с. 122]. Как один из главных структурообразующих признаков государства выделяют отделение власти от народа и принятие правящей верхушкой иудаизма, создание наемной армии, полностью оторванной от населения каганата и ставшей опорой власти его иудаизированной элиты [13, с. 154–155]. П. Н. Милюков указал на важную роль торговли и замену язычества монотеистической религией, что способствовало переходу хазар к более высокому уровню культуры [20, с. 358]. С другой стороны, распространена точка зрения о том, что новая религия не способствовала консолидации хазарского общества, а наоборот, разъединила разноплеменное население каганата, подчеркнув классовые противоположности и отделив верхи от широких слоев населения. М. И. Артамонов оценивал роль хазар как прогрессивную лишь до принятия иудейской религии, что, по его мнению, стало для них роковым шагом, так как в результате был потерян контакт правительства с народом [5, с. 274, 457]. Обострились отношения и с Византией. Последняя, в свою очередь, спровоцировала большинство нападений на Хазарское государство аланов и печенегов. С IX в. начинается постепенный упадок каганата, в середине X в. его экономика опиралась только на широкие международные торговые связи. Наступила эпоха посреднической торговли.

Товарная зависимость и экономические отношения с земледельческим населением были характерны на всех этапах социально-экономической и политической эволюции скотоводческих племен. Важным представляется тезис о комплексности хозяйства кочевых обществ, в со-

став которых могли входить и земледельческие народы. В то же время, тяготение кочевников к центрам оседлости, свойственное эпохе формирования ранних государств, порождало различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур [25]. При эволюции политических союзов номадов в сторону формирования государственности одним из определяющих факторов становилось соседство с более высокоорганизованными земледельческими обществами. В случае с Хазарским каганатом этого не произошло. В то же время, установление регулярных контактов с оседлыми обществами и, как следствие, появление определенных форм взаимодействия, не всегда сказывалось положительно на дальнейшей судьбе кочевников. И здесь на первый план уже выходит цивилизационная уникальность номадов. В частности, В. Григорьев, отмечает, что господство над оседлой страной длилось тем дольше, чем больше сохранялась отдельность от побежденного населения и «национальность» степных завоевателей. Анализируя отношения между кочевыми народами и оседлыми цивилизациями, исследователь пришел к выводу, что приобщение к цивилизации оседлых земледельцев, усвоение их образа жизни и слияние с покоренными всегда являлось губительным для степняков [11, с. 26]. Близость с цивилизацией имела, как отметил А. Дж. Тойнби, и такую особенность — кочевник становился паразитом цивилизации, так как цивилизация «приучала его жить за чужой счет». Деморализующее действие близости военной границы наблюдалось не только в сельском хозяйстве, но и в политических институтах кочевых обществ [29, с. 31].

Империи номадов являлись как бы милитаристскими «двойниками» аграрных цивилизаций по причине зависимости от поступающей продукции, «при этом степень централизации кочевников была прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации». В периоды кризиса и распада оседлых обществ скотоводы вынуждены были вступать в более тесные связи с земледельческими народами [17, с. 18; 18]. Наблюдались определенные заимствования в разных сферах. Однако проникающая сила каждого из элементов культуры (экономического, политического и культурного) была прямо противоположна его социальной ценности. Так, в первую очередь воспринимался экономический элемент, за ним политика, и впоследствии — культура [29, с. 25].

Хазария продемонстрировала максимально возможный уровень социально-политической организации номадов — кочевую империю. Со временем Хазарский каганат приобретает даже некое подобие федеративной структуры, управление некоторыми областями осуществлялось дистанционно. Однако на этом дальнейшее развитие государственности приостановилось. Хазарский каганат очень быстро миновал «стадию кочевий», но к «городам» так и не пришел [33, с. 224–225]. По крайней мере, известно о них мало. Не наблюдалось близких контак-

тов на этом этапе и с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами. Не нашлось, по-видимому, и «сильной личности», о которой упоминал Р. Груссе. Тем не менее, отмечая высокий уровень политической культуры каганата, следует сказать, что отдельные элементы политической организации в той или иной степени усваивались оседлым населением в контактных зонах. Русская земля развивалась и крепла в борьбе с ха-

зарской экспансией, наблюдается укрепление княжеской власти, заимствование титулатуры «каган». Хазария сумела распространить на славян отдельные элементы своей политической организации. После падения Хазарского каганата уже Киевская Русь становится донором общественно-политических традиций. Под ее влиянием происходят изменения в союзах племен половцев, торков и, в меньшей степени, печенегов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deguignes J. *Historie generale des Huns, des Tures, des Mongols et des autres Tatares occidentaux, ouvrage tire des Livres chinois*. Т. I–V. Paris: Desaint & Saillant, 1756–1758. 2935 p.
2. Grousset R. *L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris: Payot, 1939. 639 p.
3. Альфан Л. Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. М.: Вече; СПб.: Евразия, 2006. 416 с.
4. Арешян Г. Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: сборник статей*. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 21–24.
5. Артамонов М. И. *История хазар*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 560 с.
6. Васильева Н. И. «Русская Хазария» // «Русская Хазария». Новый взгляд на историю. М.: Метагалактика, 2001. 254 с.
7. Вернадский Г. В. *Древняя Русь*. Тверь; М.: ЛЕАН; Аграф, 2000. 448 с.
8. Вернадский Г. В. *Начертание русской истории*. М.: Айрис-пресс, 2004. 368 с.
9. Галкина Е. С. Кавказские войны VII — VIII вв. и возвышение Хазарии // *Восток*. 2006. № 4. С. 5–20.
10. Герцен А. Г. *Хазары // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.)*. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 90–109.
11. Григорьев В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. № 3. С. 1–27.
12. Ефименко А. Я. *История украинского народа*. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1906. 391 с.
13. Жих М. К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и ее степные соседи // *Русин*. 2009. № 3 (17). С. 147–157.
14. Жумаганбетов Т. С. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // *Восток*. 2006. № 2. С. 119–126.
15. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Дада, неизвестного доселе арабского писателя X века [изд., пер., объясн. Д. А. Хвольсон]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. 199 с.
16. Каргалов В. *Русь и кочевники*. М.: Вече, 2008. 480 с.
17. Крадин Н. Н. *Номады // Родина*. 1997. № 3–4. С. 17–18.
18. Крадин Н. Н. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
19. Кузовков В. В. Кордовско-хазарские отношения и международное положение Хазарского каганата в середине X века // *Історичні і політологічні дослідження*. 2001. № 1 (5). С. 27–32.
20. Милюков П. Н. *Очерки по истории русской культуры: в 3 т.* М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 527 с.
21. Мошин В. А. *Русь и Хазария при Святославе // Из истории русской культуры: статьи по истории и типологии русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2; Кн. 1. С. 47–66.
22. Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука, 1990. 261 с.
23. Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи: сборник статей*. М.: Наука, 2001. С. 59–72.
24. Першиц А. И. *Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 2. 247 с.
25. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. *Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье*. М.: Знак, 2004. 416 с.
26. Прицак О. *Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag)*. К.: Обереги, 1997. 1074 с.
27. Риер Я. Г. О начальных тапах формирования Древнерусской государственности // *Вестник славянских культур*. М. 2016. № 2 (40). С. 13–27.
28. *Типографская летопись [подгот. к изд. А. И. Цепков]*. Рязань: Александрия; Узорожье, 2001. 575 с.
29. Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Айрис-пресс, 2003. 592 с.
30. Толочко П. П. *Київська Русь. К.: Альтернативи*, 1998. 351 с.
31. Тортика А. А. *Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // ССв*. 2005. № 1. С. 90–106.
32. Флёрков В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
33. Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

© Клеймёнова Ольга Александровна (kleymenova.rgmu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ: 1894–1899 ГГ¹

ECONOMIC POLICY IN THE CAUCASUS REGION, SIBERIA AND CENTRAL ASIA THROUGH THE EYES OF RUSSIAN CONSERVATIVES: 1894–1899²

A. Kotov

Summary. The article examines the question of the attitude of the Russian conservative publicists of the mid-second half of the 1890s to the economic policy of the government on the southern and eastern margins of the empire (the Caucasus region, Siberia and Central Asia) during the first years of Nicholas II's reign. Particular attention is paid to the views of conservatives about the influence of ethno-confessional and class factors on the colonization of these regions. It is noted that, unlike the western outskirts, where issues of economic expediency were for the conservatives derived from political and national interests, on the outskirts of the eastern economy came to the fore. The ideological struggle comparable to the confrontation of the Polish gentry, the Ostsee knighthood or the nascent Ukrainian nationalism, here did not exceed. The alien factor did not play a significant political role here: the literary struggle against the «alien dominance» broke out only sporadically and did not spread to the broad «indigenous» masses.

Keywords: conservatism, nationalism, Slavophilism, Russification, colonization, the Caucasus, Siberia, Central Asia.

Котов Александр Эдуардович

Д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отношении русских консервативных публицистов середины — второй половины 1890-х годов к экономической политике правительства на южных и восточных окраинах империи (Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии) в первые годы правления Николая II. Особое внимание уделяется представлениям консерваторов о влиянии этно-конфессионального и сословного факторов на колонизацию этих регионов. Отмечается, что в отличие от западных окраин, где вопросы экономической целесообразности являлись для консерваторов производными от политических и национальных интересов, на окраинах восточных экономика выступала на первый план. Идеи борьбы, сопоставимой с противостоянием польской шляхте, остзейскому рыцарству или нарождавшемуся украинскому национализму, здесь не происходило. Инородческий фактор не играл значимой политической роли: литературная борьба с «инородческим засильем» вспыхивала лишь эпизодически и не распространялась на широкие «туземные» массы.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, славянофильство, русификация, колонизация, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия.

Изучение истории окраинной политики России в имперский период — одно из наиболее перспективных направлений современной исторической науки. Не считая переизданной работы Б.Э. Нольде [13], в последние десятилетия появилось множество работ, посвященных вопросам управления Кавказом, Сибирью и азиатскими владениями Российской империи, их экономическому и культурному развитию в рамках русского мира [1, 14, 20, 21, 24, 25]. Уделяют внимание исследователи и восприятию «окраинной» проблематики русским обществом — в том числе ощутимо влиявшей на государственную политику его консервативно-националистической частью [5, 22].

Дополнить наши представления об этом восприятии поможет обращение к публицистическому наследию отечественных консерваторов середины — второй половины 1890-х гг. Это был своеобразный период в истории отечественного консерватизма: с одной стороны, консервативный «лагерь» к этому времени потерял своих наиболее ярких и самостоятельных идеологов: И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.П. Гилярова-Платонова. С другой стороны, несмотря на приход к власти нового самодержца, в жизни государства и общества отчасти еще сохранялась инерция «народного самодержавия» Александра III. Иллюзия торжества собственной политической повестки позволяла консерваторам обра-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917).

² This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)

таться к экономической проблематике. Между тем, в рассматриваемый период именно в экономической сфере наиболее ярко обозначились неоднозначные последствия того курса, за который славянофилы, «катковцы» и иные представители «русского направления» боролись в 1860–1870-е годы: культурной и экономической русификации западных окраин империи, а также активной колонизации ее востока. Осмысление этого опыта не могло не оказать влияния на окраинную политику правительства в начале XX столетия.

Геополитические перспективы и бесчисленные экономические выгоды освоения «восточных» окраин были общим местом русской мысли еще со времен М.В. Ломоносова. Во второй половине XIX века постоянное подчеркивание этой необходимости позволяло в равной степени, и оттенить успехи правительственной политики, и подвергнуть власть критике за недостаточную активность. Впрочем, доставалось в этом отношении и обществу. Так, «Русский вестник» в 1895 г. сочувственно цитировал слова генерала Н.Г. Столетова об «апатичности» отечественных предпринимателей: «Намерение русского правительства — открыть торговые сношения с индийскими народами. Если бы у нас были такие предприимчивые купцы, как в Англии, это давно уже было бы сделано. Но к несчастью, русское правительство должно во всем само брать на себя инициативу» [2, с. 305].

Однако итоги русской колонизации Туркестана журнал оценивал в целом оптимистично: «Укрепление на прочном основании производства хлопка в пределах России важно не только потому, что водворяется в стране культура ценного фабричного растения, но еще и потому, что ее успехами обеспечивается независимость нашей хлопчатобумажной промышленности от зарубежных рынков прядильного сырья» [6, с. 370]. В 1894 г. на страницах другого консервативного журнала, «Русского обозрения», вышел ряд публикаций об освоении Туркестанского края, принадлежавших перу Н.Л. Мордвинова. Автор отмечал бурный рост производства в империи хлопчатобумажных тканей, которое в последние годы становилось важной отраслью экономики [11, с. 244]. Вместе с тем, отрасль зависела от импортного хлопка и технологий — дороговизна которых, в частности, была одной из причин низкой заработной платы рабочих. Это придавало Туркестану особенное значение: производство хлопка внутри государства дало бы возможность удешевить сырье и сохранить деньги внутри России. Однако для развития отрасли необходимо было обеспечить Туркестан хлебом с юга России и Кавказа, построив Закаспийскую дорогу [11, с. 250].

Последнюю публицист признавал едва ли не более важной, чем достраивавшаяся в этот период Транссибирская магистраль: «Значение Сибирской железной дороги прежде всего — государственное, духовное; в материаль-

ном же отношении великих плодов от нее можно ожидать лишь в будущем» [11, с. 254]. В Туркестане дело обстояло иначе: «Население его нам чуждо по крови и по вере, и рельсовым путем мы не приобщим его к нашей духовной жизни, но путь этот тотчас же разовьет несметные богатства, заложенные в почву Туркестана, и окупит сторицею наши затраты на приобретение этой окраины и на управление ею» [11, с. 254]. Итог своим размышлениям публицист сформулировал в следующем афоризме: «Неоценимые богатства Севера — глубокая, трезвая мысль и стойкое мужество его населения, богатства Юга — прекрасные материальные дары его природы; когда обладаешь первыми богатствами, следует взять вторые» [11, с. 255].

Важной проблемой, на которую обращал внимание Н.Л. Мордвинов, был упадок прежних оросительных сооружений после установления в регионе русской власти [11, с. 252]. Подчеркнув необходимость сначала привести их в порядок, и лишь затем создавать новые [11, с. 252], в следующей публикации автор развивал свою мысль: «Пускаться в грандиозные оросительные предприятия, когда мы не справляемся доселе и с незначительными, может быть весьма компрометируемым... Для осуществления грандиозных оросительных сооружений, которые должны удивить всяческие голодные степи, можно мечтать разве только о содействии какого-нибудь английского милорда, которому миллионы до того отравили его существование, что он возненавидел их, отказался от жизни на земле и ищет подвигов или развлечения на воле» [10, с. 299].

Более принципиальные вопросы затрагивались в издаваемом С.Ф. Шараповым «Русском труде». Ситуация в Средней Азии внушала С.Ф. Шарапову серьезное беспокойство. Так, в одной из своих передовиц публицист отмечал «признаки весьма опасные и тревожные»: «До сих пор мусульманская Средняя Азия была действительно мирной страной главным образом потому, что экономически ей было хорошо. Есть данные, что за последние годы это положение изменилось и мусульмане бедствуют у себя не меньше, чем их покорители. Экономический кризис распространился и туда, нужда возбуждает недовольство в фанатическом населении и всегда легко может перейти в бунт. До сих пор Средняя Азия позволяла нам гордиться перед англичанами, ненавидимыми в Индии и всегда умиротворяющими разные восстания. Было бы очень грустно, если бы наша экономическая политика создала такое же положение и для нас» [18].

В 1899 г. «Русский труд» писал о завершении Закаспийской железной дороги, требуя дальнейшего ее продолжения — в Индию [19]. В связи с этим газета поднимала вопрос о «благоустройстве» в Средней Азии «почтово-телеграфной части» — «выдающееся значение» которой особенно возрастало вследствие «малонаселенности и отсутствия не только удобных путей сообщения, но даже часто и без-

опасности» [19]. Газета активно поддерживала ходатайство «группы лиц, принадлежащих к московскому промышленному миру» о «включении Средней Азии в район действия телеграфного тарифа Европейской России» [19].

Годом ранее, в 1898 г., в газете С. Ф. Шарапова был опубликован цикл «Десятилетие поземельного устройства Туркестана», подготовленный Н. А. Дильгенштедтом. Этот писатель и этнограф, состоявший инспектором сельскохозяйственной части при Министерстве государственных имуществ, затронул «простой и несложный», на первый взгляд вопрос «поземельно-податного устройства края». После присоединения региона к России появилась необходимость «размежевать государственные земли от частных владений и обложить последние поземельным налогом в пользу казны». Однако начавшую свою деятельность в 1887 г. «поземельно-податные комиссии» действовали не во всем крае и в принципе не могли решить проблему. Корень последней Дильгенштедт видел в сохранении на присоединенной территории «почти в полной силе» «мусульманского режима» и нежелании новых властей «производить ни в какой области управления, т. е. ни в суде, ни в администрации, ни в поземельном пользовании никаких крутых поворотов». Земля оставалась собственностью правителя. «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. поставило вопрос о поиске свободных государственных земель и юридическом закреплении за «туземцами» тех земель, которыми они владели фактически. Вместе с тем, туркестанская администрация начала борьбу с захватами и «расхищением» государственных земель [16].

Это во многом осложнило колонизацию края: «Энергические меры о незахвате казенных пустошей и каменников больше всего отразилось на русских людях, пытавшихся приобрести земли в Туркестане... С тех пор, как край сделался «русским», расширение всякого рода владений, кроме владений русских, шло безостановочно, беспрепятственно и широко» [17]. «Положение» 1886 г., по мнению Дильгенштедта, закрепляло «преимущество туземцев перед русскими»: «способ приобретения не туземцами недвижимой собственности оказался настолько же затруднителен, насколько этот способ был прост и легок для туземного населения». Усугубляло ситуацию и «охранительное усердие мелких чинов, испугавшихся обвинений в допущении хищений, и к затруднениям закона присоединились еще затруднения от произвола и усмотрений». В целом, публицист высоко оценивал вклад России в развитие Средней Азии: «только с приходом русских оживилась производительность страны и Туркестан стал доставлять не только заметное количество хлопка, но и занялся в серьезных размерах виноградарством, виноделием и другими отраслями культуры». Однако деятельность российской бюрократии в регионе Дильгенштедт характеризовал как «десятилетие недоразумений» [17].

Русский вопрос в связи с вопросом окраинным затрагивался и другим постоянным автором «Русского труда», «Русского вестника» и «Гражданина» — агрономом А. С. Карцовым (братом Ю. С. Карцова — дипломата, публициста, ученика К. Н. Леонтьева и М. Н. Каткова). В обширной статье, посвященной Терской области, автор с прискорбием предвосхищал известный афоризм Ю. В. Андропова: «Мало исследовано русское государство» [8, с. 308]. Анализ проблем одного региона давал Карцову повод поставить вопрос более широко: «Что такое окраины по отношению к коренной России, — если эти составные части Российского государства существуют каждая сама по себе, экономические недуги, переживаемые одной из них, не отражаются и не влияют на друга, взаимопомощь, разумное распределение и соответствие нужд — отсутствуют. Какую пользу извлекает из них многострадальный русский народ, к чему для приобретения их проливалась русская кровь, растрачивались способности государственных людей, напрасно изощрялся гений целого ряда выдающихся монархов?» [8, с. 287–288].

«Бессмысленному» русскому колониализму Карцов противопоставлял английский: «Ведь англичане в Индии так хорошо эксплуатируют туземцев, доставляя им по дорожной цене дешевый товар, забирая за бесценок их продукты, заставляя платить огромное жалованье притесняющей их администрации. Хотя мы и не так бессовестны, чтобы поступать подобно им, но неужели настолько глупы, что изображаем для инородцев дойную корову? И тут с прискорбием придется признать, что последнее положение справедливо. Я утверждаю, что окраины вообще, а в частности Терская область экономическим строем своей жизни вредны не только коренной России, но и всему государству. От основательного знакомства с фактами и соответствующего пробуждения энергии зависит создать из нее полезную составную часть империи, или же истощенную, паразитную область, составляющую предмет расходов и тревог для коренной России» [8, с. 288].

Автор, разумеется, настаивал на первом варианте, считая, что на Северном Кавказе следует культивировать не столько хлеб, сколько «специальные культуры»: «Разумной постановкой ее (Терской области — А.К.) экономического быта мы бы устранили в ней опасного конкурента внутренней России в хлебном деле — развитием специальных культур создали бы поприще для помещичьей и крестьянской колонизации, прекратили бы привоз из-за границы множества продуктов и тем улучшили бы наш торговый баланс. Вследствие рациональной эксплуатации ее минеральных богатств (нефтяных) — явилось бы привлечение капиталов, заработок для рабочих, дешевое топливо и освещение для фабрик; целебных — облегчение недугов тружеников русской земли, обширный сбыт для продуктов местного хозяйства. Преуспевающая область перестала бы требовать доплат из общеимперских до-

ходов, а имея свой собственный, покрывающий местные нужды бюджет, могла бы уделять свой собственный избыток в пользу обездоленных местностей коренной России» [8, с. 308]. Впрочем, и в качестве хлебной житницы Кавказ также казался Карцову привлекательным: «В то время, как в коренной России, вследствие прироста населения, количество свободного хлеба сокращалось, а также и участие ее в общем вывозе, роль экспортера все более и более принимал на себя северный Кавказ, где запашки с 1887 по 1892 год сильно разрослись. А редкое население, давая слабый прирост, могло поглотить только незначительную часть возрастающего производства хлеба» [7, с. 72]. Однако успешная аграрная колонизация порождала новые проблемы. Год спустя, уже на страницах «Гражданина», Карцов отмечал: «В настоящее время дело на Кавказе кипит; промышленное огородничество, под руководством огородников из Ростова-Ярославского, развивается... Дело сулит самые розовые надежды, но среди них является зловещий призрак железных дорог. Что если вместо быстрой доставки возить будут по 14 и более суток... вместо прекрасных продуктов, соперничающих достоинствами своими с заграничными, в столицу будет прибывать товар, годный лишь на составление санитарных протоколов, вместо ожидаемых барышей и сбережений — убытки и неоправданные платежи!» [3]

Консервативно-националистическая печать того времени не могла, конечно же, игнорировать фактор межнациональных отношений. В перечислении консерваторами причин неудач русской окраинной политики «козни инородцев» занимали почетное третье место — сразу после бюрократического энтузиазма и общественной косности. Например, в 1898 г. «Гражданин» опубликовал жалобную корреспонденцию поселившегося в Ашхабаде русского предпринимателя В.В. Жарновецкого. Начиналась она с бодрой констатации успехов русской торговли: «С проведением Закаспийской военной железной дороги, наш город сделался перевалочным товарным местом по отправке разных мануфактур московского фабричного района в Персию, и там, на рынках северных городов Хоросана и Сегистана, наши купцы с громадным успехом стали ее сбывать, вытесняя аршином оттуда изделия алчного «Джон-Буля!»» Активно начал было внедряться на этих рынках и московский капитал, выдавая кредиты на закупку русских товаров. Однако «закаспийские купцы, побуждаемые жадностью к легкой наживе — смекнули, что здесь еще не введены судебные учреждения, ведающие дела торговой несостоятельности и что по этой причине конкурсного управления учредить нельзя, а потому стали фиктивными сделками переводить свои магазины с товарами, дома и недвижимостью на имя жен, родственников и других услужливых «дельцов», лишая таким преступным образом нас, кредиторов-фабрикантов, возможности получить удовлетворение по вексялям за проданный в кредит товар» [4].

В качестве наиболее яркого примера (возможно, затронувшего интересы и самого автора) приводились некие «братья Богатуровы»: купец Баграт Багатуров купил «в кредит под векселя разного товара» на 85 тыс. рублей, «открыто, всем и каждому видимо, фиктивно перевел магазины с товарами, асхабадский и мервский, на имя своего брата Николая Багатурова, а сам скрылся». Этот пример «так заразительно повлиял на закаспийский купцов, что объясненным образом обанкротились на солидную сумму другие фирмы, но все они преспокойно торгуют и распоряжаются в своих магазинах... открыто насмеваются над нами и таким порядком вполне блаженствуя, вместо того, чтобы сидеть на позорной скамье подсудимых и ожидать от суда приговора за содеянное преступление, а мы, кредиторы-финансисты, глядя на такое явное зло, убивающее нашу промышленность и не встречая законной защиты, вынуждены вовсе прекратить всякие торговые сделки даже с кредитоспособными купцами, но проживающими в Закаспийской области, охраняя себя от совершенного разорения, а персидские рынки по сбыту наших мануфактур теряются бесповоротно» [4].

А.С. Карцов считал «инородческое засилье» системной проблемой. В своем очерке о Терской области он возмущался: «На представителях администрации заканчивается понятие о преемлющем положении коренного русского, о главенстве его в какой-либо области местного труда» [8, с. 289]. Ему вторил С.Ф. Шарапов, описывая свое посещение северокавказского цементного завода «Общества черноморского цементного производства», замечал: «На сделанный директору вопрос, сколько у него на заводе техников-иностранцев, и сколько русских, он чистосердечно объяснил, что русских ни техников, ни мастеров нет вовсе, и что до сих пор не было даже практикантов русских. Да и с какой бы стати было немецкой администрации завода допускать в свою сферу русских людей, могших сделаться конкурентами?» [23, с. 205].

Впрочем, негативные черты образ «инородца» приобретал лишь тогда, когда речь шла о конкуренции между той или иной группой элиты. «Туземное» престопадобье, в особенности мусульманское, на страницах русской печати представало скорее в качестве объекта симпатии — пусть и покровительственной. Так, в одном из путевых очерков «Русского вестника» провозглашалось: «Тяжелые жертвы принесла наша доблестная кавказская армия, но русское сердце не горит ненавистью к кавказскому горцу, защищавшему свою родину, свою свободу. Героями дрались наши прадеды, деды, отцы и братья; но и противник был у них народ, завоевавший свою храбростью внимание всего света. Честь и слава обоим!» [9, с. 70].

Еще более благожелательно отзывались «Московские ведомости» о населении Туркестана. Описывая торжества по поводу 29-летия Хивинского похода и панихиду по пав-

шим русским солдатам, газета отмечала: «С живейшим любопытством, без тени неприязни ... смотрели на торжественную церемонию туземцы, собравшиеся живописною громадною толпою и придававшие всей картине оригинальный колорит; в свою очередь, войска, только что лихо прошедшие церемониальным маршем А. Б. Вревским, посматривали на тамыров (приятелей) с дружелюбием, столь свойственным мягкой русской душе. Где же бывшие враги и что означает это празднование? Врагов нет, а празднование означает празднование победы света над мраком, права над бесправием. ... В этом главный смысл победы, в этом благородство ее значения, в этом объяснение взаимных чувств победителей и побежденных, теперь составляющих одну русскую семью» [12]. Приведенные нами выдержки из консервативной публицистики середины и второй

половины 1890-х годов не охватывают, разумеется, всех аспектов экономической политики на окраинах империи. Тем не менее, они всё же дают основания для некоторых выводов. Если на западных окраинах вопросы экономической целесообразности являлись для консерваторов вторичными, производными от политических и национальных интересов, то на окраинах восточных экономика выступала на первый план. Идейной борьбы, сопоставимой с противостоянием польской шляхте, остзейскому рыцарству или нарождавшемуся украинскому национализму, здесь не происходило. Значимый для «Западной России» инородческий фактор не играл здесь определяющей политической роли: литературная борьба с «инородческим засылем» вспыхивала лишь эпизодически и не распространялась на широкие «туземные» массы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
2. Библиография. Рецензия на книгу: *My Early travels and adventures in America and Asia*. By Henry M. Staley. London, 1895 // *Русский вестник*. 1896. № 1. Современная летопись. С. 304–305.
3. *Гражданин*. 1897. № 12. 13 февраля.
4. *Гражданин*. 1898. № 63. 13 августа.
5. Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков // *Научный диалог*. 2018. № 6. С. 124–142.
6. Из жизни и печати // *Русский вестник*. 1895. № 2. С. 369–370.
7. Карцов А. С. Земля и народный труд // *Русский вестник*. 1896. № 1. С. 70–122.
8. Карцов А. С. Терская область // *Русский вестник*. 1895. № 3. С. 286–308.
9. Кривенко В. С. По Дагестану // *Русский вестник*. 1896. № 2. С. 68–87.
10. Мордвинов Н. Л. Еще о Туркестанском хлопке // *Русское обозрение*. 1894. № 9. 295–299.
11. Мордвинов Н. Л. Несколько слов об одной нашей культурной задаче // *Русское обозрение*. 1894. № 7. С. 243–255.
12. *Московские ведомости*. 1894. 3 июля. № 180.
13. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 850 с.
14. Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.
15. *Русский труд*. 1899. 1 мая. № 18.
16. *Русский труд*. 1898. 9 мая. № 19–20.
17. *Русский труд*. 1898. 23 мая. № 21.
18. *Русский труд*. 1898. 6 июня. № 23.
19. *Русский труд*. 1899. 1 мая. № 18.
20. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
21. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 370 с.
22. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 424 с.
23. Шарапов С. Ф. По черноморскому побережью // *Русский вестник*. 1895. № 1. 197–217.
24. Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.
25. Yanchenko D.G., Shorokhov V. A. The Caucasian Policy of the Imperial Power Branches during the First Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 2: История. 2017. Т. 62. № 4. С. 674–692.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПРИЯТИЕ ЛАТИНСТВА НА ПРИМЕРЕ ЛЕТОПИСНОГО РАССКАЗА О КРЕЩЕНИИ РУСИ

THE PERCEPTION OF LATINIS IN CHRONICLES THE STORY OF THE BAPTISM OF RUS

A. Melnikov

Summary. The article is devoted the perception of the image of the Latins—representatives of the West European world in the context of chronicle the story of the events connected with the Baptism of Rus. The article uses sources such as «the Tale of bygone years» Laurentian, Hypatian, and Nikon vault. The study findings regarding the perception of the representatives of Roman Christianity in the ancient intellectual tradition.

Keywords: Baptism of Russia, the Latins, the primary chronicle, Laurentian list, the Nikon chronicle, Prince Vladimir, messengers from Rome.

Мельников Антон Валерьевич

Аспирант, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
ioa1372@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается восприятие образа латинян — представителей западнохристианского европейского мира в контексте летописного повествования о событиях, связанных с Крещением Руси. В статье используются такие источники как «Повесть временных лет» Лаврентьевского, Ипатьевского и Никоновского свода. По итогам исследования сделаны выводы касательно восприятия представителей римского христианства в древнерусской интеллектуальной традиции.

Ключевые слова: Крещение Руси, латиняне, Повесть временных лет, Лаврентьевский список, Никоновская летопись, князь Владимир, посланцы из Рима.

Крещение Руси было одним из тех исторических событий, которое оказало системообразующее влияние на всю последующую историю Российской цивилизации. Выбор, сделанный в X в., на тысячелетия определил вектор ментального и духовно-культурного развития России. В этой связи тема Крещения Руси является одной из самых широко изученных тем в российской историографии и русской исторической мысли. Выдвинуто большое количество версий и гипотез относительно причин, по которым выбор был сделан именно в пользу принятия христианства из Византии. Относительно выбора ислама или иудаизма в историографии практически не существует подтверждения серьёзности намерений со стороны древнерусской политической элиты принять эти религиозные системы. При этом возможность выбора между Константинополем и Римом, остававшимися в то время всё ещё едиными христианскими центрами, в исторической науке и исторической мысли существуют разногласия касательно причин предпочтения Константинополя.

Задачей настоящей статьи является реконструкция восприятия латинства как единой религиозно-культурной системы в древнерусской этнополитической традиции, т.е. необходимо понять, как представляли людей католического Запада представители политической элиты Киевской Руси и насколько точно отражали последующие летописные памятники отношение к католицизму со стороны жителей Древней Руси.

В качестве источников будут привлечены, прежде всего, данные «Повести временных лет», в которых

по тому или иному поводу упоминаются латиняне или иные представители стран Запада.

Интерес к изучению подробностей процесса Крещения Руси в отечественной историографии был очень высоким, начиная с середины XIX века, когда в отечественной историографии появился жанр церковной истории. Однако историки из числа деятелей РПЦ, такие как митрополит Макарий (Булгаков)[1], Евгений (Болховитинов)[2], Филарет (Гумилевский) [3] в своих произведениях неизбежно склонялись к обличительному богословию, подавая попытки христианизации со стороны римских проповедников как дерзкое посягательство со стороны Папского престола на вовлечение Руси в орбиту своего влияния и распространения априори ложного католического учения на возможно большей территории. Характерно, что в своём обличительном антилатинском описании произошедших событий историки—представители РПЦ XIXвека единодушны с летописцем начала XIIвека, который также писал о попытках католических проповедников обратить в свою веру Владимира также с исключительно негативной стороны.

Более исторически объективное освещение события, связанные с Крещением Руси, получили в работе Голубинского Е.Е. «История Русской Церкви», который исследовал историю РПЦ с точки зрения позитивизма [4]. Он отмечал, что крещение Руси не было одномоментным процессом, а процесс христианизации занял несколько столетий. При этом до крещения Владимира христианство на Руси, особенно в крупных городах, таких как Киев и Новгород, соседствовало с язычеством.

Доказательством того, что крещёные варяги– норманны были и среди свиты князя Игоря свидетельствует договор с греками 944 г., в котором указываются как крещёные, так и некрещёные участники дружины. Первым в случае нарушения договора указывается на неотвратимость Божественной кары, а вторым указывается на то, что в случае вероломства им не будет помощи от Перуна. Сам Игорь, хотя и не принял христианства до конца своего правления, но, по мнению Голубинского Е. Е. симпатизировал христианам под влиянием своей жены Ольги. Рассказ о выборе веры князем Владимиром Голубинский Е. Е. считает благочестивым преданием, не имеющим, однако, отношения к реальности. Он отмечает бесспорное культурное преимущество христианства из Константинополя от римского христианства. [4, с.284–285].

В советской историографии вопрос о роли и процессах, связанных с крещением Руси, был рассмотрен особенно широко в монографии Б. Я. Рамма [5]. Многие исследования, посвящённые факторам, определившим процесс христианизации Руси из Константинополя, были приурочены к празднованию 1000-летия крещения Руси. Среди них были авторы, открыто сочувствовавшие «диссидентской», церковной версии крещения Руси, например, Аверинцев С. С. [6], так и радикальные атеисты, в частности, Гордиенко Н. С. [7].

Большинство историков склонны признавать «три крещения», или, вернее, три этапа христианизации Руси. На первом этапе– в конце IX– начале X века происходило первое знакомство с христианством, в русской дружине появились первые варяги– христиане. Этот период иногда связывают с миссионерской деятельностью константинопольского патриарха Фотия. Вторым этапом было крещение Ольги примерно в 957 г. Это позволило христианству ещё более укрепиться на Руси, особенно в крупных городах юга Руси. Соответственно третьим этапом было крещение Владимира в 988 г. в Корсуни, после которого последовало массовое крещение жителей Киева, а затем и всей Руси, инициированное Владимиром Святým.

Существуют мнения в научной среде, в частности, так полагает И. Н. Данилевский [8, с.18], что рассказ летописца не должен восприниматься буквально даже тогда, когда он касается таких, казалось бы, общепризнанных фактов, как крещение князя Владимира, поскольку «Повесть временных лет», как и любой средневековый источник– это своего рода набор стандартных сюжетов, сходных у разных народов и зачастую имеющих общие библейские корни. В то же время согласно концепции Шахматова А. А., рассказ об обстоятельствах крещении Руси был написан задолго до начала XII века, когда этот рассказ переписал Нестор [9, с.56]. И большинство кри-

тиков Шахматова согласны в том, что действительно этот рассказ мог быть записан ещё к середине XI в. В рамках данной статьи не имеет смысла вдаваться в подробности, связанные с дискуссией вокруг истории создания «Повести временных лет» — описанию этой дискуссии посвящена не одна монография– наша задача состоит в том, чтобы понять, каково было отношение интеллектуалов Древней Руси к латинству, т.е. всему религиозно-культурному облику католического Запада. И при работе с конкретными летописями начинается самое интересное.

Древнейшая редакция «Повести временных лет» сообщает под 986 (6494 г. от Сотворения мира) г. следующее о визите латинян: «По семь же придоша немци от Рима, глаголюще, яко «Придохом послани от папежа». И ркоша ему: «Рекль ти папежь: «Земля твоя яко земля наша, а вера ваша не акы вера наша, вера бо наша светъ есть, кланяемъся Богу, иже створи небо и землю, и звезды, и месяц и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть». Володимиръ же рече: «Кака есть заповедь ваша?» Они же реша: «Пощение по силе. Аще кто пьеть или есть, все въ славу Божию, рече учитель нашъ Павелъ». Рече же Володимиръ немцомъ: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть» [10]. Следует понимать, что под немцами подразумевались не только жители Германии, но и все европейцы не славянского происхождения. По сравнению с пространным поучением греческого философа, проповедь латинян записана кратко, указываются только основные обязанности принявших крещение. Интересно, что папские посланники указывают на то, что «земля» Владимира сходна с «землёй» католиков, т.е., вероятно, они имели ввиду сходство природы и социально-культурного устройства раннефеодальной Европы и Руси. Ответ Владимира короток: он, ссылаясь на опыт отцов, отвергает предложение крещения от «папежа». Пришедший последним философ из Греции даёт краткую характеристику всем вероисповеданиям, в которые пытались обратить Владимира. «Вера сарацинская» объявляется им самой нечестивой, а сами сарадины однозначно признаются достойными вечной гибели. О латинянах философ сообщает следующее: ««Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима учить васъ к вере своей, ихъ же вера с нами мало же развращена: служить бо опресноки, рекши оплатъкы, ихъже Богъ не преда, но повелехлебомъ служити, и преда апостоломъ, примь хлебъ, и рек: «Се есть тело мое, ломимое за вы». Также и чашю примь, рече: «Се есть кровь моя новаго завета». Си же того не творять, и суть не исправиле веры» [10]. Очевидно, при написании этого комментария автор летописи руководствовался антилатинскими трактатами начала XII века, примером которого может служить послание митрополита Леонтия об опресноках [11]. Философ не упоминает ни о каких других противоречиях с латинянами кроме

вопроса об опресноках. После пространной речи философа Владимир не даёт однозначного ответа о принятии или непринятии веры. Возможно тем самым летописец давал понять, что попытки обращения русских как в западное так и восточное христианство имели место и ранее, но встретили отпор со стороны представителей языческого населения и окружения князя. Однако следует признать, что повествование о вере латинской у летописца значительно более благожелательно, чем о вере мусульман, или иудеев–хазар. Если ислам в подаче болгар представляется какой-то религией развратников, а иудаизм — религией богооставленного народа, то касательно религии католиков–христиан не сказано ничего предосудительного. Показательно, что в их уста летописец вкладывает цитаты из Священного писания, которые, впрочем, будучи сказаны «не теми людьми», не производят, однако, никакого впечатления на Владимира. В целом, сообщение о латинянах в Лаврентьевской летописи довольно скудно и кажется отрывочным, по своей эмоциональной характеристике оно скорее нейтрально. Рассказ о приходе «немцев» из Рима повторяется с минимальными вариациями в Ипатьевской летописи, а также в Новгородской IV летописи младшего извода. Далее рассказ о выборе вер продолжается тем, что Владимир отправил посланников в религиозные центры мусульман, римских христиан и в Византию, чтобы те представили сведения касательно богослужения. Конечно, если считать рассказ о выборе вер не более, чем преданием, то отправка соглядатаев для ознакомления с ходом богослужений так же может быть признана вымышленной частью летописного нарратива. Тем не менее, тот факт, что представители древнерусской элиты были хорошо знакомы с религиозными обрядами болгар, немцев, хазар и, конечно, византийцев, трудно оспорить. Согласно «Повести временных лет» и иностранным хроникам русские посланцы неоднократно бывали в Константинополе, а также у императора Оттона II. Вероятно, что представления о ходе этих богослужений и легли в основу рассказа соглядатаев, посланных князем Владимиром. Итак, что же поведали очевидцы о ходе богослужений «немцев»? «И придомомъ в Нѣмцѣ и видихомъ службу творяща, а красоты не видихомъ никоеяже» [10, т.II]. Сведения о католическом богослужении, как и о католической проповеди очень кратки, нет никаких описаний обрядов и даже внешнего вида богослужения, как в случае с булгарами и византийцами. Здесь следует обратить внимание на то, как примерно могло выглядеть католическое богослужение времён князя Владимира. Во-первых, логично предположить, что представители княжеской элиты могли наблюдать католическое богослужение в Германии, а не в Италии или Испании. Восприятие латинства, западнохристианского богослужения имело комплексный характер. Как свойственно всякому малообразованному, далёкому от церковной жизни челове-

ку, посланцы Руси оценивали именно художественно-эстетический характер богослужений и богослужебных сооружений. Следовательно, реконструкцию образа западнохристианского богослужения необходимо начать с архитектурного облика церкви, в которой предположительно могли бывать представители Древней Руси. Христианство на землях Саксонии и Тюрингии — центральных регионах Священной Римской Империи при Саксонской династии, имело сравнительно неглубокие корни, поэтому императоры прикладывали значительные усилия для возвеличивания «В глазах же императоров, князей, даже прелатов новая религия призывалась придать мистический смысл концепции императорской власти. Под воздействием таких теократических представлений и была создана церковная архитектура, которая на протяжении трех столетий сохраняла свою самобытность.» [12, с.216]. Большинство германских соборов рубежа древнее X–XI вв. не сохранилось. Примерами сохранившихся церквей могут служить Церковь святого Пантелеймона в Кельне, монастырская церковь святого Кириака в городе Минден. Германские соборы строились из камня, имели форму базилики. Основными архитектурными элементами были атрий, нартекс– притвор, алтарь, хоры и башни. Стремление к достижению максимально возможной высоты храма, характерное для готического стиля, присутствовало уже в соборах времён императоров Саксонской династии. Внутреннее убранство и отделка соборов были значительно скромнее, чем в пост-иконоборческой Византии. Что касается вопросов литургии, то единого мнения о том, как конкретно проходило католическое богослужение X века в германских землях, в исторической науке не сложилось. Общий ход литургии был разработан Папой Григорием Великим в VI веке, впоследствии в него вносились [13]. Подробнее с чинопоследованием литургии Григория Великого можно ознакомиться в работе «Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык. т. V. Спб. 1878.» Не знавшим ни латинского языка, ни тонкостей христианского богословия посланцам были непонятны произносимые на богослужении молитвы и песнопения. Характерно, что посетившие различные богослужения соглядатаи князя Владимира ничего не рассказали о смысле читавшихся молитв.

Описание событий Крещения Руси повторяется практически дословно в большинстве летописей, в том числе и в Новгородской I летописи, в которой, как считается, сохранилась наиболее отличная от других вариация «Повести временных лет». Однако в одном из летописных сводов есть гораздо более частые упоминания о контактах с латинянами, да и события проповеди латинян представлены несколько по-иному. Речь идёт о Никоновской летописи XVI в., в которой есть многие сведения, отсутствующие в более ранних

летописных сводах [10, т.IX]. В том числе среди ранее не известных сообщений есть много сообщений о взаимоотношениях с латинянами, что объясняется или позднейшей припиской, или тем, что у переписчика был не сохранившийся до наших дней более обширный протограф [15, с. 357–358]. Первое упоминание о контактах с Римом датируется 979 годом. Сообщается следующее: «пришли послы к Ярополку из Рима от папы» (перевод автора). Этот факт наряду с тем, что в одной из германских хроник под 973 г. упоминается о приходе к императору Оттону II посланцев из Руси, свидетельствует о том, что дипломатические контакты с Римом были налажены ещё до Владимира, при его брате Ярополке. Под 986 годом рассказывается история о приходе проповедников, единственное отличие этой версии в том, что «немцы из Рима» ссылаются в своей проповеди не только на апостола Павла, но и на апостола Петра. Любопытно, что под 991 годом рассказывается, что к Владимиру снова «пришли послы из Рима от папы с любовью и с честью.» Факт крещения Владимира, как мы видим, не только не противопоставил латинян русским князьям, но сблизил их. Владимир, в свою очередь, посылал и своих послов в Рим уже после крещения, о чём сообщается под 994 годом. В 1000 году к Владимиру снова пришли послы от папы Римского, а также от королей Чехии и Венгрии. Можно судить о том, что принятие христианства, пусть даже и из Константинополя, сделало Русь частью европейского христианского мира, великой державой, с которой стремились иметь сношения прочие государства. Наконец, под 1001 годом отмечается, что Владимир снова послал посланцев в Рим, а также в Иерусалим, Палестину и Египет для наблюдения за обычаями и установления дипломатических контактов.

Существует различные версии того, почему рассмотренные нами вставки в Никоновскую летопись, исключены в более ранних текстах. Логично вслед за А. В. Назаренко предположить, что они были намеренно удалены переписчиками в некоторых текстах. Впрочем, скорее всего, их отсутствие объясняется тем, что переписчики пользовались разными исходными текстами. Ведь под многими датами в большинстве летописей вообще нет никаких событий, а не только указаний на контакты с Римом.

Подводя итог, следует кратко охарактеризовать представление о латинянах в древнерусской летописной традиции рубежа XI–XII вв.

1. Латиняне – «немцы из Рима», «посланцы от папежа», воспринимались не враждебно. Они были чужаками, но не врагами. Их религия признавалась христианской, а принципиальные и мировоззренческие противоречия ещё не проявились в полной мере.

2. Отношение к латинянам во многом формировалось под воздействием византийского влияния. Именно византийцы сформулировали обвинения религиозно-догматического характера против католиков, которые впоследствии были усвоены и в русской церковной мысли. Но в эпоху первых летописцев богословские дискуссии с латинянами ещё только зарождались.

3. Крещение Руси не только не привело к негативизации образа латинян, но, напротив, привело к некоторому сближению Рима и Руси. Так если ранее восприятие римских миссионеров было скорее нейтрально-негативным, то теперь оно стало нейтрально-позитивным.

4. Латинский Запад представляется в древнерусской летописной традиции несколько дискретно: отсутствует чёткое представление о политической структуре европейских государств, ведущим лидером Запада признаётся «папёж римский», что несколько не соответствовало реалиям конца X века, когда ключевую роль в выборе пап играли императоры Саксонской династии.

5. Языковой вопрос никак не упоминается в летописях, поэтому можно судить о том, что при общении с представителями папы трудностей перевода не возникало, а, значит, с обеих сторон были люди знавшие и древнерусский, и латинский языки.

В исследованиях по вопросу о крещении Руси, несмотря на множество работ ему посвящённых, существует большое количество неразрешённых вопросов, и современные методологические разработки в области прочтения источников и кросскультурных коммуникаций, позволят точнее ответить на причины выбора цивилизационного пути, сделанного на рубеже тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М. 1996. Т. 1, Кн. 1.
2. Евгений (Болховитинов). Историческое рассуждение: 1. О чинах Греко-Российской Церкви; 2. О начале важности и знаменований церковных облачений; 3. О древнем богослужбном пении; 4. О сходстве алтарных украшений нашей церкви с древними. М., 1817.
3. Филарет (Гумилевский). История русской церкви (в пяти периодах). М. 2001. Т. I, II.
4. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Период первый, Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002.
5. Рамм Б. Я. Папство и Русь. М. 1969. 287 с.

6. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. В сб.: Византия. Южные славяне. Древняя Русь. Искусство и культура. Сб. статей в честь В. Н. Лазарева, Москва, «Наука», 1973, с. 43–52.
7. Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л. 1986. 288 с.
8. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
9. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях М.2001. 375 с.
10. ПСРЛ. (Полное собрание русских летописей). Т. II, IV, IX. М. 1888.
11. Леонтий, митрополит. К римлянам, или латинянам, об опресноках // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1850. Кн. 5. Отд. 2. С. 6.
12. Архитектура Западной Европы. Средние века. М-Л.1966.
13. Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык. т. V. Спб.1878.
14. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М. 2001. 780 с.

© Мельников Антон Валерьевич (ioa1372@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

БАКИНСКАЯ НЕФТЬ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

BAKU OIL AS A FACTOR OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

V. Stepanov

Summary. The article is devoted to the analysis of the role of Baku oil as a factor of the Civil War in Russia. The author emphasizes the leading importance of oil in the energy sector of the country and the special role of oil resources of the Absheron Peninsula in economic development. The article examines the attempts of Baku Bolsheviks to ensure the delivery of oil to Central Russia, their struggle against the Musavat Party and the offensive of the Turkish army, the oil policy of the command of the British troops in South Caucasus etc. The author notes that the invasion of the Red Army of Azerbaijan and the abolition of the independent ADR were primarily caused by the desire of the Bolshevik leadership to seize the Baku oil region and the need to overcome an acute fuel crisis in Soviet Russia.

Keywords: Soviet Russia, Azerbaijan Democratic Republic, civil war, oil, fuel crisis.

Степанов Валерий Леонидович

Д.и.н., в.н.с., Институт экономики РАН (Москва)
valerij-stepanov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли бакинской нефти как фактора Гражданской войны в России. Автор подчеркивает ведущее значение нефтепродукта в энергетике страны и особую роль нефтяных ресурсов Апшеронского полуострова в экономическом развитии. В статье рассматриваются попытки бакинских большевиков обеспечить доставку нефти в Центральную Россию, их борьба с партией «Мусават» и наступлением турецкой армии, нефтяная политика командования британских войск на Южном Кавказе и др. Автор констатирует, что вторжение Красной Армии в Азербайджан и ликвидация независимой АДР были вызваны, прежде всего, стремлением большевистского руководства к захвату Бакинского нефтяного района и необходимостью преодоления острого топливного кризиса, который переживала Советская Россия.

Ключевые слова: Советская Россия, Азербайджанская Демократическая Республика, гражданская война, нефть, топливный кризис.

Особая роль бакинской нефти в событиях гражданской войны в России определяется рядом причин. Прежде всего, следует учесть специфику энергетического развития страны. На Западе главным источником энергии был уголь. Его богатые месторождения обеспечили промышленный рост Великобритании, Бельгии, Германии, США. В Российской империи уголь, добывавшийся в Домбровском бассейне (Царство Польское), Подмосковье и на Урале, был низкого качества. Уголь Донбасса имел неблагоприятные условия залегания: малую мощность и крутопадающее расположение пластов, расчлененность и складчатость продуктивной толщи. Это затрудняло ведение горных работ, препятствовало их механизации, повышало себестоимость продукции. Однако в России были большие запасы нефти, насыщенной тяжелыми фракциями. При ее перегонке получалось много нефтяных остатков (мазута), которые стали восполнять нехватку угля и широко использоваться в качестве энергоносителя в промышленности и на транспорте. Между тем в других индустриальных странах нефть в основном использовалась для производства керосина [4, с. 5, 6].

Мировая война убедительно продемонстрировала значение нефти для экономического прогресса каждой страны, а также для развития военной промышленности и обеспечения действий боевой техники — танков, само-

летов, транспортных средств. В этой ситуации бакинская нефть стала действенным фактором геополитики. Английский журнал «New East» писал в 1918 г.: «Баку — величайший нефтяной центр мира. Если нефть — королева, то Баку — ее трон». На доступ к этим нефтяным ресурсам в той или иной степени рассчитывали все державы, претендующие на лидерство в международных делах [1, с. 54]. В гражданскую войну за бакинскую нефть разгорелась острая борьба. Источники других энергоносителей были труднодоступными для Советской России. Нефтяные месторождения Грозного, которые в 1917 г. давали почти 22% всей добычи в стране, долгое время было невозможно использовать. В Гражданскую войну город и его окрестности стали ареной острых боевых столкновений. Новогрозненские нефтепромыслы в ноябре 1917 г. были подожжены чеченскими абреками и горели полтора года. Красная Армия вступила в город только в марте 1920 г. Не могло спасти положение Советской России и использование угля. Донбасс долгое время был отрезан от центральных губерний, добыча подмосковного угля почти не увеличилась, а транспортировка уральского угля в свою очередь требовала большого расхода топлива [5, с. 66–69, 106, 107, 112].

Поэтому для большевистского руководства установление контроля над бакинскими нефтепромыслами было задачей первой необходимости, от решения кото-

рой во многом зависела судьба нового режима. Между тем после Октябрьского переворота 1917 г. на Южном Кавказе установилось двоевластие: Закавказский сейм, не признававший власти большевиков, и Бакинский Совет, выполнявший директивы правительства В.И. Ленина. Сейм пытался взять под свой контроль всю территорию региона, в том числе и Бакинскую губернию. Власть Бакинского Совета была реальной только в городских пределах, в губернии она оставалась непрочной, а в ряде уездов чисто декларативной. В самом Баку большевики испытывали постоянное давление со стороны своих политических оппонентов — эсеров, меньшевиков и дашнаков. Национальные азербайджанские партии стремились к взаимодействию с органами власти Сейма [1, с. 56–57].

Положение обострилось к марту 1918 г., когда большевики заключили Брестский мир с Германией и ее союзниками. Бакинский нефтяной район остался за Россией, но советское правительство взяло на себя обязательство отдавать Германии 25% добываемой нефти. Она должна была вывозиться через Батум, где находились немецкие войска. Германское командование рассчитывало в течение лета 1918 г. с помощью бакинских энергоресурсов переломить ход войны в свою пользу. Однако для соблюдения интересов Германии требовалось, чтобы союзная Турция не вмешивалась в дела Южного Кавказа и не поддерживала стремления азербайджанских национальных сил к независимости. Но Турция проигнорировала требование Германии оставить Бакинский район частью Советской России и предпочла установить свой контроль над нефтеносным районом. Османские войска начали широкое наступление на Южном Кавказе [5, с. 99–101].

К этому времени в Баку скопились значительные запасы нефти, добытой в 1917 г., которые местные большевики рассчитывали получить в свое распоряжение и отправить в центральные губернии. В середине марта 1918 г. Бакинский Совет принял резолюцию о наступательных действиях и свержении власти Закавказского сейма. Большую опасность местные большевики видели в усилении партии «Мусават», стремившейся к созданию азербайджанского государства при поддержке Турции. Поэтому в конце марта 1918 г. Бакинский Совет, не располагая достаточными военными силами, пошел на союз с партией «Дашнакцутюн» и привлек на свою сторону армянские боевые формирования, которые сосредоточились в городе после демобилизации русской Кавказской армии. Тем самым была спровоцирована вспышка постоянно тлеющего армяно-азербайджанского конфликта. Кровавые столкновения в Баку и ряде уездов губернии привели к массовой гибели мусульманского населения [2]. Несомненно, большевики предвидели возможные последствия своего вооруженного выступления. С.Г. Шаумян, назначенный Лениным чрезвычайным ко-

миссаром Кавказа, говорил: «Категорически утверждаю, что если бы мы не дали отпора, то было бы не меньше, а больше крови. Вся немусульманская часть населения была бы вырезана. Революция погибла бы во всем Закавказье». За драматическими мартовскими событиями стояла острая борьба за нефть. Один из местных большевистских вождей И.Т. Фиолетов на чрезвычайном заседании Бакинского Совета сказал: «Не только во имя удержания Советской власти на месте и утверждения ее в Закавказье, но во имя спасения русской революции мы должны были выступить, т.к.г. Баку с его огромными нефтяными богатствами питает промышленность всей России» [12, с. 146].

Центральное большевистское правительство не располагало достаточными вооруженными силами в регионе и не имело возможности защитить бакинские нефтепромыслы от османской экспансии. Опасаясь идти на прямой военный конфликт с Турцией, Ленин инициировал создание буферного государства с центром в Баку. В конце апреля был образован Бакинский Совет народных комиссаров во главе с Шаумяном. Большевики разогнали городскую думу и сосредоточили в своих руках всю власть. Отряды нового правительства развернули наступательные действия к северу, западу и югу от столицы, стремясь расширить пределы контролируемой территории. Шаумян и его окружение всеми силами пытались обеспечить транспортировку нефти в Советскую Россию. В апреле, как всегда, началась весенняя навигация и транспортировка нефти по Волге. В этом месяце удалось вывезти 5.7 млн. пудов. Однако этого было совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей огромной страны. В это время большевики потеряли Донбасс, оккупированный немецкой армией. Значение бакинской нефти еще более возросло. Газета «Известия Бакинского Совета» писала: «Российская промышленность гибнет, заводы приостанавливаются. Безработица принимает угрожающие размеры, положение становится катастрофическим. Российский красный пролетариат, измученный голодом, гордый своим коммунистическим сознанием смотрит на нас, как на единую надежду. Взоры всех наших российских товарищей обращены на нас, на богатую нефтепромышленность Бакинского района. Всякое промедление в деле оказания им немедленной помощи было бы чудовищным преступлением с нашей стороны. Великой задаче, незамедлительному вывозу всего запаса нефти, должно быть подчинено все» [12, с. 174].

Правительство Ленина придавало особое значение защите волжской транспортной артерии, которая позволяла доставлять бакинскую нефть через Астрахань в Советскую Россию. Об этом свидетельствует упорная и продолжительная оборона Царицына Красной армией в 1918–1919 гг. Ленин требовал от своих соратников

в Азербайджане экстренных мер. И Совнарком активизировал свои действия по усилению контроля над нефтепромыслами. В передовой статье «Известий Бакинского Совета» от 17 апреля 1918 г. говорилось: «Именно сейчас для успешной борьбы нужна решительная социалистическая политика. Необходимо предпринять определенные действия для урегулирования нефтяной промышленности. Нужно принять решительные меры против тех промышленников, которые своими действиями парализуют ход работ» [12, с. 154–155].

Между тем Сейм принял решение об установлении независимости края, и 23 апреля 1918 г. было объявлено о создании Закавказской Демократической Федеративной Республики. Однако это государственное образование оказалось нежизнеспособным из-за сразу же возникших трений между национальными фракциями. Правительство ЗДФР не сумело активно воспрепятствовать наступательным действиям бакинских большевиков. Спустя месяц Сейм объявил о самороспуске и прекращении существования федерации. На ее месте возникли три суверенных государства. 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика. Это встревожило, как руководство Советской России, так и бакинских большевиков. 2 июня 1918 г. в Баку был принят декрет о национализации нефтяной промышленности, а 5 июня — Каспийского флота, необходимого для транспортировки нефтепродуктов. 20 июня 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР утвердил декрет и принял постановление об ответственности учреждений и частных лиц за сохранность имущества национализированных нефтяных предприятий. Эти акты вызвали возмущение даже в нейтральных европейских странах. С протестами выступили не только зарубежные акционеры, но и дипломатические представители Ирана, Испании, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швейцарии.

Непродуманная и поспешная национализация нефтепромыслов стала одной из причин краха бакинского большевистского режима. Эта мера привела к дезорганизации производственного процесса, резкому падению добычи и вывоза нефти, недовольству владельцев предприятий и инженерно-технических работников, а также к брожению среди рабочих, материальное положение которых ухудшилось. В итоге за навигацию 1918 г. удалось вывезти в Советскую Россию всего 77,6 млн. пудов нефти. Совнаркому ненадолго удалось подчинить себе нефтяную промышленность. Противоречия с партией «Дашнакцутюн» и наступление турецкой армии вызвали кризис большевистской власти. 31 июля Совет народных комиссаров в полном составе ушел в отставку и передал свои полномочия коалиции дашнаков, правых эсеров и меньшевиков. Новое правительство, получившее название «Диктатура Центрокаспия», запретило отправку

нефти в Советскую Россию. Однако транспортировка, правда, в уже значительно меньшем объеме, продолжалась до начала сентября, когда последней шхуне удалось прорваться в Астрахань. К концу 1918 г. в Советской России осталось запасов нефтетоплива всего 22,8 млн. пудов. Это означало катастрофический топливный голод [1, с. 62, 63; 5, с. 79–91].

В середине сентября 1918 г. Баку был взят турецкими войсками и азербайджанской Кавказской исламской армией. Местью мусульман за мартовские убийства стал террор против армянского населения города, что привело к многочисленным жертвам. Нефтяные ресурсы оказались в распоряжении правительства АДР. 5 октября 1918 г. оно отменило акты Совнаркома о национализации нефтяной промышленности и торгового флота. Все предприятия были возвращены прежним владельцам, которые получили право свободно распоряжаться двумя третями добываемой нефти и нефтепродуктов. С целью пополнения бюджета было принято постановление о взимании акцизов с нефти и нефтепродуктов, однако нефтепромышленники зачастую уклонялись от уплаты налога. Правительство пыталось использовать нефтяные ресурсы для укрепления экономического и политического положения республики. Был налажен регулярный товарообмен с Грузией — с 1 октября 1918 г. по 1 апреля 1919 г. туда поступило 281 тыс. пудов нефти. В ответ на эти поставки Азербайджан получал частично деньги, а также продовольствие и товары первой необходимости. Подобный бартер был налажен и с другими странами. При торговле с Италией в обмен на нефть республика получала военное обмундирование и снаряжение. С американской военной миссией было заключено соглашение о еженедельных поставках от 500 до 1000 т мазута в обмен на продовольствие [3, с. 166–170].

Однако Азербайджану пришлось делиться своими природными богатствами с союзниками. К тому времени в Баку скопилось 30 млн. пудов сырой нефти, 40 млн. пудов мазута, 11 млн. пудов керосина и 9 млн. пудов масла. Эти запасы стали вывозиться османами в Турцию по Закавказской железной дороге через Батум. Обилие нефти уронило цены на нефть в Стамбуле в десять раз. После подписания 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия Турция, признавшая поражение в войне, эвакуировала свои войска из Баку. Регион перешел в сферу влияния Антанты. По распоряжению британского командования азербайджанские войска были выведены из города. В ноябре 1918 г. в столицу из Ирана прибыл английский воинский контингент. Британцы выступили в качестве гарантов независимости молодой республики и добились от правительства АДР существенных уступок. В декабре 1918 г. оно утвердило постановление о том, что министру торговли и промышленности надлежало удовлетворять все требования союзных держав, каса-

ющиеся экспорта нефтяных продуктов. Другое постановление предоставляло британскому командованию право свободного ввоза и вывоза товаров без каких-либо ограничений и взимания пошлин. Тем самым был установлен жесткий контроль англичан над экспортом нефти. Владельцы нефтепромыслов сохранили свою собственность, однако для вывоза продукции им требовалось специальное разрешение. Из всех нефтепродуктов на свободный рынок был допущен только керосин, но его продажа не могла покрыть издержки компаний.

В Грузии британские войска заняли Тифлис и Батум, что позволяло им контролировать Закавказскую железную дорогу и обеспечивать транспортировку нефти. Однако командование не ставило перед собой задачу вывезти максимальное количество продукции, его целью было создать условия для долговременной систематической эксплуатации бакинских месторождений. Оно рассчитывало на скорое падение Советской власти. В ноябре-декабре 1918 г. нефть и нефтепродукты из Баку почти не вывозились. Лишь позднее этот процесс приобрел большой размах. К июлю 1919 г. через батумский порт было экспортировано 9 млн. пудов нефти и 30 млн. пудов нефтепродуктов. Осуществлялся также вывоз нефти из Баку и морским путем в иранский порт Энзели на Каспийском море, но в небольшом масштабе. При этом британцы фактически ничего не платили за нефтепродукты — они просто списывали долги нефтепромышленников государственным банкам. Но и в этом случае они покупали нефть по ценам, которые были на 25% ниже мировых рыночных цен. Кроме того, англичане установили в Батуме свою вывозную пошлину на нефть, экспортируемую частными предпринимателями с их разрешения. Это предоставило в их распоряжение значительный финансовый ресурс. При дефиците топлива на мировом рынке они получали в Батуме десятикратную прибыль на каждый затраченный фунт стерлингов.

Британцы стремились, прежде всего, удовлетворить собственные потребности в горючем. С 10 декабря 1918 г. по 1 мая 1919 г. 85% всего жидкого топлива и 72% бензина, вывезенных из Баку, поступили в распоряжение британской армии. Азербайджанской нефтью снабжался весь английский средиземноморский флот вплоть до Гибралтара. По решению Парижской мирной конференции 24 августа 1919 г. британские войска были выведены с территории Азербайджана. Но даже после этого англичане не снизили объема вывоза нефти. В первые месяцы 1920 г. в Батум ежедневно прибывали 15 вагонов мазута [3, с. 152–155, 171; 5, с. 100–105; 11, с. 20–22, 69–76, 81–85; 13, с. 192, 193]. Британцы ревностно оберегали свою «нефтяную монополию». Они препятствовали своим союзникам — Франции, США и другим странам, которые также стремились «поживиться» бакинской нефтью. Британский командующий генерал У. Томсон уведомил

генерала А.И. Деникина, что Добровольческая армия не вправе пересекать линию Кызыл — Бурун — Закаталы. По его утверждению, все российские предприятия, пути сообщения, учреждения и имущество, находящиеся на территории республики, состоят под британской юрисдикцией. В ответ на запрос правительства АДР об отношении к республике командование Добровольческой армии ответило, что считает Азербайджан частью России, но до восстановления в бывшей империи верховной власти временно допускает его существование в рамках независимого государства.

Британская военная администрация запретила вывоз нефти в Россию, которая ранее была традиционным рынком сбыта. Тем самым экспортные возможности республики резко ограничивались. Азербайджан был частью экономического организма Российской империи, поэтому разрыв традиционных связей крайне болезненно отражался на народном хозяйстве страны. Премьер министр АДР Н. Усуббеков заявил в парламенте в апреле 1919 г.: «Богатство и благополучие нашей страны — нефть, а между тем, пути сообщения с главной потребительницей нашей нефти — Россией — прерваны; это обстоятельство может поставить нас в очень затруднительное положение» [10, с. 54]. В 1919 г. было добыто 225 млн. пудов нефти, а вывезено лишь 18% от этого количества. К маю 1920 г. в Баку скопилось около 310 млн. пудов нефти и нефтепродуктов. Все резервуары оказались заполненными, и сливать добываемую нефть было некуда. Нефтяная промышленность переживала упадок, промышленникам приходилось сокращать добычу «черного золота» и увольнять часть рабочих. Журнал «Нефтяное дело» писал: «То, что в настоящее время переживается нефтяной промышленностью, нельзя назвать иначе, как тяжким испытанием. Это не кризис, который имеет всегда свою логику, свои законы и потому протекает по-своему нормально, как болезнь в органической природе, а нечто из ряда вон выходящее, какой-то паралич, не дающий никакой возможности для какого-либо прогноза, какая-то мертвая зыбь» [13, с. 186]. Невозможность реализовать нефтяные запасы приводила к отсутствию достаточного количества денежных знаков. С целью восполнить нехватку оборотных средств у частных компаний, правительство Азербайджана стало выдавать ссуды под залог добытой нефти, но эта мера не могла спасти положение.

Вывод британских войск из Баку ослабил позиции молодой республики. При этом западные державы надеялись сохранить контроль над нефтяными богатствами Азербайджана. 15 декабря 1920 г. Верховный Совет Антанты признал де-факто независимость АДР. Но при этом последовало заявление, что с этим фактом должна согласиться и Россия. Однако советское правительство не признавало АДР, считая территорию Азербайджана

неотъемлемой частью РСФСР, и не шло ни на какие межгосударственные экономические соглашения. Подпольная большевистская организация пыталась нелегально вывозить нефть в Советскую Россию. Небольшие суда с грузами регулярно отправлялись в Астрахань. Иногда их перехватывали корабли Добровольческой армии, которые контролировали судоходство на Каспии. В этом случае нефтепродукты реквизировались, а члены экипажей расстреливались. За период 1919 — начало 1920 г. большевикам удалось переправить всего 20 тыс. пудов бензина и 3.5 тыс. пудов смазочных масел [1, с. 71, 73, 74; 5, с. 110].

В конце 1919 — начале 1920 г. Красная Армия разгромила основные силы своих противников. Но экономическое положение Советской России оставалось крайне тяжелым. В 1919 г. нефть в центральные губернии почти не поступала. Небольшие запасы нефтетоплива, оставшиеся с 1918 г., распределял Совнарком при личном участии Ленина. Нефти в этом году было израсходовано 26 млн. пудов, т.е. в три раза меньше, чем в 1916 г. К концу 1919 г. в Советской России имелось лишь 5 млн. пудов нефтепродуктов, запасов угля не было вообще, железные дороги работали только на дровах [5, с. 112]. 13 ноября 1919 г. в циркулярном письме ЦК РКП(б) партийным организациям Ленин писал: «Топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу: разбегаются от холода и голода рабочие и служащие, останавливаются везущие хлеб поезда, надвигается именно из-за недостатка топлива настоящая катастрофа. Топливный вопрос встал в центре всех остальных вопросов. Топливный кризис надо преодолеть, во что бы то ни стало, иначе нельзя ре-

шить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общехозяйственной» [6, с. 305–306].

Для того чтобы покончить с хозяйственной разрухой, стране была экстренно необходима нефть. Выход большевистское руководство видело только в ликвидации независимости Азербайджана и овладении нефтепромыслами. 17 марта 1920 г. в телеграмме Г.К. Орджоникидзе и И.Т. Смилге Ленин писал: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо» [9, с. 163]. Поэтому вторжение в АДР в апреле 1920 г. было предпринято, несмотря на начавшуюся в тот момент войну с Польшей, которая потребовала от советского правительства мобилизации всех сил. Известие о захвате Баку было с энтузиазмом встречено в Москве. 29 апреля в одном из своих выступлений Ленин подчеркнул: «Мы теперь имеем такую экономическую базу, которая позволит оживить всю нашу промышленность» [7, с. 332]. Спустя несколько дней на съезде рабочих и служащих кожевенного производства он отметил, что с этого момента «наша промышленность стала приобретать тот фундамент, на котором является возможным создать хлебные запасы и привлечь рабочих снова на фабрики, собрать сырье и дать топливо, чтобы пустить фабрики, чтобы восстановить, наконец, хозяйственную жизнь» [8, с. 332]. Использование нефтяных ресурсов дало возможность большевикам преодолеть топливный кризис. За навигацию 1920 г. из Баку в Астрахань было вывезено 148 млн. пудов нефти и нефтепродуктов [5, с. 113]. Превращение Азербайджана в одну из советских социалистических республик открыло новую главу в истории бакинского нефтяного района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агакишиев И. А. Бакинская нефть и начало каспийского нефтяного бума (1991–2005). СПб.: Алетей, 2018. 452 с.
2. Балаев А. Г. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М.: «Флинта», 2008. 56 с.
3. Волхонский М. А., Муханов В. М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М.: Европа, 2007. 247 с.
4. Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 293 с.
5. Иголкин А. А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах. М.: РГГУ, 1999. 187 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. 624 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974. 507 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. 696 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 51. М.: Издательство политической литературы, 1970. 574 с.
10. Мустафа-заде Р. Две республики: азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М.: МИК, 2006. 355 с.
11. Раевский А. М. Английская интервенция и мусаватское правительство: из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку: [Б. и.], 1927. 194 с.
12. Ратгаузер Я. А. Революция и гражданская война в Баку. Ч. 1: 1917–1918 гг. Баку: [Б. и.], 1927. 221 с.
13. Сумбат-заде А. С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М.: Наука, 1972. 254 с.

© Степанов Валерий Леонидович (valerij-stepanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА ПРЕПОДАВАНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В САРАТОВСКОЙ ГИМНАЗИИ (1851–1853 ГГ.)

PROVINCIAL SEAL OF THE TEACHING PERIOD OF N. G. CHERNYSHEVSKY, SARATOV GYMNASIUM (1851–1853)

E. Tereschenko

Summary. The article discusses the work of I. Sreznevsky and A. Tikhmenev published in Saratov printable teaching period of N. G. Chernyshevsky school. These publications represent a valuable material for the study of the views of the writer, shed light on the problem of the relationship N. G. Chernyshevsky to the folklore-ethnographic movement of the early 50-ies of the XIX century.

Keywords: Saratov periodicals, program, vernacular, N. G. Chernyshevsky, A. G. Tikhmenev, I. I. Sreznevsky, folklore, local history.

Терещенко Эльмира Булатовна

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», Саратов, Россия
elmira.tereshhenkoaxmetova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются работы И. Срезневского и А. Тихменева, опубликованные в саратовской печати периода преподавания Н. Г. Чернышевского в гимназии. Данные публикации представляют ценный материал для изучения взглядов писателя, проливают свет на проблему отношения Н. Г. Чернышевского к фольклорно-этнографическому движению начала 50-х годов XIX века.

Ключевые слова: саратовская периодика, программа, народный язык, Н. Г. Чернышевский, А. Г. Тихменев, И. И. Срезневский, фольклор, краеведение.

Период преподавания Н. Г. Чернышевского в саратовской гимназии в (1851–1853 гг.) привлекал внимание многих ученых. В дореволюционные годы ценные материалы о Чернышевском-учителе опубликовали саратовский Ф. В. Духовников и А. А. Лебедев[4]. Значительный вклад в изучение темы Чернышевского как учителя саратовской гимназии внесли С. Н. Чернов, Ш. И. Ганелин, Н. М. Чернышевская, Е. Г. Бушканец, А. А. Демченко. В работах этих исследователей воссоздавался облик писателя-учителя, раскрывалось содержание творческих методов преподавания Чернышевского. Эта тема продолжает оставаться актуальной.

В центре внимания данной статьи — изучение статей периодической печати Саратова, так или иначе связанных с биографией и творчеством писателя.

А. А. Демченко при составлении первого тома научной биографии писателя в главе «Учитель гимназии» указал на работу А. Тихменева, ученика Н. Г. Чернышевского, которая была опубликована в газете «Саратовские губернские ведомости» 1853 года.

В 1962 году в третьем выпуске сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» была опубликована статья Л. В. Домановского[2] «К саратовским взаимоотношениям Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова», в которой рассматривался круг вопросов, связанных с ролью писателя в замысле и создании Н. И. Косто-

маровым «Бунта Стеньки Разина». Л. В. Домановский при изучении газеты «Саратовские губернские ведомости» 1852–1854 годов установил, что материалы о Стеньке Разине были опубликованы Н. И. Костомаровым в местной газете с 4 апреля по 2 мая 1853 года.

Материалы периодической печати позволяют расширить и углубить обозначенную тему.

В период пребывания Н. Г. Чернышевского в Саратове в качестве учителя гимназии в городе издавалась лишь одна газета «Саратовские губернские ведомости», которую Н. Г. Чернышевский постоянно читал. Фронтальное изучение публикаций этого издания показал, что «Саратовские губернские ведомости» содержат богатый материал для прояснения малоизученной темы отношения писателя к фольклорно-этнографическому движению начала 50-х годов XIX века.

Как отмечал Л. В. Домановский, «Взросший в эти годы интерес к народу, его творчеству, языку, мировоззрению, быту не был случайным явлением. Он тесно связан с основным вопросом эпохи — крепостным правом, подъемом крестьянских волнений, общим оживлением русской провинции» [3].

Как учитель словесности Н. Г. Чернышевский проявлял большой интерес к народной поэзии. Еще учеником семинарии он интересовался фольклором, читал в местной газете статьи А. Ф. Леопольдова, Г. С. Саблукова

о различных народных поверьях и суевериях. Его ученики писали сочинения на фольклорные темы.

24 июня 1852 года Н.Г.Чернышевский выступил на гимназическом акте с публичной речью «О собирании образцов народного языка и словесности» [1]. К сожалению, текст этой речи не сохранился, однако можно предполагать, что материалом для ее составления могла послужить статья со схожим названием «Программа для собирания образцов народного языка и словесности» [5], опубликованная в 20-м номере газеты «Саратовские губернские ведомости». Авторство этой программы принадлежит И.И.Срезневскому, преподавателю славянской филологии Петербургского университета, учителя Н.Г.Чернышевского. Конечно, Н.Г.Чернышевский не мог не знать о составлении Срезневским этой программы, и наверняка учитывал ее содержание.

В статье «Программа для собирания образцов народного языка и словесности» говорилось, что Второе отделение Академии наук, имея виду постоянной целью разработку «вопросов, касающихся русского языка и словесности в их минувших судьбах и современном состоянии на всем пространстве, занимаемом народом русским, не может не считать необходимым пособием для своих разысканий тех наблюдений над местными явлениями языка и словесности, которые могут быть собираемы только на месте в различных краях нашего обширного отечества» [6]. В статье отмечается, что только посредством таких наблюдений разъясняется направление, которому следовал русский язык вместе со словесностью, в своих отклонениях от первоначального вида — вследствие местных причин и под влиянием общих законов изменчивости.

В числе разнообразных наблюдений этого рода в статье выделялись особо важные: образцы местных наречий, образцы народной словесности, образцы местной письменной словесности.

О наблюдениях над образцами местных наречий говорилось, что каждое из местных наречий русского языка, «Великорусское, Белорусское, Малорусское и Червонорусское, разделяется по местностям, в которых употребляются простым народом, на несколько особенных оттенков» [6]. Каждое из этих наречий интересно как по особенностям выговора и употребления этимологических и синтаксических форм, так и по своему составу, «по многим из слов и выражений, из которых одни остались от веков прошедших, а другие появились вновь — вследствие самобытного развития народа, или вследствие влияния народов соседних» [5, С. 102].

Через местную газету, Второе отделение Академии наук обращалось к местному деятелю, «сочувствующему

нуждам науки, если приготовлен к трудам филологическим, постарается отметить особенности того народного говора, в каком-нибудь порядке: 1. об особенностях выговора, 2. об особенностях форм слов и их изменений, 3. об особенностях сочетания слов, 4. об особенностях в выборе слов и выражений». В статье подчеркивалось, что необходимо приводить на каждое из своих наблюдений достаточное количество примеров — образцов говора. Все образцы должны быть написаны «совершенно сообразно с народным выговором и ударением, так чтобы видны были все особенности произношения каждой буквы». Примерами образцов народного говора могли служить разнообразные рассказы, разговоры, особенные выражения и слова.

Все эти памятники, поясняется в статье, для народа неграмотного, а во многих местах и грамотного и для людей просвещенных наукой драгоценны «и переходят из поколения в поколение более или менее неизменно, а если и портятся, то от небрежности и недоразумений так однако, что в народе сохраняется сочувствие к народности, есть в нем и люди, умеющие передавать эти памятники в их полном, неискаженном виде».

Программа «О собирании образцов народного языка и словесности», опубликованная в местной газете, сыграла важную роль в развитии интереса к русскому фольклору, этнографии как у местных жителей губернии, так и у самого Н.Г.Чернышевского, учителя русской словесности и его учеников.

Среди работ учеников Н.Г.Чернышевского нельзя не упомянуть статью А.Тихменева «О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности», опубликованную в газете «Саратовские губернские ведомости».

Как установил А.А.Демченко [1, С. 238.], данная статья писалась под непосредственным руководством Чернышевского, на что указывают ссылки автора на научную литературу, упоминаемую Н.Г.Чернышевским в его первых печатных трудах по русской филологии 1854–1855 гг.: В.Гумбольдт на немецком языке, «Славянская народность Шафарика (Прага, 1849), «Мысль об истории русского языка» И.Срезневского (СПб., 1850), публикации Ф.Буслаева в «Отечественных записках» (1852, № 11) и В.Даль в «Вестнике Географического общества» (1852, кн.5). Кроме того, еще одним косвенным доказательством ключевой роли в создании статьи Тихменева может служить упоминание в работе Гоголя, который был любимым писателем Н.Г.Чернышевского: «Прогресс в книжном языке бывает только тогда, когда в нем намечается большое присутствие элемента народного. Не этот ли именно элемент заставляет нас восхищаться языком произведений Гоголя несмотря на то, что

не только тон, но и внутренний и отчасти внешний строй его имеет действительное проявление в малорусском гораздо более резкое, чем в нашем великорусском?» [6, № 29. С. 143.].

Работа «О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности» Тихменева была опубликована в 6-ти номерах газеты «Саратовские губернские ведомости» [6].

В 29-м номере газеты автор начинает свою статью со слов «Желая начать ряд статей под таким названием, а позволю себе обратить внимание гг. читателей на предмет изучения народности вообще и на важность его изучения».

«Слово и дело,— утверждает автор,— вот два элемента народности, как отвлеченного понятия о проявлении народной мысли» [6, № 29]. По мнению Тихменева, изучение этих двух элементов составляет предмет изучения народности. Слово и дело способны принимать самые разнообразные формы. Тихменев называет четыре формы проявления народного слова: 1) язык в своем составе и строе; 2) пословицы и поговорки; 3) песни; 4) сказки и предания.

«Дело» также имеет четыре формы воплощения: 1) история народа; 2) нравы; 3) обычаи; 4) поверья: вот частности, входящие в состав изучения всякой народности. В статье говорится, что язык создан народом, но «создан так, что оставался под исключительным влиянием самодеятельности таких отдельных личностей, в понятиях которых отражался бы дух общенародный и созданное этими личностями, удовлетворяло бы совершенно всем» [6, № 29. С. 140].

А. Тихменев уделяет особое внимание практической важности изучения народного языка, без которого невозможно знание литературного. При этом ключевую роль в процессе освоения обществом народного языка автор отводит именно местным жителям, наделяет их, проводников глубинных знаний народных, особой миссией: «<...>если наконец нужна грамматика, то она должна быть истинна, а без знания народного языка составитель ее — как без рук — не может приступить к делу. И всему этому местный житель в состоянии пособить, он один только легко избавит многих от заблуждения» [6, № 36. С. 166].

Ученик Н.Г. Чернышевского составляет детальное руководство по собиранию и изучению образцов народной словесности, обстоятельно описывает все возможные ситуации, с которыми может столкнуться, как мы сейчас бы сказали, диалектолог. Так, например, «добросовестность собирателя требует, чтобы он помещал

в своем сборнике и те слова, которые он не совершенно понимает, и объясняет его по возможности, ибо в противном случае судьба грозит этому слову вечным мраком неизвестности» [6, № 36. С. 166].

В заключительной статье [6, № 37] А. Тихменева обращает на себя внимание стилистика, с которой автор пишет о собирателях местного языкового колорита и о роли языка в процессе объединения русского общества. Слова Тихменева пропитаны идиллическим представлением о жителях русской глубинки, об их близости к природе, об их возможном участии в научном движении: «<...> местный собиратель должен быть глазом и ухом ученого и только общее, повсеместное участие жителей может дать этому глазу — дальность и этому уху — чуткость. Пусть же всякий местный житель смотрит не безотчетно, с стремлением к общей пользе, на эту богатую русскую природу, на эти поля и горы с их зеленеющими лесами, на эти гордые реки и речки, которые как жилки разветвляются по всему организму нашей близкой родственницы, нашей дорогой России, на эту трудолюбивую массу крепких, дюжих молодцов, на этих почтенных старцев, ровесникам многим преданиям и сказкам, пусть он взглянет на их наряд, на их жилище, на их бытие, как им живется по-русски, о чем они думают; пусть узнает он заветные мысли их; пусть вслушается в их речь, пусть вместе с ними *дохнет он одною жизнью с природой*; пусть всмотрится в их лица, в их занятия, в их нужды и достатки и тогда простому, немудреному рассказу этого местного жителя, переданному прозой, его рассказу о всем этом, что так часто поэтизируют писатели — художники,— заслушаются ученые и, познав народ, дадут и другим легкое средство познать его и судить о нем: это средство — русская наука и к достижению ее неужели не будет стремиться всякий местный житель, когда это ему так легко и удобно?» [6, № 37].

Таким образом, работы И. Срезневского и А. Тихменева, опубликованные в саратовской печати периода преподавания Н.Г. Чернышевского в гимназии, представляют ценный материал для изучения взглядов писателя. В частности, можно говорить о том, что они проливают свет на проблему отношения Н.Г. Чернышевского к фольклорно-этнографическому движению начала 50-х годов XIX века. Хотя текст публичной речи Чернышевского не сохранился, общность заглавий и ссылочного аппарата работ писателя и его ученика позволяет сделать вывод о непосредственном руководстве Чернышевского процессом написания А. Тихменевым работы «О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности».

Исследование текстов статей показало, что народному языку отводится главенствующая роль в процес-

се объединения русского общества. Именно народный язык является, по мнению Чернышевского и его ученика Тихменева, ключом к пониманию русского человека из глубинки, тем инструментом, который способен открыть русскую душу. Благодаря языку можно будет понять и принять все достоинства и недостатки русского

человека из народа. Чернышевский как пропагандист и убежденный защитник изучения народной культуры верит в скрепляющую силу русского языка. Язык способен преодолеть многовековую разобщенность, навязанную крепостничеством, создать в разъединенном обществе духовные скрепы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Т. 1. Саратов, 1978. С. 251.
2. Домановский Л. В. К саратовским взаимоотношениям Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова // Н. Г. Чернышевский. Статьи, статьи. Исследования, материалы. Вып.3. Саратов, 1962. С. 213–232.
3. Домановский Л. В. Собрание песен саратовской губернии А. Н. Пасхаловой // Русский фольклор. Т. 7. С. 342.
4. Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 27–102.
5. Срезневский И. И. Программа для собирания образцов народного языка и словесности // Саратовские губернские ведомости. 1852. № 20.
6. Тихменев А. О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности // Саратовские губернские ведомости. 1853. № 29, № 30, № 32, № 33, № 36, № 37.

© Терещенко Эльмира Булатовна (elmira.tereshhenkoaxmetova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ЯПСКОЙ ДЕРЕВНЕ

THE SYSTEM OF ORGANIZATION OF POWER IN YAPESE VILLAGE

I. Chininov

Summary. Traditional Yapese society was one of the most stratified in Micronesia. The system of leadership status and governance structure in the high-caste Yapese villages reflected the complex processes of early state formation in the island group.

Keywords: Yap Islands, the leaders, the leaders, the village, the organization of power, priests, magic, wizards, and social relations.

Чининов Игорь Викторович

К.и.н., н.с., Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН
chininov@mail.ru

Аннотация. Традиционное япское общество являлось одним из наиболее стратифицированных в Микронезии. Система руководящих статусов и структура управления в высококастовых япских деревнях отражала сложные процессы формирования раннегосударственных образований на этой островной группе.

Ключевые слова: Острова Яп, вожди, лидеры, деревня, организация власти, жрецы, магия, колдуны, социальные связи.

Островная группа Яп (состоит из четырех главных островов: Яп, Гагил-Тамил, Мап, Румунг, а также шести мелких), расположенная в западной части Каролинского архипелага, представляет пример, где сформировалось одно из наиболее стратифицированных микронезийских обществ, находящихся на стадии складывания раннегосударственных образований. Характерной особенностью япского общества являлось его деление на две касты: высшую и низшую. Деревни высшей касты располагались вблизи морского побережья, тогда как поселения представителей низшей касты находились во внутренних районах островов. Управленческая структура деревень обеих каст имела значительные различия. В данной статье будет показана система организации власти деревень высшей касты в период с конца XIX до середины XX вв.

В основе традиционной япской системы управления были две важные концепции. Земля и «голос» (или «речь»). Земля, по представлениям япцев, являлась вождем, и все руководящие статусы символически заключались в отдельных «землевладениях» («Землевладения» состоят из объединенных земельных участков: нескольких домашних (где возводятся строения) и сельскохозяйственных участков, частей лагуны для рыбной ловли и в идеале включает все важные экономические ресурсы, которыми владеют отдельные домохозяйства) и особенно в ее центральном фундаменте (каменный фундамент дома главного домашнего участка). Индивид, говоривший как бы от власти земли, был *пилунг* («голос»), т.е. ее голосом («Пи» имеет два возможных значения: «личность» или «давать», а «лунг» означает «голос» или «слово». Таким образом, *пилунг* может означать и «личность с голосом», и того, кто «дает слово». В обоих случаях смысл одинаковый.). В системе организации деревенской власти существовали три самых высококастовых социальных статуса или «голоса»: *пилунг*

ко бинав — «голос деревни», *пилунг ко пагаел* — «голос молодых людей» и *пилунг ни пилбизир* — «древний голос». Их носителями были вожди деревни, наделенные самой большой властью. Американский социальный антрополог Д. Лэбби приводит иные названия для двух последних вождей: *пилбизир ко бинав* — «старейшина деревни» и *ланган пагал* — «голос молодых мужчин» [1, Р. 95]. Для лучшего понимания функционирования управления деревней необходимо рассмотреть каждый статус отдельно.

Пилунг ко бинав был исполнительным главой деревни, на нем фокусировались все вопросы междеревенских и внутридеревенских взаимоотношений. Американский социальный антрополог Д. Шнейдер считает, что именно «*пилунг ко бинав* должен решать, что полезно, а что вредно для деревни, работать на благо и наказывать дурное посредством сверхъестественных санкций или карательными военными действиями» [4, Р. 113–117]. Важно отметить, что он не принимал самостоятельные решения и не действовал единолично. Все свои действия *пилунг ко бинав* должен был согласовывать с советом (*пуруй*), состоящим из главных представителей других руководящих «землевладений» деревни. В тех случаях, когда он действовал один и терял поддержку совета, его могли отстранить от должности, или, случалось, другие вожди организовывали его убийство.

Поскольку *пуруй* был органом принятия решений и легальной властью, вождь деревни оглашал его решения и представлял в нем свою деревню, когда совершался какой-либо проступок. Вождь вместе с советом могли вмешиваться в споры между лидерами «землевладений», когда это становилось угрозой подрыва солидарности в деревне. Посредничество между борющимися «землевладениями» было одной из наиболее важных обязанностей деревенского вождя, а его дом служил ме-

стом убежища для лиц, нуждающихся в защите. Но, как правильно отметил Д. Шнейдер, деревенский вождь мог быть посредником только в тех случаях, когда его для этого приглашали [4, Р. 118–119]. По обычаю, люди всегда должны были просить его о помощи, когда дело доходило до межличностных споров (он не вмешивался, если ему не сообщали). После этого он использовал свое влияние и искусство «дипломатии», чтобы разрешить напряженную ситуацию. Причем это касалось как конфликтов внутри деревни, так и конфликтов жителей его селения с обитателями других селений.

На вожде лежали и экономические функции. Получая большую часть деревенских ресурсов по праву своего титула, он организовывал работы на благо всей деревни. Эти работы осуществлялись как с кварталами деревни, так и с другими селениями, с которыми его деревня имела социальные связи. В обязанности вождя входило знакомить деревенский совет с предстоящими работами, сборами пищевой продукции и традиционных ценностей (раковинные деньги и др.) для оплаты работникам, организовывать сбор материалов для этих работ. Такие виды деревенских работ, как садоводство, рыбная ловля, строительство мощеных дорог и новых каменных платформ, создание новых участков под таро и земельных насыпей на береговой полосе, также инициировались и организовывались деревенским вождем.

В социальных и церемониальных аспектах жизни общины (например, церемониальных обменах *митмит* и танцах) деревенский вождь также был лидером. Поскольку *митмит* (церемониальный обмен ценностями с другими политически связанными деревнями) требовал большого накопления пищевых ресурсов и традиционных ценностей, а доступ к ним имел исключительно деревенский вождь, то и планирование этого мероприятия находилось в его ведении, но должно было согласовываться в деревенском совете.

Деревенский вождь (*пилунг ко бинав*) был опекуном деревни и в религиозных вопросах. Если эпидемии, тайфуны или другие бедствия угрожали общине, вождь направлялся в священное место к жрецу и просил его о помощи. За такую поддержку он расплачивался ценными раковинами. Когда деревня нуждалась в хорошем урожае определенных видов сельскохозяйственных культур, вождь обращался за помощью к соответствующему магу, за помощь которого он также платил [2, Р. 100–101; 1, Р. 95–96].

Функции *пилунг ко пагаел* («голос молодых людей») заметно отличались от таковых деревенского вождя. Несмотря на то, что статус коренился в определенных «землевладениях», его власть касалась не земли, а молодых людей, которые были крайне важны для деревни,

поскольку выполняли все основные работы, включая защиту от внешних врагов, рыбную ловлю и обеспечение правопорядка внутри общины. «Вождь молодых людей» являлся их лидером и *ланган пагаел* — «устаи молодых людей», который слушал решения в совете. Если совет принимал решения по выполнению работ, началу военных действий или наложению социальных санкций внутри деревни, молодые люди были их исполнителями. «Вождь молодых людей» представлял их в совете и руководил ими при осуществлении поручений. Действуя как «деревенский бригадир», он собирал вместе молодых мужчин или молодых женщин, объявлял им задания по работе и следил за сбором и распределением пищевых продуктов, даваемых людям в качестве оплаты. В процессе работы он поддерживал их соперничество. Кроме того, «вождь молодых людей» был главным вестником (*тамелог*) деревни, представляя ее в других деревнях. В этом качестве он нес сообщения от имени членов своей деревни и ее совета к другим деревням Япа, а для усиления этих сообщений он часто брал с собой ценные раковины. В самых важных вопросах или к вождям самого высокого ранга «вождь молодых мужчин» нес сообщение лично, но в менее значимых вопросах или к вождям меньшего ранга, он посылал своих представителей. Примечательно, что «вождь молодых людей» использовал эту схему, в том числе и для сообщений решений совета жителям деревни.

Кроме того, он являлся хранителем всех ценных раковин. Когда ценности поступали в деревню, он размещал их в своем доме, но не мог использовать в личных целях, а хранил для нужд молодых людей. Он был *туланг* или тот, кто распределяет ценности различным деревенским лидерам и членам совета. Он наблюдал за сбором ценностей и их распределением, которое осуществлялось для посетителей деревни и для церемоний. В целом «вождь молодых людей» был исполнительным лицом деревенского совета [2, Р. 101–102; 1, Р. 95–96].

Пилунг ни пилбизир («древний голос»), как и деревенский вождь, имел власть через определенную землю. Он управлял значительными экономическими ресурсами, но в отличие от деревенского вождя не был уполномочен «говорить» за деревню. Скорее, «он старый, мудрый советник для вождей и совета» [2, Р. 102]. Обладая эзотерическими познаниями и мудростью, *пилунг ни пилбизир* делал необходимые замечания во время острых споров на совете. «Он был ответственным за сдерживание склонных к власти лидеров, осознавая основные ценности культуры, выраженные в почитании духов предков и в поведении, одобренными духами. Он выказывал пожелания в отношении правильных методов выполнения различных дел, и совет был вправе решить, являются ли они мудрыми, и стоит ли им сле-

довать, либо они неблагоприятны и нуждаются в пересмотре. Он тот, кто сидит и слушает, но не имеет силы осуществить или остановить принятие решения. Он может характеризоваться как «сидящий вождь» [2, Р. 102]. Власть «сидящего вождя» выражалась либо в способности отказать в обеспечении экономическими ресурсами мероприятия, с которым он не согласен, либо в угрозе применения сверхъестественных санкций.

В его обязанности входило также наблюдать за ритуалом и церемониальными очищениями в цикле традиционных религиозных предписаний. Как смотритель наиболее важного священного места *пилунг ни пилбизир* был лидером деревенского праздника (*тогмог*), проводимого ежегодно в честь духов-основателей деревни. Приготовления к этому празднику были его обязанностью, при поддержке деревенского вождя. Подношения духам предкам он осуществлял через жреца священного места.

«Сидящий вождь» (как и деревенский вождь) имел связи с вождями в других деревнях и с региональными вождями. Эти традиционные каналы обеспечивали «сидящего вождя» дополнительными средствами поддержки для своей деревни. В конфликтах между лидерами внутри деревни такие каналы связи часто использовались для политических интриг, заканчивавшихся смертью вождя на войне и изменением в системе власти и управления [2, Р. 102–103; 1, Р. 95–96].

В своем описании руководящих статусов в японской деревне немецкий этнограф В. Мюллер путает распределение властных полномочий среди трех деревенских вождей [3, S. 242–243]. Во-первых, он, вероятно, получил очень мало сведений о роли «вождя молодых людей» и считал этот статус не очень важным. Во-вторых, он приписывает решение внутридеревенских вопросов «сидящему вождю», которого называет *пилунг ни га* или *пилунг ко бинав*. В-третьих, он выделяет отдельный руководящий статус военного вождя (*пилунг ко маказ*), следуя примеру дуальной власти в Полинезии. Причем наделяет этого вождя большими полномочиями: «Военный вождь имел неограниченную власть над мужчинами, способными носить оружие, и мог сам начать войну и в том случае, если вождь деревни этого не хотел. Ведение войны было для него таким же источником дохода, как для его коллег раздача подарков. Если *пилунг ко маказ* узнавал, что в какой-то деревне много раковинных денег, он угрожал войной. Тайком ночью приходили парламентарии и старались склонить его к миру. Если денежное предложение, которым они подкрепляли свои хлопоты, было достаточно весомым, угроза войны могла считаться счастливо отведенной. Или же если военному вождю становилось известно, что некий человек в чужой деревне припрятал много денег, он приказывал

кому-нибудь из своего окружения при удобном случае убить обладателя богатства.

Если те, кого это коснулось, были достаточно разумны, чтобы уловить связь, они могли тут же выплатить достаточную сумму инициатору убийства, дабы избежать дальнейших раздоров. Если же они были честолюбивы и не могли из-за своего ранга так просто уступить, начинались переговоры, где они просили, чтобы военный вождь, дабы восстановить ранее существовавшее равенство и доброе согласие между двумя деревнями, позволил убить человека из своей собственной деревни. Часто послы много раз ходили в обе деревни, пока цена не представлялась вождю достаточной, и он не назначал жертву. Впрочем, если вождь был человеком компанейским, он охотно подавал знак, когда и где намеченную жертву можно спокойно застать вне деревни, на огороде или на лугу» [3, S. 243–244]. По данным более поздних исследователей (американские социальные антропологи Лингенфельтер и Лэбби), ситуация была более сложной, нежели та, которую описал В. Мюллер. Как уже отмечалось, «вождь молодых людей» играл очень важную роль в решении внешних, так и внутренних вопросов в качестве лидера молодежи и исполнительного лица деревенского совета. Также япцы практически всегда признавали деревенского вождя (*пилунг ко бинав*) лидером по экономическим и политическим вопросам и организатором военных действий. «Сидящий вождь» был лидером религиозного ритуала и защитником мира, влияющим на другие экономические и политические вопросы посредством рассудительных замечаний на решения и действия деревенского вождя и «вождя молодых людей». Д. Шнейдер хорошо поясняет роль деревенского вождя, но не придает значения важности «сидящего вождя» и «вождя молодых людей» [4, Р. 108–125].

Некоторые высокоранжированные деревни на Япе имели святилища, которые играли важную роль в традиционной японской религии. У каждого из этих священных мест был свой жрец — *петилив*. Жрецы на Япе были весьма влиятельными религиозными и политическими фигурами. Жрец являлся хранителем священного места, где молился и делал подношения обитающим там духам для благополучия жителей своей деревни и всего Япа. Он выполнял эти ритуальные действия исключительно по просьбам лидеров деревни или региональных вождей. Обычно посыльный доставлял ему такую просьбу и раковинные деньги для оплаты, после чего *петилив* просил духов деревни выполнить просьбу вождей. В некоторых случаях его вызывали на встречу с вождями, и он выполнял обряд, защищающий людей от болезней и других бедствий.

Согласно сведениям некоторых японских информантов, самые высокоранжированные жрецы часто говорили

№ п/п	вид деятельности	лидер	специалист по магии
1	садоводство и огородничество	пилунг ко волдуг	тамаронг ни ганийний
2	рыбная ловля с сетями	пилунг ко фита ни нуг	тамаронг ни писулог
3	рыбная ловля с факелами	пилунг ко фита ни магал	тамаронг ни дафнгуч
4	война	пилунг ко мал	тамаронг ни яв

на особом «языке духов», который не был понятен другим япцам. Если вождь желал пообщаться с такими жрецами, он получал переводчика — *тамананус*, который за определенную цену переводил обращения вождя жрецу. Эта практика служила для дальнейшего возвышения жреца и возрастания его власти и влияния и служила, по верованиям япцев, источником его сверхъестественной силы [2, Р. 104].

В целом вожди и жрецы действовали вместе для пользы деревни. Однако иногда вожди использовали сверхъестественную силу жрецов для насылания всевозможных бедствий. По просьбе вождя жрец мог вызвать духов, которые распространяли эпидемии, тайфуны, засухи или голод. Люди, которые не поддерживали вождя, могли быть, таким образом, наказаны, поэтому вождь и жрец внушали страх своей мощью. В то же самое время, по япским поверьям, считалось, что сила жреца подвергала опасности его самого, и если он часто использовал ее для злых целей, она уничтожала его [2, Р. 104].

В традиционной социальной структуре япской деревни существовало несколько меньших статусов, которые касались определенных общих видов деятельности (см. таблицу).

При совершении этих видов деятельности статусы лидера и мага дополняли друг друга. Полномочиями лидеров и магов в этих случаях часто могло обладать одно и то же «землевладение», и один и тот же человек, совмещавший светскую и сверхъестественную власть. Сверхъестественная сила, по верованиям япцев, обеспечивала успех мероприятию деревни и помогала лидеру в выполнении его задачи.

Власть этих индивидов ограничивалась соответствующим видом деятельности. Например, лидер рыбной ловли с сетями руководил экспедицией рыбаков от начала до конца, т.е. от решения готовить сеть до заключительного распределения улова; лидер садоводства и огородничества руководил совместным возделыванием культурных растений и собирал первые плоды урожая; военный лидер вел боевой отряд, а лидер рыбной ловли при факелах руководил ночными экспедициями для ловли рыбы за внешней стороной рифа. Соответствующие специалисты по магии действовали одновременно, обеспечивая успех мероприятию. Колдун рыбной ловли

с факелами обладал особой властью, называемой *ваярек*, по «управлению» приманками для большой рыбы.

Существовал и другой тип колдунов — *тамаронг ни сунаний* («личный маг»), власть которых олицетворялась не в земле, а в их корзинах (*вай*).

Тамаронг ни сунаний (им могла быть и женщина) знал несколько видов магии (любовная, лечебная, военная и др.), которым он обучался у различных специалистов по магии и мог быть призван на помощь отдельным лицом, который нуждался в сверхъестественной поддержке. Примечательно, что, по представлениям япцев, он не имел большой силы в каком-либо отдельном виде магии и осуществлял магические действия чаще для рядового островитянина, нежели для вождя или всех людей в целом. Не имея политической власти или статуса в деревне, «личный маг», тем не менее, получал традиционные ценности за свою работу и мог накопить значительное богатство.

Необходимо отметить, что на Япе не было двух деревень, в которых бы в точности совпадало распределение соответствующих функций и полномочий. Некоторые деревни определяли власть носителей описанных статусов по-своему, в других не включали какой-нибудь отдельный статус или комбинировали его функции с другим. Тем не менее общая структура распределения политической власти внутри япских деревень была такой, как рассматривалось выше [2, Р. 105].

Подразделение деревни на меньшие локальные единицы очень важно при изучении структуры ее власти. Двумя подразделениями деревни являлись квартал (*балей е бинав*) и субквартал (*гиларуч*). Каждое из них имело свои функции в управлении общиной.

Система лидерства в деревенских кварталах соответствовала той, что была в деревне. Каждый *балей е бинав* имел *пилунга* или вождя квартала и «вождя молодых людей». Власть этих лидеров соответствовала власти деревенских вождей и обычно в своих кварталах деревенские лидеры были и их лидерами. Вождь квартала (как и деревенский) «говорил» от имени «землевладения» своего квартала, и сфера его деятельности лежала внутри деревни и касалась деревенских вождей и лидеров «землевладений» его квартала. Подобно деревенскому вождю он не мог действовать один, а обязательно со-

вещался с советом квартала в принятии решений. Как экономический лидер квартала *пилунг* действовал в качестве организатора основных мероприятий, но в этом случае он обычно советовался с деревенским вождем. Часто кварталы состязались друг с другом, используя стимул интенсивного соперничества для мотивации людей [2, Р. 106].

Вожди квартала, имевшие *небаей* (дом собраний), руководили церемониальными обрядами, танцами и другими общинными делами. В планировании этих мероприятий роль вождя квартала соответствовала роли деревенского вождя, хотя перед этим требовалось обсуждение с деревенским вождем, мнение которого обязательно принималось во внимание. В некоторых случаях для обслуживания церемонии вызывался колдун или жрец. Если колдуны проживали в квартале, ее вождь просил их оказывать услуги, но просьба, которая была вне компетенции колдуна, исходила исключительно от деревенского вождя. Власть вождя квартала ограничивалась высокоранжированным вождем, по отношению к которому у него были определенные обязательства и от которого он получал поддержку.

Власть «вождя молодых людей» квартала также соответствовала власти деревенского «вождя молодых людей». Он был голосом молодых людей в совете квартала, старшиной при проведении местных работ, вестником секционного вождя внутри квартала и в других районах, где вождь мог иметь полномочия. Он являлся лидером по сборам и распределению в своем квартале и следовал общим обязательствам перед высокоранжированным деревенским «вождем молодых людей» [2, Р. 107].

Деревенские субкварталы в основном зависели от взаимодействия друг с другом внутри своего квартала и были не в состоянии собирать достаточное количество ресурсов, чтобы стать автономными. Управление внутри субкварталов главным образом ограничивалось статусом, который очень напоминал деревенского «вождя молодых людей». Он мог называться «вождь молодых людей», рабочий лидер (*гиренг ко марвел*) или лидер по сбору и распределению (*туланг*), но во всех случаях обязанности были одни и те же. Этот лидер руководил экономической, политической и социальной деятельностью своего субквартала, которая инициировалась вышестоящими вождями, а также представлял «землевладения» своего субквартала перед вождями. Лидером субквартала, который включал «землевладение» деревенского вождя или вождя квартала, являлся любой из этих вождей, а глава второго по рангу «землевладения» обычно действовал как рабочий лидер или исполнительное лицо. В субкварталах, не имевших титулованных «землевладений», глава самого высокоранжированного «землевладения» был лидером субквартала.

Примечательно, что даже в низкоранжированных субкварталах была представлена структура ранжирования, и лидеры этих субкварталов имели в подчинении глав «землевладений», которые действовали как его помощники или были готовы получить власть, если руководящее «землевладение» утрачивало позицию либо в ней отсутствовал способный лидер.

Статус «сидящего вождя» (*пилунг ни тилбизир*) определенно отсутствовал и в кварталах и в субкварталах. Первая причина этого лежит в ограниченной власти вождей кварталов. Голос третьего вождя не требовался для баланса власти лидера квартала или субквартала, срединная позиция которых в иерархии власти давала возможность контролировать их высокоранжированным вождям. Иное дело — деревенские вожди, которые находились на вершине структуры местной власти. Как уже отмечалось, статус «сидящего вождя» подразумевал противостояние двух других могущественных лидеров деревни: деревенского вождя и «вождя молодых людей». Другая причина отсутствия этого статуса в кварталах и субкварталах заключается в том, что священные места деревни (основа особой власти «сидящего вождя») обычно не находились в низкоранжированных кварталах и субкварталах, а когда они были там, то их контролировал деревенский «сидящий вождь».

В кварталах и субкварталах находился еще один весьма интересный статус власти: *авчаен е пилунг* — «глаза вождя». Этой властью наделялось «землевладение», имевшее особые взаимоотношения с деревенским вождем, и носитель этого статуса действовал в виде «глаз и ушей» вождя в соответствующем квартале. Он имел высокий ранг в качестве особого представителя вождя и включался в деревенский совет как высокоранжированный член деревни. *Авчаен е пилунг* отвечал перед вождем и сообщал ему информацию о действиях квартала.

Деревенские кварталы могли иметь младшие статусы лидера сельскохозяйственных работ, рыбной ловли с сетью, рыбной ловли с факелами или войны. Сопутствующие им статусы колдунов также могли быть, хотя и не обязательно. Например, при рыбной ловле с сетью к колдуну могли обратиться соответствующие лидеры, дабы он помог им при помощи магии иметь хороший улов. Все эти младшие статусы не встречались в организации субквартала [2, Р. 108].

Для полной картины системы лидерства в традиционной япской деревне необходимо рассказать о нескольких типах «технических специалистов», выполнявших весьма важные роли в жизнедеятельности общины.

Одной из таких главных фигур был *такхач* — «прославленный воин». Каждая деревня могла объявить

семерых своих воинов «прославленными» — неважно, были ли они титулованы за счет земли или нет. *Такхач* вел воинов на битву, руководил экспедициями на острова Палау для добычи каменных денег и даже занимался строительством мужских домов. В бою он распознавался по особому головному убору и татуировке и в своем особом каноэ вел воинов деревни на схватку.

Другим важным «специалистом» был *палув* — «капитан каноэ» и навигатор, который руководил всеми плаваниями от Япа до Палау за раковинными деньгами или к зависимым центральнокаролинским атоллам. Права на это искусство не были «привязаны» к земле, а приобретались путем покупки у предыдущего навигатора, либо наследовались у отца, который имел такую специализацию. Вместе с навигационным искусством *палув* изучал соответствующую магию и заодно приобретал полномочия колдуна для дальних плаваний. Навигационные познания приобретались япцами Гагила от жителей центральнокаролинских атоллов, где искусство мореплавания находилось на более высоком уровне развития.

Обучение строительному искусству также либо оплачивалось, либо наследовалось от отца к сыну. Существовало несколько особо почитаемых лидеров профессиональных специализаций: *салап ко мув* («мастер по строительству каноэ»), *салап ко нау* («мастер по строительству домов»), *салап ко вунбей* («мастер по строительству каменных платформ»). Ученик несколько лет обучался у своего отца или учителя, с которым расплачивался каменными или раковинными деньгами. В процессе обучения приобретались не только навыки конкретного ремесла, но и эзотерические познания, позволявшие впоследствии стать и специалистом по магии в этой специализации. Во время всех главных строительных работ требовалось участие таких специалистов, труд которых оплачивался продовольствием или традиционными ценностями. При этом *салапы* щедро распре-

деляли полученное вознаграждение (в япских легендах рассказывается, что те *салапы*, которые быстро обогащались, также быстро умирали).

Прорицатели тоже играли заметную роль в традиционном управлении (на Япе существовало минимум двенадцать различных способов предсказания будущего). В япской социальной жизни жрецы самых высших святилищ ежегодно проводили специальные ритуалы, призванные предсказывать такие события, как исход войны, смерть лидера или надвигающиеся бедствия. Эти ритуалы были частью регулярного цикла религиозных предписаний, и эти ежегодные откровения были весьма желанны для привилегированных верховных вождей. Деревенские вожди, которые не имели доступа к такой информации, обычно обращались к местному предсказателю — *таманбей*, который предсказывал исход их замыслов (успехи в войне и др.)

В заключение необходимо отметить, что в деревнях имелись определенные «землевладения» и индивиды, искусные в традиционной медицине. Например, «землевладение», которое было держателем титула *татагулий* — «исцеляющий ранения, полученные в битве» занималась лечением ран. Другие типы лечения были известны в каждой семье, хотя некоторые семьи обладали особыми познаниями. «Землевладение», владеющее особыми медицинскими познаниями, называлось *татафалей* — «место медицины». Очень серьезные заболевания, по представлениям япцев, были следствием колдовства, и для их лечения вызывался колдун [2, P. 112].

Таким образом, мы видим, что япские деревни высшей касты имели весьма сложную управленческую структуру и систему иерархических статусов, что являлось одним из признаков становления раннегосударственных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Labby D. The Demystification of Yap. Chicago, 1976.
2. Lingenfelter Sh. Yap: Political Leadership and Culture Change in an Island Society. Honolulu, 1975.
3. Müller W. Yap. // Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908–1910. II. Ethnographie: B. Mikronesien. Band 2. Halbband 1. Hamburg, 1917.
4. Schneider D. The Kinship System and Village Organization of Yap, West Caroline Islands, Micronesia: a Structural and Functional Account. Ph.D. dissertation, Harvard, 1949.

© Чининов Игорь Викторович (chininov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ СОБАК В КОНТЕКСТЕ ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ НА БОСПОРЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ)*

THE SACRIFICE OF DOGS IN THE CONTEXT OF ANCESTOR VENERATION IN THE BOSPORAN KINGDOM (ON THE EXAMPLE OF THE SETTLEMENT BELINSKOE IN THE EASTERN CRIMEA)

S. Yartsev
E. Shushunova

Summary. The article deals with the complex topic of ritual burials of dogs in the Bosporan Kingdom in ancient times. In addition to the traditional protective function the authors suggest that the sacrifices of these animals played an important role in the cult of the ancestors of the of the ancient state. In authors' opinion the ritual killing and burial of dogs were directly related to the purification of the soul of the dead. Sacrifices were committed during worshipping the goddess Hecate. In Belinskiy settlement they occurred primarily on the North-West exit of the fortress, through which local residents carried their dead relatives passing by buried dogs, thereby performing a special ritual designed to purify the soul before burial and to provide it with an unobstructed path to the afterlife. The concentration of ritual burials of animals in this place of the settlement also allows to assume that it was the place where dogs provided communication with the underworld and, first of all, with the souls of ancestors, ready to help in the strategic area of the fortress defense. Later chthonic traditions of the North-Western departure from the settlement did not lose their importance even in spite of changes in the ethnic composition of the population of the Bosphorus settlement.

Keywords: the Bosporan Kingdom, ancestor worship, Greek mythology, the goddess Hecate, the sacrifice of dogs, ritual burial, the afterlife.

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
s-yartsev@yandex.ru

Шушунова Елена Валерьевна

Аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула
schuschunova.elena@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается сложная тема ритуальных погребений собак на Боспоре в античное время. Помимо традиционной защитной функции авторы предлагают считать, что жертвоприношения указанных животных играли важную роль в культе предков населения античного государства. По мнению авторов, ритуальные убийства и захоронения собак были непосредственно связаны с обрядами очищения душ умерших предков, совершаемыми при поклонении богине Гекате. На Белинском городище они совершались в основном на участке северо-западного выезда из крепости, через который местные жители проносили своих умерших мимо захороненных собак, тем самым совершая особый ритуал, призванный очистить душу перед погребением и обеспечить ей беспрепятственный путь в загробном мире. При этом концентрация ритуальных захоронений животных в данном месте городища позволяет также допустить, что именно здесь собаки были призваны обеспечить связь с потусторонним миром и, в первую очередь, с душами предков, готовыми оказать помощь на стратегическом участке обороны крепости. В дальнейшем хтонические традиции на северо-западном выезде из городища не утратили своей значимости даже, несмотря на изменения этнического состава населения боспорского поселения.

Ключевые слова: Боспорское царство, почитание предков, древнегреческая мифология, богиня Геката, жертвоприношения собак, ритуальные захоронения, загробный мир.

Городище «Белинское» расположенное на северном участке Узунларского вала относится к римскому времени и в целом датируется II–V вв. н.э.¹ За 20 лет раскопок на городище выявлено и исследовано большое количество объектов, которые были интерпретированы участниками экспедиции, как имевшие сакральное назначение [7, с. 161].

¹ Раскопки городища с 1996 года проводит Белинская археологическая экспедиция ТГПУ им. Л.Н. Толстого под руководством д.и.н. профессора В.Г. Зубарева

Одна из групп обнаруженных подобных объектов, относится к начальному периоду истории городища (II–\$5II вв.н.э.) и представляет собой культовые захоронения собак. Этот специфический обряд, бесспорно связанный с хтоническими представлениями, хорошо известен на Боспоре [12, с. 122–123], хотя вопрос о происхождении здесь этого ритуала до сих пор остается открытым.

Древние греки считали, что собака сторожила вход в загробный мир. Такие представления, скорее всего,

* Исследование выполнено в рамках Задания № 33.6496.2017/8.9 Минобрнауки России «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиальской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена».

пришли в Грецию с востока [10, с. 99]. Видимо поэтому обряд жертвоприношения собак у греков, который прослеживается в культах Зевса, Гефеста, Гермеса-Психопомпа, Ареса, Геракла, Асклепия был выражен довольно слабо. В основном он был связан с почитанием женского божества [4, с. 108] и проявлялся, в первую очередь, в культе Гекаты [22, р. 732, 804]. В частности в обрядах очищения данного культа использовалась кровь собак [11, с. 50–51]. Тем не менее, ритуальные захоронения этих животных у греков неизвестны [5, с. 36; 18, с. 104]. Если собак и приносили в жертву, то старались сжечь все мясо, немного оставляя богам и себе на пищу [Paus., II, 10, 1]. Трудно сказать, насколько здесь прослеживается влияние варваров, у которых был распространен подобный обряд [Herod., IV, 60, 61]. Но уже в VI–III вв. до н.э. обряд ритуального захоронения собак распространился не только на лесостепных земледельческих поселениях Восточной Европы, но и далее к северу, на территорию Польши, Германии, Дании [5, с. 36–37]. Поэтому нельзя исключить, что указанный обряд в городах Северного Причерноморья появился под воздействием культовой практики племен лесостепи [18, с. 105]. Противоположную точку зрения высказывает Н.В. Молева, которая отмечает, что непосредственных тесных контактов у жителей греческих городов с этим варварским населением не было. У скифов же, живущих по соседству с греками, ритуальные захоронения собак на поселениях и городах появляются сравнительно поздно (в период эллинизма) и, скорее всего, в результате греческого влияния [12, с. 114–115].

Как бы то ни было, в культовой практике Боспора захоронения собак явление довольно распространенное и встречается практически повсеместно. Скорее всего в основе популярности данного обряда лежала связь образа собаки с хтоническим миром, что, в первую очередь, проявлялось в виде жертвоприношения животных, совершаемых при закладке крепостных стен или строительстве домов. В этом случае, справедливо считается, что люди стремились заручиться поддержкой и защитой хтонических божеств [12, с. 122–123]. Тем не менее, очевидно и то, что религиозный смысл ритуальных захоронений собак гораздо сложнее, чем выявленные связи животных с подземным миром.

Хорошо известно, что собака была первым животным, которое приручил человек [3, с. 125; 17, с. 48]. Поэтому уже изначально данное животное занимало свое место в религиозных представлениях людей. Основной идеей этих взглядов является убеждение, что собака маркирует хтонический мир и, соответственно, имеет двойственную природу, будучи связанной как с миром мертвых, так и с миром живых. То есть это достаточно отчетливо выраженный посредник между людьми и подземными богами. Другими словами, собака, даже после

своей смерти продолжает охранять людей, обеспечивая связь с богами [14, с. 47; 12, с. 117–123; 11, с. 51; 18, с. 105, 107].

Однако, несмотря на доминирование явных посреднических функций, некоторые другие сакральные аспекты данного обряда продолжают оставаться не совсем понятными. Так, обращает на себя внимание, что в Древней Греции богиню подземного мира Гекату, которую обычно изначально изображали с собачьими головами или с изображениями собак, еще считали охранительницей дорог [Scorph. frg., 492]. При этом ее трехликие скульптуры специально размещали на перекрестках дорог [15, с. 432; 19, с. 648]. Более того охранительно-дорожные функции богини были непосредственно связаны с обрядом очищения, во время которого молодые собаки приносились в жертву божеству [Sofron. In Scholastica, Lycophr., 77; Plutarch, Quaest. Rom., III, 52, 68]. Обряд явно имел отношение к представлениям о неразрывной связи дочери Тартара и Деметры с дорогами, по которым она блуждала вместе с душами умерших предков в сопровождении воющих собак. Иногда считают, что Геката сопровождала души тех, кто умер преждевременно или не был похоронен должным образом. Кроме того, считалось, что собаки своим воем «вызывали» Гекату и эти завывания предупреждали смерть. Таким образом, собака являлась важнейшим животным-атрибутом богини, ведь она играла роль идеального проводника между миром живых и миром где пребывали души предков. Все это хорошо согласуется с тесной связью бога и жертвы, которую классическая античность наглядно выразила в формулах $\epsilon\rho\acute{o}\nu$ (священное место) — $\acute{\iota}\epsilon\rho\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ (жертва, жертвенное животное), sacer — sacrificare. Ведь изначально бог и его животная жертва, по-видимому, вообще идентичны, бога убивают, съедают, уничтожают, и все же в дальнейшем, при повторении ритуала, он чудесным образом возрождается [13, с. 572]. Следовательно, жертвоприношение собаки не только очищает душу умершего предка, облегчая ей путь в загробный мир, но и во многом содействует ее возрождению [6, с. 161].

Таким образом, обряды очищения с жертвоприношениями собак были необходимы для решения, в первую очередь, важнейших земных дел, например, чтобы подготовить путь души в загробный мир в момент военной опасности или тяжелой болезни. При этом проблема причастности к таинствам особенно начинала волновать людей, как правило, только в конце жизни, когда нужно было готовиться к путешествию в царство мертвых. На память сразу приходит сакральный смысл мистерий, ведь не случайно считалось, что души умерших мистов могли переходить из одной сферы в другую и даже возвращаться на землю, осуществляя таинственное общение живых и мертвых [8, с. 56]. Если собака, одновременно пребывающая в мире живых и в мире мертвых,

действительно являлась одним из образов воплощения души человека [16, с. 26], то главной задачей «очищающего» обряда с жертвоприношением собак могло являться обеспечение пути, по которому души предков могли вернуться на землю с целью оказания своим потомкам божественной поддержки.

При этом если собаки отождествлялись с нечестивыми душами умерших, то возможно они считались «нечистыми» и их жертва действительно могла служить в качестве «очищающего» обряда. Такие ритуалы, в которых человек переходил, из состояния «нечистоты к чистоте» были весьма разнообразны. Юные спартанцы, к примеру, приносили в жертву собак, когда переходили в другой возрастной период. Похожий ритуал практиковался и в македонской армии. И проходил он следующим способом, собака четвертовалась и передние конечности размещались на правой стороне дороги, а задние на левой. Затем армия двигалась вдоль дороги между четвертованными частями собаки. В Беотии при всенародных очищениях куски мяса принесенных в жертву собак клали на землю и люди должны были проходить между ними [2, с. 320]. Очевидно, что все эти обряды были призваны привлечь на свою сторону потусторонние силы за счет кровавого, а значит и более эффективного использования посредников между миром живых и миром мертвых.

Все это, безусловно, проливает свет на специфику очищающего обряда, связанного с ритуальными захоронениями собак на Белинском городище. Дело в том, что данный обряд совершался здесь исключительно в северной и южной части городища, то есть там, где находились въезды и выезды из крепости. На всей остальной исследованной территории городища следы подобных ритуалов не обнаружены [7, с. 164]. Концентрация захоронений собак на окраине городища, позволяет предполагать, что данный обряд был напрямую связан с охранными функциями. Ритуальные могилы животных, как со стороны внешнего фаса оборонительной стены, так и связанные с жилыми комплексами, явно обеспечивали сакральную защиту жителей городища [7, с. 165]. Тем не менее, это не может объяснить странную концентрацию ритуальных захоронений собак именно на участке северо-западного выезда из городища. На противоположной же стороне городища, в районе южного прохода было выявлено только одно такое погребение [7, с. 164]. По нашему мнению, этот феномен объясняется тем, что именно через северо-западный выезд из городища, совершались погребальные процессы на расположенный рядом некрополь городища Белинское. Логично предположить, что пронося умерших мимо захороненных собак их родственники, тем самым, совершали особый ритуал, призванный очистить душу и обеспечить ей беспрепятственный путь в загробном мире. Однако концен-

трация ритуальных захоронений на границе городища позволяет также допустить, что именно здесь собаки были призваны обеспечить связь с потусторонним миром и, в первую очередь, с душами предков, готовыми оказать помощь на стратегическом участке обороны городища.

Косвенно этот вывод подтверждает то обстоятельство, что именно здесь на северо-западном участке городища в позднеантичное время фиксируется странная концентрация ритуальных человеческих погребений. В это время на городище изменился этнический состав населения, из-за переселения сюда из устья Дона, потомков тех, кто во второй половине III в.н.э. громил греко-римские города [21, с. 193]. Позднее в конце IV в.н.э. сюда же отступили и готы, ушедшие на Боспор после захвата их территории гуннами [21, с. 267–269]. Казалось бы, смена этноса должна была стать причиной угасания обряда жертвоприношения собак. Однако этого, похоже, не произошло. Возможно, что и после событий III в.н.э., здесь же, на северо-западном участке городища, использование собак в хтонических культах активно продолжилось. Так, из 5 захоронений собак, выявленных на этой территории, только 3 могут быть уверенно отнесены к первому хронологическому периоду. Два других, более поздних захоронений в ямах-ботросах, судя по материалу в грунте заполнения, были совершены не ранее второй половины III в.н.э. и не позднее первой половины IV в.н.э. [21, с. 358]. Более того, не исключено, что сакральные свойства погребенного животного, необходимо было поддерживать через проведение, каких-то особенных ритуалов. В одном из помещений IV в.н.э., непосредственно над ранним погребением собаки в специальной нише был размещен лепной ладьевидный светильник в перевернутом виде и птицевидный лепной светильник на ножке [7, с. 165; 20, с. 30–35]. Хотя связь данных предметов явно имеющих хтоническую сущность с захоронением собаки точно установить невозможно, очевидно, что место для ритуальных человеческих погребений на городище было выбрано северными варварами не случайно. Территория северо-западного выезда из городища, где изначально местное население, совершая жертвоприношения собак, общалось с духами своих предков, надеясь на божественную поддержку, имело все шансы для сохранения и продолжения отправления здесь обрядов хтонического круга. Более того, в верованиях самих северных варваров, сакральный образ собаки связанный с хтоническими представлениями, тоже занимал не последнее место. Например, в тексте «Младшей Эдды» рассказывается о загадочном лесе, в котором живут ведьмы. При этом одна из них «старая великанша породила многих сыновей-великанов, все они видом волки. Отсюда появились и эти волки. Говорят, что того же племени будет и сильнейший из волков, по имени Лунный пес. Он пожрет трупы всех

умерших, проглотит месяц и обрызжет кровью все небо и воздух» [9, с. 21].

Таким образом, еще на начальном этапе функционирования городища, обряд жертвоприношения собак оказался непосредственно связанным с культом предков на Боспоре. Судя по всему, ритуально погребенные собаки, должны были обеспечить путь, по которому души предков могли вернуться на землю, с целью оказания божественной помощи своим потомкам.

Именно через северо-западный выезд из городища, охранительницей которого, похоже, являлась богиня Геката, местные жители проносили своих умерших мимо захороненных собак, тем самым совершая особый ри-

туал, призванный очистить душу перед погребением и обеспечить ей беспрепятственный путь в загробном мире.

При этом концентрация ритуальных захоронений животных в данном месте городища, позволяет также допустить, что именно здесь собаки были призваны обеспечить связь с потусторонним миром и, в первую очередь, с душами предков, готовыми оказать помощь на стратегическом участке обороны крепости. Позднее, по причине сохранения сакрального значения этого особого северо-западного участка городища, здесь же начинают совершаться ритуальные человеческие погребения, которые, по сути, продолжили традиции отправления обрядов хтонического круга на городище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, В.В., Сударев, Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Береговой 4: еще один сюжет в сакральной жизни Боспора // Боспорский феномен. Население. Языки. Контакты. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 337–343.
2. Античная мифология. — М.: ЭКСМО, 2007. — 768 с.
3. Гальперина, Г.А., Добрава, Е. В. Популярная история археологии. — М.: Вече, 2002. — 544 с.
4. Денисова, В. И. Коропластика Боспора: (По материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сел. усадьбы). — Л.: Наука, 1981. — С. 108.
5. Емец, И. А., Масленников, А. А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. — 1992. — № 4. — С. 32–42.
6. Завойкин, А. А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья / Сборник статей памяти Н. П. Сорокиной. М.: ГИМ, 2006. — С. 158–168.
7. Зубарев, В. Г. Культовые объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // Древности Боспора. — М.: Институт археологии РАН, 2015. — Т. 19. — С. 161–184.
8. Исаева, В. И. Мистика в Древней Греции // Вопросы научного атеизма. — Вып. 28: Мистицизм: проблемы анализа и критики. — М.: Мысль, 1989. — С. 52–70.
9. Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой, М. И. Стеблина-Каменецкого. — Л.: Наука, 1970. — 138 с. (Репринт 2005)
10. Молева, Н. В. Жертвоприношения собак в Китайском святилище // Боспорские чтения. Керчь, 2001. — Вып. II. — С. 97–99.
11. Молева, Н. В. О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. — 2007. — Т. I. — С. 47–54.
12. Молева, Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2002. — 132 с.
13. Носова, Л. В. Еще раз о культе Великой Богини у местного населения Северного Причерноморья // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 567–583.
14. Русяева, А. С. Религия и культы античной Ольвии. — Киев: Наукова думка, 1992. — 256 с.
15. Русяева, А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. — Киев: Стило, 2005. — 559 с.
16. Сорокина, Н. П. Религия и коропластика в античности. — М.: Восточная литература, 1997. — 88 с.
17. Формозов, А. А. Древнейшие этапы истории Европейской России. М.: Наука, 2003. — 154.
18. Шауб И. Ю. Миф, культ. Ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 484 с.
19. Языческие божества Западной Европы / Сост., пред., К. Королева. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. — 800 с.
20. Шушунова, Е. В. Сакральное значение редкого типа боспорских лепных светильников // Белгородский диалог-2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов IX Международного молодежного научного форума, г. Белгород, 19–21 апреля 2017 г. / отв. ред. И. И. Чулак-Жуль. — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. — С. 30–34.
21. Ярцев, С.В., Зубарев, В.Г., Бутовский, А. Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности и средневековья (от морских походов III в. н.э. — до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. — 544 с.
22. Gruppe, O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. — München: C. H. Beck, 1906. — 754 p.

ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ*

FACTORS OF ATTRACTION OF HIGHER EDUCATION ABROAD

**S. Ashmarina
Yu. Tokarev
E. Kandrashina
A. Izmailov**

Summary. The popularity of obtaining higher education abroad has a clear tendency to grow. However, the share of foreign students varies according to the country. In posing the question of the reasons for the difference, the authors come to a number of factors that have the most significant influence when students choose the country for higher education.

Historical statistics are given in the article; distribution of countries by the number of foreign students; presented and studied the main factors of attractiveness of receiving foreign higher education.

Keywords: higher education; foreign students; universities; attractiveness; the environment of stay; factors.

Ашмарина Светлана Игоревна

Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»
ashmarina@mail.ru

Токарев Юрий Алексеевич

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»
tokarev_ya@mail.ru

Кандрашина Елена Александровна

Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»
kandrashina@sseu.ru

Измайлов Айрат Маратович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»
airick73@bk.ru

Аннотация. Популярность получения высшего образования за рубежом имеет четкую тенденцию к росту. Однако показатели доли иностранных студентов различаются в зависимости от страны. Ставя перед собой вопрос о причинах различия, авторы приходят к ряду факторов, оказывающих наиболее значимое влияние при выборе студентами страны для получения высшего образования.

В статье приведены исторические статистические данные; проведено распределение стран по численности иностранных студентов; представлены и исследованы основные факторы привлекательности получения зарубежного высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование; иностранные студенты; университеты; привлекательность; среда пребывания; факторы.

За последние полвека количество студентов, обучающихся за рубежом, возросло более чем в 30 раз. Самые высокие темпы роста численности иностранных студентов наблюдались в конце 50-ых–начале 60-х годов прошлого столетия. В этот период количество иностранных студентов возросло в 3 раза — с 100 до 300 тыс. чел. С 1965 по 1975 годы общемировая численность иностранных студентов возросла в 1,7 раза, достигнув 500 тыс. чел. В следующие четыре десятилетия данный показатель возрастал в 1,8, 1,4, 1,4 и 1,6 раз соответственно, достигнув постепенно 2,8 млн. чел. С 1975 года самым большим был подъем с 1999 по 2004 года. Тогда число иностранных студентов увеличилось на 41%.

Всего, согласно данным ЮНЕСКО, за последние 25 лет уровень мобильности студентов вырос на 300%. Если в 2000 г. желающих получить высшее образование за рубежом было 2,1 млн. человек, то в 2012 г. их число возросло практически вдвое и составило 4,5 млн. человек [1,2]. В 2013 г. более половины иностранных студентов обучалось в Австралии, Великобритании, Германии, Канаде, США и Франции. По оценкам некоторых экспертов, к 2025 году число студентов, обучающихся за рубежом, возрастет более чем вдвое, достигнув 4,9 млн. чел [3]

Соотношение иностранных студентов, обучающихся на разных сегментах мирового рынка образования, различается от страны к стране. В США большая доля прихо-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 26.940.2017/ПЧ, проект «Управление изменениями в системе высшего образования на основе концепции устойчивого развития и согласования интересов».

Таблица 1. Типология стран по численности иностранных студентов

Тип	Численность иностранных студентов (на 1000 человек населения)	Число стран
Низкий уровень	До 15	4
Япония, Китай, ЮАР, Гонконг		
Пониженный уровень	15–30	1
Индия		
Средний уровень	30–45	11
Италия, Швейцария, Германия, Великобритания, Финляндия, Франция, США, Нидерланды, Чехия, Испания, Швеция		
Повышенный уровень	45–60	4
Россия , Норвегия, Дания, Новая Зеландия		
Высокий уровень	60 и более	2
Австралия, Южная Корея		
ИТОГО		22

дится на обучение иностранцев в колледжах и университетах (565 тыс. в 2005 г.), в то время как на языковых курсах обучались 162 тыс. чел. В Новой Зеландии и ЮАР также превалирует число иностранных учащихся в университетах и колледжах. В Великобритании же обучающиеся на языковых курсах вдвоекратно превышают численность иностранных студентов, обучающихся по академическим программам, и в 10 раз число школьников. В Канаде две трети иностранных студентов изучают английский и французский языки и лишь около одной трети получают высшее образование. [4]

По данным на 2014 г., мировыми лидерами в сфере высшего образования по численности приема иностранных студентов являются США (16%), Великобритания (13%), Германия (6%), Франция (6,2%), Австралия (6,1%). Россия несколько проигрывает по доле привлекаемых иностранных студентов на мировом рынке образовательных услуг: по данным ОЭСР в России, по состоянию на 2012 г., обучались около 4% всех иностранных студентов [5]

Тот факт, что численность иностранных студентов в разных странах различна, объясняется в первую очередь, различиями в качестве образования. Применение доли иностранных студентов как показателя качества образования весьма распространено при собственной оценке странами своих же систем образования. Также крупнейшие мировые рейтинги высших учебных заведений, такие как «Academic Ranking of World Universities — ARWU» («Academic Ranking of World Universities», 2016), «The Times Higher Education Supplement — QS World University Rankings» («The World University Rankings», 2017) и др., в обязательном порядке используют показатель доли иностранных студентов в своих регулярных аналитических отчетах и рейтингах.

Следуя мировым трендам, в России также были предприняты меры по включению показателя доли ино-

странных студентов в состав критериев оценки качества системы образования. Удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов является показателем мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования, ежегодно проводимым Министерством образования и науки Российской Федерации.

Использование доли иностранных студентов в общей численности студентов, обучающихся в стране, как показатель качества высшего образования нам представляется весьма спорным. С одной стороны высокий показатель может действительно отражать уровень качества образования и его привлекательности для иностранных абитуриентов. С другой стороны, показатель доли иностранных студентов можно рассмотреть с точки зрения сопутствующих факторов, таких как уровень жизни в самой стране, политическая и экономическая обстановка, конвертируемость учебной визы в рабочую. Все эти сопутствующие факторы являются элементами, отражающими уровень комфортности среды пребывания. Соответственно, возникает вопрос о том, что же именно означает показатель доли иностранных студентов: качество образования или привлекательность среды? Для ответа на этот вопрос и проводилось представленное исследование.

Цель исследования, представленного в статье, состоит в выявлении значимых факторов, определяющих привлекательность страны для иностранных студентов. Изучение таких факторов представляется весьма важным и значимым, особенно для государств, учитывающих долю иностранных студентов в расчете показателей эффективности системы высшего образования.

Ключевым аспектом в этом случае представляются факторы, влияющие на доли иностранных студентов

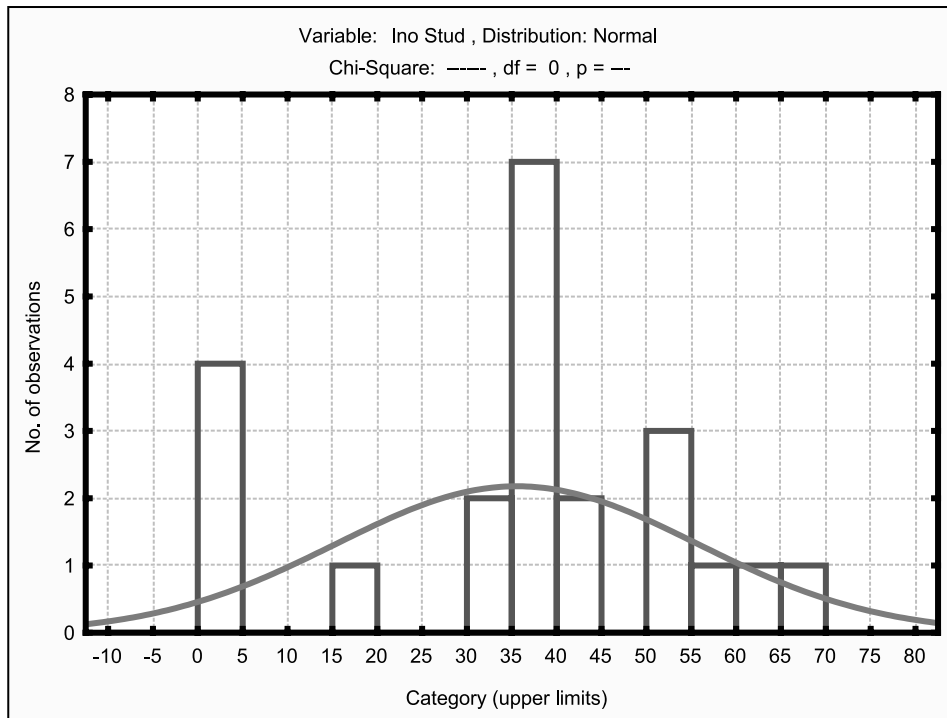

Рис. 1. Распределение случайной величины по показателю Y_1

в общей численности учащихся в высших учебных заведениях. Проведем межстрановой анализ факторов численности иностранных студентов.

В выборке находятся 22 страны, представленные разными частями света. Выбор именно этих стран во многом был обусловлен особенностями статистической информации по ключевому индикатору — численности иностранных студентов. Основой исследования стали данные 2015 года, так как большинство международных организаций не публикуют более поздние данные. Кроме того, в исключительных случаях мы использовали данные 2014 года по тем государствам, которые позднее не рассчитывали тот или иной показатель.

Главным результативным показателем является «Численность иностранных студентов (на 1000 человек населения)» (Y_1). В таблице 1 мы представили данные о распределении государств по этому индикатору. При этом государства расположены в таблице в порядке возрастания значений численности иностранных студентов.

Крайние типические группы занимают представители Азии, Океании и Африки, причём Новая Зеландия по своему значению (58) находится почти на границе с пятой группой. В середине рейтинга — в основном, европейские страны, и — в виде исключения — США. Страны Европы расположились в интервале от 33 до 53. Коэффициент вариации по европейским государствам

весьма незначителен — 16,1%. При этом численность иностранных студентов в итальянских вузах почти в 2 раза выше, чем в Индии (33 против 17), хотя в данном рейтинге эти страны соседствуют.

В среднем в каждой стране на 1000 жителей приходится 35,6 студента из других стран. В половине стран число таких студентов менее 37, а в половине — более. Коэффициент вариации 56,7%, что говорит о большом разбросе значений по странам выборки.

Результат проверки результативного показателя на соответствие нормальному закону распределения приведён на рисунке 1. Распределение не подчиняется нормальному закону. Таким образом, применять параметрические методы анализа некорректно. Мы будем использовать непараметрические методы анализа взаимосвязей — методы ранговой корреляции.

В качестве факторов, влияющих на распространённость студентов-иностранцев, мы рассматривали 30 показателей. Их можно объединить в несколько групп.

Ниже мы приводим их список с обозначениями.

- Группа «Макроэкономические факторы»:
 X_1 — валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, долл./чел.;
 X_2 — годовой прирост ВВП,%;

- X_3 — уровень безработицы, %;
- X_4 — индекс потребительских цен, %;
- X_5 — валовой государственный долг, % от ВВП;
- X_6 — энергопотребление, кг/чел. (в килограммах нефтяного эквивалента);
- X_7 — форма правления государства;
- X_8 — основная религия.

Группа «Демографические факторы»:

- X_9 — численность населения, млн.чел.;
- X_{10} — удельный вес городского населения, % от населения;
- X_{11} — ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;
- X_{12} — коэффициент рождаемости, ‰;
- X_{13} — коэффициент смертности, ‰;
- X_{14} — удельный вес женщин, % от населения;
- X_{15} — удельный вес детей 0–14 лет, % от населения;
- X_{16} — коэффициент потенциального замещения (количество человек в возрасте 0–14 на 100 человек в возрасте 15–64), %.

Группа «Социальные факторы»:

- X_{17} — государственные расходы на образование, % от ВВП;
- X_{18} — государственные расходы на здравоохранение, % от ВВП;
- X_{19} — совокупный вклад туризма в ВВП, % от ВВП;
- X_{20} — уровень убийств, ед. на 100000 жителей.;

Группа «Производственно-инфраструктурные факторы»:

- X_{21} — капитальные инвестиции, % от ВВП;
- X_{22} — валовое накопление основного капитала, % к ВВП;
- X_{23} — расходы на НИОКР, % к ВВП;
- X_{24} — индекс инноваций, пункты;
- X_{25} — качество дорог (средний балл 1–7);
- X_{26} — численность отделений банков на 100000 человек;

Группа «Факторы уровня жизни»:

- X_{27} — расходы населения на продовольствие, %;
- X_{28} — расходы населения на алкогольные напитки и табак, %;
- X_{29} — коэффициент Джини, %;
- X_{30} — доля интернет-пользователей, % от населения;
- X_{31} — охват мобильными сетями, % от населения;
- X_{32} — ставка индивидуального подоходного налога, %.

Из общего списка факторов следует отдельно рассмотреть два: X_7 — форма правления государства (0 — монархия; 1 — республика); X_8 — основная религия (1 — христианство; 0 — прочее). Они являются нечисловыми, принимающими только 2 значения. Следова-

тельно, мы имеем дело с фиктивными переменными, к которым не применимо статистическое требование проверки на нормальность распределения. Кроме того, их значения нельзя ранжировать, то есть применительно к ним нельзя говорить о методологии ранговой корреляции.

Влияние этих факторов на численность иностранных студентов можно измерить с помощью бисериального коэффициента корреляции. В силу того, что коэффициент корреляции рассчитан лишь по выборочным данным, следует оценить его статистическую значимость в рамках генеральной совокупности в целом. Проверка значимости коэффициента Спирмена на определённом уровне значимости (α) основана на применении случайной величины t , имеющей распределение Стьюдента.

С вероятностью 95% значимым является только бисериальный коэффициент корреляции между основной религией государства и численностью иностранных студентов ($r=0,492$).

В аналитическом виде эта зависимость выражена следующей моделью:

$$\hat{Y}_1 = 17,54 + 23,32x_8$$

В государствах с доминирующей христианской религией численность иностранных студентов в среднем на 23,32 чел. больше, чем в других государствах (в расчёте на 1000 жителей).

По фактору X_7 модель является незначимой, значит, с большой вероятностью для студентов-иностранцев нет принципиальных различий между обучением в стране с республиканской или монархической формой правления. Во многом такая ситуация объясняется тем, что в ряде стран монархия существует лишь номинально, как дань традициям, а фактически в стране созданы и функционируют республиканские институты.

Следующим этапом рассчитаем ранговые коэффициенты корреляции Спирмена (ρ) по оставшимся факторным показателям (они имеют количественный вид, и их можно ранжировать). При этом так же необходимо провести проверку на статистическую значимость.

Первый ранг присваиваем максимальному значению того или иного показателя.

Значимым ранговый коэффициент стал только по четырём факторам. Значения коэффициента приводятся в таблице 2.

Таблица 2. Значимые ранговые коэффициенты корреляции Спирмена (ρ) по показателю Y_1 (5% уровень значимости)

Факторы (X)	
Наименование	ρ
X_6 — энергопотребление, кг/чел.	0,623
X_{17} — государственные расходы на образование,% от ВВП	0,548
X_5 — валовой государственный долг,% от ВВП	-0,481
X_9 — численность населения, млн.чел.	-0,465

Главный фактор — энергопотребление. Оно является производным от уровня развития науки и техники, следовательно, от состояния экономики. Отстающие страны будут стремиться догнать экономически развитые, а развитые будут продолжать наращивать свой энергетический потенциал. Энергопотребление на душу населения в большой степени отражает благосостояние и жизненный уровень государств. Кроме того, уровень энергопотребления в различных странах неодинаков и определяется их климатическими и географическими условиями. Высокое энергопотребление — индикатор перехода страны к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества. В нашем случае взаимосвязь носит прямой характер — основная масса иностранных студентов стремится получить образование в странах с высоким уровнем потребления энергии.

Взаимосвязь с государственными расходами на образование выглядит вполне логичной: внимание правительства страны к вопросам образования отражается на количестве вузов и качестве их инфраструктуры, на их возможности приглашать ведущих преподавателей (в том числе из других стран) и принимать большое количество студентов.

Численность иностранных студентов находится в обратной зависимости от размера государственного долга и численности населения страны. В первом случае для многих правительств проблемой является достижение критического уровня внешнего долга, после которого его дальнейшее наращивание угрожает финансовой устойчивости и сдерживает экономическое развитие страны. Большой объем долга создает проблему неопределенности в стране. В этих условиях (даже при наличии в стране должного числа достойных вузов) студенты не будут стремиться начать или продолжить обучение именно здесь. Во втором случае главную роль играет не столько размер страны, сколько — опосредованно — грамотность управления ею и наличие/отсутствие высокого уровня жизни. Например, в многонаселенных странах Азии — Индия, Китай, Япония — численность иностранных студентов менее 20 на 1000 жителей.

Наряду со всеми обозначенными факторами, студенты, как правило, оценивают перспективу дальнейшего трудоустройства. Многие страны, предоставляющие широкий спектр возможностей обучения в своих образовательных учреждениях параллельно создают условия, при которых выпускники остаются в этих же странах, получают трудовые визы и ведут трудовую деятельность, не возвращаясь на родину.

Исследования показывают, что более 25% квалифицированных работников-мигрантов, которым была выдана виза для работы в США, имеют дипломы образовательных учреждений этой же страны. [6]

Три четверти китайских студентов, обучавшихся в США в 1978–1999 годах, остались проживать и работать в штатах, так и не вернувшись на родину. Наиболее ярко это проявлялось среди обучающихся в аспирантуре и докторантуре.

Показатель количества студентов, решивших остаться в США после окончания обучения среди китайцев доходила до 96%, среди Индусов — до 86%. Среди выходцев из таких стран как Аргентина, Великобритания, Греция, Израиль, Иран, Новая Зеландия и стран Восточной Европы показатель превышает 50% [7]

США не единственный прецедент, в котором иностранные студенты, обучавшиеся в образовательных учреждениях после окончания остаются работать в этой же стране. [8]

Доля иностранных студентов, обучившихся в австралийских высших учебных заведениях и оставшихся работать в этом государстве, достигает 50%. В Канаде данный показатель достигает 15%, в Новой Зеландии — 13%, в Великобритании — 27% [9]

Студенты, получившие образование в иностранном вузе, не всегда принимают решение остаться в той же стране. Весьма частая практика миграции в другую страну с целью дальнейшего трудоустройства. Выбор стран зависит от множества факторов, которые можно выделить в определенную категорию привлекательности стран.

Согласно исследованию привлекательности стран мира для иностранных работников, проведенному компанией YouGov по заказу банка HSBC, лучше всего экспатам живется в Сингапуре. Как показывает исследование, главными стимулами для перемены страны проживания по-прежнему остаются стремление к более высокому качеству жизни, поиск новых возможностей, получение новой профессии. Лучшим местом для жизни и работы экспатов в нынешнем году признан Сингапур. Согласно исследованию, 28% экспатов в Сингапуре зарабатывают более \$200 тыс. в год, в то время как по миру в целом этот показатель составляет лишь 13%. Довольны сингапурские экспаты также возможностями карьерного роста, стабильностью экономики, уровнем благосостояния и заботы о детях. В отдельных категориях Сингапур не занял ни одного первого места, в отличие от Новой Зеландии, которая заняла второе место в общем зачете, но лидирует в рейтинге уровня жизни. Первую тройку замыкает Швеция, которая получила наивысшую оценку в категории семейной жизни. В первую десятку также вошли Бахрейн, Германия, Канада, Австралия, Тайвань, ОАЭ и Швейцария. Кстати, Швейцария хоть и занимает десятое место в общем зачете, зато опередила всех в экономической категории. [10,11]

Трудоустройство в другой стране предполагает получение трудовой визы. Однако, получение виз в различных странах имеет разную степень сложности.

Например, к числу стран с наибольшей сложностью в получении визы, в том числе трудовой относятся: Бутан, Туркменистан, Саудовская Аравия, Пакистан, Северная Корея, Йемен, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония, США, Южная Корея, Катар, ОАЭ, Великобритания. [12] Но, не смотря на сложность визового режима для желающих трудоустроиться в другой стране, студенты, окончившие учебные заведения стремятся конвертировать студенческие визы в рабочие. Многие страны способствуют этому, несмотря на сложные визовые режимы, по причине стремления привлечения высококвалифицированных специалистов, подготовленных силами собственных же систем образования. Таким образом страны в том числе восполняют «пробелы» в отрицательной динамике прироста населения вызванного демографическим кризисом и общей тенденцией старения населения.

Несмотря на то, что многие страны усложняют визовые режимы для трудовых мигрантов, государства заинтересованы в привлечении квалифицированных специалистов. Полученные в рамках проведенного исследования результаты подтверждают точку зрения С. Винсент-Ланкринна [13] о том, что образование можно рассматривать как инструмент привлечения в страну квалифицированных специалистов, в свою очередь служащих серьезной опорой развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNESCO Institute for Statistics (2015). <http://www.uis.unesco.org>.
2. OECD (2014) Education at a Glance. <http://www.oecd.org/edu/Education-at-a-Glance-2014.pdf>.
3. www.unesco.org/education
4. Айдрус И.А., Филиппов В. М. Мировой рынок образовательных услуг: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2008. — 194 с.
5. Education at a Glance 2014: OECD Indicators [Электронный ресурс]: офиц. сайт ОЭСР. Режим до
6. International Mobility of the Highly Skilled. P.: OECD, 2002.;
7. Education Policy and Analysis: Focus on Higher Education. 2005–2006 Edition. Paris: OECD, 2006
8. Алиев О. М., Видина Е. В. Влияние студенческой миграции на формирование экономики знаний // Вопросы структуризации экономики. 2010. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-studencheskoy-migratsii-na-formirovanie-ekonomiki-znaniy> (дата обращения: 29.08.2017) ступа: <http://www.oecd.org>.
9. Cross-border Tertiary Education: a Way towards Capacity Development. Paris: OECD, 2007
10. <https://yougov.co.uk/?stay>
11. <https://www.expatsplorer.hsbc.com/survey/>
12. <http://mishka.travel/blog/index/node/id/949-top-15-reiting-slojnosti-polucheniya-viz-v-razlichnie-strani-mira/>
13. Education Policy and Analysis: Focus on Higher Education. 2005–2006 Edition. Paris: OECD, 2006.

© Ашмарина Светлана Игоревна (ashmarina@mail.ru), Токарев Юрий Алексеевич (tokarev_ya@mail.ru),

Кандрашина Елена Александровна (kandrashina@sseu.ru), Измайлов Айрат Маратович (airick73@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЛЕЧЕБНОЕ ДЕЛО»

THE FEATURE FILM AS A MEANS OF TEACHING FOREIGN STUDENTS TO PROFESSIONAL COMMUNICATION IN RUSSIAN WITHIN THE SPECIALTY «MEDICAL BUSINESS»

O. Vertinskaia

Summary. The article is devoted to the problem of vocational guidance of foreign students in Russian universities. The didactic possibilities of a feature film as a means of teaching foreigners to professional communication in Russian at the stage of their preparation for clinical practice in Russian medical institutions are described. Criteria are formulated for the selection of authentic video materials that contribute to the rapid and effective development of special vocabulary and the development of skills for constructing dialogical speech in doctor-patient models and physician-physician in natural language conditions, as well as increasing the general professional culture of the future doctor. The educational and educational potential of modern thematic cinema is revealed on the example of work with a fragment from the feature film «Arrhythmia».

Keywords: Russian as a foreign language, vocational guidance, training profile, language of the specialty, audiovisual teaching aids, communicative situation, previewing work, post-examination tasks, lexical minimum, dialogical speech, linguistic-cultural competence.

Вертинская Ольга Михайловна

*К.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
OVertinskaya@kantiana.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме профориентированного обучения иностранных студентов в российских вузах. Описываются дидактические возможности художественного фильма как средства обучения иностранцев профессиональному общению на русском языке на этапе их подготовки к клинической практике в российских медицинских учреждениях. Формулируются критерии отбора аутентичных видеоматериалов, способствующих быстрому и эффективному освоению специальной лексики и развитию навыков построения диалогической речи в моделях врач-пациент и врач-врач в условиях естественного языка, а также повышающих общую профессиональную культуру будущего врача. Образовательный и воспитательный потенциал современного тематического кино раскрывается на примере работы с фрагментом из художественного фильма «Аритмия».

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, профориентированное обучение, профиль обучения, язык специальности, аудиовизуальные средства обучения, коммуникативная ситуация, предпросмотровая работа, послепросмотровые задания, лексический минимум, диалогическая речь, лингвострановедческая компетенция.

Обучение профессии в вузах России — один из важнейших мотивов, которым руководствуются иностранные учащиеся, приезжая в нашу страну. Современные условия образования, ориентированные на международные стандарты, характеризуются повышенными требованиями заказчика к выпускаемым вузом специалистам, поэтому не перестает быть актуальной проблема их квалифицированной подготовки. В мире хорошо известен опыт обучения иностранных студентов технического профиля, осуществляемого ведущими профориентированными российскими вузами. К их числу относится также и Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, много лет успешно подготавливающий иностранных военнослужащих морских специальностей. Поле международного образования Калининграда расширяется, и в 2017 году в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта открылась новая образовательная программа для иностранных студентов на английском языке «Лечебное дело». Но тем не менее на практике и в рамках клинической подготовки иностранцам надо будет общаться с медицинским персоналом и пациентами на русском языке, поэтому параллельно осуществляется подготовка студентов к практике в российских медицинских учреждениях. Таким образом, задача преподавателей РКИ университета состоит не только в обучении языку в пределах общих тем (бытовой, учебной), но и во введении студентов в язык специальности и квалифицированной подготовке будущих медиков к профессиональному общению на русском языке.

Одним из методических приёмов развития речевых умений учащихся с целью быстрого и эффективного погружения в естественную разговорную среду является

моделирование коммуникативных ситуаций на уроке в рамках профессиональных тем. В условиях дефицита уроков русского языка этот приём может быть реализован с помощью такого аудиовизуального средства обучения (АВСО), как кино. АВСО в процессе преподавания РКИ позволяют внести в занятия элементы разнообразия и занимательности благодаря яркости и экспрессивности зрительно-слуховых образов, познавательной ценности учебного материала [Щукин 1981]. Кроме того, работа с кино, весьма занимательная и динамичная, повышает учебную мотивацию, и создаёт дополнительные стимулы к овладению языковым материалом [Быкова 2009], что особенно актуально в среде носителей не-европейских языков (большая часть студентов медицинского профиля БФУ — индийские студенты), для которых изучение русского языка сопряжено с освоением принципиально иной семиотической системы.

В настоящей статье излагается ряд методических установок, которыми мы руководствовались при разработке уроков с использованием киноматериалов на этапе подготовки иностранных студентов-медиков к лечебной практике.

По нашему мнению, в целях обеспечения эффективной коммуникации при отборе рабочего материала целесообразно соблюдать три условия: во-первых, кино должно быть тематическим, во-вторых, — современным, в-третьих, — разножанровым. Речевая стихия современного кино адекватно передаёт реальную языковую ситуацию в профессиональной среде медиков, обеспечивая практическую направленность обучения и ориентируя студентов на работу в реальных условиях российской больницы. Знакомство с современными российскими реалиями в аспекте их будущей профессии обеспечивает лингвострановедческую компетенцию, так как «фильм несёт в себе не только лингвистическую, но и культурно-эстетическую информацию, позволяет студенту-иностранцу составить общее представление об образе жизни, этикете, традициях, бытовом укладе другого народа. Кроме того, кино оказывает мощное эмоциональное воздействие и способствует возникновению глубоко прочувствованного отношения как к предмету изображения, так и в целом к культурной среде, в которой появилось это произведение искусства» [Касьянова 2004, с. 169].

Учитывая всё сказанное, нами было отобрано три художественных фильма: два популярных российских телесериала для широкого круга зрителей — «Интерны» (2010–2016) и «Склифосовский» (2012–2018) (аналоги высокого художественного класса в европейском кинематографе — «Доктор Хаус», «Клиника» и «Анатомия Грейс») и фестивальный полнометражный художественный фильм «Аритмия», вышедший на экраны в 2017 году

и ставший победителем в нескольких кинопремиях. Как видно, материал составили разнообразные по жанру и художественному качеству кинопродукты, так как во внимание на этом этапе подготовки берётся не художественная ценность фильма, а его дидактический потенциал. Педагогическая целесообразность работы с сериалами состоит в том, что в них представлена разговорная форма языка в сфере профессионального общения медиков с включением профессионального жаргона, сленга и просторечия, то есть адекватно отображающая реальную речевую ситуацию в отработываемых коммуникативных ситуациях. Задача преподавателя русского языка, выпускающего практикующего специалиста, состоит в формировании умения свободно пользоваться профессиональной лексикой не только в *заданных*, но что всего важнее и в *вариативных* коммуникативных ситуациях профессионального общения. Создание коммуникативной атмосферы условно-реального общения будущего врача с коллегами и пациентами, зачастую далекого от норм литературного языка, перспективно с использованием сериалов, участники которых говорят на естественном русском языке, то есть с речевыми и грамматическими ошибками, используя фразеологию, синонимию и другие средства выразительности. Художественное кино представляет собой вспомогательный материал на уроках по развитию говорения, так как базовые учебники и пособия ориентированы на введение лексики и отработку речевых моделей в идеальных условиях литературного языка и не включают разговорные формы.

Педагогический потенциал художественного фильма «Аритмия» безусловно больше. Использование его фрагментов (или просмотр фильма целиком на внеклассном занятии или в формате домашней работы) позволяет познакомить студентов не только с профессиональной медицинской речью, но и даёт общее представление об образе и миссии врача в современной России, позволяет показать отношение к медицине в современном обществе, со стороны пациентов, что способствует повышению общей профессиональной культуры иностранных студентов.

Отбор киноматериала производился по ряду критериев. Первый — тематический. Для работы были отобраны небольшие фрагменты (продолжительностью до десяти минут), в которых представлены этапы реального медицинского приёма: осмотр — анамнез — диагноз — лечение. Второй — по типу речи. Включённые в учебный процесс фрагменты представляют собой беседу врача с коллегой(ами)/медперсоналом/ пациентом и его родственниками и используются для обучения диалогической речи. Третий — языковой. В данном случае речь идёт не столько об отборе материала с позиции живой речи (это в принципе характеризует обозначенные фильмы), сколько об устранении речевых трудностей,

например, в ситуациях, когда пациент (преимущественно пожилого возраста) описывает своё физическое состояние с помощью метафор (*сердце колет/ноги гудят/ в голове шумит* и под.).

Методика работы с кинофрагментами осуществляется нами по аналогии с традиционной схемой работы с художественным текстом, включающей в себя:

- ◆ предпросмотровые задания, направленные на введение лексического минимума по теме, на снятие лексических и грамматических трудностей, а также на понимание лингвострановедческой (лингвокультурологической) информации, содержащейся в фильме;
- ◆ задания, выполняемые при просмотре, направленные на общее и детальное понимание просматриваемого материала и обучающие студентов диалогической форме речи;
- ◆ послепросмотровые задания, направленные на закрепление и активизацию лексического и грамматического материала.

К каждому фрагменту прилагается фонограмма; работа с фонограммой осуществляется на этапе просмотровой и послепросмотровой работы. Домашнее задание по отрывку обязательно включает в себя составление диалога по образцу и заполнение медицинской карты больного, так как одна из ключевых задач обучения устной речевой деятельности в контексте клинической практики — формирование у иностранных студентов-медиков навыков ведения профессионального диалога со стационарным больным и правильного оформления записи в медицинской карте.

С целью снятия лексико-грамматических трудностей и подготовки к восприятию аутентичного материала изучаются языковые средства, характерные для разговорного стиля речи. Языковые особенности при этом рассматриваются на примерах, взятых из текста фильма, а закрепление и активизация нового материала осуществляется с опорой на усвоенный ранее материал в ходе выполнения языковых и речевых упражнений.

Ключевые компетенции в области продуктивных форм речевой деятельности (говорение, письмо) развиваются на примере составления диалогов и заполнения медицинской карты пациента, навыки чтения — с использованием специально подготовленной фонограммы текста фильма, которая снабжается иллюстративным материалом.

Общие учебные цели, которые решаются при просмотре отрывков, следующие: 1) выработка навыка просмотра видеофрагмента на неродном языке, 2) активизация профессионального пополнение общезыкового слова-

ря, 3) расширение объема знаний о профессиональной среде, 4) увеличение общекультурных знаний, 5) совершенствование навыков устной продуктивной речи.

Общие воспитательные цели сводятся к следующим: 1) повышение мотивации к изучению русского языка, 2) воспитание интереса к профессии, 3) расширение общекультурного багажа.

В качестве примера будет представлен эпизод из художественного фильма «Аритмия», в котором приехавший по вызову врач скорой помощи — главный герой фильма, — профессиональный врач, репрезентирующий архетипические черты русского национального характера, — в процессе осмотра молодой женщины диагностирует инфаркт, принимает решение о госпитализации, вступая в конфронтацию с бюрократической системой небезупречной российской медицины.

Данный фрагмент является первым аутентичным материалом, который предъявляется иностранным студентам, так как отвечает основным требованиям аудирования начального этапа обучения: речь героев медленная и четкая; диалоги немногословные.

В рамках статьи мы изложим не план-конспект урока с изучаемым лексико-грамматическим материалом и заданиями к нему, а опишем общий дидактический потенциал фрагмента. Практическую ценность для нас имеют следующие черты:

1. Ломаность и эллиптичность диалогов, свойственная разговорному стилю (*«Вчера вечером что было? — В гости ходили... ну... ели много, жирное там. — Алкоголь? — Ну был»*). Работа с устной речью учит студентов воспринимать и членить звучащую речь, восстанавливать пропуски, развивает фонематический слух и языковую догадку.

2. Логопедическая четкость диалогов и крупные планы, позволяющие студентам хорошо видеть лицо (лицо, мимика в целом) героя и угадывать текст.

3. В изучаемом эпизоде представлены два «топоса» — квартира больного и больница, что даёт наглядное представление о бытовых условиях и жизненном укладе среднестатистического жителя России (*«я не могу в стационар, мне ребенка не с кем оставить»*) и типовом российском медучреждении (*«Оформляйтесь и везите по прописке. У нас хирургия вся забита. К нам всех везут: нам что, клонироваться что ли?»*)

4. Типовые формулы медицинского диалога при осмотре пациента включены в живую речь: *«Ну а ночью как спалось?»*, *«На что жалуемся?»*

5. В изучаемом эпизоде представлены две ролевые ситуации: врач-больной и врач-врач. Студенты могут сравнить эти роли и разыграть их с учётом языковых особенностей. Этому этапу работы отводится большее количество учебного времени и внимания преподавателей. На языковом уровне ролевые позиции выражены, во-первых, сменой этикетных форм «вы» и «ты» (обращение к больной: «телефон *твой* где?» и обращение к коллеге: «*вы*, извините, дура совсем? у нее все признаки: кардиограмма, боли»), во-вторых, переключением стилистического регистра с профессионального языка на просторечный (обращение к коллегам: «а *тропонин* не хотите ей сделать?», «у вас кардиографы *заезженные*»; обращение к больной: «*Чё* ты не поняла? У тебя *инфаркт*, а они тебе не верят, потому что ты *блевать* начала»). Работа с данными особенностями реализуется также в рамках воспитательных тем: личность и профессионализм врача, индивидуальной подход к пациенту.

6. В диалогах представлено стилистическое разнообразие русской лексики: медицинская терминология (*инфаркт, внутримышечно, ацетилсалициловая кислота, кардиолог, панкреатит* и под.), профжаргон (*тропонин, узи*), просторечие (*мультики, чё, Дим,*

Кать, прописка, чё вы орёте на меня), вульгаризмы (*дура, идиотка, специалисты хреновы, а хрена ты её сюда привёз*). Работа с данной лексикой составляет важную часть урока, так как подготавливает студентов к актуальной коммуникации.

7. Отдельное внимание уделяется метафорическим разговорным конструкциям, номинирующим состояние больного («чуть живот *тянет*»). Список подобных выражений не может быть исчерпывающим. Задача учителя — познакомить студентов с многообразием русской лексики и подготовить к реальному общению с пациентами, не использующими в своей речи медицинскую терминологию.

Как видно, педагогические возможности фильма позволяют в сжатые сроки и в увлекательной форме решать главную задачу формирования навыков профессиональной речи. Системная и регулярная работа с АВСО способствует закреплению и активизации специальной лексики, а также расширению потенциального словаря иностранных студентов. Художественный фильм может стать отличным вспомогательным педагогическим материалом на этапе подготовки иностранцев к клинической практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова О. П. Учебные модули для работы с видеоматериалом // Русский язык за рубежом. — 2009. — № 2.
2. Касьянова В. М. Художественные фильмы на занятиях по РКИ: от понимания к постижению образа страны // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.) — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.
3. Новикова В. В. Использование видеоматериалов при обучении русскому языку как иностранному как средство формирования социокультурной компетенции вне языковой среды // Русский язык в современном мире. Материалы III международной научной конференции. М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ. 2013.
4. Щукин А. Н. Методика использования аудиовизуальных средств. М.: Русский язык, 1981.

© Вертинская Ольга Михайловна (OVertinskaya@kantiana.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА К НОВЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ

TO THE QUESTION OF ADAPTATION OF UNIVERSITY TEACHERS TO NEW PROFESSIONAL CONDITIONS

A. Kuteynikov

Summary. Working conditions at the University are supported by fundamental changes. The publication examines the pros and cons of the Bologna system. Load change is analyzed. The lack of educational skills of modern students is discussed. The question of self-training of students is raised. The functioning of the competence approach is considered. Implementation of point-rating system. Prospects of further successful functioning of the higher education system.

Keywords: Bologna system, socialization of students, activities in outlining, independent work of students, competency-based approach, consolidation of universities, the problem of free attendance, reformation of higher education.

Кутейников Алексей Николаевич

К.псх.н., доцент, Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия
alex_kutejnikov@mail.ru

Аннотация. Условия работы в вузе подвержены кардинальным изменениям. В публикации рассмотрены плюсы и минусы Болонской системы. Проанализировано изменение нагрузки. Обсуждается отсутствие учебных навыков у современных студентов. Поставлен вопрос о самоподготовке студентов. Рассмотрено функционирование компетентного подхода. Внедрение бально-рейтинговой системы. Перспективы дальнейшего успешного функционирования системы высшего образования.

Ключевые слова: Болонская система, социализация студентов, деятельность по конспектированию, самостоятельная работа студентов, компетентный подход, укрупнение вузов, проблема свободного посещения, реформирование высшего образования.

В последние годы условия работы в вузе всё в большей степени подвержены кардинальным изменениям. И вследствие этого перед преподавателями, если они хотят оставаться успешными в рамках своей профессии, возникает необходимость полностью изменить свой выработанный на протяжении многих лет профессиональный стиль.

Начало указанной трансформации было положено введением Болонской системы. Разумеется, здесь можно найти определённое количество положительных моментов. И прежде всего — это возможность для студентов поехать на семестр-другой на учёбу в зарубежные вузы (теоретически можно даже полностью перевестись в зарубежный вуз, но на самом деле это нереально, так как, например, в ЕС образованием юридически признаётся лишь тот отрезок образования, который был получен в самих странах ЕС).

Да, те студенты, которые хотят пройти углубленную стажировку в других вузах, получают преимущества от введения Болонской системы. Таких студентов в вузах немного, всего несколько процентов от общего списочного состава. А как сказывается введение новых стандартов на тех студентах, которые не планируют зарубежных стажировок? К сожалению, практика показывает, что в результате многочисленных реорганизаций качество учёбы понизилось и учиться стало легче.

Количество часов на изучение того или иного предмета сократилось. При увеличении индивидуальной нагрузки преподавателям это привело к тому, что преподаватели вынуждены сокращать свои привычные курсы, но при этом они получают разрядку на чтение абсолютно новых для себя учебных предметов. Кстати, по мнению ряда авторитетных преподавателей, для того, чтобы качественно разработать новый учебный курс, необходима его «обкатка на аудитории» на протяжении трёх-четырёх лет [2].

Иногда преподаватель вынужден заниматься несвоей для него функцией — он вынужден заниматься социализацией студентов. Речь идёт не о воспитании личности (хотя и это тоже необходимо) и не об организации досуга, а именно об элементарной социализации. Фактически, этим должна заниматься средняя школа, но на рубеже 80–90-х годов прошлого века школа сама переживала период управленческого кризиса и вынуждена была самоустраниться от решения данной проблемы. А специфика преподавания в высшей школе такова, что социализация должна быть базой и предварительным условием для успешного прохождения обучения. В результате преподаватели вуза вынуждены отвлекаться на неспецифические для них задачи.

Одна из основных проблем в учебной деятельности современных студентов, как постоянно отмечают педагоги, — неумение работать с источниками и неумение

конспектировать. Раньше студентов целенаправленно учили конспектировать. Правда, при этом иногда использовались политизированные тексты. Например, труды классиков марксизма-ленинизма. Конечно, можно критиковать эти источники за излишнюю политизированность и даже предвзятость, но, тем не менее, при работе с данными источниками студенты учились выделять главные тезисы, следить за последовательностью аргументов в логической цепочке и учились делать обобщающие умозаключения. В настоящее время студентов не обучают искусству составления конспектов. А это приводит к тому, что у студентов оказываются несформированными навыки отбора, анализа и обобщения материала. Иногда даже для написания реферата или курсовой работы студенты просто пользуются соответствующим сайтом и копируют целые абзацы или даже готовые работы при помощи манипуляций мышкой, не всегда удосужившись вчитаться в то, что они скопировали.

Отдельного вопроса заслуживает такой пункт в нагрузке преподавателей как Самостоятельная работа студента (СРС). Что представляет собой указанный пункт? В западных университетах СРС входит в учебную нагрузку преподавателя. Имеется в виду, что раз в неделю преподаватель имеет присутственные дни, когда он должен находиться на кафедре, ждать студентов, которые приходят в специально назначенное время и отчитываются, что они прочитали, законспектировали и написали за прошедшую неделю. И педагог за это получает зарплату. То есть это именно СРС под управлением преподавателя. В наших учебных планах СРС тоже предусмотрена, но часы у преподавателей в нагрузке на это не выделяются и не предполагаются (по крайней мере, так обстоят дела в большей части вузов). Таким образом, на данный вид работы в соответствии с учебным планом время должно отводиться, но выполнять или не выполнять этот пункт — фактически предлагается решать самим студентам.

Иногда вызывает вопросы у специалистов и формулирование так называемого компетентного подхода. В принципе, это возрождение старой концепции формирования знаний, умений и навыков как основы процесса обучения [1]. Только теперь это позиционируется не как основа обучения, а как его результат. Претензии преподавателей к реализации указанного компетентного подхода заключаются в том, что согласно требованиям ФГОС, для каждого занятия должны быть расписаны конкретные компетенции, которые необходимо сформировать у студентов. Насколько оправдана подобная нормативная детализация? От коллег-преподавателей зачастую приходится слышать мнение, что студентов много и каждый усваивает запланированные компетенции по-своему. Один «схватывает на лету»,

другой использует конспект лекции для того, чтобы самостоятельно её ещё раз проработать, самостоятельно выявить пробелы в своих знаниях и опять же самостоятельно изучить материал и сформировать необходимые компетенции. Третий студент вообще может быть не согласен с преподавателем (на гуманитарных предметах это бывает достаточно часто) и выработает свою точку зрения. Кстати, один из величайших мыслителей XX века Станислав Лем считал, что задача преподавателя в вузе заключается в том, чтобы обозначить проблему, изложить возможные пути её решения и предоставить возможность студентам самим формулировать собственную точку зрения [4].

Ещё одна проблема, которая интенсивно обсуждается в профессионально-педагогической среде — это укрупнение вузов и создание федеральных университетов. В своё время на уровне министерства было принято, в принципе, взвешенное решение создать в качестве управленческого эксперимента несколько федеральных университетов. Но достаточно быстро без обсуждения результатов данного эксперимента было принято решение о массированном укрупнении почти всех вузов страны. Обоснование решения было исключительно идеологическое — было объявлено, что это будет способствовать повышению качества преподавания. Но, во-первых, непонятно, как при наличии того же самого преподавательского состава и при увеличении индивидуальной учебной нагрузки может быть достигнуто повышение качества преподавания. Пока всё сводится к тому, что многие ранее самостоятельные со своей собственной спецификой вузы стали филиалами и финансовые потоки были перенаправлены в другие русла. Во-вторых, из теории управления известно, что чем больше по своему объёму организационная структура, тем сложнее её управлять. Не исключено, что в ближайшее время системе высшего образования придётся столкнуться с кризисными явлениями в сфере управления.

Следующая трудность, которая возникает перед вузовским педагогом, — это проблема «свободного посещения лекций» студентами, и эта проблема во многом была создана искусственно. Когда в конце 1980-х гг., на уровне министерства образования, разрешили подобную практику, то пытались скопировать реалии, существующие в западных вузах. Однако там принцип свободного посещения означает свободу выбора того или иного предмета из ряда обязательных. То есть, студент может выбрать один любой спецкурс из ряда предложенных (или, по личному желанию, посетить все курсы) и сдать соответствующий экзамен или зачет. У нас же это превратилось в свободу посещения или непосещения занятий [3]. И на такой порочной традиции было воспитано целое поколение студентов. В последнее время стала применяется бально-рейтинговая система, и педагоги

юридически получили возможность применять санкции к не посещающим занятия студентам, но последствия применяемой в предыдущие годы практики будут сказываться еще какое-то время.

Ещё одна проблема заключается в том, что иногда приходится иметь дело со студентами, которые потерпели неудачу на экзамене, и в дальнейшем они обращаются с просьбой о замене преподавателя для пересдачи данного экзамена. Конечно, подобные случаи встречаются не так уж и часто, но они всегда вносят излишнюю нервозность в учебный процесс. Здесь тоже принцип свободы выбора учебного предмета трактуется студентами как свобода выбора преподавателя

Описывая современную ситуацию в образовательном пространстве высшей школы, нельзя не упомянуть и о следующем факте: раньше руководитель подразделения в вузе или руководитель самого вуза всегда должен был быть профессиональным преподавателем. Для занятия руководящей должности в высшей школе необходимо было иметь реальный многолетний опыт чтения лекций по какому-либо учебному предмету. В настоящее время это уже не является обязательным условием. В результате административную должность теоретически может занять и человек с хорошим опытом работы, но полученным не в вузе, а в другой сфере деятельности. И результативность такого администратора будет определяться тем, насколько грамотно он сможет подобрать себе команду советников.

Ещё одна значительная проблема в функционировании высшей школы — это проблема сокращения количества диссертационных ученых советов. Когда в 2011 г. министр образования и науки выступил с указанной инициативой, его объяснительная мотивировка гласила: необходимо снизить количество непрофессионально подготовленных диссертаций. При этом им было специально подчеркнуто (или он просто проговорился?), что большая часть этих непрофессионально написанных

диссертаций защищалась не преподавателями (!) а представителями совсем других профессиональных групп.

Кстати, по мнению автора настоящей статьи, уменьшить количество некачественных защит можно было бы и без снижения численности советов. И так, в настоящее время защититься стало труднее по банальной причине уменьшения количества диссертационных советов. Причём некоторые советы были закрыты не по причине того, что в их работе были обнаружены недостатки, а потому, что бывшие престижные вузы, в которых раньше функционировали данные советы, стали обыкновенными филиалами (по существующим нормам филиалы не имеют права открывать свои диссертационные советы).

Раньше преподавателю в своём вузе защититься было легче. Здесь играл роль даже чисто психологический фактор «игры на своём стадионе». Теперь люди вынуждены защищаться в других вузах, а иногда и в другом городе. А если молодые преподаватели не будут защищаться, то к чему это приведёт? К тому, что не будет преемственности в кадровом вопросе, и на руководящую работу в вузе всё чаще будут назначаться представители других профессиональных групп.

В заключение следует высказать надежду, что все эти перечисленные проблемы при высоком уровне профессионализма наших педагогических кадров всё же не могут привести к глобальной дисфункции системы. Наше образование за прошедшие сто лет неоднократно реформировали (в 1918 г., например, даже упраздняли учёные степени и звания, и потом их пришлось восстановить), но все сложности, возникающие в результате удачных и неудачных реформ, рано или поздно преодолевались. Система высшего образования как социальный институт обладает большим запасом прочности, и она сама всегда отбраковывала неудачные управленческие решения, а удачные решения использовала для обеспечения собственного продуктивного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М.: Университетская книга, Логос, 2009.
2. Кутейников А. Н. Профессиональное становление преподавателя высшей школы: Монография. Изд-во СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, 2014.
3. Кутейников А. Н. Психологический портрет и социальные ожидания высокопродуктивного преподавателя вуза. СПб, Управленческое консультирование. 2013. № 6 (54). С. 117–12
4. Лем С. Сумма технологий. М.: изд-во Terra Fantastica, Neoclassic, АСТ 2012.

© Кутейников Алексей Николаевич (alex_kutejnikov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «FATE»/»ЯЗМЫШ» В АНГЛИЙСКОЙ И БАШКИРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS
OF THE CONCEPT «FATE»/»ЯЗМЫШ»
IN ENGLISH AND BASHKIR
WORLDVIEWS (ON THE MATERIAL
OF FICTION TEXTS)

Z. Akhmetzadina
L. Absalyamova

Summary. This article is devoted to the linguocultural analysis of the concept «fate»/»язмыш» in the English and Bashkir linguistic worldviews (based on texts of fiction). In relation to an increased scientific interest in the problems of anthropology, the concept of «fate» occupies the central position in understanding the human nature, as well as in determining the ways of development of culture and civilization. Most linguists claim that «fate» is the key component of a worldview and belongs to a number of ancient and universal concepts. Linguocultural analysis of this concept contributes to the study of spiritual, cultural and social nature of ethnos. Comparative analysis of this concept's realization based on two languages with differing systems — English and Bashkir — is beneficial for a more complete exploration into the specifics of the above-mentioned nations' mentality. In a multicultural communicative environment, the study of languages in the dialogue of cultures is relevant and fruitful. This makes it possible to see universal universals in reflecting the surrounding people of the world, to reveal the specific, national and to show the uniqueness of each of the national languages as the storehouse of the spiritual culture of the people and the system of the national worldview.

Keywords: linguocultural analysis, concept, linguocultureme, comparison of languages, cultural and national features.

Ахметзадина Зульфья Рауиловна

*К.ф.н., доцент, Сибайский институт Башкирского государственного университета
z.ahmetzadina@rambler.ru*

Абсалямова Лилия Фаритовна

К.ф.н., доцент, Сибайский институт Башкирского государственного университета

Аннотация. Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу концепта «fate»/»язмыш» в английской и башкирской языковых картинах мира (на материале художественных текстов). В силу повышенного интереса ученых к антропологическим проблемам, понятие «судьба» занимает одну из центральных позиций в понимании человеческой сущности, а также в определении путей развития культуры и цивилизации. Большинство лингвистов утверждают, что «судьба» является ключевым компонентом мировоззрения и относится к числу древних и универсальных понятий. Лингвокультурологический анализ данного концепта способствует исследованию духовной, культурной и социальной сущности этноса. А сопоставительный анализ реализации концепта «судьба» на материале двух разнотипных языков — английского и башкирского — способствует более полному раскрытию специфики национальной ментальности вышеупомянутых народов. В условиях поликультурного коммуникативного пространства изучение языков в диалоге культур является актуальным и плодотворным, поскольку это дает возможность, с одной стороны, увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, а с другой стороны — выявить специфическое, национальное и показать уникальность каждого из национальных языков как хранилища духовной культуры народа и системы национального мировидения.

Ключевые слова: Лингвокультурологический анализ, концепт, лингвокультура, сопоставление языков, культурные и национальные особенности.

Введение

Лингвокультурология как одна из самых молодых и перспективных отраслей науки о языке играет существенную роль в лингвистических исследованиях последних десятилетий. Как известно, данное направление возникло в 90-е годы XX века в результате объединения лингвистики с рядом смежных наук — культурологией, этнологией и этнографией, которые взаимодополняют друг друга и обогащаются за счет этого новыми знаниями. Осознание того, что язык — это гибкий и тонкий инструмент коммуникации, служащий человеку и для человека, и образует пространство, в пределах

которого не только находит отражение, но и проходит жизнь человеческого сообщества, то есть сообщества как лингвистически, так и культурологически объединенного, заставило лингвистов выйти за пределы структурно-системной парадигмы [1].

Цель статьи — на материале художественных текстов провести лингвокультурологический анализ концепта «fate»/»язмыш» в английской и башкирской языковых картинах мира. Сопоставительный анализ реализации концепта «судьба» на материале этих языков способствует более полному раскрытию специфики национальной ментальности этих народов. Поскольку английский

и башкирский — разносистемные языки, которые развивались по разным эволюционным путям, носители данных языков имеют разные условия жизни в зависимости от географических и климатических особенностей.

Понятие «концепт» в лингвокультурологии

Формирование самого термина «лингвокультурология» связывают с представителями фразеологической школы (В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.). Согласно их концепции, культурология исследует отношение члена языкового сообщества к окружающей действительности, обществу, искусству, истории и другим сферам социальной и культурной жизни; лингвистика рассматривает мировоззрение, которое проявляется и фиксируется на языке в виде ментальных моделей языковой картины мира; а предметом исследования лингвокультурологии выступает отношение язык-культура [2]. Лингвокультурология, изучая взаимодействие культуры и языка, отражает данный процесс как целостную структуру единиц в единстве их лингвистического и культурного содержания с помощью системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (система норм и универсальных ценностей) [3].

Неоценимый вклад в становление и развитие лингвокультурологии как науки внесла В.А. Маслова, которая раскрыла суть взаимосвязи языка и культуры, определила цель, задачи, объект и методологический инструментарий данного направления. Она утверждает, что лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, отражающий картину мира того или иного народа; иными словами, отпечаток, который культура накладывает на язык. Автор определяет лингвокультурологию как гуманитарную дисциплину, объектом исследования которой является материальная и духовная культура, воплощенная в живом национальном языке и проявляющаяся в языковых процессах, или как совокупность знаний, приобретенных из области культурологии, лингвистики, этнолингвистики и антропологии [2].

На основании концепции М.Л. Ковшовой, которая заключается в понимании лингвокультурологии как парадигмы, направленной на выявление способов и средств воплощения культуры в содержательной стороне языкового знака мы можем определить задачи лингвокультурологии: описание взаимоотношения языка и культуры, языка и этноса, языка и мировоззрения этноса [4]; исследование различных способов представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней [5].

По мнению Э. Бенвениста, лингвокультурология появилась «на основе триады — язык, культура и человеческая личность», и представляет собой «линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [6]. Особенности национального менталитета, отношение народа к материальному миру, его самосознание и дух находят свое отражение в концептах. Концепт — ключевое понятие лингвокультурологии. Существуют разные подходы к трактовке понятия «концепт», но мы считаем, что определение, предложенное Ю.С. Степановым, является наиболее исчерпывающим. Он утверждает, что «концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [7]. Концепт — это «ценностная культурная информация, которая имеет невербальное воплощение, обладает определенной внутренней организацией... отличается определенной динамикой формирования и эволюционирования благодаря различным формам переживания и осмысления мира, способностью накапливать информацию, а также способностью к вербальному преобразованию посредством некоего множества языковых знаков» [8]. Рассматривая структуру концепта, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин относят сюда ядро и периферию. Ядро концепта представлено ассоциациями, которые являются результатом наивного познания мира. Ядро является наиболее логически организованной частью. Менее релевантные ассоциации входят в периферию, которая является самой нестабильной составляющей структуры [9].

В качестве основы для создания концептов может выступать только то явление действительности, которое становится объектом оценки. Представители разных социальных групп одного языкового сообщества по-разному воспринимают факты действительности, и у них формируются разные представления об одном и том же понятии. Но вся совокупность этих представлений и ассоциаций образуют коллективное сознание, т.е. картину мира всего народа.

Сопоставительный анализ реализации концепта «судьба» на материале английского и башкирского языков

Каждое языковое сообщество характеризуется наличием универсальных культурных концептов, таких как, например, «любовь», «свобода», «судьба» и т.д. Их интерпретация зависит от уровня развития общества, преобладающих в нем тенденций, степени экономического, политического и культурного прогресса. Каждое языковое сообщество имеет свои собственные представления о «глубинных ценностях», что делает каждую культуру неповторимой, формируя специфическую «картину мира», отличающуюся от других.

Одним из таких универсальных концептов является «судьба». Судьба — это единство всех событий, обстоятельств и форм поведения, оказывающих влияние на существование как отдельного человека, так и целого народа. Это предопределенность событий и действий; обреченность и участь. Судьба также ассоциируется с высшей силой — силой природы или божества. Будучи одной из ключевых категорий человеческой культуры и мифа, она описывает отношения между человеком и миром. Данный концепт отражает многовековой опыт «общенационального понимания свободы и необходимости», попытку обозначить те «силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением» [10]. Концепт «судьба» состоит из трех базовых компонентов: совокупность, непознаваемость и независимость от человеческой воли. Согласно концепции А. Ф. Лосева, судьба — это то, что движет всем, но в то же время то, что непознаваемо [11].

Следует признать, что в силу повышенного интереса ученых к антропологическим проблемам, понятие «судьба» занимает одну из центральных позиций в понимании человеческой сущности, а также в определении путей развития культуры и цивилизации. Большинство лингвистов утверждают, что «судьба» является ключевым компонентом мировоззрения и относится к числу древних и универсальных понятий. Лингвокультурологический анализ данного концепта способствует исследованию духовной, культурной и социальной сущности этноса. А сопоставительный анализ реализации концепта «судьба» на материале двух разносистемных языков — английского и башкирского — способствует более полному раскрытию специфики национальной ментальности вышеупомянутых народов.

Основываясь на классификации концептов, предложенных Ю. С. Степановым, Н. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, А. П. Бабушкиным, Дж. Тейлором, Дж. Лакофф, нами была предпринята попытка сопоставительного анализа концепта «fate»/«язмыш» в английской и башкирской языковых картинах мира. Следует отметить, что сопоставление разносистемных языков — английского и башкирского — подразумевает «не противостояние, а, наоборот, диалогичность их культур [12]. В условиях поликультурного коммуникативного пространства изучение языков в диалоге культур является актуальным и плодотворным, поскольку это дает возможность, с одной стороны, увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, а с другой стороны — выявить специфическое, национальное и показать уникальность каждого из национальных языков как хранилища духовной культуры народа и системы национального мировидения [13].

Материалом для анализа послужили не только этимологические и толковые словари, но и художественные произведения известных авторов. Следует отметить, что анализ художественных текстов дает нам возможность углубить и расширить наши представления о рассматриваемом концепте. Художественный текст, как явление языковой и экстралингвистической действительности, представляет собой сложный феномен, являющийся средством коммуникации, способом хранения и передачи информации, отражением психической жизни индивида, продуктом определенной исторической эпохи, формой существования культуры и т.д. [14]. Соответственно, в рамках нашей работы мы будем рассматривать художественное произведение не как вымысел автора, а как результат индивидуального представления об окружающем мире. Художественные произведения признанных авторов представляют ценность не только для анализа индивидуального процесса познания мира и отражения полученной информации в тексте. Подобного рода исследования важны и для изучения всей «концептосферы языка», в которой отражены результаты индивидуального когнитивного опыта того или иного писателя. Как подчеркнул Д. С. Лихачев, далеко не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям — носителям фольклора. Совокупность представлений писателя о действительности фиксируется в единицах языка [15].

На первом этапе исследовательской части следует рассмотреть вербальное представление концепта «fate»/«язмыш» в этимологических словарях и проанализировать семантику лексических единиц концепта, используя толковые словари. В этимологическом словаре английского языка «The Concise Oxford Dictionary of English Etymology» мы прослеживаем путь эволюции лексемы «fate»:

Fate (n.) — (XIV century) «*one's lot of destiny; predetermined course of life*»; «*one's guiding spirit*». From Old French «*fate*» and directly from Latin «*fata*» (Spanish «*hado*», Portuguese «*fado*», Italian «*fato*»), neuter plural form of «*fatum*» prophetic declaration of what must be, oracle, prediction, thus the usual sense of the Latin word — «*that which is ordained, destiny, fate*», literally «*thing spoken by the gods*»; (XV century) as «*power that rules destinities, agency which predetermines events; supernatural predetermination*»; also «*destiny personified*»; «*that which must be*» (1660s); «*final event*» (1768). The Latin sense evolution is from «*sentence of the Gods*» (Greek theospaton) to «*lot, portion*» (Greek «*moira*» personified as a goddess in Homer). The meaning «*one of the three goddesses (Clotho, Lachesis, and Atropos) who determined the course of human life*» is

in English by 1580s. Often negative in Latin: «*bad luck, ill fortune, mishap, ruin; a pest of plague*». The native word in English is «*weird/wyrd*» [16].

Староанглийское слово «*wyrd*» подразумевает два понятия — «судьба» и «событие», единство которых определяет семантическую структуру слова. Была сформирована соответствующая концепция судьбы как единства событий. В более поздние периоды использование лексемы «*wyrd*» в литературных произведениях способствовало созданию новых семантических связей и формированию значений с необычными коннотациями: *tradition: personal fate, casual lot, death; and characteristic of Christian traditions: fortune, miracle, saint's act, end of the world* [17].

В башкирском языке ключевая лексема, представляющая концепт «язмыш», — это существительное «язмыш», которая функционирует в языке с древнетюркских времен. По данным «Историко-этимологического словаря башкирского языка» (составитель Т.М. Гарипов) [18], общетюркское слово «язмыш» состоит из корня «яз» — (напиши) и суффикса «-мыш». В данном случае невозможно проследить путь эволюции анализируемого слова в силу отсутствия необходимых источников.

С целью расширения представления о понятии «судьба», нами был осуществлен анализ словарных дефиниций, поскольку именно в толковых словарях раскрываются основные признаки концептов. Обобщив данные, предложенные в таких английских источниках, как «*Longman Dictionary of Contemporary English*» [19], «*Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*» [20], «*Webster's Desk Dictionary of the English language*» [21], «*Concise Oxford English Dictionary*» [22] и «*The Free Dictionary*» [23], мы можем прийти к выводу, что «*fate*» это: 1) *things happening to someone or something, especially unpleasant ones that end their existence or end a particular period*; 2) *power controlling what happens in people's lives*; 3) *something that unavoidably befalls a person*; 4) *fortune, lot, chance, luck*; 5) *death, destruction, fall or ruin*; 6) *a calamitous or unfavorable outcome or result*; 7) *the universal principle or ultimate agency by which the order of things is prescribed*; 8) *the decreed cause of events*.

Нами было проанализировано только два башкирских толковых словаря, поскольку слово «язмыш» не было обнаружено в других источниках. Обобщив дефиниции, предложенные в толковом словаре башкирского языка «*Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге*» (Н.Ф. Суфьянова, З.А. Сиразитдинов, З.Г. Ураксин) и «*Башкорт теленең һүзлеге*» (И.М. Агишев, А.Г. Бишев, Г.Д. Зайнуллина, З.К. Ишмухаметов, Т.Х. Кусимова, З.Г. Ураксин, У.М. Яруллина) [24], мы можем отметить,

что слово «язмыш» имеет следующие характеристики: 1) юғары көс тарафынан алдан ук билдәләнгән күрәсәк, тәкдир; 2) кешенең йәки нимәнендер йәшәү рәүешен, үсәү тарихын, булмышын күрһәткән хәл; 3) нимәнендер йәшәү, үсәү тарихы, уның булмышы, киләсәге.

Что касается языковой реализации понятия концепта «*fate*», то он в большинстве случаев представлен существительным «*fate*». Рассмотрим примеры из художественных текстов: 1) e.g. «*I wouldn't wish a more loathsome fate on my worst enemy, and I would be obliged if you would not hold me so tightly*» [25]; 2) e.g. «*And not by chance did they have the opportunity, and the means. But mostly they agreed that it was a tragic fate*» [26].

В башкирском языке концепт «язмыш» представлен существительным «язмыш»: *Юк, юк, ундай ханымдар көн дә осрамай!. Был — язмыш. Тик ниңә килмәне? Таһир былай көтөп ултырыуҙан бер мәгәнә лә тапмай тороп китте* [27]; и глаголом «язылғанды күреү»: *Унынсы синыйфты Зәлифә тик «якшы» билдәләренә тамамланы. Артабан язмыш елдәре кайза ғына илтеп таушлар икән? Өләсәһе әйтмешләй: «Маңлайыңа язылғанды күрелә инде...»* [28].

Анализ словарных дефиниций концепта «*fate*»/«язмыш» дал возможность выявить синонимы с отрицательной коннотацией: англ. *death, destruction, doom, downfall, unfavorable outcome, ruin, portion, lot, misfortune*; башк. *үлем, бәхетһезлек, тәкдир, ормош*; с положительной коннотацией: англ. *fortune, luck, chance*; башк. *уңыш, бәхет*; с нейтральным значением: англ. *cause of events, course of life, final result, consequence, destiny, circumstances*; башк. *хәл, тормош, зүмер, күрәсәк, булмыш*.

Следующие синонимы составляют ближнюю периферию концепта «*fate*»/«язмыш»: англ. *destiny, doom, portion, lot, fortune/misfortune, luck, death, life*; башк. *насип, күрәсәк, тәкдир, зүмер, тормош*. Дальняя периферия представлена такими словами и выражениями, как: англ. *cause of events, course of life, final result, consequence, circumstances, unfavorable outcome*; башк. *өлөш, хәл, булмыш, ормош*.

Анализируя периферию концепта «*fate*»/«язмыш», мы обнаружили несколько концептуальных линий:

1) Судьба как высшая сила: человек зависит от Бога; его желания определяются как независимые от него: англ. *God knows what is to happen to her; for if ever a girl needs a strong — and — dare I say it — lusty husband, it is Kitty* [25]. Англичане всегда были религиозными: они считали, что все в жизни происходит по законам

Бога. Люди руководствуются этой высшей силой; башк. *Уның яраланган, камһетелгән йөрәгенән Өзлөкһөз хәсрәт һарка: «Эй, Хозайым, гүмеркәйзәрәм ошонда төңләп узырмы икән? Ниңә минән бәхеткәйзәрәңде йәлләнең? Йә, был донъяга тыуып, ниндәй рәхәтлек күрҙем мин?»* [29]. С древних времен башкирский народ был очень религиозным и духовным. Они считали, что ничего не происходит в мире без участия Бога.

2) Судьба, одаренная человеку Богом: Бог посылает людям счастье, успех, любовь, уважение: англ. *«We were speaking of it only yesterday, and agreeing how fortunate it was for Emma, that there should be such a girl in Highbury for her to associate with»* [30]. Как мы видим, счастливая судьба героини описывается здесь синонимичной лексемой «fortunate»; башк.— *Бирһен, Хозай, бик яҡшы, — тине ағаһы, кыуанып* [31]. Согласно мировоззрению башкирского народа, судьбы человека управляются Богом, который иногда может быть очень щедрым и добрым по отношению к людям.

3) Трагическая судьба: человек в течение жизни переживает и негативные чувства: несчастье, потери, падения и т.д.: англ. *Rosabel shivered, drew a little gasping breath, sat up. And because her fate was that tragic optimism, which is all too often the only inheritance of youth, still half asleep, she smiled* [32]. Автор описал трудную судьбу героини с помощью прилагательного «tragic»; башк. *Тик бер генә тапкыр күрергә ине, йомшак кулдарынан тотоп, бер һүз өндәшмәй булһа ла, биш минут кына янында булһам, артабан йәшәүе лә еңләйер ине, тик хыялланды. Ул бит гүмере буйына тик һеззе һағынып йәшәгән. Язмыштың шулай мәрхәмәтһез булыуына рәнйене лә кайһы сакта* [28]. Трагичность судьбы изображается здесь с помощью прилагательного «мәрхәмәтһез».

4) Судьба, созданная или продиктованная другими людьми: англ. *My dear brother Freddy told me years ago where we had all come from, me and him and Ciara, I mean, though the others had more luck being born in wedlock* [25]. Как известно, в давние времена дети, рожденные вне брака, отвергались обществом. Это считалось большой неудачей, «подаренной» ребенку своими родителями; башк. *Бына шулай итеп, Норош урмандарының язмышы бер нисә сәғәт ваҡыт эсендә Котлогужа байың төпкө өйөндә хәл ителде* [29]. Здесь говорится о судьбе башкирского леса. Образ башкирского народа невозможно представить без леса. Лес был не только местом обитания и укрытия, кормильцем и источником дохода башкир, но и символом вечности и покоя.

Как показывает анализ языкового материала, и англичане, и башкиры имеют схожие представления

о об универсально-абстрактном понятии «судьба». Отличительной чертой английского мировоззрения можно назвать то, что судьба характеризуется еще такими качествами, как непостоянство, непредсказуемость, злобное издевательство над «проигравшими». Влияние такого рода судьбы на жизнь людей объясняется действиями дьявола: *She knew it had not been her fault. The devil, for that was what Ben Maddox was, had taken her by surprise, taken a liberty and she had been livid about it* [25]. С древних времен люди полагали, что благоприятные события происходят благодаря Богу, но неудача посылается им дьяволом.

Ключевой концепт «fate»/«язмыш» и синонимы, представляющие близкую и дальнюю периферию, приобретают некоторые концептуальные значения, положительные и отрицательные свойства, ассоциативные связи с помощью стилистических средств, например, метафоры: англ. *I hope, sir, no very dreadful accident is the cause of your coming hither; but, whatever it was, you may be assured it could not be otherwise; for all things happen by an inevitable fatality; and a man can no more resist the impulse of fate than a wheelbarrow can the force of its driver* [33]; башк. *Йәшәрен йәшәгән, суйын төслө тәненең кайһы берсатнаған ерзәрәнән гәрәбә кеүек ялтлап торған сайыр һығып сығарған был сооҡ үзе йөзәр йылдар һузымына күргәндәрзе буйына һеңдереп калыу менән сикләнмәйенсә, быуындар язмышын тәнәнә лә уя барыусы гәжәйеп бер йылыязмасыны хәтерләтә ине* [29]; персонификации: англ. *To this demand Robinson answered, with great alacrity, that he should very gladly have complied, had not Fortune played one of her jade tricks with him* [33]; башк. *Их, һин, тормош! Ниңә һөйәктәре нығынып та етмәгән ошо кыз балаға күтәрә алмаҫ ауыр йөктәрәңде йөкмәттең? Уйнап-көлөп, шатланып кына йөрөр сағында яқты донъянан ниңә тартып алдың уны, әжәл? [29]; фразеологических единиц: англ. *He held up ten fingers and the eighty-year-old statue in the corner came to life and shuffled perilously across the kitchen to the ice chest grinning hugely under the thin straggly white beard* [34], *«There is nothing worse than death, Dumbledore!»* [35]; башк. *Ғаиләлә кешеләр был турала уйлай алмай: бала-сағаһын язмыш косағына ташлап, кайза китһен инде улар?* [29].*

Таким образом, будучи абстрактным понятием, анализируемый концепт существует на пересечении нескольких осей: сферы внутреннего мира человека; психики, где она является определенной когнитивной и семантической константой; культуры, которая предопределяет возможность постепенной трансформации концептуального содержания концепта; различные аспекты языка, в том числе лексические, соотносимые с качествами и свойствами этого явления.

Выводы

Если рассуждать шире и глубже, английский и башкирский — разносистемные языки, которые развивались по разным эволюционным путям; носители данных языков имеют разные условия жизни в зависимости от географических и климатических особенностей. Поэтому, несмотря на универсальность концепта «судьба», для каждого языка характерна своя модель Судьбы. Как показывают результаты анализа английских художественных текстов, судьба для англоязычного общества это совокупность таких событий и обстоятельств, как безответная любовь, незаконные отношения, тяжелая жизнь внебрачных детей, проблема «отцов и детей», нищета, несправедливость.

Отсутствие жизненноважных условий (недостаток денег, еды, жилища) привело к физическому или моральному истощению нации. У народа сформировалось мировоззрение, что человек бессилён перед судьбой: события происходят независимо от нашей воли. Подтверждением тому может послужить известная башкирская пословица «Язмыштан узмыш юк», т.е. «от судьбы не убежишь».

Представляется перспективным дальнейшее изучение концепта «судьба» на материале поэтических текстов. Ценное практическое значение будет иметь переводческий аспект исследования данного концепта.

ЛИТЕРАТУРА

- Исхакова Р. Р. Картина мира как отражение национального сознания // Сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития науки и образования». — М., 2014. — С. 40–41.
- Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А. Ф. Лосевым // «Понятие судьбы в контексте разных культур». — М.: «Наука», 1994. — 208 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. — М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. — С. 32.
- Лосев А. Признавая абсолютную истину // Студенческий меридиан. — 1991. — № 10. — С. 28.
- Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2014. — 52 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 446 с.
- Хайруллина Р. Х. Сопоставительная лингвокультурология. — Уфа: Мир печати, 2014. — 139 с.
- Иванова С. В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Вестник РУДН, серия Лингвистика. — 2016. — Т. 20. — № 2. — С. 9–15.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — С. 53.
- Суфьянова Н. Ф., Сиразитдинова З. А., Уракин З. Г. Толковый словарь башкирского языка. — Уфа: Книга, 2011. — 336 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия 2001. — 208 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа: «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
- Абсаламова Л. Ф. Лингвокультурологические основы описания суперконцепта «сверхчеловек» в английских и башкирских текстах: диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук. — Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009.
- Ахметзадина З. Р. Лингвокультурологический аспект реализации концепта «романтика» в английских и русских художественных текстах (на материале литературы XIX–XXI веков): диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук. — Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75–80.
- Concise Oxford English Dictionary. 12th ed. — Oxford University Press, 2011. — 1696 p.
- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. — М.: Наука, 1981. — 144 с.
- Гарипов Т. М. Историко-этимологический словарь башкирского языка (Том 1). — Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. — 139 с.
- Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com>.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. — Macmillan ELT, 2007. — 1748 p.
- Webster's Desk Dictionary of the English language. — New York: Random House Value Publishing, 1990. — 1078 p.
- The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — 1739 p.
- The Free Dictionary. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/fate>
- Агишев И. М., Бишев А. Г., Зайнуллина Г. Д., Ишмухаметов З. К., Кусимова Т. Х., Уракин З. Г., Яруллина У. М. Словарь башкирского языка. — М.: Рус.яз, 1993. — Т. 1. — 861 с.
- Howard A. Rivers of the Heart. London: «Hodder and Stoughton», 2006. — 407 p.
- Essberger J. The Chapel. Available at: <https://www.englishclub.com/reading/story-chapel.htm>.
- Гайфуллина М. Бусинка // Дочь Башкортостана. — 2013. — № 11. — Режим доступа: <http://xn-80aab0anbugatmkc1ftcb.xn--p1ai/proza/429-mryen-brtg.html>
- Гатауллина С. Ты уйдешь, я останусь // Агидель. — 2013. — № 7. — Режим доступа: http://agidel-rb.ru/nomera/2013/07/sli_ataullina.html

29. Мусин Н. Вечный лес. — Уфа: Башкирское книжное издательство «Китап», 1976. — 328 с.
30. Austen J. Emma. — London: HarperCollins Publisbers, 2010. — 498 p.
31. Гумерова Т. Ямиляйка // Агидель. — 2014. — № 7. — Режим доступа: <http://agidel-rb.ru/nomera/2016/63/tayilyiu-mrova.html>
32. Mansfield K. The Tiredness of Rosabel. — 1908. — Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/m/mansfield>.
33. Fielding H. Amelia. — 1751. — Available at: <https://www.mixcloud.com/ameliavol1byfieldinghenry>.
34. James J. From Here to Eternity. — N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1951. — 861 p.
35. Rowling J. K. Harry Potter. — 1997–2007. — Available at: <https://www.goodreads.com/author/list/1077326>.

© Ахметзадина Зульфия Рауиловна (z.ahmetzadina@rambler.ru), Абсалямова Лилия Фаритовна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибайский институт Башкирского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОГО И МЕТАДИСКУРСИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛЯМ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНО-ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

THE PECULIARITIES OF THE GENRE
AND METADISCOURSE USAGE
OF THE UTTERANCES BUILT
ON THE MODELS OF CONFIRMATIVE-
INTERROGATIVE CONSTRUCTIONS
E RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

N. Beloshitskaya

Summary. The way utterances built on the bases of confirmative-interrogative constructions' models mark a wide range of phatic and informative speech genres is in the focus of attention of the paper in question. Utterances of the kind have the prototypical meaning of appealing for the asked opinion's confirmation. Meanwhile, suchlike utterances have a profound potential for giving rise to new senses as well as for metadiscourse usage. The author resorts to the notions of «speech genre», «speech act», «metadiscourse» in the attempt to define the functional potential of the language units under analysis in a more detailed way.

Keywords: confirmative-interrogative constructions, phatic speech genres, informative speech genres, metadiscourse, cultural scripts.

Белошицкая Наталья Николаевна

Доцент, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
n.lenina@mail.ru

Аннотация. Внимание в статье фокусируется на маркировании широкого диапазона фатических и информативных речевых жанров высказываниями, построенными по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций. Высказывания, построенные по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций, прототипическое значение которых заключается в получении подтверждения высказываемого мнения, обладают большим потенциалом, как для порождения новых смыслов, так и для метадискурсивного использования. Автор обращается к понятиям «речевой жанр», «речевой акт», «метадискурс» в попытке более точного определения функционального потенциала анализируемых языковых единиц.

Ключевые слова: удостоверительно-вопросительные конструкции, фатические речевые жанры, информативные речевые жанры, метадискурс, культурно-обусловленные сценарии.

В последние десятилетия диапазон анализа языковых единиц и лингвистических рефлексий над явлениями, достаточно изученными в рамках традиционных, устоявшихся лингвистических теорий, заметно расширился в связи появлением новых интегрированных лингвистических направлений и общими тенденциями усиления утилитарности теоретического знания, повышения возможности практической применимости результатов наблюдений над языковыми явлениями. Увеличился и арсенал используемых дискурсивных практик с осознанным жанровым учётом действия основных прагматических принципов (кооперации, вежливости, иронии).

В этой связи любопытно обратиться к рассмотрению жанрового потенциала высказываний, построенных на основе определенной языковой конструкции в разрезе теории речевых жанров, теории речевых актов и исследований метадискурса. Обратимся к вы-

сказываниям, построенным по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций (далее — УВК) с позиции жанрового потенциала их использования в речи. Подробное освещение классификации моделей удостоверительно-вопросительной конструкции, их функционально-прагматическую характеристику можно найти в работах автора [2, 3]. Примеры высказываний, построенных по моделям этой конструкции, иллюстрируют общую направленность на получение подтверждения исходного предположения говорящего, а не на заполнение информационной лакуны, что является прототипической функцией вопроса. В русском языке это модели: 1. *Вы (ты) считаете (думаете, полагаете и др.)?*; 2. *Правда, что X?*; 3. *Разве не X?* Построение первой модели является результатом действия лексико-синтаксической координации (далее ЛСК) [2,9,10]. В английском языке: 1. повествовательные предложения с повышающейся интонацией — *You think (mean, suppose) that* (здесь также очевидно действие механизма ЛСК); 2 отрицательно-вопроси-

тельные предложения — *Don't you think that*; 3. модель присоединительного вопроса¹.

В качестве обоснования обращения к понятию «речевой жанр» предлагаем следующие соображения:

1) соотнесение с понятием «сценарий» — определение речевого жанра как стереотипа речевого поведения в типичных коммуникативных ситуациях;

2) высказывания, построенные по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций являясь частью сценариев (ситуационных моделей), одновременно маркируют речевой жанр как «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» [7, с. 24];

3) функционирование высказываний, построенных по моделям УВК как средств реализации асимметрии полевой организации средств коммуникации, под центром поля, понимая прямые средства выражения запроса, утверждения, под периферией — косвенные.

Определимся с обозначением иллокутивной функции как абстрактной данности (вне речевой ситуации) через понятие речевого акта. В реальном дискурсе — в процессе креативной деятельности говорящего, высказывания, построенные по моделям УВК, уместно обозначить термином коммуникативный ход — речевое действие в рамках коммуникативного акта.

В свою очередь, коммуникативный акт, обладающий чертами тематической и логико-прагматической завершенности, можно обозначить через понятие речевого жанра при естественном осознании условности подобной корреляции, поскольку не существует единства во мнении относительно границ речевых жанров [1]. Более того, степень абстрактности термина «коммуникативный акт», безусловно, выше, поскольку этот термин, в отличие от термина «речевой жанр» лишён потенции для анализа в лингвокультурологическом аспекте, представляя в большей степени структурную единицу. Ощущение терминологической лакунарности в этой связи требует активации термина, ориентирующего на анализ регистровых нюансов функционирования высказываний по моделям УВК.

Таким образом, целесообразность подобной связи (условное приписывание коммуникативного акта определённого виду речевого жанра) обосновываем возможностью фиксации наблюдений относительно зависимости частоты и формы выражения говорящим

значения запроса подтверждения в виде высказываний по моделям УВК и типом дискурса.

Актуальна в таком случае связь между речевым актом и речевым жанром, действенность основных прагматических регуляторов общения, определяющих интерпретацию коммуникативных ходов по степени косвенности, прежде всего. В целом современную лингвистику характеризует движение к синтезу разных направлений: теории речевых актов, теории текста, прагмалингвистики, социалингвистики, психолингвистики — к созданию новой теории языка.

Проблема соотношения речевых актов и жанров была поставлена, в частности, А. Вежбицкой [5]. Затрагивалась эта проблематика во многих исследованиях, посвящённых функционально-стилистическим вопросам. Придерживаемся позиции, представленной М.Н. Кожинной, которая предлагает рассматривать эти понятия как разные явления: «Речевой акт — это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделённая определённой иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определённый прелокутивный эффект <...> Речевой же жанр — особенно если учесть вторичные РЖ — это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов» [11, с. 61–62].

Типизация дискурса относительно речевых жанров определяет иллокуцию высказываний, построенных по моделям УВК, их функциональное преломление. Говоря о типизации, мы, естественно, упрощаем и значительно свёртываем проблематику, связанную с дискурсом, уже по той причине, что дискурс и речевой жанр нельзя ставить на одну таксономическую горизонталь, хотя в рамках некоторых подходов к определению дискурса (например, французскими структуралистами дискурс — как функциональный стиль) понятия эти пересекаются достаточно сильно. Трудность в определении и того, и другого понятия также является моментом сходства. Сопоставление считаем уместным в качестве приёма анализа, охватывающего и структуру взаимодействия и акцентуацию одного из уровней этой структуры — функционального, который воспроизводится вербальными средствами, маркирующими тот или иной регистр речи, способный подвергаться измерению по параметрам частоты и форм тех или иных выражений. Дискретизация дискурса по этим функционально-стилистическим параметрам и может фиксироваться как речевой жанр.

Придерживаемся такой трактовки определения речевого жанра: «это исторически сложившиеся виды произведений речи, имеющие форму, порождённую задачами представления действительных и альтернативных миров в речевых произведениях, возникающих в типичных для данного народа ситуациях общения в соответ-

¹ В научной литературе этот вид вопросительного предложения известен также как разделительный вопрос, расчленённое вопросительное предложение.

ствии с их назначением в личной и общественной жизни представителей этого народа» [4, с. 14].

Высказывания, построенные по моделям УВК, активно задействованы в институализированных видах дискурса. Доступно наблюдению и анализу подобное функционирование УВК особенно в дискурсе письменной речи. Это определяем как вторичное использование моделей УВК (первичное — непосредственно запрос подтверждения мнения) на основе метонимии, с другой стороны — это подтверждает цельность ментальной операции, её самостоятельный статус, с вербализацией посредством УВК. А. Стельмашук исследует функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле и одним из маркеров его выделяет использование «вопросительных цепочек», представляющих собой низывание вопросительных предложений» [14, с. 9].

И в научно-популярных текстах, и в текстах художественной литературы, публицистики высказывания, построенные по моделям УВК, выполняют, прежде всего, контактную функцию (действительно, непосредственный запрос подтверждения в чистом виде вряд ли выполним в письменном дискурсе). Соответственно, говоря о речеактовой принадлежности (О.Г. Почепцов классифицирует речевые акты в зависимости от канала речи — письменное или устное общение [13]) можно причислить высказывания по моделям УВК к метадикурсивным речевым актам.

Высказывания по моделям УВК активно задействуются для метадикурсивной функции и в устном, и в письменном дискурсе. Необходимо заметить, что метадикурс и метадикурсивные средства активно изучаются в настоящее время, однако исследователи отмечают «размытость» термина «метадикурс» [16, с. 1326]. Как правило, метадикурс определяется как комплекс языковых ресурсов, используемых для организации дискурса или выражения позиции автора к содержанию или к читателю (слушателю) [17, с. 450]. Существуют классификации метадикурсивных маркеров, подразделяющие эти единицы на обращенные к тексту, как таковому, к читателю (слушателю), выражающие позицию автора, а также те, которые выполняют навигацию читателя (слушателя) [18]. Но функциональное преломление наблюдает значительные различия при разнице в каналах связи. В устном общении метадикурсивная функция нацелена на организацию структуры дискурса прежде всего — начало общения, поддержка канала связи, управление пониманием, возможно и речевое воздействие. В этой связи уместно привести классификацию речевых актов, разработанную немецким учёным Д. Вундерлихом [19], часто упоминаемую в работах, посвящённых вопросам коммуникации и речевого воздействия в дискурсе. В письменном — прежде всего имитация бытового

общения, активизация внимания читателя к важным моментам, привлечение опыта читателя, возбуждение эмпатии. В целом, также контроль понимания, управление читательским сознанием, а также роль в организации текстовой доминанты, обнаруживающей способы лексико-синтаксической координации.

Отметим, что именно лексико-синтаксическое оформление во многом определяет функциональную валентность высказывания, отнесённость к определённому классу речевых действий и возможность его актуализации в качестве конкретного речевого действия. Соответственно за определённым грамматическим оформлением может фиксироваться набор типизированных интенциональных направлений, выделившихся благодаря частотности употребления и входящих в множество пресуппозиционального знания относительно употребления языка. Это знание кодируется нормами речевого общения.

Парадоксальность может наблюдаться при рассмотрении речеактовой актуализации высказывания по модели УВК и речевым действием в его обусловленности предыдущим развитием дискурса. Например, факт способности реализовывать удостоверительное значение (выводное знание) в дискурсе — это норма (прямое значение для УВК в фиксации речевого акта), но само речевое действие, выраженное этим высказыванием, в масштабе дикурсивного отрезка самых разных речевых жанров (бытовой диалог, научная дискуссия и др.), может маркировать отклонение от нормы, предписывающей развёртывание сценарного фрейма.

Перейдём к фиксации иллюкутивных реализаций высказываний по моделям УВК. Базируемся на типологию речевых жанров, разработанную В.В. Дементьевым, в которой ведущим признаком классификации выступает реализация фатического или информативного коммуникативного замысла [8, с. 34].

Резюмировать функциональный разброс, можно зафиксировав эти проявления за названиями классов речевых действий (типология речевых действий [15, с. 41]): регулятивы, контактивы, экспрессивы. Говоря о типологии дискурса, вышеназванные фатические жанры, прежде всего, составляют содержание экспрессивного, социально-ритуального, реже аргументативного дискурса. Для экспрессивного и социально-ритуального дискурсов характерна компрессия информации и, как следствие, используются структуры неполного грамматического состава.

Характеризуя первый случай (сопоставление разных языков), традиционным стало указание на лингвоспецифичность конструкции разделительных вопросов. Учи-

таявая факт принадлежности разделительного вопроса к моделям УВК, вполне уместным будет небольшое отступление-обзор с целью демонстрации клишированности этого вопроса в английском языке (англо-саксонской культуре). Разделительный вопрос, как никакая другая конструкция, маркирует одну из ключевых ценностей англоязычной культуры — уважение к независимому мышлению (мнению). «Использование разделительных вопросов... свидетельствует о существовании в англоязычной культуре нормы, согласно которой говорящий обязательно интересуется, существует ли альтернативная точка зрения» [12, с. 194]. «Анализируя разделительные вопросы, пронизывающие всю английскую речь, я показала, что разделительные вопросы с разной полярностью выполняют важную культурную функцию, постоянно сообщая о возможности разных мнений или точек зрения и выражая принятие этих расхождений» [6, с. 127].

Очевидна типизированная реализация этой моделью УВК стратегии негативной вежливости, суть которой — подчеркнуть автономность и независимость говорящего и адресата. Заметим, что для разговорного дискурса в русском языке (экспрессивного, социально-ритуального) — оформление УВК с помощью составной частицы «не так ли» крайне нехарактерно. Тем не менее, наблюдается внедрение такого оформления запроса-подтверждения в аргументативный дискурс носителей русского языка. Общеизвестно, что любые изменения в концептуальном содержании и способах вербализации концепта объясняются, во-первых, изменчивостью, нестабильностью концептуальной структуры. Меняются внешние обстоятельства, внутренняя система ценностей, что приводит к семантическим сдвигам и обогащением концепта новыми ассоциативными связями. Это, безусловно, явление показательное по той причине, что речевые жанры, составляющие содержание этого дискурса, требуют специального изучения (в отличие, скажем, от большинства жанров социально-ритуальных или экспрессивных, освоение которых обуславливается самим фактом нахождения в среде носителей языка, воспитанием). Не каждый носитель языка владеет умением вести научную дискуссию, деловые переговоры, брать интервью, выступать перед аудиторией, выстроить коммуникативную стратегию таким образом, чтобы склонить слушателей (собеседников) к своей точке зрения. Повышение актуальности проблемы толерантности, уважения и принятия чужой позиции увеличивает и количество языковых единиц — средств апелляции к этому концепту — концепту «мнения» и, что не менее любопытно, эти же объективные изменения в общественном сознании обуславливают укрепление и повышение значимости в структуре концепта признаков, вербализуемых этой единицей (**не так ли**). Процесс трансформации оценочности демонстрирует изменение отношение социума к концептуализируемому феноме-

ну. Реализация этого «социально-ценностного» сектора (диалогичность, открытость) концепта происходит, надо сказать, в пределах достаточно узкого спектра речевых жанров в русском языке, как отмечено выше, по преимуществу в аргументативном дискурсе. Заметим, что подобное выражение диалогичности научной речи может маркировать не только устно-речевые жанры, но и письменные.

Так в перечислении возможных речевых действий в оформлении высказываниями по моделям УВК, мы перешли от фатических речевых жанров к информативным. Казалось бы, будучи вопросительными (хоть и не в чистом виде) эти конструкции должны актуализироваться в высказываниях, маркирующих информационный дискурс, но особенность значения этих конструкций определяет выражение синкретичности коммуникативных интенций говорящего, при этом интеррогативный компонент может занимать далеко не главное положение. Также как и в случае с фатическими речевыми жанрами, в информативных — высказывания, построенные по моделям УВК, реализуют иллюкуцию контактоустановления, пролонгацию контакта, обращение за поддержкой мнения, то есть — выполняют функцию строения дискурса (метадискурсивная функция). Безусловно, в информационном дискурсе, в качестве вспомогательных средств при организации диалога, высказывания по моделям УВК выступают и в качестве интеррогативов в тех случаях, когда, действительно, нужно убедиться в правильности умозаключения, осуществить контроль понимания собеседника. Здесь, в качестве наиболее востребованных моделей УВК выступает прототипическая модель — «ты считаешь (думаешь, полагаешь), что...?». Это объясняется общими когнитивными основаниями организации информационного дискурса и конкретных проявлений в виде речевых жанров — необходимостью сохранения объёма информации, чтобы не допустить двусмысленности, неоднозначности, неопределённости, нечёткости выражения мысли.

Следовательно, предпочтение (среди моделей УВК) отдаётся моделям, организованным посредством ЛСК: ты считаешь, что...?, верно, что...?, с возможными перифразами.

Функциональные проявления высказываний по моделям УВК в информативных речевых жанрах можно обозначить через следующие речевые действия (по степени частотности): регулятивы (высказывание предположения), структивы, репрезентативы, интеррогативы, экспрессивы.

Очевидно, общим в иллюкутивном содержании высказываний по моделям УВК в основных типах дискурса (экспрессивный, аргументативный, социально-ри-

туальный, информационный) выступает значение структуризации дискурса, организация направления темы, контролирующая функция. Этот компонент значения накладывается на основное — запрос подтверждения, поэтому высказывание по модели УВК следует всег-

да рассматривать относительно нескольких уровней: 1) актуализация значения, востребованного условиями ситуации общения и интенциями говорящего; 2) роль в организации когезии дискурсивного отрезка, радиус действия в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества: [сб. избр. тр.] — М.: Искусство, 1979. — С. 17–35
2. Белошицкая Н. Н. Лексико-синтаксическая координация как механизм фиксации языком рефлексивных процессов // Гуманитарный вестник 2015, № 10(36), с. 9.
3. Белошицкая Н. Н. Реализация концепта «мнения» посредством удостоверительно-вопросительных конструкций. // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011 № 2, с. 77–80.
4. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 12–23.
5. Вежицкая А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 99–112.
6. Вежицкая А. «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / пер. О. Н. Дубровской // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. — Вып. 2. — С. 116–139.
7. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.
8. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — Вып. 1. — С. 34–44.
9. Ильенко С. Г. Лексико-синтаксическая координация и виды её реализации // Проблемы лексико-синтаксической координации: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. Г. Ильенко. — Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. — С. 5–15.
10. Ильенко С. Г. Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчинённого предложения / С. Г. Ильенко, И. Н. Левина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — 437 с.
11. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы // Жанры речи: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. — Вып. 2. — С. 55–65.
12. Онн Вонг Джок. Культурно обусловленные сценарии, речевые средства для выражения «личной автономии»: стандартный английский vs. английский в Сингапуре / пер. О. Н. Дубровской // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. — Вып. 4: Жанр и концепт / отв. ред. В. В. Дементьев. — С. 183–201.
13. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. — Киев: Вища школа, 1986. — 115 с.
14. Стельмашук А. Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подъязыка медицины): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Ленингр. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Л., 1987. — 15 с.
15. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. — Краснодар: Изд-во Южного ин-та менеджмента, 2004. — 143 с.
16. Infantidou E. The Semantics and Pragmatics of Metadiscourse // Journal of Pragmatics. Vol. 37, 2005. — p.1323–1353.
17. Jiemin Bu Towards a Pragmatic Analysis of Metadiscourse in Academic Lectures // Discourse Studies. Vol. 16(4), 2014. — p. 449–472.
18. Man Zhang A Multidimensional Analysis of Metadiscourse Markers Across Written Registers // Discourse Studies. Vol. 18(2), 2016. — p. 204–222
19. Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics / ed. by John R. Searle, Ferenc Kiefer, Manfred Bierwisch. Dordrecht: Holland; Boston: USA; London: England: D. Reidel Publishing Company, 1980. — p. 291–312.

© Белошицкая Наталия Николаевна (n.lenina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ «СЕРЕДИННОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ Е. В. ГРИШКОВЦА «АСФАЛЬТ»

THE IMAGE OF THE «MIDDLE MAN» IN THE NOVEL E. V. GRISHKOVETS «ASPHALT»

**L. Blonska
E. Sonina**

Summary. This article discusses the issue of artistic understanding of the image of «middle man» in the works of modern writer E. V. Grishkovets based on the novel «Asphalt». The study presents an analysis of the structure of images of a literary text, which is the most obvious object of interpretation of the work in the reception of the mass reader. The paper also reveals the peculiarities of displaying the Central image of the hero as a key figure that forms the integrity of the text around itself, which makes it possible to determine the author's way of building the character of the hero of our time in the context of all the creativity of the modern writer.

Keywords: Grishkovets, image, author, novel «Asphalt».

Бронская Людмила Игоревна

*Д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет»
libron@yandex.ru*

Сонина Елена Владимировна

*Аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет»
elena_sonina17@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос художественного осмысления образа «серединного человека» в творчестве современного писателя Е. В. Гришкова на основе романа «Асфальт». В исследовании представлен анализ структуры образов художественного текста, которая является наиболее явным объектом интерпретации произведения в рецепции массового читателя. Также в работе выявляются особенности отображения центрального образа героя как ключевой фигуры, формирующей вокруг себя целостность текста, что позволяет определить авторский способ построения характера героя нашего времени в контексте всего творчества современного писателя.

Ключевые слова: Гришковец, образ, автор, роман «Асфальт».

Творчество современного писателя Евгения Гришкова характеризуется высокой степенью автобиографичности и монологичности, что стало отличительной чертой произведений автора. При этом в процессе литературного становления и творческого поиска писатель в некоторых текстах совершает попытки освободить свою прозу от личного голоса, формулирует текст независимо от процесса его звучания на эстраде. По его личному мнению, в романе «Асфальт» у него это получилось. Отметим, что и в этом — достаточно крупном, в сравнении с произведением «Рубашка» или повестью «Реки» — литературном труде существуют лирические отголоски рассказов-монологов, традиционных для всего творческого пути Е. В. Гришкова. Это является следствием непосредственно большого количества авторских ретроспекций, рефлексий и отступлений, которые наполняют художественное пространство произведения. Однако это только эманации прежнего Евгения Гришкова, сам он достаточно успешно погрузился в собственных персонажей и говорит сторонними голосами, создавая признаки диалогичности героев в художественной структуре текста.

Структура образов художественного текста зачастую является наиболее ярким уровнем читательской рецепции, поскольку компетенция интерпретации большинства из них не достигает профессионального филологического анализа (в первую очередь это характерно

для прозаических произведений, но также применимо и к другим жанрам) [11, с. 149]. Следовательно, литературный текст воспринимается через персонажей, их характеры и действия — то, что субъект рецепции может воспринимать в соотношении со своим внутренним содержанием и внешними проявлениями своего «Я».

Гришковец в романе остался верен себе. Все, кто читал его пьесы, смотрел его моноспектакли, без особого труда отличат его особенный душевный тон, когда постоянно повторяющиеся фразы и мысли раздаются в качестве внутреннего монолога. Читатель или слушатель невольно задумывается о том, насколько верно автор все это заметил как в своей повседневной жизни, так и в повседневной жизни окружающих его людей. Не только заметил, но и сумел воплотить в художественных текстах так, что реципиент с удивлением замечает, и у меня так же, и я об этом думал, и я наступал на те же грабли. В некоторых эпизодах текста встречаются частые и очевидно простые повторы содержания, утомляющие читателя ожиданием серьезного разговора с автором, который настойчиво и длительно описывает одну сюжетную ситуацию или художественный элемент, чтобы совершенно точно донести собственную мысль. Возможно, из-за непривычности и первых проб работы над романом для автора речь героев местами звучит чересчур литературно, с уменьшительно-ласкательными оборотами, излишне частыми обращениями, такими

как: «Сепал!», «Милый», «Мишенька!», «Дорогой». Также в произведении отмечается языковая и стилистическая шероховатость, допускаемая автором: «Ему было весело, но Миша его в его веселье не поддержал» [4, с. 21], «Дома было тепло, тихо и пахло его домом» [4, с. 573]. Однако от этого не убывает очарование текстов Е. Гришковца.

Следует заметить, что в литературно-критических отзывах на роман утверждалось мнение, что «Асфальт» вовсе не роман, а скорее всего повесть. И что как роман «Асфальт» является явной неудачей автора. Впрочем, и мы находили указанные в критике «ляпы» Гришковца. Однако сам факт появления этого произведения (пусть не во всем удачного) важен нам потому, что он явился своего рода итоговым в очередном десятилетии творческого пути автора.

«Асфальт» действительно и ощутимо отличается от всего, что Гришковец создавал раньше. Первый раз Евгений Гришковец выстраивает автономный от себя характер первостепенного персонажа — главный герой Миша достаточно самостоятелен и отделен от сознания самого автора.

Приемы формирования характера в целостности литературного образа является основой для его эстетического анализа, а также отражает дискурсивную репрезентацию субъектности писателя, его представление концепции личности, осознанно или неосознанно рефлексируемой автором в тексте и воспринимаемой читателем на уровне эстетических впечатлений. Центральный образ героя становится ключевой фигурой, формирующей вокруг себя и сам сюжет, и его развитие по ходу повествования. Словесный образ создается автором посредством разнообразного комплекса художественных приемов, включающих в себя традиционно внешние признаки изображения личности (портрет, речь и действия героя, хронотоп, окружающий его интерьер) и внутренние проявления мира персонажа (различные формы психологизма) [10, с. 115].

В романе «Асфальт» Е. Гришковец решает сложную творческую задачу — каким образом выстроить характер героя *нашего времени*. Миша — выходец из провинции, приехавший в Москву из Архангельска. Он определенно очень далек от образов Печорина или Онегина. В романе это сложившийся тридцатилетний провинциал, покоривший Москву. Он вполне вписывается в парадигму преуспевающего жителя столицы, представителя так называемого среднего класса. У него семья, хорошая квартира, неплохая машина, он владелец небольшой фирмы, изготавливающей дорожные знаки. В бизнесе он удачлив, благодаря помощи очень исполнительного заместителя Леонида и невероятной секретарши Валентины; очень важен тот факт, что он любит эту работу.

Следом за своим старшим современником В.С. Маканиным, Гришковец продолжает создавать коллекцию героев «усредненности» (термин Маканина). Герой Гришковца Михаил тот же «серединный человек», как и многие герои Маканина. Однако, если Маканин дистанцируется от своих героев, описывает их, как энтомолог описывает только что пойманную бабочку, то Гришковец относится к своим героям, можно сказать, с дружеской симпатией, в данном случае он старается дистанцию, которая вполне объективно разводит автора и героя по разные стороны, — по мере возможности сократить.

Миша так и не получил высшего образования: начал и не закончил. Автор подробно описывает семью героя, которая для писателя является достаточно важным признаком определения ценностно-моральных установок своего персонажа: у Миши есть жена и две дочери, но в тоже время автор обращает внимание читателя, что он часто отдыхает один. На отдыхе он прогуливается по Парижу или Берлину, посещает разнообразные кофейни и читает латиноамериканских или французских авторов. Автор допускает некоторую иронию по отношению к своему герою, что проявляется в характеристике его внутренней содержательности: чтением Миша занимается серьезно, глубоко и серьезно анализирует прочитанное, а с некоторых пор самостоятельно может выразить взгляд на прочитанное произведение: «он получал удовольствие от того, что без всякого удовольствия и даже с трудом читал «Великого Гетсби» Фицджеральда... Все ему казалось необязательным, и книжка казалась необязательной, но он обязательно хотел ее дочитать из азарта преодоления трудностей, из желания все же понять, почему читающие люди охают при звукоочетании «Фитцджеральд» [4, с. 9]. Все та же ироничная снисходительность проявляется писателем и в изображении отношения героя к другим видам искусства: как считает сам Михаил, он смыслит в сфере кино, музыки и живописи. Любитель элегантной погоды, такой, которая стоит в Москве около середины осени, герой романа достаточно последовательно выполняет принятые в обществе занятия, чтобы соответствовать образу современного и цивилизованного человека: все еще совершает попытки начать заниматься изучением английского языка, а его неопределенная перспектива — покупка дома за городом.

Как отмечает Г.И. Богин, «ситуация чтения включает не только текст, но и многие черты личности читателя, и что-то от личности писателя, и что-то об общенационально-культурной обстановки и пр.» [2, с. 112], что является немаловажным условием для верной читательской интерпретации и близости писателя и реципиента. Миша прост и понятен как герой, поскольку по статистике он — средний представитель жителя столицы, обыкновенный русский парень, который вырос и сформирован как личность в том же культурном и социальном

поле, что и писатель, и сам читатель. К слову, собственного слишком русского лица он в какой-то степени даже стыдился. Большое внимание автор уделяет описанию внутренних ценностных установок героя в его нахождении в обществе: Миша изо всех сил пытается «вести себя хорошо», проживает так называемую «цивилизованную» жизнь. Характеристика всей благоустроенной жизни героя: работа, дом, рабочие поездки, отдых с друзьями. В определенный момент он пришел к выводу, что его намного больше стали устраивать, а в некоторых случаях даже радовать те люди, которые всего лишь обладали способностью «хорошо себя вести». Некие пунктуальные, вежливые, не укорачивающие дистанцию, малоговорящие; достаточно редкие, в нашем обществе люди. При этом герой не настолько проявляет внимание к их нравственным качествам: честность, доброта или что-то другое, гораздо важнее для Миши становится категория внешней «порядочности», которую он определяет как самую приоритетную и высшую черту другого человека. Такие люди приходят вовремя, говорят лишь по делу, улыбаются, прощаются и уходят, иногда раньше назначенного времени. Сразу понятно, что это «приятные, умные люди». С ними хочется вести дела и, что немаловажно, разговаривать. Миша разработал собственный свод правил, пытался им следовать, считал их понятными, житейскими и хорошими, полагал, что с их помощью стал меньше терзаться различными соблазнами, работать начал продуктивнее, и проще относится к окружающим.

Знание и опыт складываются из взаимодействия человека с окружающим миром и его последующей рефлексией. Читатель вместе с персонажем проходит процесс получения нового опыта, что также оказывает влияние на понимание литературного произведения через образ и переживания действующего героя: «постоянное переосмысление уже пройденного пути порождает новые, уже откатегоризированные, когнитивные единицы, в конечном результате перерождающиеся в когнитивные структуры в процессе понимания художественного текста» [5, с. 34].

Е. В. Гришковец тратит достаточно много усилий, чтобы погрузить читателя в мир своего героя, поскольку событие, которое запускает сюжет и становится центральным в повествовании, должно соответствовать степени эпичности для жанра романа. И оно происходит: в таком правильном, отлаженном быте случается сбой — событие, насильно вытаскивающее Мишу из этого равномерного течения жизни, угрожает стать разрушительным для всего существующего мира, пусть в данном случае — автор и говорит только о внутреннем мироустройстве одного человека. Новость о смерти, и не просто о смерти, а самоубийстве, родного человека — любимого друга и наставника Юли. Не смотря на совершенное самоубийство и то, что читатель знакомится с героиней уже после ее смерти, фактически именно она

становится самым ярким женским образом романа. Гендерная составляющая поэтики образов оказывает особое влияние на эстетическую коммуникацию с читателем и художественное пространство литературного произведения, при этом проявление авторского мастерства в изображении персонажей является, в том числе, репрезентацией целостности творческой личности писателя.

Справедливо отметить, что значительно ярче в творчестве писателя представлены именно мужские образы — главные действующие герои прозаических и драматических произведений автора, которые зачастую являются достаточно автобиографичными и несут в себе выражение авторской концепции личности современного человека. В романе «Асфальт» писатель воплощает один из самых значимых и интересных образов всей галереи женских персонажей своего творчества. Юля представлена как человек большого ума, высокого уровня воспитания и безграничной доброты. Автор подчеркивает насколько в ее помощи и внимании всегда всенуждаются. Всегда в делах и такая начитанная Юля согласна в каждой ситуации услышать и оказать помощь любому.

Примечательно проявление экзистенциальных особенностей мироощущения Е. Гришковца, которые отражаются в тексте в осмыслении героями своего жизненного пути, особенно в столкновении с вопросами жизни и смерти. Так автор приводит в тексте рассуждение одного из ее сотрудников о том, что он не так давно осознал, что, когда хоронить человека подходит большое количество людей, людей различных, может быть даже незнакомых между собой — это означает, что смерть отобрала у таких людей человека внезапно, что прекратилась инициативная и далеко еще не погасшая жизнь. Это означает, что жил человек, который нужен многим, который работал, общался со многими людьми, интересный и, вероятно, любимый. Это беда, трагедия, горе. Когда же за гробом идет пара старичков, старушек, совсем немного взрослых, а еще лучше пожилых детей усопшего — это хорошо. Получается, что человек сотворил в жизни, все что мог и хотел, подытожил собственную активную жизнь, тихо пожил и ушел. Юля же «всем была нужна» [4, с. 10]. И вот такая Юля неожиданно сделала подобное — действие, которое совершенно не подходит под установку «хорошее поведение» и от этого еще больше мучений достается ничего не понимающему Мише.

Данное известие ознаменовало главное начало повествование романа. Перед читателем появляется вся совокупность несовершенства и, что самое странное, скелетов в шкафу главного мужского персонажа Миши. Он лишается покоя, уверенности в себе и самообладания. Занимается рефлексией, вспоминает собственную жизнь, обдумывает то, о чем очень хотелось бы не думать, и создает о самом же себе нелицеприятные открытия.

Миша слишком старался стать правильным. То самое «цивилизованное» отношение в работе начало тянуть за собой подобное отношение ко всей жизни. В рамках двух последних лет Михаил достиг существенных заслуг в сфере организации личного жизненного пространства. Вот только рано возвращаться домой, он так и не научился. Да, еще он не смог бросить курить и пусть один раз в неделю, но любил выпивать, поговорить очень долго с кем-либо из своего маленького списка друзей. В кабинете на его работе всегда существовал и остается там же сокровенный шкафчик с небольшим количеством сокровенных бутылочек.

Е. Гришковец при этом не описывает героя как отрицательного персонажа, Миша наделен значимыми в авторской концепции человека чертами. Он любит свою жену Аню и дочерей. К жене Миша постоянно пытался иметь очень бережное отношение, не злиться на нее. Довольно давно он осознал, что нет ему более близкого и преданного человека на земле. Он старался даже по мелочам в последнее время не обманывать Аню. Герой все же не сообщал ей всей правды, утаивал случайные и небольшие интрижки, но явно не врал. Кроме того, интрижки он пытался избежать. Миша боялся сломать то, что именовал домом и семьей. Прекрасно понимал, что врать он не умеет.

Как мы уже говорили, работу Миша любит и осуществляет ее отлично. Но в момент рефлексии начинает в этом сомневаться.

Он кажется, а не существует. Сохраняет наружное приличие, а что происходит внутри — неважно. Именно таким автор представляет своеобразного героя современности читателю и подкрепляет его образ второстепенными мужскими персонажами, которые во многом повторяют самого главного героя. Сергей — холостяк, который осуществляет продажу автомобилей, ему везет, деньги, женщины, спорт — все легко. Или же друг Степа, которому за сорок, развелся, владеет ветеринарной клиникой и магазином для животных, большой любитель поесть, однако, постоянно худеет, увлечен молоденькими девушками.

Полагаем, что чем-то истинно доблестным обладает лишь один герой — Дима, родной брате Миши. Дима является помощником прокурора в одном из районов Архангельска. Проживает один, постоянно и качественно осуществляет собственную работу. Мише врезается одно событие, о котором ему однажды поведал Дима. На месте страшного убийства герой обращает внимание не на подробности преступления, он еще способен замечать нечто прекрасное в том, что окружает человека: «Но цветы там, на этом лугу, такие, брат! Такой запах...» [4, с. 234]. Дима рассказал, что с ними были две женщи-

ны, эксперт-медик и фотограф, так вот они первые начали собирать эти цветы. И он собрал. Он поведал Мише о своих мыслях, пока собирал цветы: «Что это такое? Столько раз отправлялся отдыхать на природу, так много раз встречал рассветы на лодке, сколько выпивал водки и пива около речек, озер, на вот таких лугах, а данной красоты никогда не встречал... Веришь или нет, но едва не заплакал. Что же за жизнь такая, думаю. Я в жизни ничего не понимаю!» [Там же].

Чтобы каким-то образом после смерти Юли, прийти в себя, вернуть прошлое спокойствие, отогнать тревогу, Миша начинает что-то около неформального расследования резонов самоубийства Юли. Отметим, что эта линия эта в романе сразу погасает, читатель причины так и не узнает (хотя ответ складывается также достаточно быстро для читателя: Юля умерла от абсолютно-го ощущения одиночества). Внимание героя отвлекает бытовая, но при этом совершенно случайная проблема, еще более отпугивающая из-за своей нелепости. Неизвестная девушка просит на улице у Миши телефон, на повышенных тонах с кем-то по нему беседует, после чего Мише начинает надоедать серьезный, крайне ревнивый, и, видимо, крутой «номер не определен» с вопросами формата «где она?» «а ты кто такой». И снова этот голос старается разрушить душевный и семейный покой Миши.

В повествовании именно этот момент становится отправной точкой для углубления героя в свой внутренний, а не только внешний мир. Данный случай вынудил Мишу переосмыслить значительное количество вещей в своей жизни и собственном поведении. Он ощутил невыносимое желание не допускать ничего жестокого, грубого и плохого для своих жены, дочерей и всего пространства. Однако еще больше он почувствовал нужду защитить их от того, что есть страшного непосредственно в нем. То есть от личных слабостей, срамных желаний, эгоизма, да и вообще от тревог, страхов, сомнений. Явно и всецело он осознал, как сильно существование маленькой девочки с блестящими от счастья глазами зависит от него, от Миши, соответственно от человека, которого она называет «папа».

Миша даже решился, наконец-то, порвать личную давнишнюю связь с Соней, причем хорошо, что в нее вовремя влюбился друг Сергей. С Соней, к слову, и не было ничего, однако целовались во время встреч они открыто, постоянно звонили друг другу, а жене Ане про нее знать было не нужно.

Для этого конгломерата как мучительных поисков самого себя, так и не менее мучительных поисков смысла жизни (опасности среднего возраста) уже излишним казалось расследование причин Юлиной смерти. Отсюда

периодически возникающее ощущение недовольства Юлей, раздражения от ее поступка. Хотя и зная тоже ничего, помимо того, о чем уже имел сведения, не хотел. У него появилась нужда быстрее покончить с реальной и новой проблемой, которая вызывала у него страх и беспокоила его. Ему нужно было уgomониться, поговорить с женой, перевести дух и все. Иные производственные проблемы представлялись ему невероятной бессмыслицей и мелочью в сравнении с напряжением, которое господствовало у него дома. Для Миши основания смерти Юли сразу погрузились туда же, в эти мелочи. Но он не хотел так думать о Юле.

Миша отправляется в гараж к брату Юли — музыканту Володе, где присутствовала компания, некогда совместно игравших в группе друзей и поблизости знавших Юлю, — помянули, сыграли прошлые песни. Сам герой остро чувствует несогласие с происходящим, поскольку все, что любила и ценила Юля, не имело никакого отношения к тем песням и разговорам, которые звучали на вечере в ее память. Образ Володи становится самым негативным в романе, автор наделяет его наиболее отрицательными чертами: фальшь, циничность, неспособность искренне любить родного человека, личностная несостоятельность. Для Миши это становится очевидным и резко неприемлемым, как в другом человеке, так и в себе самом.

Роман завершается тем, что утром Миша хочет отправиться в Петрозаводск, вновь за победой. Ему нужно отвоевать право рисовать полоски на асфальте. Герой возвращается в ритм своей привычной жизни, однако пережитое потрясение меняет что-то в его внутреннем мире.

Когда-то он сам сочинил дорожный знак — перевернутую восьмерку, что означало — эта дорога ведет в бесконечность. Тогда это казалось остроумным. Таких знаков он заказал несколько для подарков друзьям и партнерам по бизнесу. Они, так же как и Миша, восхищались остроумной символикой знака. Однако обстоятельства последней недели изменили отношение героя к этому знаку-символу. Возможно, жизнь и бесконечна, как цветы, растущие на лугу, описанном братом Димой, но жизнь частного, отдельно взятого человека — конечна, практически мгновенна. Наверняка он и раньше знал об этой конечности жизни, но понял и осознал эту истину тогда, когда пропустил ее через себя, когда хоронил лучшего друга и наставника в его юные московские года Юлю. Изменились его приоритеты — на смену знаку «бесконечность» на стену он вешает набросанную им самим лошадку, к которой дочка добавила крылья — «ПИГАС Катя 9 лет» [4, с. 574]. Фокус внимания героя смещается, важнее становится не отражение собственного эгоистического проявления, а то, что напоминает о до-

рогих и близких людях. При этом невозможно четко определить, на долгое ли время ли вылечился этот «серединый» человек от опасной для человеческой души формы «асфальтной» болезни. Станет ли он после того, что пережил, истинным, подлинным, или же будет, меняя маски, кажущимся притворяшкой.

Внимательный читатель романа «Асфальт» может обнаружить в нем детальную характеристику героя времени начала 2000-х годов. Авторское сознание писателя отражается в большинстве случаев в подробном психологическом анализе сложных взаимоотношений главного героя с окружающими его персонажами, а также в мучительном поиске понимания морального феномена «близких» и «далеких» людей.

Кроме того, Евгений Гришковец обуславливает нравственную структуру действующего героя в соответствии с его поступками и их последствиями для окружающих и для него самого с точки зрения морально-этических норм общества, в котором формировались личностные характеристики героя. Автор выстраивает образ своего героя как дискурсивную экстраполяцию своей концепции личности, выбирая соответствующий его сущностному строю характер письма и жанр повествования [9, с. 96].

Роман «Асфальт» стоит определить, как произведение, которое подтвердило переход Евгения Гришковца на новый творческий уровень. В романе аккумулированы мысли, чувства, идеи писателя, накопленные им начиная с 1997 года, с того момента, когда он громко заявил о себе моноспектаклями «Дредноуты» и «Как я съел собаку». В романе подводится итог первому периоду творческого пути писателя: его герой оказывается перед жизненно важной необходимостью переменить, измениться, найти другой путь. Эта парадигма жизни героя была уже заявлена в сборнике рассказов «Планка».

В романе «Асфальт» перед читателями предстает «новый» Гришковец: сложившийся, опытный автор, который не только скуп, как художник-минималист, делает наброски эмоционально-насыщенных мгновений жизни человека в новых, не ведомых писателям-классикам, условиях жесткой городской среды: для героев романа, весь мир (то есть мир, в котором они живут) закатан в асфальт. Возможно, поэтому так важен эпизод с братом Димой — архангельским прокурором, еще способным рефлексировать по поводу весенней луговой красоты: он еще не так основательно, как московские персонажи, закатан в асфальт. В этом плане роман символичен: в нем показан путь ростка, пробивающего асфальт. Автор дает надежду на то, что скорей всего Мише удастся «прорасти на свет». Поэтому безо всякой иронии мы вправе утверждать, что роман Е. Гришковца «Асфальт» — это роман о герое нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблемы материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 6–71.
2. Богин Г. И. Интерпретация текста. — Тверь: ТГУ, 1995. — 35 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 413 с.
4. Гришковец Е. В. Асфальт. Роман. — М.: Махаон, 2010. — 576 с.
5. Колодина Н. И. Проблемы понимания интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2001. — 184 с.
6. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М., 1970. — 383 с.
8. Монахиня Александра, Владимир Маканин и американские слависты в ноябре 1999 // Знамя. — 2018. — № 3. — С. 170–181.
9. Наумова О. С. Формы выражения авторского сознания в драматургии конца XX — начала XXI вв.: на примере творчества Н. Коляды и Е. Гришковца: дис. . . канд. филол. наук: 10.01.01 / — Самара, 2009. — 205 с.
10. Невская П. В. Структурно-типологические особенности портретных описаний в художественном произведении. № 4 (33), 2009, «Культурная жизнь Юга России», 115–117с.
11. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. — Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. — 368 с.
12. Тмарченко Н. Д. Методологические проблемы теории рода и жанра в поэтике XX века // Теория литературы. Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении), М.: ИМЛИ РАН, 2003.

© Бронская Людмила Игоревна (libron@yandex.ru), Сони́на Елена Владимировна (elena_sonina17@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский федеральный университет

ИМИДЖ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ*

THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IMAGE AND THE LANGUAGE POLICY PROBLEMS IN THE KOLA NORTH

**A. Burtseva
T. Rychkova**

Summary. The article presents the results of a study aimed at identifying the image of the Russian language in the Kola North among foreign citizens living in the region, including the status of the Russian language and its characteristics, the conditions for learning the language, directions of language policy.

Keywords: image of the Russian language, Russian as a native and foreign language, international status of the Russian language, language policy.

Бурцева Александра Вячеславовна

*К.п.н., ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
alexandraburtseva@yandex.ru*

Рычкова Татьяна Александровна

*К.п.н., ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
rychkovata@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление имиджа русского языка на Кольском Севере среди иностранных граждан, проживающих в регионе, в том числе статус русского языка и его характеристики, условия изучения языка, направления языковой политики.

Ключевые слова: имидж русского языка, русский язык как родной и иностранный, международный статус русского языка, языковая политика.

Предпосылки проблемы

В 90-х и начале 2000-х г. в Мурманской области, как и в России в целом, усилилось влияние миграционных процессов, что повлияло на социолингвистические характеристики региона. Отметим, что Мурманская область характеризуется достаточно высокими показателями миграционной подвижности населения и представляет собой один из самых сложных в этом отношении регионов, имеет приграничный статус, дополненный особым расположением в районе Крайнего Севера.

Ряд исследователей определяют современную социальную ситуацию в Мурманской области как нестабильную и даже критическую [14, с. 5]. В частности, Кольский Север продолжает оставаться одним из регионов, быстро теряющих население, что заставляет рассматривать иммиграцию на Кольском Севере как инструмент увеличения численности населения и восполнения трудовых ресурсов, что отмечено в Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года (от 18 ноября 2011 г. № 2074-р).

Официальные статистические данные [10, с. 57], [11, с. 41–42], [7, с. 25] за 2015–2017 гг. позволяют сделать

вывод о том, что среди прибывших в регион мигрантов в аспекте нашей темы наиболее значимы международные мигранты из стран бывшего СССР, в основном, из стран-участников СНГ: именно эта категория мигрантов стремится закрепиться в регионе, влияет на его социолингвистический портрет, заставляет задумываться о поиске наиболее эффективной региональной языковой политики, отвечающей сложившейся ситуации и потребностям прибывших.

Язык и его имидж в свете миграционной проблематики приобретают в последнее время новые смысловые грани. В свете миграционной политики государства [12] язык — это и своеобразный барьер, позволяющий ограничивать миграционный приток в Россию, и критерий отбора мигрантов, и результат их адаптации. Многие исследователи [4] [1] [13] на первое место среди ряда составляющих социальной адаптации мигранта ставят именно языковую адаптацию, где критерием выступает владение языком на уровне, достаточном для тех задач, которые мигранты ставят перед собой. В качестве подтверждения распространенности данного мнения, приведем фрагмент экспертного интервью с сотрудником УФМС РФ по Мурманской области (сейчас подразделение УВД):

Как-то на своей практике я стал свидетелем ситуации в одном большом супермаркете, когда выходцы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18–412–510001. The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the region of the Russian Federation, grant № 18–412–510001

их Средней Азии не могли сориентироваться в этом огромном торговом зале. Русского языка они не знают и вынуждены были обращаться к другим покупателям, и опять-таки испытывали определенные трудности в общении. На мой взгляд, адаптация—это процесс получения необходимых навыков, прежде всего коммуникативных в общении с населением страны проживания. То есть адаптированные иностранные граждане, ну гости наши, в процессе адаптации должны прийти к тому, что они не должны испытывать каких-то трудностей в плане ориентации в пространстве среди людей, должны иметь возможность спокойно получать ту информацию, которая им требуется.

Таким образом, любой регион Российской Федерации, нацеленный на привлечение иностранцев, а Мурманская область относится к таковым, должен вести взвешенную языковую политику, для чего важно учитывать различные аспекты функционирования русского языка, в том числе — его имидж в сознании иностранных граждан и их языковые потребности.

Характеристика выборки, методов и этапов исследования

Одной из задач исследования стало выявление имиджа русского языка на Кольском Севере среди иностранных граждан, проживающих в регионе, в том числе статус русского языка и его характеристики, условия изучения языка, направления языковой политики. Основным методом исследования было выбрано формализованное интервью с мигрантами, проводившееся в течение ноября 2017 г. на базе УФСМ РФ по Мурманской области и общественной организации «Мигрант». В ходе интервью проводилась беседа по стандартизированной анкете, ответы на вопросы заносились интервьюером в бланки, а комментарии фиксировались на диктофон.

Респондентами стали 50 мигрантов, выборка которых осуществлялась методом квотирования по гендерному и возрастному принципам: 20 респондентов (10 мужчин и 10 женщин) в возрасте от 18 до 29 лет, 20 респондентов аналогичного гендерного распределения в возрасте 30–49 лет и 10 респондентов старше 50 лет, среди которых было 5 мужчин и 5 женщин.

Национальная принадлежность респондентов-иностранцев определялась методом типичных представителей и отражала представленность этнических мигрантов в регионе¹. В исследовании приняли участие представители Таджикистана (12), Азербайджана (11), Узбекистана

(9), Украины (8), а также Норвегии (2), Армении (3) и других стран (5).

Уровень образования респондентов: среднее (41%), начальное профессиональное (4%), среднее профессиональное (18%), неполное высшее (16%), высшее (21%), что в целом соотносимо с официальными статистическими данными [8].

Результаты первого этапа исследования

Приципиально важным в исследовании было определить как характеризуют респонденты русский язык — как родной или как иностранный? Большая часть опрошенных назвала русский родным, что объясняется все еще очень большой значимостью русского языка на пространстве СНГ и бывшего СССР. Безусловно, ответ на данный вопрос легко было дать собственно русскоязычным (выходцам с восточной Украины и респондентам-соотечественникам, участвовавшим в Программе их добровольного переселения) и тем респондентам, которые учили русский язык в сознательном возрасте, но проблематично — билингвальным мигрантам, говорящим на русском с детства.

Терминологическое и наивно языковое толкование понятия «родной язык» не совпадают, а для респондентов критерием того, что язык «родной» является привычность его использования, говорение на данном языке с детства, владение этим языком родителей, но не свобода владения им, поэтому среди респондентов процент назвавших русский родным был достаточно велик (60%).

Закономерно, что родным русский назвали выходцы с восточной Украины, где проживал большой процент русскоязычного населения (100% данной этнической группы). Также ожидаемым было то, что для 5 представителей дальнего зарубежья (выходцы из Индии, Норвегии, Германии) русский является иностранным (интересен тот факт, что один из них, выходец из Индии, во время исследования успешно прошел собеседование на Комиссии по признанию иностранных граждан носителями русского языка).

Ожидаемым было то, что русский родным считает старшее поколение опрошенных, так как данный язык изучался ими в школе и осознавался в советский период (и осознается возрастными мигрантами до сих пор) как государственный язык Советского Союза. Интервьюеры отмечали при этом, что уровень владения русским представителей старшей, средней и молодой возрастных групп среди респондентов (исключая соотечественников) не отличался: среди всех представителей всех возрастов были и слабо говорящие на русском (базовый

¹ Определены по данным сводных аналитических обзоров и докладов Управления по вопросам миграции УМВД России по Мурманской области 2016 г. и 2017 г.

Место русского языка в мире через ряд следующих характеристик (данные представлены в таблице):

Характеристики русского языка	Количество ответов в % ¹
язык, объединяющий многонациональный российский народ	28
язык мировой художественной культуры	27
язык, объединяющий всех русскоговорящих	27
государственный язык	23
ведущий мировой язык	12
язык образования	5
язык науки и технических достижений	3

¹ Респондентам назывались/демонстрировались характеристики на выбор. Количество выбранных характеристик ограничивалось 3 главными.

уровень для трудовых мигрантов), и свободно владеющие им. Тем не менее, средняя и младшая группы респондентов русский родным считает реже, чем старшая, что не удивительно в условиях изменившейся языковой политики государств Содружества.

Коммуникативный ресурс русского и языков стран исхода на Кольском Севере закономерно различен. Согласно исследованию, в общественных местах и официальных ситуациях подавляющее большинство респондентов обращается к русскому языку (96%), тогда как в быту ситуация иная: дома на русском говорят 47% опрошенных, на языке страны исхода — 35% и используют оба языка (и русский и язык страны исхода) — 18%.

Представители Закавказья, Средней Азии и дальнего зарубежья преимущественно тяготеют к использованию в быту языка стран исхода. Для представителей Азербайджана и Азии также характерна двуязычная (на русском и родном языке) бытовая коммуникация. Попеременное использование двух языков можно объяснить семейными традициями. В беседе с респондентами было выявлено, что говорить между собой на родном языке предпочитают супруги, в редком случае переходя на русский, но с появлением детей родители чаще начинают говорить в быту на русском, чтобы помочь детям адаптироваться в учебных заведениях разного уровня.

Отметим, что все еще характерно для русского как иностранного в регионе и то, что чаще на русском с детьми говорит отец, а мать, как правило, общается с ними на языке страны исхода [2] [3]. Достаточно типична для региона неработающая женщина из сельских районов Азербайджана или Средней Азии, домохозяйка и мать, со средним уровнем образования, слабо владеющая русским языком, с детьми говорящая на родном языке и замкнутая в узком семейном кругу общения. Работающие мигрантки, равно как и имеющие высшее или среднее профессиональное образование, чаще всего достаточно свободно говорят по-русски, в том числе и с детьми.

На работе использование русского языка или языка страны исхода зависит от состава трудового коллектива (моно- или полиязычного), характера осуществляемой деятельности, предполагающей или не предполагающей ведение коммуникации с местным населением. В случае моноязычного коллектива или коллектива, состоящего из мигрантов, говорящих на языках близких языковых групп, использование русского минимально и ограничивается коммуникацией с русскоязычными сотрудниками. Типичной для моноязычного и, как правило, моноэтничного трудового коллектива представляется следующая коммуникативная ситуация: русскоязычный директор и администрация общаются только с бригадиром на русском, а двуязычный бригадир обеспечивает связь администрации с трудовым коллективом, русским языком не владевшим. Комментируя ситуацию, один из директоров подобных коллективов отметил, что такой расклад его вполне устраивает, так как «лишних вопросов не задают и лишние разговоры вести не нужно». С 2015 г. существование таких коллективов стало теоретически невозможным в силу введения обязательного государственного тестирования по русскому языку для мигрантов разных категорий, но на практике такой тип коммуникации все еще имеет место в сфере строительства, ряде этнических кафе и ресторанов, грузоперевозок и пр. Смешанный коллектив, напротив, — это залог того, что коммуникация будет осуществляться на русском. Так, в интервью 12% респондентов отметили, что русский «по-настоящему выучили на работе».

Кроме статуса родного / иностранного и коммуникативного ресурса русского языка в исследовании выявлялось представление о русском языке в мире, в отношении которого респонденты иностранцы были более чем оптимистичны: с точки зрения 80% респондентов количество изучающих русский язык будет расти, в том числе и потому, что миграция в Россию будет расти, и по 10 процентов респондентов полагают, что число изучающих русский останется неизменным или сократиться. Большой скепсис в отношении популярности русского языка испытывают сами русскоязычные — выходцы с Украины и других стран.

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что иностранцы региона крайне низко оценивают потенциал русского языка применительно к сферам науки и образования, тогда как социально-политический ресурс языка в их понимании достаточно высок. Значимым остается и представление о русском как о языке культуры и искусства. В случае с образованием и наукой комментарии респондентов по данным характеристикам были двух типов: 1) «сейчас больше нужен английский», «престижно учиться сейчас за границей» (такого типа ответы были получены от русскоязычных соотечественников-переселенцев, выходцев с Украины и мигрантов из Средней Азии и Закавказья с высшим образованием) и 2) «мне это не важно» от респондентов, чья цель — работа по патенту, не обремененных семьей и взрослых, характеризующиеся себя как «не учиться сюда приехал». Примечательно, что 8% респондентов (все из Средней Азии и все женщины), определяющие русский как язык образования, науки и технических достижений, связаны с образованием посредством детей, школьников и дошкольников.

Видение русского языка мигрантами региона как преимущественно социально-политического явления отразилось и в их представлениях о факторах, влияющих на популярность русского языка: с точки зрения иностранцев региона популярность русского в первую очередь обусловлена развитием социально-экономических связей, и, главным образом, миграцией (так считают 53% респондентов), во вторую — внешней политикой России (17%) и в третью — развитием туризма (11%).

Вопрос о направлениях образовательной и культурной политики, актуальных с точки зрения мигрантов, предполагал выбор неограниченного числа вариантов из предложенных. Приведем список вариантов ответов по убыванию значимости с точки зрения респондентов: методическая поддержка русским школам за рубежом (23%), издание учебников, словарей (20%), создание доступа (преимущественно дистанционного) к российским образовательным ресурсам (16%), создание школ за рубежом (13%), увеличение часов на изучение русского языка (11%), совершенствование филологического образования (9%), повышение квалификации педагогов (8%).

В данном случае показательны не столько количество ответов, сколько комментарии иностранцев по данному вопросу. С точки зрения респондентов, для укрепления статуса русского языка все меры важны («все надо делать», «и учебники надо, и словари»), но оказание методической поддержки и издание учебников, словарей, как и создание открытого доступа (преимущественно дистанционного) к российским образовательным ресурсам, с точки зрения большинства мигрантов, все же

предпочтительнее и важнее, чем создание русских школ за рубежом («есть школы, зачем еще?»), увеличения часов на изучение русского языка («и так много учатся, надо будет, приедут — выучат»), совершенствования филологического образования («оно и так хорошее»), повышение квалификации педагогов («у нас учителя очень хорошие»).

Отметим, что при ответе на данный вопрос, респонденты стали разделять те меры, которые в целом упростили бы статус русского языка, и те, которые значимы для них лично: так, самой полезной мерой именно для мигрантов, изучающих русский язык, с точки зрения респондентов, является развитие дистанционных интернет-курсов и ресурсов, поскольку учиться очно в России большая часть мигрантов не может из-за работы. С одной стороны, развитие дистанционного образования — это общемировая тенденция, а с другой, языковое интернет-обучение может рассматриваться как вариант домиграционной подготовки в условиях, когда взрослые мигранты по разным причинам не могут учиться на курсах русского языка в странах исхода, например, из-за их отсутствия в том или ином населенном пункте или дороговизны, нехватки времени и пр.

Видение направлений образовательной и культурной политики в сфере русского языка существенно отличалось у респондентов с разным уровнем образования: варианты «методическая поддержка русским школам за рубежом», «создание доступа (преимущественно дистанционного) к российским образовательным ресурсам», «совершенствование филологического образования», «повышение квалификации педагогов» были непонятны большинству респондентов, за исключением тех, кто имел высшее образование и объяснялись интервьюерами упрощенно с использованием конкретных примеров. Респонденты более высоким уровнем образования отмечали необходимость повышения квалификации педагогов, методическую помощь им, совершенствование филологического образования, увеличение часов на изучение русского языка, мотивируя свой выбор тем, что русский язык сложен, что он меняется и педагог должен быть в курсе всех инноваций и тенденций.

Предложение об увеличении числа русских школ за рубежом было единственным, где проявилась разница еще и на национальном уровне, — данный вариант выбирали только русскоязычные соотечественники, тогда как иностранцы не считали данную меру важной и необходимой.

Издание новых учебников и словарей представлялось необходимой мерой старшему поколению мигрантов, а более молодые отмечали в комментариях, что словарями удобнее пользоваться в электронном виде,

равно как и учебники они также предпочли бы электронные.

В итоге, полученные данные о том, каков имидж русского языка в представлении мигрантов на Кольском Севере и какие меры с их точки зрения должны предприниматься для упрочения статуса русского языка в мире, позволили выявить, что число иностранных граждан, считающих русский родным языком за рубежом сокращается, поскольку молодежь, в отличие от старшего поколения, воспринимает русский все-таки как иностранный, даже если вполне свободно на нем изъясняется и изучала его в школе.

Кроме того, коммуникативный ресурс русского языка чаще всего не включает семейно-бытовую коммуникацию этнических мигрантов, предпочитающих дома, в том числе и с детьми, говорить на родном языке или использовать как родной, так и русский [5]. В случае коммуникации со взрослыми данный факт не представляется проблемой, в отличие от аналогичной ситуации с детьми, языковое развитие которых в условиях несбалансированной языковой среды может в крайних случаях приводить к таким последствиям, как «полужычие». В случае коммуникации на работе наблюдаются две типичные ситуации: в первой имеет место моноязычный (не русскоязычный) коллектив, где общение на русском минимизировано, во второй — в смешанном коллективе, где есть и русскоязычные, — общаются на русском и языковая адаптация проходит успешно. Общественная сфера для мигрантов прочно ассоциируется с русскоязычной коммуникацией.

Популярность русского языка представляется для большинства опрошенных несомненной, что объясняется высоким социально-политическим и художественным потенциалом русского, однако, русский как язык образования и науки иностранцы практически не рассматривают, что говорит скорее об отрицательном имидже российской науки и образования за рубежом. Среди

мер, которые иностранцы региона считают наиболее важными для поддержания статуса русского языка: методическая поддержка русским школам за рубежом, издание учебников, словарей и создание доступа (преимущественно дистанционного) к российским образовательным ресурсам, который, впрочем, понимается ими достаточно узко — как электронные языковые курсы, позволяющие обеспечить домиграционную подготовку.

Выявленные особенности имиджа русского языка в сознании мигрантов региона и их представления о направлениях в сфере популяризации русского языка среди иностранцев позволяют обозначить некоторые векторы построения языковой политики Мурманской области. Во-первых, актуализация на уровне PR-мероприятий и акций социокультурного потенциала русского языка, в том числе связанную с историей Советского Союза, характеристики русского как языка великой культуры и языка, объединяющего народы, позволяющего им находить взаимопонимание, узнаваемы иностранцами и находят отклик в их душе. Во-вторых, необходимо ведение работы по популяризации русского и регионального образования, конструирование положительного имиджа российской науки, в целом, и арктической, в частности. В-третьих, популяризовать имеющиеся и создавать новые электронные образовательные ресурсы по русскому как иностранному, в том числе содержащие региональный аспект русского языка. В-третьих, целесообразным представляется ведение просветительской работы по разъяснению условий для формирования успешного детского билингвизма [9] среди представителей диаспор в регионе, популяризовать имеющиеся курсы раннего изучения русского языка в регионе. В-четвертых, способствовать созданию благоприятных условий для успешной домиграционной подготовки, размещая на интернет-ресурсах организаций региона, вовлеченных в миграционный процесс, ссылки на он-лайн курсы русского языка, открытые варианты тестов по русскому языку, пособия и справочники, в том числе регионального характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астафьева С. В. Столичная модель социокультурной адаптации и интеграции детей мигрантов в системе образования // Управление мегаполисом. 2010. № 4. С. 73–79.
2. Афонькина Ю. А., Бурцева А. В., Кузьмичева Т. В. Социальная и образовательная адаптация детей из семей мигрантов в условиях развития образования на Кольском Севере: проектирование деятельности образовательной организации: Монография / Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 182 с.
3. Бурцева А. В. Языковая ситуация в Мурманской области // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (7–8 ноября 2013 года). — Мурманск: МГГУ, 2013. С. 266–271.
4. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91
5. Иванищева О. Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования: монография / О. Н. Иванищева. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. — 241 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=428739> (Дата обращения: 12.05.2018).
6. Корчак Е. А. Миграционные процессы в формировании трудового потенциала Мурманской области // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 3. URL: www.science-education.ru/117-13794

7. Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2017 — С. 25
8. Пресс-выпуск от 03.05.2017 (О естественном движении и миграции населения в Мурманской области в 2016 году). URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/publications/news_issues/; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm
9. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Многоязычие в детском возрасте. М., 2005 [Электронный документ]. URL: https://bookz.ru/authors/ekaterina-protasova/mnogoazi_328/1-mnogoazi_328.html (дата доступа: 08.08.2018)
10. Социально-экономическое положение Мурманской области в январе — ноябре 2017 года: доклад / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2017 — С.57 (предварительные сведения с января по октябрь 2017 г.)
11. Статистический ежегодник, 2015 / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2016, С. 41–42.
12. ФЗ 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2015) // Миграционное законодательство // Основные законы, регламентирующие жизнь и работу иностранных граждан в России // Alliance-Migration [Электронный ресурс]. URL: <http://all-migration.ru/services/addservices/info/zakon/> (дата обращения: 28.04.2018)
13. Шамне Н. Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов // Власть. 2013. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-yazykovaya-i-sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov> (дата обращения: 10.03.2017). Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-yazykovaya-i-sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov#ixzz4auPnzakT> (дата обращения: 28.04.2018)
14. Шибут И. А. Социальная и индивидуальная идентичность населения Кольского Севера в контексте региональной идентичности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. — СПб, 2006. — 23 с.

© Бурцева Александра Вячеславовна (alexandraburtseva@yandex.ru), Рычкова Татьяна Александровна (rychkovata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мурманский арктический государственный университет

КОНСТРУКЦИИ С ИМПЛИЦИТНОЙ КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

STRUCTURES WITH THE IMPLICIT COMPARATIVE SEMANTICS IN A.P. CHEKHOV'S NOVEL «MY LIFE»

A. Vaganov

Summary. The article describes the use of structures that express association based on similarity in A. P. Chekhov's novel «My life». It is shown that the structures explicitly expressing comparison and the structures with the implicit comparative semantics where the idea of comparison does not get an explicit expression are widely used in the text. Different types of structures with the implicit comparative semantics are distinguished in the article and their functional features are considered.

Keywords: Comparison, comparative construction, metaphor, expressive means, implicit semantics.

Ваганов Алексей Васильевич

*К.филол.н., доцент, Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
vaganov.65@mail.ru*

Аннотация. В статье характеризуется употребление конструкций, выражающих ассоциацию на основе сходства, в повести А. П. Чехова «Моя жизнь». Показано, что наряду с конструкциями, открыто выражающими сравнение, в тексте широко используются конструкции с имплицитной компаративной семантикой, где идея сравнения не получает явного выражения. Выделяются разновидности конструкций с имплицитной компаративной семантикой, рассматриваются функциональные особенности данных разновидностей.

Ключевые слова: Сравнение, компаративная конструкция, метафора, экспрессивные средства, имплицитная семантика.

Изучение средств выражения сравнения в русском языке имеет давнюю научную традицию, но данная проблематика сохраняет актуальность, причем феномен сравнения исследуется современной лингвистикой с разных сторон. Грамматические средства реализации компаративной семантики рассматриваются в свете таких актуальных проблем современной лингвистики, как проблема переходности [7] или теория функционально-семантического поля [15; 20]. Устойчивые сравнения как проявление своеобразия национальной языковой картины мира вовлекаются в сферу изучения лингвокультурологии [12]. Интенсивно развивается лексикография русских сравнений [3; 8; 9; 10; 16; 17]. Анализируется употребление сравнений в различных индивидуальных стилях [4; 5; 22], что связано с актуальной проблемой языковой личности [11]. Рассматриваются функции сравнения в системе текста [7], взаимодействие сравнений с другими экспрессивными средствами, например, с градацией [2]. Предметом исследования становятся также особенности использования сравнений в художественной речи определенного периода [18].

Для современной лингвистики характерно усиленное внимание к семантическому и прагматическому аспектам языка. Одним из проявлений этого внимания является обращение к имплицитной, не получившей открытого выражения, семантике высказывания, к тому, «каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выразить не только то, что оно непо-

средственно означает, но и нечто иное» [19, с. 196]. Поэтому представляется актуальным изучение конструкций с имплицитной компаративной семантикой, то есть таких конструкций, где ассоциация по сходству, лежащая в основе сравнения, не выражена специальными языковыми средствами и имеет скрытый характер.

В тексте повести А.П. Чехова «Моя жизнь» представлены различные типы конструкций с семантикой ассоциации по сходству — как конструкции с эксплицитно выраженным сравнением, так и конструкции с имплицитной компаративной семантикой. Широкое употребление конструкций с компаративной семантикой связано с психологизмом чеховской повести, поскольку «процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [13, с. 27], то есть основаны именно на ассоциациях по сходству. В сознании героя-повествователя, Мисаила Полознева, вспоминающего свою жизнь, сравнение выступает как важное средство осмысления многообразных жизненных впечатлений, связывающее между собой различные объекты действительности и высвечивающее в них некие общие черты.

Конструкции с эксплицитно выраженной идеей сходства включают в свой состав показатель сравнения. Среди них могут быть разграничены конструкции с автономным показателем сравнения, в которых показатель сравнения представляет собой особое слово, и конструкции с синкретичным показателем сравнения, в которых показатель сравнения объединен в пределах

одного и того же слова с основанием или эталоном сравнения.

В конструкциях с автономным показателем сравнения ассоциация по сходству выражена или знаменательным словом, лексическое значение которого связано с идеей сходства, или служебным словом.

Конструкции со знаменательным словом в роли показателя сравнения могут быть разделены на три разновидности.

1. Конструкции, в которых показателем сравнения является имя прилагательное. Например: <...> *с брошью, похожею издали на слоеный пирожок* [21, с. 266].

2. Конструкции с глагольным показателем сравнения. Например: *лицом он походил на старого католического органиста* [21, с. 192].

3. Конструкции, в которых роль показателя сравнения играет существительное. В качестве такого показателя в тексте повести выступает существительное *сравнение*: <...> *даже красивая, солидная Анюта Благово не выдерживала сравнения с нею* [21, с. 229].

Конструкции со служебным словом в роли показателя сравнения также делятся на три разновидности.

1. Конструкции со сравнительными союзами. Например: <...> *самый маленький чиновник считал себя вправе обращаться с нами, как с животными* [21, с. 225]; *Душевное состояние у меня было такое, будто я, по чьему-то приказанию, шел с рогатиной на медведя* [21, с. 234]; *Мы <...> крепко запирали дверь, которая вела в пустую часть дома, точно там жил кто-то, кого мы не знали и боялись* [21, с. 244].

2. Конструкции с предлогами, имеющими компаративную семантику: <...> *вместо пола — три громадных ступени вроде банных полок* [21, с. 198].

3. Конструкции с модально-сравнительными частицами: <...> *ко мне подошла Анюта Благово; раньше я не видел ее в зале, и теперь она точно из земли выросла* [21, с. 267].

Конструкции с синкретичным показателем сравнения делятся на два типа.

1. Конструкции, в которых показатель сравнения объединен в рамках одного слова с эталоном сравнения. Такое объединение имеет место в конструкциях с формами творительного падежа: *Моисей ходит уже в шляпе*

котелком [21, с. 280]. Существительное, употребленное в творительном падеже, называет эталон сравнения и в то же время выражает саму идею сходства, поскольку эта идея входит в число значений данного падежа.

2. Конструкции, в которых показатель сравнения объединен в рамках одного слова с основанием сравнения. Такое объединение представлено в конструкциях с формами сравнительной степени: <...> *жилетки не было вовсе, а сапоги хуже моих — с кривыми каблуками* [21, с. 209]. Форма сравнительной степени сочетает функцию названия общего признака сопоставляемых объектов и функцию показателя сравнения.

Наряду с конструкциями, в которых ассоциация по сходству находит открытое выражение, в семантической структуре чеховского текста важную роль играют конструкции, в которых идея сходства не получает прямого и явного выражения. Широкое использование конструкций с имплицитной компаративной семантикой соответствует чеховским принципам краткости и расчета на читательское сотворчество.

Формы неявного, имплицитного выражения ассоциации по сходству многообразны. Возможны конструкции с полной имплицитностью ассоциативных отношений, когда сопоставляемые предметы или явления названы, но связывающая их ассоциация не вербализована; понимание компаративного характера отношений между данными объектами формируется у читателя под воздействием соположения соответствующих отрезков текста, сходства их синтаксической структуры, наличия лексических переключек. В повести «Моя жизнь» имплицитные ассоциативные отношения, основанные на сходстве, представлены в конструкции с союзом *а*, который употреблен в широком отвлеченном значении:

— *Мисаил Алексеич, ангел вы наш, — продолжал он, — я так понимаю, ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать.*

Тощий, бледный, страшный Редька закрыл глаза, покачал головой и изрек тоном философа:

— *Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу* [21, с. 215].

В сложном предложении *Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу* две первых предикативных части сложного предложения выражают эталоны сравнения, то есть служат для образной характеристики предмета, а третья часть выражает предмет сравнения, то есть обозначает то явление, которое характеризуется с помощью сравнения. Концептуальная значимость данного высказывания, содержащего образно и афористично выраженный протест против лжи, подчеркивается тем,

что эта фраза как характерная черта речи маляра Редьки употребляется в повести еще дважды:

<...> было немножко страшно, когда он тут, стоя на высоте, далеко от земли, выпрямлялся во весь свой рост и изрекал неизвестно для кого:

— **Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу!** [21, с. 216];

Редька взял ее за руку и, пошевелив высохшими губами, сказал едва слышно, сиплым голосом:

— Душа у праведного белая и гладкая, как мел, а у грешного, как пемза. <...>. Горе, горе сытым, горе сильным, горе богатым, горе заимодавцам! Не видать им царствия небесного. **Тля ест траву, ржа — железо...**

— **А лжа — душу**, — продолжила сестра и рассмеялась [21, с. 272–273].

Идея сходства может быть выражена словами, употребленными в переносном значении. В таких случаях имеют место конструкции с тропеическим выражением ассоциативных отношений. Тропеическое выражение идеи сходства основано на метафорическом переносе.

Так, для метафорического обозначения сходства могут использоваться слова со значением соперничества, состязания: — Сидеть в душной комнате, — проговорил я, — переписывать, **соперничать** с пишущей машиной для человека моих лет стыдно и оскорбительно [21, с. 194]. Слово *соперничать* употреблено здесь в переносном значении 'быть подобным чему-либо'. Использование метафоры для выражения идеи сходства усиливает выразительность данного сравнения, поскольку образ, создаваемый ассоциативной связью предмета и эталона сравнения (человек как предмет сравнения и пишущая машина как эталон), сочетается с образом, создаваемым метафоризацией самой идеи сходства.

Могут использоваться для метафорического выражения сравнения и такие слова, которые в прямом значении выражают идею пространственной близости. Сопоставление объектов ассоциируется в таких случаях с размещением данных объектов рядом друг с другом: Я мысленно **ставил ее рядом** с нашими барышнями, и даже красивая, солидная Анюта Благово не выдерживала сравнения с нею [21, с. 229]. В первой предикативной части данного сложного предложения мысль о сравнении выражена с помощью словосочетания с метафорической семантикой *ставил рядом*, тогда как во второй предикативной части о сравнении говорится прямо.

В ряде случаев имплицитная реализация ассоциации по сходству получает форму конструкции с неконкретизированным выражением ассоциативных отношений.

В таких конструкциях ассоциативная связь между сопоставляемыми объектами передается словами со значением ментального процесса, то есть процесса, происходящего в человеческом сознании. Наличие в сознании субъекта ассоциативной связи выражено открыто, однако прямо не сказано о том, что ассоциативная связь основана на сходстве.

Конструкции с неконкретизированным выражением ассоциативных отношений могут быть в зависимости от способа реализации данных отношений разделены на два типа:

1. конструкции отождествляющего типа;
2. конструкции каузирующего (причинно-результативного) типа.

В конструкциях отождествляющего типа сходство объектов представлено как отождествление данных объектов в сознании наблюдателя. В повести А.П. Чехова такое субъективное отождествление передается конструкциями с глаголом *казаться*, выражающими субъективное восприятие рассказчика. В одних случаях глагол *казаться* выступает как полузнаменательная связка в составе именного сказуемого: *В ее отсутствие я не мог работать, руки у меня опускались и слабели; наш большой двор казался скучным, отвратительным пустырем* [21, с. 260]. В других случаях данный глагол используется как главный член безличного предложения, причем от безличного предложения зависит придаточное изъяснительное, которое и раскрывает содержание ассоциации: *У нее был хороший, сочный, сильный голос, и, пока она пела, мне казалось, что я ем спелую, душистую, сладкую дыню* [21, с. 264].

В конструкциях каузирующего типа ассоциация по сходству выражена путем констатации того факта, что воспринимающий объект вызывает в сознании субъекта восприятия мысль о другом объекте. Возникает «воспоминание на основе сходства» [1, с. 254].

Например: <...> мужик, поднимающий сохой землю, понукающий свою жалкую лошадь, оборванный, мокрый, с вытянутой шеей, был для меня выражением грубой, дикой, некрасивой силы, и, глядя на его неуклюжие движения, я всякий раз невольно **начинал думать** о давно прошедшей, легендарной жизни, когда люди не знали еще употребления огня [21, с. 244]. Крестьянин, пашущий землю сохой, сопоставлен здесь с человеком тех времен, когда люди не знали еще употребления огня, то есть с первобытным человеком. Основанием сравнения служат неуклюжие движения и грубая, дикая, некрасивая сила. Идея сходства прямо не выражена, говорится лишь о том, что восприятие одного объекта вызывает в сознании наблюдателя мысль о другом объекте. Процесс восприятия выражен

в данной фразе деепричастным оборотом *глядя на его неуклюжие движения*, возникновение мысли об ином объекте выражено группой сказуемого: <...> *начинал думать о давно прошедшей, легендарной жизни, когда люди не знали еще употребления огня*. Эта ассоциация, выраженная в десятой главе повести, получает своеобразное развитие в тринадцатой главе, где используется конструкция отождествляющего типа с глаголом *казаться*: *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, всё же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, что главное на земле — правда и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость* [21, с. 256]. ИмPLICITное сопоставление с первобытным человеком заостряется здесь до ассоциации с *неуклюжим зверем*, и в то же время подчеркивается односторонность такого восприятия.

Сообщению о возникновении ассоциации может предшествовать сообщение о хранении в памяти субъекта сведений о том объекте, с которым ассоциируется воспринимаемый объект:

*У меня с детства **осталось в памяти**, как у одного из наших богачей вылетел из клетки зеленый попугай и как потом эта красивая птица целый месяц бродила по городу, лениво перелетая из сада в сад, одинокая, бесприютная. И Мария Викторовна **напоминала** мне эту птицу.*

— *Кроме кладбища, мне теперь положительно негде бывать, — говорила она мне со смехом. — Город прискучил до отвращения* [21, с. 236].

Смысл предложения *И Мария Викторовна напоминала мне эту птицу*, где глагол *напоминать* обозначает возникновение ассоциации, в полной мере понятен лишь на фоне контекста. Эталон сравнения ясен благодаря предшествующей фразе, к которой отсылает местоимение в сочетании *эту птицу*. Последующий абзац, подчеркивающий «бесприютность» Марии Викторовны, дает мотивировку ассоциации.

Ассоциация по сходству как основа воспоминания может сочетаться с ассоциацией по смежности. Так, ассоциация между домами и обликом проектировавшего их архитектора основана как на некоторых чертах сходства, так и на реальной связи (бездарность архитектора, воплощенная в доме): *У фасада упрямое, черствое выражение, линии сухие, робкие, крыша низкая, приплюснутая, а на толстых, точно сдобных трубах непременно проволочные колпаки с черными, визгливыми флюгерами. И почему-то все эти выстроенные отцом дома, похожие друг на друга, смутно*

напоминали мне его цилиндр, его затылок, сухой и упрямый [21, с. 198].

Конструкции с имPLICITной идеей сходства взаимодействуют в тексте с конструкциями, прямо выражающими сравнение. Например:

*С заказчиками они держали себя, как лукавые царедворцы, и мне почти каждый день **вспоминался** шекспировский Полоний.*

— *А, должно быть, дождь будет, — говорил заказчик, глядя на небо.*

— *Будет, беспрерывно будет! — соглашались маляры.*

— *Впрочем, облака не дождевые. Пожалуй, не будет дождя.*

— *Не будет, ваше высокородие! Верно, не будет* [21, с. 218–219].

В составе приведенного сложносочиненного предложения первая предикативная часть непосредственно характеризует обращение маляров с заказчиками, причем используется явно выраженное сравнение *как лукавые царедворцы*. Вторая предикативная часть также содержит образ, основанный на сходстве (*вспоминался шекспировский Полоний*), причем этот образ является конкретизацией предыдущего, но здесь ассоциация по сходству выражена без сравнительного союза, с помощью слова со значением воспоминания. Дополнительную мотивировку ассоциации дает последующий диалог заказчика с малярами, похожий на разговор об облаке, который ведет Гамлет с Полонием в шекспировской трагедии (Полоний в ходе диалога соглашается со всеми суждениями Гамлета, хотя эти суждения противоречат друг другу; именно так ведут себя и маляры в данном эпизоде чеховской повести).

Таким образом, в повести А.П. Чехова используется три типа имPLICITной передачи ассоциации по сходству:

1. конструкции с полной имPLICITностью ассоциативных отношений;
2. конструкции с тропеическим выражением ассоциативных отношений;
3. конструкции с неконкретизированным выражением ассоциативных отношений.

Каждый из этих способов имPLICITного выражения сравнения имеет свои функциональные особенности. Конструкции с полной имPLICITностью ассоциативных отношений отличаются краткостью, афористичностью. Конструкции с тропеическим (метафорическим) выражением идеи сходства характеризуются усиленной выразительностью, поскольку объединение выразительных возможностей сравнения и метафоры

способствует экспрессивности данных конструкций. Конструкции с неконкретизированным выражением ассоциативных отношений, акцентируя внимание на процессе возникновения ассоциации в сознании, позволяют изображать действительность через ее восприятие персонажем; именно этот тип конструкций с имплицитной компаративной семантикой наиболее широко используется в повести А. П. Чехова.

Общим для названных типов конструкций является скрытый характер компаративной семантики. Отношения сходства между ассоциируемыми компонентами не полу-

чают в рамках подобных конструкций непосредственно вербального выражения. Это способствует активизации читательского внимания, поскольку адресат должен сам уяснить наличие в тексте идеи сходства. Для отличия от типичных сравнений, в которых компаративная семантика выражена специальным показателем, конструкции с имплицитной компаративной семантикой можно назвать компаратоидами. Представляется, что исследование компаратоидов как специфических средств реализации речевого образа, изучение их разновидностей и стилистических функций может расширить и уточнить знания о системе экспрессивных средств русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
2. Ваганов А. В. Взаимодействие компаративных и градационных отношений в языке произведений А. П. Чехова // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 122–127.
3. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
4. Драйсави Х. К. М., Чарыкова О. Н. Роль сравнений в презентации индивидуально-авторской поэтической картины мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 34–36.
5. Драйсави Х. К. М., Чарыкова О. Н. Предмет сравнения как компонент индивидуально-авторской концептосферы (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 19–20.
6. Дружинина С. И. Структурная и семантическая переходность предложений с деепричастными оборотами, вводящимися сравнительными союзами // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. М. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 216–218.
7. Камышова А. Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста: На материале прозы В. Брюсова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 21 с.
8. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX — XX вв. Выпуск 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 477 с.
9. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX — XX вв. Выпуск 2. М.: Языки русской культуры, 2010. 512 с.
10. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX — XX вв. Выпуск 3. М.: Языки славянских культур, 2015. 448 с.
11. Крылова М. Н. Выражение языковой личности М. А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 166–169.
12. Крылова М. Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ. Саратов: Вузовское образование, 2014. 189 с.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 316 с.
15. Левит И. В. Сложные сравнительные синтаксические конструкции как элемент функционально-семантического поля сравнения. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 166 с.
16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 798 с.
17. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.
18. Разуваева Л. В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
19. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 195–222.
20. Трегубчик А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.
21. Чехов А. П. Моя жизнь // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1977. С. 192–280.
22. Шевченко А. Е. Сравнение как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 21 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЛИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ)

LITERARY PERSONALS AS A RESEARCH PROBLEM THEORETICAL BASIS OF THE COMPILATION OF LITERARY DATABASE

**T. Vasilieva
L. Grigoreva**

Summary. The article defines the main types of personals, reveals pre-existing problems in the compilation of literary personals. The authors made an attempt to determine the priorities in the compilation of them. They presented the structure of a standard article to create an updated scientific database on the history of the Yakut literature.

Keywords: literary personals, biography of the writer, bibliographic information, standard article.

Васильева Татьяна Ниловна

*К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)
vtatyanan@yandex.ru*

Григорьева Людмила Павловна

*К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)
grigormila@mail.ru*

Аннотация. В статье определены основные виды литературных персоналий, выявлены существовавшие ранее проблемы в их составлении. Авторы, основываясь на работах Бухштаб Б. Я., Давыдовой М. И., Малофеевой Н. Н. и др., предприняли попытку определить приоритетные задачи в составлении литературных персоналий; представили структуру типовой статьи для создания обновленной научной базы данных по истории якутской литературы.

Ключевые слова: литературная персоналия, биография писателя, библиографическая информация, типовая статья.

Творческая личность писателя всегда в центре внимания литературоведов, интерес к ней характерен и для читателей. Именно поэтому принцип персоналии занимает одно из значительных мест в структуре литературной библиографической информации. В систему различного вида персоналий входят: биобиблиографические указатели, серии указателей-персоналий, посвященные нескольким писателям, библиографические указатели о крупных писателях. В связи с каждым из этих видов возникает ряд теоретических и методических проблем. Например, стремление в прошлом к жесткому отбору писательских имен в биобиблиографических указателях было связано с боязнью включения в указатель сведений о писателях «неблагонадежных» [2, с. 71]. В советские годы такие указатели составлялись как выборочные, рекомендательные и в теоретических работах трактовались именно так [6, с. 128]. Также стоит упомянуть о том, что прежде обычно за основу при отборе имен брали состав писательской организации, добавляя, в виде исключения, тех, которые творили до создания такой организации, и уже известных молодых писателей, еще не вошедших в ее состав. В наши дни, когда сняты идеологические запреты, провозглашается и осуществляется стремление библиографии к многомерному, разностороннему отражению мира литературы. Знаменем времени стали библиографические

указатели, содержащие сведения о репрессированных в советские годы писателях народов России.

Раздел «Персоналия» в биобиблиографических указателях писателей открывается обычно информацией о фактах жизни и творчества. Далее следует список изданий и публикаций произведений и работ об авторе. Методика составления такого рода указателей разрабатывалась и совершенствовалась многие годы библиографами РНБ. Вопросы к такому виду изданий могут касаться указания всех публикаций каждого произведения, целесообразности выдачи полной библиографии, повторяя то, что есть в уже изданных персоналиях в общелитературных указателях или пособиях, специально им посвященных. Указатели-персоналии, посвященные отдельным писателям, мало отличаются от соответствующих разделов полиперсональных пособий. Однако здесь уместен более развернутый очерк о творчестве и расширении библиографических материалов (сведения об иллюстрациях, о нотах и грамзаписях, издания в переводе и т.д.). Методическая особенность таких изданий касается проблем выпуска в виде серии [2, с. 72–79].

Известный библиограф Давыдова М. И. классифицирует пособия по литературной библиографии по содержанию: общелитературные (о литературе одной страны

или нескольких стран и народов — в целом или в пределах определенного периода), «жанровые» (о поэзии, романе, очерке и т.п.), персональные (об одном или нескольких писателях) и тематические. При этом подчеркивается подвижность этих границ. Так, общелитературный указатель, содержащий ряд разделов-персоналий, может рассматриваться как собрание персоналий, а серия отдельно изданных персоналий с продуманным отбором писателей составляет подобие общелитературного указателя. Принцип построения библиографической информации определяется самой сущностью пособия и зависит от замысла, от того или иного угла зрения на литературу.

Подход по принципу персоналии является наиболее распространенным в литературной библиографии. Этот принцип целесообразно использовать для создания информации о писателях со сложившейся творческой индивидуальностью, прошедших значительную часть своего творческого пути, проанализированного литературоведением в широком смысле слова, включая критику.

Персоналии могут видоизменяться в зависимости от издания, в которое они входят. Если оно отражает литературный процесс в целом, то персоналии могут представлять материалы о творчестве ряда писателей, а также раскрывать общие закономерности развития национальной литературы. В этом случае, на характер персоналий влияет их общность, которая определяет единообразие методики. При этом осуществляется их разгрузка, благодаря возможности отсылок к общему разделу, где сосредоточены работы, необходимые как для знакомства с развитием данной национальной литературы, так и для изучения творчества отдельных писателей.

Второй вид персоналий может быть представлен в указателе, посвященном развитию вида, жанра национальной литературы или определенной проблемы. Здесь на первый план выступает порой одна из сторон творчества писателя, определенный вид литературы.

Таким образом, библиографическая информация, построенная по принципу персоналии, с одной стороны, знакомит с кругом писателей, заслуживающих внимания, и, с другой стороны, с творческой индивидуальностью каждого из них [2, с. 32–34].

Рекомендательная библиографическая персоналия или критико-библиографический очерк о писателе призваны охарактеризовать творчество литератора в целом, выявить своеобразие его восприятия действительности, проблематику его произведений с тем, чтобы читатель либо ограничился знакомством с писателем посредством этой информации, либо обратился к чтению его творчества.

Задача эта решается по-разному, в зависимости от замысла библиографа и степени известности писателя. Например, в персоналии крупного писателя, обращаясь к зрелому читателю, не имеет смысла пересказывать сюжет популярного произведения. В иных случаях персоналия превращается в обзор основных произведений писателя, объединенных представлением автора издания о его творческой личности. Это обычно используется, когда писатель малоизвестен, хотя является классиком своей национальной литературы.

Как правило, персоналии не перегружены фактами жизни писателя. Называются в основном те факты, которые отразились в творчестве или повлияли на восприятие творчества писателя нашими современниками. Большое значение имеет зачин рассказа о писателе. Именно в нем, по мнению исследователей, обычно отражается то личностное восприятие творчества, которое автор стремится передать читателю. Персоналия иногда создается как информация, которой читатель может и удовлетвориться в своем знакомстве с автором (особенно поэтом). В такой персоналии приводятся стихотворные тексты, в завершение дается «мини-антология» — десять-двадцать стихотворений, отобранных библиографом. Например, как в издании «Судьбы поэтов серебряного века» (1993).

В составлении литературного справочника (энциклопедии) существенную роль играет разработка типовых статей, каждая из которых есть образец, эталон. По типу и подобию типовой статьи создаются и другие тексты. Создание типовой статьи, стандартизация ее содержания и структуры отвечают интересам читателей, которым удобнее пользоваться однотипными материалами, и облегчают работу авторов. Энциклопедической статье присуща лаконичность изложения сущности того или иного явления (проблемы). При этом стиль изложения проявляется в умении представить богатый фактический материал в общедоступной форме. Все эти общие требования к типовой (энциклопедической) статье были учтены в разработке единой структуры справочного материала (статьи) в процессе создания обновленной научной базы данных по истории якутской литературы на якутском языке. Типовая статья включает в себя сведения о жизни и творчестве писателя, краткие отзывы из статей и работ по истории региона и истории литературы. Данная общая структура персоналий содержит литературоведческое представление основных произведений (одного произведения), что сопровождается отрывком или цитатой из авторского текста. Для авторов статей может быть представлена следующая структура типовой статьи:

1. данные биографии писателя (биографическая часть: отражение наиболее важных жизненных событий);

2. данные о творчестве писателя (исследовательская часть: здесь на основе анализа определяются основные литературные достижения, характеризуются главные произведения, дается оценка с точки зрения современности и т.д.);
3. библиографическая часть (список значительных произведений писателя; библиографический список источников (литература); отрывки из рецензий и литературная критика о писателе; отрывки из произведений).

Оформлению библиографического аппарата каждой статьи необходимо уделить большое внимание. Представленные источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ.

Таким образом, для составления литературоведческой базы данных предлагаем систематизировать библиографические сведения по авторским именам в формах статей, содержащих аналитические обзоры основных произведений, адресованных для пользователя как достоверные источники о творчестве писателей в контексте современных литературоведческих и творческих поисков; включить в состав базы данных сведения о репрессированных писателях, а также известных авторах, не ставших официальными членами союза советских писателей; дополнить сведения практической информацией из истории литературной критики. Данное обновление будет представлять существенное обоснованное дополнение к имеющимся сведениям, относящимся к литературному процессу исследуемого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиография художественной литературы и литературоведения: учебник / под ред. С. А. Трубникова. — М.: Книга, 1985. 336 с.
2. Давыдова М. И. Литературная библиография. Учебно-практическое пособие. — М.: Либерия-Бибинформ, 2005. 96 с.
3. Давыдова М. И. Литературная библиография на этапе обновления // Библиограф. 1998. № 4. — С. 133–139.
4. Ильина О. Н. Справочные издания по художественной литературе и литературоведению: учеб. пособие / О. Н. Ильина, И. П. Кузнецова. — СПб., 1996. 71 с.
5. Малофеева Н. Н. Отечественные персональные энциклопедии // Научная книга. 2000. — № 3. С. 37–43.
6. Рыскин Е. И. Методика составления библиографических указателей художественной литературы и литературоведения. — М., 1955. 128 с.

© Васильева Татьяна Ниловна (vtatyanan@yandex.ru), Григорьева Людмила Павловна (grigormila@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ОППОЗИЦИИ «СВЕТ — ТЬМА» В ОБРАЗАХ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РАССКАЗА Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «БОГИНЯ ПАРКА»

Вертинская Ольга Михайловна

К. филол. н., доцент, ФГАОУ ВО «Балтийский
федеральный университет имени Иммануила Канта»
OVertinskaya@kantiana.ru

**FEATURES OF THE LANGUAGE
REPRESENTATION OF THE SEMANTIC
OPPOSITION «LIGHT — DARKNESS»
IN THE CHARACTERS OF THE MAIN
CHARACTERS OF THE STORY
OF L. PETRUSHEVSKAYA
«THE GODDESS OF THE PARK»**

O. Vertinskaia

Summary. The article considers the story of L. Petrushevskaya from the point of view of the functioning of the semantic opposition «light — darkness» in her as one of the key in the mythopoetic system of the writer. The vocabulary-semantic field of light and darkness is realized at the level of images of the main characters. Features of the language representation of opposition members «light — darkness» and their functional significance are revealed through the analysis of nominations of heroes, their «topos», external and internal porters, and at the level of the plot.

Keywords: myth, mythopoetics, intertextual allusions, creative method, semantic opposition, dichotomy, functional-semantic analysis, hero image, nomination, strong position.

Аннотация. В статье рассматривается рассказ Л. Петрушевской с точки зрения функционирования в нем смысловой оппозиции «свет — тьма» как одной из ключевых в мифопоэтической системе писательницы. Лексико-семантическое поле света и тьмы реализуется на уровне образов главных героев. Особенности языковой репрезентации членов оппозиции «свет — тьма» и их функциональная значимость раскрываются через анализ номинаций героев, их топоса, внешнего и внутреннего портера, а также на уровне сюжета.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, интертекстуальные аллюзии, творческий метод, смысловая оппозиция, дихотомия, функционально-семантический анализ, образ героя, номинация, сильная позиция.

Людмила Петрушевская вошла в историю современной литературы как мастер короткого рассказа. Специфику малого жанра в творчестве Петрушевской определяют «единство жизненного материала, повторяемость сюжетных ситуаций, типов героя, определенность авторской позиции. Перед нами практически всегда предстает современная Россия, сфера повседневной жизни, и даже если это произведения мистического или сказочного характера, все равно фантастическое, ирреальное в них тесно переплетается с обыденным» [Прохорова, 2008: 207]. Совмещение сказочно-мифологического и реально-будничного характерно для большинства рассказов Петрушевской, разница состоит только в степени концентрированности в них интертекстуальных аллюзий (мифологических и других) и используемых приемов. Рассказ «Богиня Парка», давший название одноименному сборнику и сильно отличающийся от остальных вошедших в него текстов, относится к числу тех «концентрированных» коротких рассказов, в которых репрезентируются важнейшие особенности мифопоэтики Л. Петрушевской. Соотношение реального

и ирреального миров в «Богине Парке» репрезентирует одну из базовых дихотомий художественной системы Петрушевской — дихотомию жизни и смерти в одной из ее разновидностей: оппозиции «света — тьма». Оппозиция «свет — тьма» реализуется на уровне образов главных героев и хронотопа и представляет собой один из главных приемов их характеристики. Рассмотрим эти и другие особенности рассказа «Богиня Парка» подробнее.

Рассказ называется именем мифологической богини Парка (в римской версии мифа), которая плетёт нить человеческой судьбы. Вынесение личного имени (реального исторического или мифологического персонажа) в заглавие рассказа также является одной из особенностей творческого метода Петрушевской. Помещенное в сильную позицию заголовка, имя мифологического персонажа становится смысловым знаком, направляющим воображение и внимание читателя в определенное ассоциативное русло: мы заведомо предполагаем, что у героев дальнейшего повествования наверняка будет

что-то общее с персонажем, имя которого вынесено в заглавие.

Богини судьбы, существующие в мифологии разных культур, представляют собой триицу. В греческой мифологии — это три мойры; у скандинавов им соответствуют три норны, у славян — это Макошь, Доля и Недоля. Первая из сестер, именуемая в различных культурах по-разному, — богиня настоящего. Она прядет нить жизни человека, на которую нанизываются все события. Богиня прошлого определяет судьбу человека еще до его появления на свет и следит за исполнением жребия, то есть за «работой» богини настоящего. Богиня будущего неотвратимо приближает будущее человека. В тот момент, когда она ножницами перерезает нить, жизнь человека обрывается [Мифы народов мира, 1982: 420]. Изначально в римской мифологии Богини Парка были богинями рождения, на что указывает связь их имени со словом *partus* (рождение). Первыми их именами были *Parca* (богиня рождения), *Nona* и *Decima*: последние два имени указывали на месяцы, в которые происходят роды после зачатия. Позднее значение Парок слилось со значением греческих мойр, причем к богиням *Nona* и *Decima* присоединили божество смерти *Morta*, создав, таким образом, триицу, олицетворявшую жизненную судьбу от часа рождения до часа смерти. Парки представлялись в образе трех прядущих сестер — представление, заимствованное из греческой мифологии» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона].

С богиней Парка в рассказе Петрушевской сравнивается главная героиня — Алевтина. Именно ей, неустроенной в своей личной жизни, приходит идея «свести» (=линиями придуманной ею судьбы) «нелюбимого» учителя, случайно оказавшегося соседом по даче, с «нелюбимой» аптекаршей, живущей в соседнем городе. Таким образом, в рассказе действует одна из триады богинь — богиня настоящего, отвечающая за созидание жизни. Именно она станет связующим звеном между А.А. и его «будущей женой» Ниной¹ [Петрушевская, 2011:19].

Фаталистическая идея предопределенности и неотвратимости судьбы косвенно задается названием рассказа и далее прямо формулируется в зачине: «Есть люди, которых не хотят. Никто не хочет. Вот это дело, как таким выжить. Собственно говоря, не бывает так, что не хотят все и повсюду — *просто надо найти тот пункт, где есть человек, который не то что бы хочет с тобой водиться, но он вообще ни о чем пока что не подозревает*²» [Петрушевская, 2011:3]. Читатель не разочарован в своей догадке; осталось соединить

¹ Здесь и далее текст цитируется по: Л. Петрушевская. Рассказы о любви. АСТ, 2011. С. 3–22.

² Здесь и далее курсив в цитатах везде наш — О.В.

время, место и участников ситуации, и это обязательно произойдет. В интриге нет смысла, поэтому в начале рассказа мы узнаем финал еще не рассказанной в нём истории: «Вот и угнездился такой нелюбимый, звать его было А.А.» [С.3]. Таким образом, судьба еще неизвестного нам героя по имени А.А. предопределена помимо его собственной воли.

Алевтина-Парка — дальняя родственница хозяйки загородного домика, в котором останавливается сторонящийся людей учитель, приехавший в деревню на время летних каникул. Из описания *места* (локуса героини) и *образа жизни* Алевтины мы можем делать вывод о качестве характера, опосредованно связывающим героиню, с одной стороны, с образом богини, плетущей нить судьбы, а с другой — с профессиональной деятельностью свахи, соединяющей одинокие судьбы в целях создания семьи. Сообщается, что Алевтина приезжает в загородный дом каждое лето. Чтобы не платить за постой, живет в сарайчике, который сама обустроила, и занимается домашними заготовками, ср.: «в своей *сарайной комнатке* тетя Аля навела красоту, обоями обклеила, на крыше все позалатала, занавесочку повесила на ту дырку со стёклышком, которая заменяла окно» [с. 6]. Алевтина — заботливая, внимательная хозяйка, она делает заготовки на зиму из всего, «что под руку попало»: «и кипела, кипела у нее работа в саду возле сарая в *тенечке и под навесом*» [с. 9]. Таким образом, в характере героини выявляется сотворяющее начало, свойственное Парке, зарождающей жизнь.

Умение обустроить семейный очаг — умение по природе женское. Природная женственность, свойственная характеру героини, коррелирует с её «мужской» внешностью. «Тетка Алевтина» изображена в рассказе старой, непривлекательной и мужеподобной: «В сумерках как-то *скрадывались ее женские черты*, два мешка впереди, грудь и брюхо, сливались в одно *монументальное целое с крутыми плечами*, и выглядела Алевтина как *какой-нибудь римский император с чубчиком на лоб. Суровый, тонкий рот* и выдающийся нос все отчетливей проступали в полумраке»; «*Грузная старая Алевтина* в причёске типа «полубокс», *сделанной ради летних работ*» [с. 18]. Описание героини полисеманлично: помимо гендерной лексики в нём прослеживаются слова с общей семой 'отсутствие света' — женские черты Алевтины «скрадываются» и высвечиваются мужские. Волевой характер героини эксплицирован во внешности как через общие признаки вроде «суровый тонкий рот», так и через культурные аллюзии к «личностям в истории» (римский император/немецкий фюрер), ср. также: «Тетка Алевтина повела себя, как *начальство*». Использование сравнительного оборота с собирательным словом *начальство* указывает на «сверх»возможности тетки Алевтины относительно возможностей других людей:

в представленной в рассказе системе отношений А.А. и «лупоглазая корова Нина» (указание не безвольность героини) — подчиненные, Парка Алевтина — начальник. И император, и мифические боги наделены правом власти над людьми — простыми смертными. Последующее поведение героини характеризует её как неумолимо и последовательно идущую к своей цели «богиню Парка».

Важной составляющей портрета является имя персонажа. Хозяйка загородного домика несколько раз оговаривается в тексте, называя Алевтину Валентиной, а про главного героя говорит «нелюбимой» вместо «нелюдимый»: «Нелюбимой он какой-то, Валентина (она не может, видимо, воспроизвести слово «нелюдимый»). И «Алевтина» у нее не получается». Имя-оговорка «Валентина» указывает на Святого Валентина, покровителя всех влюбленных. Прослеживается скрытое указание на деятельность Алевтины: чтобы «нелюбимой» А.А. обрел, наконец, счастье и стал «любимым».

Основное свойство героини имплицитно представлено в семантике её настоящего имени. В переводе с греческого Алевтина означает «отражение» [Суперанская, 2005:35]. Согласно данным БЭС, отражение — это «возвращение световой волны при ее падении на поверхность раздела двух сред с различными показателями преломления «обратно» в первую среду. *Благодаря отражению света мы видим объекты, не излучающие свет*» [БЭС]. Главная героиня рассказа может «осветить», сделать видимым то, что ранее скрывалось от глаз, не было заметным. «Невидимые» герои рассказа — учитель *в камуфляжной форме* и *тихая* аптекарша — становятся теми объектами, на которые будет направлена способность Алевтины, ср.: «Прекрасно, думает тетка Алевтина, *как думала бы древняя богиня Парка, плетя нити человеческих судеб — и так и смя их перекрещивая и связывая будущими детьми*» [с. 7]. Избранные Алевтиной две одинокие «судьбы» представлены в развернутой метафоре — в образе лодок, привязанных веревкой (мифической «нитью») к берегу, ср.: «Та *тонкая нить судьбы*, на которой привязана была эта лупоглазая корова Нина, вдруг затрепетала, забренчала и натянулась *золотым лучом*, как от небольшого маломощного *прожектора*, шарящего в *глухой тьме*. Но *луч сверкнул*, шаря и пронзая *тьму*, заволновалась вода, лодка тяжело заворочалась, плеснула туда-сюда, отошла от мостков — и нате, веревка тоже натянулась и запела. И тут же *луч прожектора* полоснул по ней, *зажег* нестерпимым *золотом* эту мокрую невзрачную бечеву. Она *загорелась*, распушилась, показала каждую свою ворсинку, как на хорошей художественной фотографии в каком-нибудь *лаковом журнале*» [с. 15].

Процесс «осветления» нитей судьбы и приведения в действие намерений Алевтины осуществляется за счет нагромождения лексем с явной и скрытой семантикой

света: «*золотым лучом*», «*прожектора*», «*сверкнул*», «*зажег золотом*», «*загорелась*», «*лаковом*» и тьмы: «*тьме*», «*тьму*». Завершенность процесса и его результативность на грамматическом уровне выражена в перфективах глаголов *сверкнул*, *зажег*, *загорелась*. Богиня Парка выполнила свою функцию: судьбы героев наполнились светом, их перспектива «осветилась», стала отчётливой. В конце рассказа встреча А.А. и Нины после случайной разминки на дороге описывается так: «Он чуть ее не поцеловал, как после долгой разлуки, но тут же крепко взял ее под руку со словами «ну где ты ходишь, ну как так можно, успокойся», и он взял у нее из этой бесчувственной руки ее сумку, *как делают все мужья*». И всё затаилось в мире и «*Будущий* ребенок тоже затаился там, в *прозреваемом далеке*».

Поле тьмы в рассматриваемом фрагменте вербализовано лексемами *тьма*, *сумерки*. Функция тьмы в рассказе заключается в том, чтобы создать контраст для света, обнаружить его качества и позволить Алевтине реализовать свою функцию. Алевтина живет в «сарайной комнатке», а основная ее деятельность проходит на улице, в саду, в «тенечке» и «под навесом». Работая *в тени*, героиня остается незаметной, прикрытой навесом от солнечного света, ср. также: «*В сумерках* как-то *скрадывались* ее женские черты». Работа Парки скрыта от глаз обычного человека: ведь учитель не сразу понимает, что его вовлекают в процесс сватовства.

Пространство Алевтины по ходу рассказа то сужается и уменьшается по площади, то снова расширяется. Причем смена локуса героини связана с ее функцией в рассказе. Как только она выполняет свою роль, связав нити судеб, ее пространство начинает сужаться и замыкаться. В конце концов она умирает, перешагивая черту мира живых.

В начале рассказа локусом героини является не только сад, но и весь мир: «Тихо было *во дворе и в мире*, громоздились полные ягод кусты, стояли стеной старые яблони» [с. 17]. Это определяет глобальную функцию Алевтины в рассказе, соотносимую с образом мифического вершителя человеческих судеб. «Рабочее» пространство Парки открыто. В ее распоряжении не только двор, но и весь мир.

Затем Алевтина уезжает домой, находясь в «тесном пространстве микроавтобуса». Дома, в Москве, у нее «хорошая двухкомнатная квартира». Со сменой локуса меняется и состояние героини. Вначале, находясь в открытом пространстве сада и мира в целом, она предстает перед нами сильной, волевой, обладающей мужскими чертами характера. Перемещаясь из открытого пространства мира в квартиру, Алевтина заболевает и попадает в больницу. Последним ее замкнутым и самым ма-

леньким по размеру пространством становится гроб: «Ее накрыли крышкой, забили гвоздиками» [с. 19].

Героиня умирает. Она выполнила свою функцию, теперь она открыта для глаз, больше ничто не «затемняет» её внешности»: «У Алевтины Николаевны было какое-то очень молодое и спокойное лицо, похудела сильно» [с. 19]. В примере отражено состояние героини после ее смерти. Она выполнила задачу своей жизни, поэтому лицо у нее «спокойное».

Мы увидели, каким образом Алевтина соединяет и освещает нити судьбы. Теперь рассмотрим героя, ставшего объектом деятельности богини Парка.

О внешности героя в рассказе практически ничего не сказано. Его образ представлен в форме отрицания негативных качеств, а не утверждения положительных, при этом не-точных: «А тут вот он, здоровый. При всем своем организме, *не кривой не хромой, не заика, не псих, наверное*» [с. 16].

«А.А. был исключительно *трусливый и стеснительный мужчина*» [с. 20]. Герой ведет тихий, закрытый образ жизни, не любит попадаться на глаза, ср.: «... уходит спозаранку с рюкзаком на целый день, сам в камуфляже, на ногах старые кеды. В рюкзаке непонятное. Уходит на день, где-то шляется, что-то ест...». С хозяйкой домика А.А. не разговаривает, «на вопросы он отвечает не сразу, и отвечает так, что больше спрашивать не захочется: «А какая, собственно, разница», — вопросом на вопрос» [с. 6].

Важной частью образа героя является его одежда, ср.: «Он [А.А.] появляется в нашем рассказе в *дешевом камуфляжном* костюме и в не особенно молодом возрасте, откуда-то приехал, откуда его достала судьбина, из близлежащей провинции учитель» [с. 3]. Камуфляжный костюм в рассказе — значимая деталь. Во-первых, наблюдается несоответствие между профессией героя (учитель) и его одеждой. Во-вторых, камуфляж здесь не только костюм, но способ маскировки. Признак неопределенности выражается посредством использования неопределенных наречий «*откуда-то*», «*где-то*», неопределенного местоимения-существительного «*что-то*» и субстантивированного прилагательного «*непонятное*».

Скромность и скрытность учителя являются попыткой спрятаться, убежать от судьбы, сделаться невидимым. Чтобы оставаться незамеченным, герой сознательно избегает света, он его «*не зажигает*», «*света не жжжет вообще*, лампочку вывернул и хозяйке отдал» — соседки по даче выдают это за скупость бедного учителя.

А.А. напрямую называется тенью, ср.: «— Доброй ночи, — растерявшись, ответила *тень* и на секунду за-

стыла» [с. 14]; «Тем временем постоялец, *тень* в пыльном камуфляжном обмундировании с горбом за спиной, *бесшумно* открыл калитку» [там же].

Героя словно не существует. Там, где он живет, «*тихо, темно. Ничто не шебуришется*» [с. 15]. Бесплотность А.А. неоднократно подчеркивается рассказчиком, ср.: «*Тень А.А.* мигом просквозила *сквозь мглу* в сторону сортира» [с. 17], «*Ни скрипа, ни стука* не послышалось при этом» [с. 17].

Таким образом, в характеристике героя через смысловую оппозицию «свет-тьма» выявляется, с одной стороны, его затемнённая, а с другой, — его бесплотность и неопределённость. Это прослеживается как в характеристики истории его жизни («*откуда-то приехал, откуда его достала судьбина*»; «Ни адреса у него, ни фамилии»), так и в семантике слова «*тень*», которое в прямом своем значении обозначает «*Отсутствие прямого, лучистого света*, особенно солнечного, перенятого каким-либо предметом, который застывает, застит, омрачает». В переносном смысле «*тенью*», как известно, также называют «*душу умершего, человека бесплотного*, в поверьях, рассказах, видениях или явлениях, *приведенье*» (Даль).

Настоящее имя героя Алевтина узнаёт в ходе разговора: «Как величать вас? — В смысле? — Ну Андрей? — Предположим. — Андрей Алексеевич, чаю без заварки и сахара выпьешь? — Нет — спасибо, — отвечал петух задиристо. — Я Александрович». Учитель представляется так же нехотя, как нехотя идет навстречу своей судьбе. В переводе с греческого Андрей означает «*мужественный, отважный*» [Суперанская, 2005:25], и такая характеристика кажется несоответствующей характеру нашего героя. Также известно, что впервые имя Андрей появилось в церковном календаре благодаря Андрею Первозванному — ученику Иисуса Христа. Он был первым, кого Иисус призвал в апостолы. Можно предположить, что в «Богине Парка» реализуется сакральное значение имени: Андрей — великомученик, который безропотно принимает свою судьбу и идет ей навстречу как на заклятие. Мотив жертвоприношения прослеживается в образе петуха, с которым сравнивается «*половозрелый самец*» А.А. в момент знакомства с Алевтиной, ср.: «Замер на полушаге, *как замирает петух*, втянув, отшатнувшись, голову и занеся лапу [...] Петух подумал, протянул лапу в пятнистой штанине и с грохотом поставил ее впереди себя. *То есть сделал первый шаг навстречу своей судьбе*» [с. 15].

До знакомства с Алевтиной герою удавалось увильнуть от судьбы, ср.: «Он тренирован был на учениках не отвечать сразу. Вообще не отвечать на вопросы». Но после роковой встречи с богиней Парка судьба учителя ему

уже не принадлежит, ср.: «*В суп, в суп зовут*», — билось в петушиной голове неоформленное сознание» [с. 15].

Подчеркивается в тексте, что это происходит незаметно, ср.: «—Кто? — брякнул этот половозрелый самец и *влип*, потому что на самом деле ему *надо было бежать* на верандочку, *накинуть дверной крючок и мигом на топчан, мигом!* И с *головой одеялом накрыться!* А он как *дурак остановился и спросил это свое «кто»*» [с. 15]. С одной стороны, в данном примере употребляются глаголы несовершенного вида с модальным значением долженствования «надо было», указывающие на возможность «убежать» от ситуации, и восклицательные предложения, побуждающие к «правильному» действию, например, «с *головой одеялом накрыться*», то есть спрятаться. С другой стороны, разговорный глагол совершенного вида *влип* и сочетание *как дурак* свидетельствуют об абсолютном вовлечении объекта в судьбоносный процесс, начавшийся по велению богини Парки.

Однако символ петуха в культуре полисемантичен: «Петух связан одновременно с солнцем и с подземным миром; связывается с огнем, возрождением. Он выступает в качестве символа рассвета, пробуждения, активности, бдительности» [Бидерманн, 1996:132]. Это значение также нашло выражение в образе героя, ср.: «Но он неуклонно ступал и ступал вперед, гремя доспехами, тряся сережками и качая тряпочкой красной бороды. Глаза его в сухих оранжевых ободках торчали как блестящие пуговицы. Гребень налился клюквенным соком и тяжело нависал. Полная картина!» [с. 15].

Таким образом, в рассказе «Богиня Парка» петух, с одной стороны, является символом безвольного следования уготованной судьбе, с другой, — символом света и возрождения.

Мотив скитаний по жизни прослеживается и в ироничном употреблении рассказчиком имени Одиссея по отно-

шению к герою: «Новый Одиссей убирается к себе» [с. 10]. Сама Алевтина и хозяйка дома сравниваются при этом с Пенелопой: «Две Пенелопы дуют чай и смотрят на вернувшегося из странствий человека» [с. 11]. Учитель приехал за город не потому, что захотел, а потому, что его «достала судьбина». Алевтина играет судьбоносную роль в жизни скромного и стеснительного А. А. Благодаря ей, он встречает свою будущую жену. Без участия Алевтины, скорее всего, главный герой так бы и остался одиноким на всю жизнь.

Итак, нами были рассмотрены образы главных героев рассказа Л. Петрушевской «Богиня Парка» через реализацию оппозиция «свет — тьма». В образе Алевтины смысловой доминантой является та функция, которую она выполняет в рассказе: сплетение нитей человеческих судеб. Процесс соединения судеб изображается в рассказе посредством лексем, входящих в поле «свет». Отождествление Алевтины с *богиней* Парка указывает на ее световую природу, так как обожествление света было свойственно славянским народам еще в древности [Кузьмичев, 1990]. Первый член оппозиции «свет — тьма» оценивается как положительный, что присуще традиционному осмыслению в рамках мифологического, культурологического и религиозного контекстов. Это перекликается с утверждением Афанасьева о том, что «слова со значением света обозначали у славян благо, счастье, красоту и здоровье» [Афанасьев, 1994]. В контексте творчества Петрушевской, «[...] люди, терпящие крушение во всех общеизвестных способах преодоления одиночества, светят себе и друг другу» [Лебедушкина, 1998:135]. Благодаря своей способности отражать свет, Алевтина привнесла свет в жизнь незаметного и закамуфлированного А.А.: она осветила его жизненный путь, указав дорогу к счастью. Семантика *тьмы* раскрывается в образах рассматриваемых героев по-разному. В случае Алевтины оставаться в тени значит незаметно реализовывать свою деятельность; в образе учителя реализуется значение скрывающегося от своей судьбы человека. «В тени» мужчина живет до тех пор, пока не попадает в поле интереса Алевтины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрушевская Л. С. Богиня Парка // Рассказы о любви. АСТ, 2011. С. 3–22.
2. Кузьмичев, И. К. Лада: Эстетика Киевской Руси. — М., 1990.
3. Лебедушкина, О. Книга царств и возможностей / критика // «Дружба народов», 1998, № 4.
4. Прохорова, Т. Г. Как сделан первый роман Людмилы Петрушевской? / Над строками одного произведения // «Вопросы литературы», 2008, № 1.
5. Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. — М., 1994.
6. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов. — М.: Республика, 1996.
7. Большой энциклопедический словарь. — АСТ, Астрель, 2008.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2-х томах).
9. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М., Айрис Пресс, 2005.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. в 86т. — СПб.: «Полрадис», АООТ «Иван Фёдоров», 1993–1998.

КОНЦЕПТ «ПОНИМАТЬ»/ «UNDERSTAND» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

THE CONCEPT «UNDERSTAND» IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

O. Volobueva

Summary. The article is devoted to the description of the concept «understand» in Russian and English phraseological pictures of the world. The semantic content of Russian and English phraseological units, or idioms, with meaning «to understand» is analyzed. The main semantic areas of the concept are singled out and discussed in detail. Examples from fiction are given that illustrate the features of semantics and the use of idioms, representing the concept.

Keywords: understand, understanding, phraseological unit, phraseological meaning, concept, phraseological picture of the world.

Волобуева Ольга Николаевна

К.филол.н., доцент,

Тюменский индустриальный университет

volobueva-olga-n@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию концепта «понимать» / «understand» в русской и английской фразеологических картинах мира. Анализируется семантическое содержание русских и английских фразеологических единиц (ФЕ) со значением «понимать». Выделяются и подробно рассматриваются основные смысловые области концепта. Приводятся примеры из художественной литературы, иллюстрирующие особенности семантики и употребления ФЕ, репрезентирующих концепт.

Ключевые слова: понимать, понимание, фразеологическая единица, фразеологическое значение, концепт, фразеологическая картина мира.

Концепт «понимать» занимает важное место в языковой картине мира любого народа, т.к. понимание, являясь универсальной операцией мышления, присущей сознанию формой освоения действительности, представляет собой процесс постижения и освоения человеком окружающей, прежде всего, социально-культурной реальности, смыслов и значений явлений, составляющих «мир человека». Понимание развивается в процессе общения людей и во взаимодействии культур [18]. Способность человека понимать «людей и самого себя, тексты культуры — эта способность лежит в основе существования человека» (А. А. Брудный, 1998). [Цит. по 7, с. 355].

Общеизвестно, что понимание — сложный феномен, который становится объектом исследования, прежде всего, философов, психологов и лингвистов. В научных работах по философии, логике, прикладной и когнитивной лингвистике, лингвистике текста, психолингвистике, искусственному интеллекту дается представление о том, что лежит в основе понимания, как протекает этот процесс, выделяются различные типы понимания [1; 5; 6; 8; 19].

Языковые представления о понимании исследуются в различных работах, посвященных изучению лексики и фразеологии. Научные разыскания ведутся в отношении отдельных лексем или выражений, групп лексем и фразеологизмов, выделенных на семантических основаниях, части поля. Основательно изучена семантика

ментальных действий и состояний, выраженных глаголами мышления и понимания [2; 3; 4; 9]. Понимание рассматривается исследователями как часть языковой картины мира, в которой содержатся представления о понимании как необходимой составляющей мыслительной деятельности, как «обретение знания» [10; 15].

На основе анализа дефиниций глагола понимать в различных толковых словарях русского, английского и французского языков делается вывод о том, что в основе всех рассмотренных толкований разных значений глагола понимать лежит два основополагающих смысла: 'знать' и 'считать' [9, с. 9]. Структура полисемии глагола понимать представлена следующим образом:

1. ОСОЗНАВАТЬ (понимание-знание) 1.1 'осознавать факт': Понимаю, что ты прав 1.2 'осознавать смысл': Ты понимаешь мои слова? 1.3 'владеть языком': Она плохо понимает по-немецки 1.4 'разбираться': Он хорошо понимает в военном деле 1.5 'ценить': Меня никто не понимает 1.6 'знай': Не надо этого делать, понял <пойми>!

2. СЧИТАТЬ (понимание-истолкование) 2.1 'интерпретировать': Вы не так поняли мой жест 2.2 'считать': Лингвисты понимают язык по-разному 2.3 'подразумевать': Под X-ом я понимаю искомую величину.[Там же, с. 9].

Исследование семантики глагола понимать и ситуаций его употребления также показывают, что понимание предполагает наличие субъекта и объекта, иными слова-

ми, понимание включает в себя человека и понимаемый им факт окружающей действительности [10].

Цель настоящей статьи — на основе анализа семантики фразеологических единиц (ФЕ) показать, как концепт «понимать» представлен в русской и английской языковых фразеологических картинах мира.

Материалом описания концепта послужили словарные статьи, репрезентирующие значения ФЕ, зафиксированные в различных фразеологических и толковых словарях русского и английского языков, т.к. словарные толкования дают самые общие и главные представления о семантике фразеологизмов. Кроме того, словарная филологическая статья — это «культурологически значимый, специфический тип вербального текста, в котором раскрыты структура и содержание концепта» [12, с. 4].

Анализ смыслового содержания ФЕ, объединенных семантическим признаком «понимать» / «understand» (около 80 русских и 100 английских ФЕ), позволяет выделить в структуре концепта три концептуальные области: ФЕ с общим значением 1) «обладать пониманием», 2) «понять» и 3) «достигнуть понимания», «прозреть».

Понимать в языковом сознании означает «обладать пониманием», т.е. «способностью осмыслять, постигать содержание, смысл, сущность чего-либо» [16, с. 561]. Понимание в этом случае можно рассматривать как постоянный признак, как характеристику интеллектуальных особенностей человека. Глагольные компоненты, входящие в состав данных фразеологических единиц русского языка, имеют это значение только в формах несовершенного вида.

Человек, «обладающий пониманием», имеет хорошие интеллектуальные способности, быстро и легко воспринимает и усваивает необходимую информацию, является сообразительным: рус. *ловить на ходу (на лету, с лету), схватывать (хватать) на лету (с лету), понимать (схватывать) с полуслова (с полслова)*, англ. *be quick in (on) the uptake, be quick on the draw* (букв. «быстро выхватывать револьвер»), амер. *think on one's feet*.

Понимание в обыденном представлении включает элемент опытности и практического знания. Хорошо понимать что-либо означает быть сведущим, бывалым человеком, уметь оценить ситуацию: рус. *понимать (соображать, прост. смекать) что к чему*, англ. *know a thing or two, know (see) what's what, know a hawk from a handsaw* («уметь отличить кукушку от ястреба»), *see (find out) how (which way) the wind blows* (знать, с какой стороны дует ветер).

Понимание часто связано с такими качествами, как проницательность, дальновидность, прозорливость. Русские и английские ФЕ со значением «отличаться большой проницательностью» построены на выразительных гиперболических образах: рус. *видеть на три (на два) аршина под землей (под землю), затылком видеть, видит (все) насквозь, (он) видит (все) до самого нуля*, англ. *(be able) to see through a (brick, stone) wall, look through (see far into) a millstone (grindstone)* (видеть сквозь жернов).

Некоторые образные выражения используются по отношению к человеку и означают «хорошо знать чьи-либо мысли, намерения, поступки», «знать, что собой представляет кто-либо»: рус. *видеть насквозь, знать (видеть) чем дышит*, англ. *read sb's mind (thoughts), see through sb's game, know (read) sb like a book*.

Семантически близкими являются русские и английские фраземы *читать между строк (строчками) (строчек (строчками))* и англ. *read between the lines*, имеющие значение «догадываться о скрытом смысле написанного, сказанного», либо «догадываться о чьих-либо чувствах по сказанному или написанному» (to guess someone's real feelings from something they say or write) [20, с. 1175]. Ср. Я придирался к словам, *читал между строчками*, старался находить таинственный смысл, намеки (Достоевский) [17, с. 460]; *Reading between the lines, I'd say Robert's got a lot of problems* [20, с. 1175].

Концептуальное содержание понимания предполагает также осмысление и оценку поведения, поступков человека: англ. *see one's way (clear)* (ясно видеть свой путь) — «ориентироваться, понимать, как надо поступать», рус. *отдавать (давать) себе отчет* в чем-л. — «трезво, объективно осознавать, оценивать что-л.». Ср. *Ваша слепая ошибка может мне стоить многого, я отдаю себе отчет*, и тем более должен сохранить мужество, как это ни трудно (К. Федин. Необыкновенное лето) [11, с. 410].

ФЕ со общим значением «обладать пониманием» могут иметь отрицательную коннотацию. Например, *брать одну сторону медали* — «понимать что-л. односторонне, узко» и диал. *выворачивать на свой лад* — «понимать что-л. по-своему». Человек хитрый, «понимающий свою выгоду» тоже оценивается отрицательно: рус. *быть себе на уме*, англ. *have (have got, keep) one's wits about one, be up to (know) a trick or two, know (see) (on) what (which) side one's bread is buttered* («знать, с какой стороны хлеб намазан маслом»). Ср. Этот крепко *себе на уме*. Несмотря на молодость... у него уже практически готова докторская на модную, современную тему (И. Грекова. Кафедра) [11, с. 634]; 'Sure, you're a fool,' she said slowly, getting up. 'You're that perfect you can't see what side your

bread's buttered on' (A. J. Cronin) [14, с. 266] («Ты дурак, это точно», сказала она медленно, вставая. «Ты настолько правильный, что не видишь, в чем твоя выгода»).

Понимание во фразеологии представлено и как активный процесс (процесс «активного становления понимания»), связанный не только с мыслительной, но и с волевой деятельностью сознания [3, с. 39]. Общее значение таких фразеологизмов — «осмыслять, толковать, постигать смысл чего-либо».

Русские и английские фразеологизмы образуют примерно одинаковый круг понятий. Синонимический ряд словосочетаний со значением «понять что-л.» включает следующие ФЕ: рус. *брать / взять в толк (в соображение), брать / взять (себе) в ум (разум), доходить умом, уложить в голове (в сознании), понять (разобраться, выяснить) в чем дело*, диал. *понять в редьке вкус*, англ. *get through one's head, get the idea, get the message, make sense out of sth* и др.

Несколько фразем, связанных общим значением «понять что-л.», имеют дополнительные семантические оттенки, например: рус. *доходить / дойти своим (собственным) умом, дойти своей головой* — «понимать, постигать смысл чего-л. самостоятельно», англ. *see with half an eye* — «понять, разобраться с первого взгляда», англ. *put two and two together, put that and that together (put this and that together)* — «составить факты, прикинуть», англ. *find what o'clock it is (what's o'clock)* — «обнаружить действительное положение вещей».

Понятие активного становления понимания наиболее точно выражено во фразеологизмах со значением «добраться до сути, понять суть чего-л.»: рус. *смотреть (глядеть) в корень*, англ. *come (get) down to (reach) bed-rock (bedrock)* (добраться до подстилающей породы), *get to the back (bottom) of sth, touch bottom, get to the heart of the matter*.

Фразеологизмы со значением «понять правильно» (англ. *get (hold of) the right end of the stick, read sth well (accurately)*) сближаются с целым рядом выразительных фразеологических сочетаний, обозначающих не только правильное понимание чего-либо, но и точное, удачное решение (а иногда догадку): рус. *попадать / попасть (угодить) в (самую) точку, попасть в (самое) яблочко, попадать / попасть в (самую) жилку (жилу), попасть не в бровь, а в глаз*, англ. *hit the (right) nail on the head* («ударить точно по шляпке гвоздя»), *hit the mark, hit the target* (попасть в цель, мишень), *hit the bull's eye* (попасть в яблочко) и др.

Для фразеологии характерно истолкование понимания как неожиданного прозрения, озарения, внезапного

ясного видения того, что было прежде туманным, достижение понимания после длительного периода непонимания или заблуждения.

Об этом свидетельствуют фразеологизмы со значением «достичь понимания, прийти к пониманию чего-либо»: рус. *доходить / дойти до сознания (доходит / дошло до сознания)*, англ. *come (get, go, hit, strike) home (to sb), sink home (sink into sb's mind), soak into sb's brain, the penny drops (the penny (has) dropped)* («монетка упала»). Лексически это значение выражается с помощью таких глаголов, как *дойти (умом)* (в значении «понять»), *осенить* в выражениях — *Наконец-то до него дошло. Меня осенило*.

Подобные фразеологизмы являются безобъектными, понимание возникает не как результат логических рассуждений, а как бы вследствие вспышки света в сознании. Понимание является для человека значительным, и поэтому при этом понимании он может испытывать сильные эмоции [9, с. 18] (значение «внезапно прийти в голову (на мысль)», «стать совершенно очевидным, ясным для кого-л.; осенить кого-л.»): рус. диал. *в голову торнуло*, англ. *cross one's mind, rush into one's mind, hit on with an idea, flash across one's mind* (пронестись / сверкнуть в уме), амер. *hit sb (right) between the eyes* («ударить (прямо) между глаз»).

Особенностью фразеологических репрезентаций концепта является то, что понимание представлено не только как «озарение», но и как «прозрение» после долгого периода непонимания и заблуждений (значение «освободиться от заблуждений, прозреть»): рус. *глаза открываются / открылись (раскрываются / раскрылись)*, (как будто, словно, точно) *пелена (покров, завеса) падает / упала (спадает / спала) с глаз*, англ. кн. *the scales fell from sb's eyes* (пелена упала с глаз). Наличие эквивалентных выражений в русском и английском языках объясняется общим библейским источником возникновения (ср. также каузативные ФЕ *открывать / открыть глаза кому-л. на что-л.*, англ. *open sb's eyes to sth.*)

В английском языке для выражения значения «прозреть, понять в чем дело» получили распространение образы света: англ. *see the light, see daylight, a light breaks in upon sb.*

ФЕ со значением «освободиться от иллюзий, прийти к правильному пониманию действительности, трезвому взгляду на жизнь» в большей степени характерны для русского языка: рус. *падать / упасть с неба на землю, сходиться / сойти с неба на землю, спускаться / спуститься (с небес) на землю, вернуться на (грешную) землю, спускаться / спуститься с облаков*, англ. *come (get) back (down) to earth (with a bump)*.

ФЕ, репрезентирующие концепт «понимать» в русском и английском языках, имеют ряд особенностей как в семантической структуре, так и в употреблении. Так, некоторые ФЕ кроме общего значения «понимать» имеют дополнительные смысловые оттенки. Например, английские выражения *see the light, see daylight* имеют дополнительное значение «видеть просвет, видеть выход из положения; почувствовать надежду» [13, с. 395]. Ср. *Most serious illnesses have an hour of crisis, this turned out to be the beginning of better news and very soon we saw daylight again* (J. B. Priestley) [13, с. 395] (У большинства серьезных болезней наступает переломный момент, это стало началом хороших новостей, и вскоре у нас снова появилась надежда).

Одни и те же ФЕ могут иметь в качестве «содержания понимания» как неодушевленный объект, так и лицо, причем при изменении объекта значение также может меняться. Ср. В этот вечер у меня голова работала, как на экзамене, и я все угадывал и *понимал с полуслова* (В. Каверин, Два капитана) [9, с. 20] (понимал смысл); По тому, как они *понимали* друг друга *с полуслов*, я мог заключить, что живут они мирно, благополучно и что они рады гостю (А. Чехов. О любви) [11, с. 447] (понимали и ценили). Ему достаточно только, нахмуря брови, поглядеть на него сверх синих очков, и он уже *видит насквозь* натуру его болезни (Куприн) [17, с. 67] (понимает суть); Мы с ней *видим* друг друга *насквозь*, и она хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела (Островский) (знаем, понимаем мысли, намерения) [17, с. 67].

Интересным представляется то, что у глагола *понимать* есть значение «обладать пониманием чьих-нибудь действий, намерений, чьего-нибудь внутреннего мира; ценить кого-л.» (*Они отлично понимали друг друга. Он меня понимает. Вы меня не понимаете*),

во фразеологии же отражено понимание мыслей, поступков человека больше в отрицательном контексте: *Я тебя насквозь вижу! Я знаю, чем он дышит*.

Некоторые фразеологизмы со значением «понять» (процесс активного становления понимания) могут употребляться по-разному в зависимости от ситуации общения, в том числе, в отрицательных предложениях в противоположном значении (например, *Никак не могу взять в толк, почему...; Не укладывается в голове; Наконец-то до его сознания дошло, что... и под.*). Ср. Она никак не хочет взять в соображение то, что г-н Клубер мог мне опротивить, что я выходила-то за него не по любви, а вследствие ее усиленных просьб (И. Тургенев. Вешние воды); У вас там свои есть? — спросил он, так и не взяв в толк, зачем это я ездил в Кислицы. Он слушал меня с подозрением. (Д. Гранин. Обратный билет); *Не возьму в толк*, что делать, как на него повлиять. Меня он совершенно не воспринимает, к моим доводам глух. (П. Проскурин. Полуденные сны) [11, с. 614].

Таким образом, анализ семантики ФЕ, объективирующих концепт «понимать / understand», наглядно продемонстрировал универсальность концептуального содержания данного фрагмента действительности в русском и английском сознании. Понимание представлено во фразеологической картине мира русских и англичан как характеристика интеллектуальной способности человека, как активный процесс или как прозрение / озарение. Фразеологизмы со значением «понимать» имеют сложную семантическую структуру, могут выражать неодобрение или порицание, поскольку понимание часто следует за периодом заблуждений, «витания в облаках», может быть связано с осознанием своей выгоды. Многие ФЕ отличаются метафоричностью и построены на выразительных гиперболических образах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В. В., Соболева З. И. Феномен понимания / В. В. Богданов, З. И. Соболева // Лингвистические проблемы искусственного интеллекта. — СПб., 1992. — С. 45–63.
2. Богуславский И. М. Словарная статья *понимать* / И. М. Богуславский // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания лексики. — Вена, 1984. — С. 623–633.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. — М.: Высш. школа, 1981. — 71 с.
4. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Ментальные действия / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рязцева. — М.: Наука, 1993. — С. 22–40.
5. Гусев С. С. Проблема понимания в философии / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. — М., 1985. — 261 с.
6. Загадка человеческого понимания / Под ред. А. А. Яковлева. — М.: Политиздат, 1991. — 352 с.
7. Зинченко В. П. Большой психологический словарь / В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков / Сост. и общ. ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. — СПб: Прайм-Евразон, 2004. — 672 с.
8. Знаков В. В. Понимание в познании и общении / В. В. Знаков. — М., 1994. — 211 с.
9. Иомдин Б. Л. Лексика иррационального понимания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002. — 24 с.
10. Иомдин Б. Л. Механизмы понимания в русской и английской картинах мира / Б. Л. Иомдин // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. — Протвино, 2000. Том 1. — С. 114–120.

11. Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. — М.: Рус. яз., 2000. — 705 с.
12. Красавский Н. А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) / Н. А. Красавский // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». — Волгоград, 2010. — № 5(49). — С. 4–7.
13. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — М.: Рус. яз., 1984. — 944 с.
14. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — М.: Рус. яз., 2000. — 512 с.
15. Лазарев А. В. Когнитивно-фреймвые особенности глагольных и субстантивных средств выражения понимания (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 30 с.
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М., 2006. — 944 с.
17. Тихонов А. Н. Учебный фразеологический словарь русского языка: 1500 единиц / А. Н. Тихонов, Н. А. Ковалева. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. — 528 с.
18. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://terme.ru/termin/ponimanie.html>
19. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность / Д. Фоллесдаль // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып. XVIII. — С. 139–159.
20. Longman Dictionary of Contemporary English. 3d edition. Longman Group Ltd 2000. 1668 p.

© Волобуева Ольга Николаевна (volobueva-olga-n@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ДЯДЯ ВАНЯ» КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

«UNCLE VANYA» AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL MYTHOLOGY

N. Gavrilova

Summary. The article deals with the question of the formation of A. P. Chekhov's play «Uncle Vanya» as a component part of the collective consciousness of the nation. From mass culture's examples, our work investigates the collective image of «Uncle Vanya» as the symbol of home warmth, cosiness, family and close friends. It examines the use of popular expressions from the play «Uncle Vanya», which can be found both in colloquial speech and in literary works. As a result of the research, the article suggests the conclusion that the play «Uncle Vanya» is the concept of the national consciousness.

Keywords: concept of the national consciousness, element of the national mythology, drama, A. P. Chekhov, «Uncle Vanya».

Гаврилова Наталья Владимировна

Московский государственный университет имени

М. В. Ломоносова

gavrilovanatalia7@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает вопрос о становлении пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» мифологемой в коллективном сознании народа. Исследуются собирательный образ «дяди Вани» как символа домашнего тепла и уюта, родных и близких людей на примерах из массовой культуры. Разбирается использование известных выражений из пьесы «Дядя Ваня», ставших крылатыми и употребляемых как в разговорной речи, так и в литературных произведениях. В результате проведенных исследований предложен вывод, подтверждающий то, что пьеса стала концептом национального сознания.

Ключевые слова: концепт национального сознания, элемент национальной мифологии, драматургия, А. П. Чехов, «Дядя Ваня».

Драматургия А. П. Чехова прочно заняла свое место не только в мировой литературе, но и в общественном сознании. Что приходит на ум в связи с словосочетанием «дядя Ваня»? Только лишь название пьесы Чехова? Или нечто большее? В нашей статье мы попытаемся в этом разобраться и понять, стал ли «Дядя Ваня» составной частью национальной мифологии.

Необходимо уточнить, что в нашей работе мифология будет рассматриваться как одна из форм коллективного сознания, соответственно, термин «миф» будет использоваться исключительно в этом значении. Поэтому миф о чеховской пьесе «Дядя Ваня» будет исследоваться нами с точки зрения его отражения в массовом сознании людей, как некоего собирательного образа, в котором выделяются те акценты, что актуальны для современного человека.

«За пределами ста лет — абсолютные ценности классики, в пределах ста лет — спорные ценности современности», — писал М. Л. Гаспаров [1, с. 13–14]. Если использовать такой подход, то еще пятнадцать лет назад Чехова можно было бы охарактеризовать как современного писателя, в то время как сейчас мы с полным правом можем причислить его к стану классиков. Писатели-классики со временем превращаются в мифологические фигуры и укореняются в массовом сознании вместе со своим творчеством. Возможно, реалии прошлой жизни покажутся современному человеку далекими и малопонятными, но это не мешает героям произведений, образам, лейтмотивам и фразам входить в широкие пласты культуры и, тем самым, в общественное сознание народа.

Тимур Кибиров в «Истории села Перхурова» — «своеобразной постмодернистской рапсодии на темы русской истории и русской литературы» [7, с. 11] — обращается ко многим текстам классической литературы, в том числе и к чеховской пьесе «Дядя Ваня». Перефразируя цитаты, поэт через постоянные аллюзии и реминисценции вступает в диалог как с классиком, так и с нашим национальным сознанием:

*Еще белеют в полумгле печальной
Уже у боковых дверей лежат
Узлы, баулы, чемоданы. В спальню
Открыты двери настежь. Старый сад
За окнами темнеет оголенный.
За сценой глухо голоса звучат.
Купец застыл, немного удивленный,
Перед забытой в спешке на стене
Ландкартой Африки. <...>
В дверях барон с акцидным говорят
О лесоводстве... [8, с. 313–314].*

Здесь о «Дяде Ване» нам говорит и карта Африки (в комнате Ивана Петровича висит «на стене карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [14, с. 105]), отношение к которой осталось прежним на протяжении всей пьесы, и тема лесонасаждений, и собранные чемоданы, отсылающие к отъезду четы Серебряковых, и старый сад — отражение того сада, что окружает усадьбу Войницких от внешнего мира, — теперь уже оголенный и не способный спрятать обитателей имения от столкновения с реальной жизнью (что напоминает нам и о другой пьесе Чехова — «Вишневый сад»).

Миф о «Дяде Ване» присутствует не только в национальном сознании, но и во всем мире, ведь герои пьесы имеют общечеловеческий характер. Персонажи «Дяди Вани», ставшие мифологемами, извлекаются из пространства пьесы и переносятся в другое время, а их судьбы переосмысливаются в ином художественном контексте.

Южноафриканский драматург Реза Де Вет в своей пьесе «Елена» (1998) размышляет о том, как бы могли развиваться жизни героев «Дяди Вани» в дальнейшем. Действие перенесено в 1905 г., однако исторические события никак не обыгрываются. Профессор Серебряков и Мария Васильевна к этому времени скончались, Елена тяжело больна, а Соня замужем за Астровым, и оба они несчастны. Интерес вызывает лишь внезапное возвращение к Телегину его жены, но и с ней не все в порядке: она впала в старческое слабоумие. Общий тон пьесы беспросветно мрачный: протекает крыша имения, везде тараканы, за сценой брзжит ослепшая няня Марина, и все действие происходит ночью. Пьеса медленно движется к своему открытому безнадёжному финалу, в то время как «Дядя Ваня» Чехова заканчивался достаточно открытой концовкой, и у персонажей оставалась надежда на лучшее будущее в лучшем мире.

Брайан Фрил, известный ирландский драматург и переводчик Чехова, в своей пьесе «После занавеса» (2002) вступает в диалог с двумя чеховскими пьесами: «Дядя Ваня» и «Три сестры». Пьеса рассказывает о встрече двух чеховских героев — Андрея Прозорова из «Трёх сестёр» и Сони Серебряковой из «Дяди Вани» — в столичном привокзальном буфете начала 1920-х гг. Фрил не пытается представить персонажей такими, какими они не являются, он ничего в них не подправляет. Если Чехов лишь обрисовывает возможности того, к чему могут прийти его герои, Фрил же подводит нас к однозначному ответу. В его пьесе персонажи пережили немало трудностей. Соня Серебрякова вынуждена ездить в Москву для решения земельного вопроса (реквизиция усадьбы), Иван Петрович давно скончался, Астров женился на Елене Андреевне, но к счастью это их не привело: Елена уехала в Париж, а доктор окончательно спился. От Андрея Прозорова ушла жена, сестра Маша покончила с собой, а сын сидит в московской тюрьме, пойманный на краже. Теперь Прозоров играет на скрипке, чтобы заработать на проезд в Москву и встречи с Бобиком.

Вместе с тем ирландский драматург не рисует персонажей безрадостными фантазерами напрасно прожитой жизни. Как и Чехов, даривший в финале своих пьес героям толику надежды и пытавшийся укрепить их в силе духа, Фрил видит в Соне и Андрее людей, живущих неуверенными надеждами вопреки всему. И в этом он следует за Чеховым.

В театре «Около дома Станиславского» спектакль «Забыть или больше не жить» (2011) Юрия Погребничко играет целое попурри из чеховских пьес и рассказов. Более двадцати героев, в том числе герои «Дяди Вани», органично существуют на сцене, выстраивая свою мелодию повествования. От эпизода из «Чайки» — к «Вишневному саду», затем — к отрывку из «Трёх сестёр», который плавно переходит к сценам из «Дяди Вани». В итоге рождается шутивно-серьёзный разговор о переменчивости климата, будто бы отражение слов Сони и доктора Астрова в первом действии чеховской пьесы, о неизменном конце человеческой жизни, о поиске себя и поисках веры, о творческом самовыражении и свободе человеческой личности. И несмотря на все трудности они продолжают идти вперед и «веруют», как верует Соня.

Таким образом, персонажи «Дяди Вани», имеющие надежды и мечты, присущие каждому человеку, близки по духу не только нам, соотечественникам Чехова, но и людям во всем мире. Герои пьесы стали неотъемлемым элементом культурного сознания. Общечеловеческое наполнение пьесы и ситуаций, описанных в ней, оказывается все более очевидным, однако значение пьесы как одной из национальных культурных парадигм не вызывает сомнений.

Не только для тех, кто знает пьесу «Дядя Ваня», но и для тех, кто, возможно, не читал ее и не ходил в театр, словосочетание «дядя Ваня» наполнено особым, трудно формулируемым, но понятным сердцу смыслом. В пьесе только племянница жалеет и понимает несчастного Ивана Петровича, и только она так нежно обращается к нему: «дядя Ваня». Можно сказать, что «дядя Ваня» символизирует нечто родное, близкое, теплое и душевное.

Напоминание о теплоте родного дома, о близких и родных людях особенно необходимы вдали от дома. В Риге, на одной из улочек Старого Города, расположен ресторан русской кухни «Uncle Vanua» — место с «домашней уютной атмосферой»: «винтажные фотографии на стенах, уютные лампы и расслабляющие цветастые кресла, стилизация под загородный дом, который не хочется покидать» [11]. Вкупе с музыкой прошлых лет и полками, полными книг, создается ностальгически-расслабленное настроение. Фотография Чехова на официальном сайте ресторана подтверждает тот факт, что название заведения выбрано неслучайно.

И в Нью-Йорке не обошлось без «Дяди Вани». Клуб-ресторан «Uncle Vanua» был основан в 1992 г. Мариной Трошиной, бывшей артисткой театра Ленком. ««Первый вопрос, который надо было решить, — рассказывает хозяйка, — кто твои клиенты? Второй — где они живут? А третий — что они хотят? Мои клиенты в основном живут на Манхэттене. Это актеры, музыканты, художники,

ухавшие из Союза давно. «Дядя Ваня» призван заменить ЦДЛ, Дом кино, ЦДРИ и Дом журналистов одновременно» [10]. Такой домашний кабачок под знакомым названием был для русской интеллигенции настоящим оплотом прежней родной жизни. И сейчас многие русские в Нью-Йорке стремятся к «Дяде Ване» — туда, где уютная атмосфера со «старинными бабушкиными рецептами» [Там же] и знакомая речь.

Даже в массовой культуре можно встретить отсылки: например, задорная песня Александра Башлачева «Поспели вишни в саду у дяди Вани», которая связана одновременно с двумя пьесами Чехова — «Дядей Ваней» и «Вишневым садом». А выражение «заткни фонтан»? В первом действии пьесы Войницкий с досадой восклицает, обращаясь к Телегину: «Заткни фонтан, Вафля!» [14, с. 68]. Афоризм Козьмы Пруткина «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану» [12, с. 238] (имеется в виду шутивно-ироничное выражение «фонтан красноречия»), использующийся Иваном Петровичем как призыв помолчать, органично присутствует и в современной речи.

Еще одно не менее популярное выражение — «небо в алмазах». Впервые оно появилось в заключительном монологе пьесы, в словах Сони: «Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» [14, с. 116]. Это выражение как символ красоты, справедливости и надежды на светлое будущее, без сомнения, стало крылатым и употребляется как в разговорной речи, так и в литературных произведениях. К примеру: «Тогда на новогодних вечерах плакали и пели, произносились нудные, как осенний дождь, речи, одни ораторы называли себя лишними и ненужными, другие мечтали увидеть через тысячу лет небо в алмазах» [15, с. 77]. Или в романе Ю.П. Германа «Я отвечаю за все» — хирург Борис Львович произносит в телефонном разговоре нарочито неточно: «Не знаю, не знаю, друг мой, но я — старый идеалист, верю, мы увидим на небе звёзды, или что-то в этом роде, как сказал Чехов. Будем надеяться на лучшее...» [2, с. 747]. Писатель, посвятивший многие страницы своих книг тяжелому труду врачей — людям, в чьей профессии «наиболее ощутима, эмоционально ясна гуманистическая цель борьбы за человеческую жизнь, за полноценность человеческой природы» [5], как и Чехов, понимал сложность и огромную ответственность подобной работы, и наверняка не зря выбрал цитату из «Дяди Вани», где в числе прочих тем представлена суровая реальность будней уездного врача — доктора Астрова.

Однако стоит отметить, что со временем выражение «девальвировалось», и его использовали не в вышеука-

занном значении, а как своеобразное «украшение речи», например: «...Сергей Сергеевич скажет: — А не полюбоваться ли нам небом в алмазах? Это значило, что сейчас мы всплывём на поверхность, чтобы пополнить запасы воздуха и поговорить по радио с «Богатырём»» [4]. Широкое использование выражения в разговорной речи привело к дальнейшему искажению чеховского смысла и к ироническому переосмыслению, к примеру: «— Ша! Чтоб тихо было! — шагнул Птуха к юродивому и поднёс к его носу кулак.— Чуешь? Увидишь небо в алмазах!» [6, с. 23]; «Кого вижу! Приветик! — весело раскинул он (*мичман*) руки (*навстречу пону*).— За такую встречу нужно по лампадочке раздавить. Пошли в таверну «Трёх бродяг», вонзим по ковшу и увидим небо в алмазах!» [Там же, с. 200]; «...думал Ленька...Глупо, милый, очень глупо. Скорее тебе покажут небо в алмазах» [3]; «Ох,— сказала она (*Аська*) с яростью,— мне бы хотя бы одного фашиста вот сюда, в руки, я бы показала ему небо в алмазах!» [13, с. 14]. Выражение «увидеть — показать небо в алмазах» приобрело значение угрозы, а «его разговорно-непринуждённый характер противопоставлен той возвышенной «книжности», которая характерна для употребляющегося в литературе выражения «Мы увидим небо в алмазах»» [15, с. 78].

Таким образом, можно говорить о широком использовании выражений, ставших крылатыми, из пьесы «Дядя Ваня» как в литературных произведениях, так и в разговорной речи, и о том, что образ «дяди Вани» вместе с героями пьесы вошел в общественно-культурный пласт. Тем самым это подтверждает тот факт, что пьеса стала концептом национального сознания, элементом национальной мифологии.

«Всякий великий поэт,— писал Шеллинг,— призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [16, с. 147]. Хотя сам Чехов, очевидно, не ставил перед собой задач подобного масштаба, однако персонажи его пьес и ситуации, ими переживаемые, несомненно мифологемы. Рожденные воображением и фантазией творцов «устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получить выражения вечные понятия» [Там же, с. 105] (к таким образом можно отнести ад Данте, Дон Жуана с его романтическими приключениями, сомнения Гамлета и т.д.), для просвещенного человека стали универсальными путями к познанию себя самого и мира вокруг. Тем самым они стали новыми мифами, которые для последующей литературы стали моделями, и «попытки художественной интерпретации тех же художественных типов возникают вновь и вновь» [9, с. 105].

«Дядя Ваня», как и другие чеховские пьесы, «о времени, о переменах, <...>, и сожалениях, и ускользя-

щем счастье, и надежде на будущее» [7, с. 17],— говорил английский драматург Дж.Б. Пристли, умевший видеть в пьесах Чехова основополагающие истины о мире и о жизни в нем. «Дядя Ваня» как мифологема в национальном сознании существует и будет развиваться, «подобно тому как в наши дни все новые художники придают новое осмысление мифологическим парадигмам про-

шлого» [Там же, с. 17]. Концепт с большими смысловыми значениями, он освещает ситуации как в отдельной семье, так и в стране. Миф о «дяде Ване» как представление о добром и родном, о красоте и справедливости, о надежде на лучшее будущее независимо от бытовых реалий или исторического контекста представляет вечные всечеловеческие и всевременные начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М. Л. Столетие как мера, или классика на фоне современности // Новое литературное обозрение. 2003. Вып. 4 (62). С. 12–16.
2. Герман Ю. П. Я отвечаю за все. М.: Советская Россия, 1965. 855 с.
3. Гладиллин А. Т. История одной компании. URL: https://royallib.com/read/gladilin_anatoliy/istoriya_odnoy_kompanii.html#324831 (дата обращения: 22.07.2018).
4. Голубев Г. Н. Гость из моря // Искатель. 1967. № 3. С. 122–147. URL: <https://librolife.ru/g813972> (дата обращения: 22.07.2018).
5. Заранкин Ю. Тоскуя о людях без компромиссов // Медицинская газета. № 30. 30.04.2008. URL: <http://www.mgz.ru/№-30-от-23-апреля-2008г/тоскуя-о-людях-без-компромиссов> (дата обращения: 22.07.2018).
6. Зуев-Ордынец М. Е. Сказание о граде Ново-Китеже. М.: Детская литература, 1970. 333 с.
7. Катаев В. Б. Вишневый сад как элемент национальной мифологии // Чеховиана / Звук лопнувшей струны. К 100-летию пьесы Вишневый сад / под ред. В. Б. Катаева. М.: Наука, 2005. С. 9–18.
8. Кибиров Т. Ю. Кто куда, а я — в Россию. М.: Время, 2001. 512 с.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 1995. 406 с.
10. Полищук Л., Цигаль С. Дядя Ваня с Манхэттена // Итоги. 2001. Вып. 5 (243). URL: <http://www.itogi.ru/archive/2001/5/123869.html> (дата обращения: 15.07.2017).
11. Ресторан-трактир русской кухни «Дядя Ваня» / Tēvocis Vaņa в Старой Риге [официальная страница] URL: <http://www.unclevanya.lv/#about> (дата обращения: 15.07.2017).
12. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
13. Уварова Л. З. Мытная улица // Юность. 1968. Вып. 4 (155). С. 4–24.
14. Чехов А. П. Дядя Ваня (сцены из деревенской жизни в четырех действиях) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1978. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. С. 61–116.
15. Шварцкопф Б. С. Небо в алмазах // Русская речь. 1968. № 6. С. 77–78.
16. Шеллинг В. Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

© Гаврилова Наталья Владимировна (gavrilovanatalia7@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

КУЛЬТ ГОРЫ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

MOUNTAIN CULT IN THE BASHKIR FOLKLORE

F. Gaisina

Summary. The article considers the reflection of the mountain cult in the Bashkir folklore genres. The author uses materials based on informants' living memory and recorded during folklore expeditions.

Mountain worship is one of the most stable worldview concepts, dating back to ancient times and still revealing traces in the people mind. In this context, worship rules, prohibitions, beliefs, signs associated with mountains should be examined since they reflect the spiritual and ecological knowledge of the ethnos.

Keywords: Bashkir folklore, genres, prohibitions, beliefs, signs, symbol, cult, mountains.

Гайсина Фанира Фасхетдиновна

*К.ф.н., н.с., Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
gais73@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отражение культа гор в жанрах башкирского фольклора. Автор использует материалы, записанные по живой памяти информантов во время фольклорных экспедиций.

Почитание гор — одно из самых устойчивых мировоззренческих концептов, восходящих к глубокой древности и поныне обнаруживающих следы в сознании народа. На этом фоне особо выделяются правила почитания, запреты, поверья, приметы, связанные с горами, в которых отражены духовно-экологические знания этноса.

Ключевые слова: башкирский фольклор, жанры, запреты, поверья, приметы, символ, культ, горы.

Природа для башкирского народа — извечный источник вдохновения, формирования духовной и материальной культуры. Утверждение «башкир — дитя природы» говорит о давней близости народа к природе, об их тесной связи и неразрывном единстве. Все человеческое бытие, связанное с природой, нашло многообразное отражение в фольклоре. После принятия мусульманства природопоклонческое мировоззрение башкир постепенно меняется, однако древние, доисламские взгляды и культовые верования устойчиво сохраняются, внедряясь в исламские.

В жанрах башкирского фольклора ярко выражается любовь народа к природе, обитаемому пространству. Горы в этой связи занимают особенное место. Почитание, культ гор в мировоззрении народа получило отражение в трудах таких ученых, как: А. Инан [6, с. 139–142], Ф.Г. Хисамитдинова [20, с. 320–323], Г.Р. Хусаинова [21, с. 151–153], Р.А. Султангареева [15, с. 241–243; 16, с. 33–34; с. 207–225;], З.Г. Аминев [1, с. 11–18], В.Г. Котов [9, с. 131–136] и др.

В сказках горы маркируют мифическое место, географическое пространство и являются преградами героям, персонажам или локусами инициаций. В целом, концепт горы в башкирских сказках изучен Г.Р. Хусаиновой [21, с. 151–153].

У башкир раньше существовал обычай восхождения на священную гору, где использовались определенные ритуалы, о чем писала в нескольких статьях фольклорист Р.А. Султангареева [16, с. 33–34]. По мнению этно-

графа Р.Н. Сулеймановой, у каждого башкирского рода была своя священная гора [14, с. 16–17].

Воздвижение каменных сооружений — традиционный маркер культа гор в народных традициях. Поныне она соблюдается в обрядовой культуре. На вершинах гор в Башкирском Зауралье башкиры до сих пор складывают из камней, достигающих иногда нескольких метров, сооружения в виде столбов, колонн или маленьких куч, которые они называют *караскы* [1, с. 11–18]. Такой же обычай существовал и у народов Алтая, Тывы [4, с. 127–129; 8, с. 177–181; 12, с. 390–392; 23, с. 229–234].

Как известно из истории религий, после всемирного потопа пророк Ной 40 дней плавал на поверхности воды, а на 41-й день его лодка причалила к горе. Поэтому в воззрениях различных народов горы до сих пор воспринимаются местом спасения от всяких бед, климатических катастроф.

В эпосе «Урал-батыр» рассказывается о том, что в самом начале был остров, со всех сторон окруженный водой, и во время всемирного потопа люди жили на горах [18, с. 147]. В конце эпоса описываются сюжеты возникновения некоторых гор, которые и сегодня существуют на территории нынешнего Башкортостана. Так, от тела Азраки возникла гора Ямантау, а от тела самого Урал-батыра — Уральские горы [15, с. 189–191; 18, с. 184–186].

Уральские горы для башкир являются самыми почитаемыми и восхваляются во всех жанрах народного творчества, т.к. являются исторической родиной, где ле-

жат кости их предков, погибших за эту землю. Урал в сознании башкира всегда представляется как самая надежная опора и защита, и в повседневной жизни, и в борьбе с врагами [2, с. 61].

В преданиях и легендах историю возникновения некоторых гор связывают с великанами — Алпамышами. «Алпамыши — большие люди, которые встряхнули со своих лаптей землю и возникли горы. Есть места, где остались их следы. Они, якобы выжимали воду с камней». (Записано автором в 2006 году от Туктагуловой Хабибы Габделахатовны (1931 г.р.) в д. Кашкаляу Бураевского р-на Республики Башкортостан) [22, с. 132].

В 2014 году в д. Урман-Бишкадак Ишимбайского р-на РБ Искандарова Зухра Минибаевна (1967 г.р.) рассказала легенду, в которой описывается история возникновения некоторых гор и реки Агидель, расположенных на территории Башкортостана. В легенде говорится о том, что за красивой девушкой по имени Агидель погнался верхом на лошади молодой хан Шах. Девушка просит помощи у отца Урала и он превращает дочку в реку. Когда лошадь парня падает от усталости, он начинает гнаться за ней сам. Когда сам падает от усталости, то отправляет за ней свою птицу. Затем, вырывает из своей груди свое сердце и бросает вдогонку, вслед за девушкой. Там, где упала лошадь хана, образовалась гора Торатау (в переводе с башкирского языка — Стоячая гора), там где упал парень — образовалась гора Шахтау (гора Шах, от имени хана), на месте, где упала птица — Куштау (*Коштау* — гора Птица), а где было брошено сердце — появилась Юрактау (*Йөрәктау* — гора Сердце) [11].

Эти горы-шиханы, расположенные в нынешнем Ишимбайском районе РБ, являются уникальными памятниками природы, остатками рифового массива (возраст всех этих гор свыше 230 млн. лет, высота Торатау над уровнем океана — 406 м., длина 1,2 км., ширина — 0,8 км.; высота Куштау над уровнем моря — 357 м., длина — 4 км, ширина — от 0,7 до 1,4 км.; длина Юрактау — 1 км., ширина 850 м., высота 338 м.).

В Ишимбайском р-не особенно много легенд и преданий про гору Торатау. По одному из преданий, туда во время Всемирного потопа якобы причалил на своей лодке сам пророк Ной. (Записано нами в 2016 году от Калмурзиной Райли Абдулловны (1934 г.р.) в д. Иткулово Ишимбайского р-на РБ) [11].

В народе широко распространено поверье, что Торатау — это пуп земли. В своем рассказе Кускарова Альфия Харисовна (1959 г.р.) говорила: «Торатау — это пуп земли. Там похоронены святые. Мне рассказывала моя тетья. В детстве она там уснула и увидела сон. Во сне ей ска-

зали, что Торатау — это пуп земли». (Записано автором в 2014 году в д. Салихово Ишимбайского р-на) [11].

О горе как о центре земли, рассказывает Хафизов Хисбулла Зарафетдинович (1940 г.р.): «Торатау — это пуп земли. Он удерживает землю от землетрясения. А вот Шахтау разрушили, теперь те края могут подвержены землетрясениям». (Записано в 2014 году в д. Верхнее Арметево Ишимбайского р-на) [11].

В Коране говорится о прочности гор и их защитной функции: «[Неужели не знают они,] что воздвигли Мы на земле горы прочные, чтобы утвердилась она незыблемо...» (21:31) [10, с. 292].

Горы Урал и Торатау представляются как центр земли в рассказах жительницы д. Гумерова Ишимбайского р-на Исхаковой Махикамар Альмухаметовны (1926 г.р.): «Когда будете подниматься на гору и спускаться, то ни в коем случае не сердитесь. Горы нас охраняют. Уралтау — это пуп земли». (Записано автором в 2014 году) [11].

На широкораспространенное в мировом фольклоре космологическое представление «гора является центром центральной неземной вертикали, достигающей неба или поддерживающей небесный купол» обратила внимание в одной из своих работ А.Ф. Илимбетова [5, с. 261].

В сведениях информантов дается осознание живой сути гор: «Если горе не понравится человек, который поднялся на нее, то она его быстрее гонит от себя. Погода тут же портится, гору быстро окружают черные тучи, поднимается сильный ветер и начинает лить дождь. Таким образом гора Иремель вынуждает этого человека быстрее сойти с себя».

В народе принято давать названия каждой горе, холмам, возвышенностям, рекам, оврагам, родникам и дорогам. Названия давали по внешнему виду, географическим особенностям гор, например: *Сейәле тау* (Вишневая гора), *Таишы тау* (Каменная гора), *Алма-лы тау* (Яблонева гора), *Бүреле тау* (Волчья гора), *Аркыры тау* (Поперечная гора), *Ак тау* (Белая гора), *Кара тау* (Черная гора) и т.п. Другие же названия исходили от того, какие исторические, бытовые события там происходили или от имени того, кто там когда-то жил или был похоронен (например, гора Хажтау в Кигинском р-не, где был погребен старик-поломник, возвращавшийся с Мекки; гора Кантонтау в Салаватском р-не, где был похоронен кантонный начальник волости).

В деревнях распространено очень много легенд и преданий, связанных с топонимикой, по сути являю-

щейся доказательством того, что башкиры живут здесь с давних времен.

В исторической науке республики все еще мало изучена археология, топонимика гор, т.е. особенности мест. Интересны исторические легенды и предания связанные с ними. Например, около д. Кулушево Учалинского р-на в горах есть каменные пирамиды, сложенные из больших камней. История таких сооружений восходит в глубокую древность.

В далеком прошлом у башкир существовал обычай хоронить святых и богатырей на вершинах гор. Считалось, что они оберегают деревню от всяких бед: воин, ураганов, пожаров, наводнений.

В Башкортостане несколько гор особенно почитаются в народе, это гора Торатау в Ишимбайском р-не (погребены 48 святых), гора Аушкуль в Учалинском р-не (погребены Рамазан авлия и Вахит авлия), гора Нарыстау в Миякинском р-не (погребены сподвижники пророка Мухаммада). В каждом районе Республики Башкортостан имеется своя священная гора. Например, гора Топсен в Кугарчинском р-не, где погребены 7 святых, гора Ханайхары Альшеевского р-на, где также имеется могила святого.

На нынешней территории Республики Башкортостан сохранились горы под названием Калатау, что означает с башкирского языка — город-гора, т.е. в прошлые века они были крепостями (например, в Татышлинском р-не). Их строили на горах, т.к. было удобно отражать набеги врагов. «Калатау — был крепостью. На горе Акьяул есть Калатау. Там находят монеты, относящиеся к XII–XIII векам. Если остаться там ночевать, то видны и слышны чудесные странности: ржание лошадей, топот копыт, звон сабель». (Записано в 2004 г. от Кашапова Фидариса Мударисовича (1954 г.р.), в д. Аксайтово Татышлинского р-на РБ) [11].

В преданиях башкир отражаются различные особенности гор, например, в д. Мулдакаево Белорецкого р-на РБ местные жители указывая на свою гору, говорили, что перед войной верхушки этих гор окрашивались в красный цвет [11].

Около д. Мусатово Салаватского р-на с горы Тугарматаш (в другом варианте *Түгелмәташ*) перед войной и другими горестными событиями всегда с грохотом падали камни. Так горы предупреждали людей о грядущей беде.

Во многих деревнях жители, глядя на рядом стоящие горы, определяют и погоду, например, в д. Уршиде Аскинского р-на говорят: «Если Мусалтау шумит, то будет

дождь или буран», «Если шумит Ташлытау, то будет ясная, но прохладная погода» [11].

Около деревни Тукраново есть гора Кускан (что означает, переселившийся или переехавший). По рассказам древних, «эта гора откуда то передвинулась. Раньше она была высокой, а теперь стала маленькой». (Записано в 2006 г. Г. В. Юлдыбаевой в д.Тукраново Бураевского р-на от Мырзахановой Ямгии Сарирахметовны (1934 г.р.) [19].

О меняющих место, плавающих горах говорится и в Коране: «И увидишь ты, что горы, которые считал ты непоколебимыми, помчатся, словно облака,— [это] творение Аллаха, Который исполнил все в совершенстве...» (27:88) [10, с. 344].

Горы — спасатели от бед, хвори и т.д. Шайнурова Фатхия Махияновна (1935 г.р.) из д.Бадряшево Татышлинского р-на рассказывает: «Если раньше был ураган, то мы говорили: «Эй, Худай, унеси этот ураган за гору Кафтау» (в понятии народа Кафтау — это Кавказские горы). В народном знахарстве до сих пор есть обычай прогонять болезни, джинов за гору Кафтау.

У башкир горы служили местом проведения различных обычаев, *йыйынов* (народные сходы), вечерних игр-танцев, обрядов закличек дождя. Если долго не было дождя, то взрослые люди брали камень с вершины горы и спускали к речке. Если дождь продолжался долго, то этот камень обратно поднимали на гору и клали на место.

В жанрах башкирского народного творчества также много поверий, примет и запретов, связанных с горами. Так, среди башкир существует поверье, что у каждой горы и холма есть свой хозяин (хужа), дух (эйэ). Поэтому говорят: «Нельзя шуметь в горах, лесу — разозлите хозяйина», «Когда рубите дерево для постройки дома, то нужно попросить разрешения у духа земли, гор и леса», «Когда будете искать место для постройки дома, то нужно попросить разрешения у хозяина земли». Также говорят, что: «Нельзя без надобности рубить деревья, копать землю», т.к. если зря много будешь рубить или копать (калечить) землю, то, это к покойнику или к инвалидности.

Существуют определенные нормы поведения умиловления гор. В первую очередь, когда поднимаешься на гору или рубишь дерево, нужно спросить их разрешения. Во вторых, нужно делать жертвоприношения. Например, если собираешь ягоды, то первую ягодку надо бросить, оставить духу горы, сказав: «Это тебе!». Или, если рубишь деревья для постройки дома, то нужно зарезать барана в знак жертвоприношения, пригласить и угостить гостей.

Также существуют запреты, о том, что нельзя трогать, двигать камень, кость, лежащие на горе, нельзя давать ребенку имя, связанное с названием горы, реки или планеты. В последнем случае примечают, что судьба у дитя будет тяжелой.

Как видим, в этих запретах отражается наблюдательность, житейский опыт, бережное отношение к природе или духовно-экологическое сознание народа. Соблюдение запретов — это желание человека жить в согласии с природой, т.к. их невыполнение может привести к печальным последствиям, природным катаклизмам.

В народе бытует множество различных поверий и примет. В толковании снов отражаются поверья, связанные с горами: «Если во сне поднимаешься на гору, то наяву у тебя возвысится статус», «Если во сне спускаешься с горы, то, наяву ты потеряешь духовную степень».

В башкирском фольклоре также много песен, посвященных горам, это: «Урал», «Иремель», «Алатау», «Ел-мэрзэк» [2, с. 161], в которых ярко отражена вся любовь к родной природе.

У башкир также существуют легенды о якобы имеющих древних библиотеках внутри гор. Например, «оказывается одна гора около Тибета открывается только один раз в год. Братья Аbugалисина (Авицена) и Абулхарис набрали много еды, свечей, зашли и остались там на год». (Записано нами в 2013 году от Юлановой Нахиры Хибатовны из д. Мазитово Зианчуринского р-на). В другом предании Аbugалисина получил знания зайдя и выйдя с Кавказской горы, которая открывается один раз в год [11].

Т. В. Савельева в своей статье повествует о том, что внутри Уральских гор существуют от 3 до 10 сакральных библиотек, которые вобрали в себя древние знания до нашей цивилизации [13, с. 148].

По мнению Р. Исламшина, на территории Башкортостана, Пермской и соседних областей (в бывших башкирских землях) существуют 16 древних гор Ыйык, которые еще с языческих времен в народе считаются священными. На счет этих гор Ыйык информант Р. Исламшина рассказала, что в этих горах нельзя пасти скотину, ругаться, сквернословить, играть и даже смотреть в упор на горы, не то горы разозлятся [7, с. 39]. Другие информанты говорили, что у этих гор раньше выпрашивали здоровье [7, с. 41].

У алтайцев [8, с. 177–181], теленгитов [23, с. 229–234] имеются горы Ыйык, которые считаются священными, т.к. во время наводнений в первую очередь горы были спасителями людей. Поэтому, они приносят им жертвоприношения.

Как видим, у многих народов был культ гор. Параллели и общие черты в верованиях, связанных с горами у разных народов, показывают, что эти этносы были родственными по религиозным и этнокультурным признакам.

Таким образом, у башкир до сих пор сохранились и продолжают бытовать запреты, поверья, приметы, различные легенды, предания, связанные с горами, что говорит об устойчивости культа гор, как символа Родины, родной земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев З. Г. Об одном реликте культа гор у зауральских башкир // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева. — Уфа, 2008. — С. 11–18.
2. Аминев З. Г. Урал как родина башкир в эпосе «Идукай и Мурадым» // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. VI сығ. — Өфө: БР ФА, «Ғилем» нәшриәте, 2011. — 316 б.
3. Башкорт халыҡ ижады. Ырҙар. Беренсе китап / Төз., баш һүз, аңлатмалар авторы С. Галин. — Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1974. — 386 б.
4. Демчинова М. А. Значение гор в алтайской народной песне // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной Году укрепления межнационального согласия в РБ. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. — С. 127–129.
5. Илимбетова А. Ф. Культ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира. 2-е изд., перераб. и доп. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. — 282 с.
6. Инан А. Төрки кәбиләләрендә тау, ағас (урман) һәм һыу культы // Ағизел. — 1992. — № 11. — Б. 139–142.
7. Исламшин Р. Ыйык тауҙар илендә. — Өфө: Китап, 2006. — 112 б.
8. Конунов А. А. Культ гор в алтайском героическом эпосе // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию записи эпоса «Урал-батыр». Ч. 1. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. — С. 177–181.
9. Коран /Перевод с арабского и комментарий М.-Н.Османова. — СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2013. — 576 с.
10. Котов В. Г. Реликты культа гор у башкир по данным фольклора, этнографии и археологии // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Юсупова. — Уфа, 2011. — С. 131–136.
11. Материалы из личного архива автора.
12. Наурызбаева З. Ж. Символизм горы-матери и курган-оба // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию ИИЯЛ УНЦ РАН. — Уфа, 2012. — С. 390–392.

13. Савельева Т. В. Трансформация мифологемы горы в современном фольклоре Южного Урала // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып.17: Фольклорные традиции в поликультурных зонах России: Сб. научных статей. — М.: ГРЦФ, 2015. — С. 143–149.
14. Сулейманова М. Н. Доисламские верования и обряды башкир: Монография. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — 146 с.
15. Султангареева Р. А. Народные знания о священной горе Торатау // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Казань, 2016. — Ч. 2. — С. 207–225.
16. Султангареева Р. А. Священная гора Торатау: фольклорно–этнографические свидетельства // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции. — Уфа, 2015. — С. 241–243.
17. Султангареева Р. А. Йола — система и нормы жизневедения башкир. — Уфа: Китап, 2015. — 216 с.
18. Урал-батыр (эпос) /Записан М. Бурангуловым от Г. Аргынбаева и Х. Альмухаметова в 1910 году. — Уфа, 2014. — 196 с.
19. Учалы башкорттары фольклоры (Кыуакан, Тиләү, Барын-табын, Кара-табын ырыулары) / Төз. Р.Ә. Солтангәрәева, Ф. Ф. Ғайсина, Р.Р. Зинурова, Р.Р. Ваһапова. — Өфө: Ғилем, 2014. — 252 б.
20. Хисамитдинова Ф. Ғ. Тау // Башкорт мифология һүзлеге. — Өфө, 2015. — Б. 320–323.
21. Хөсәйенова Г. Р. Башкорт экиәттәрәндә донъя картинаһы сағылышы («тау» концепты миҫалында) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIII Международной конференции. — Уфа, 2013. — С. 151–153.
22. Экспедиция материалдары — 2006: Борай районы (Материалдар һәм тикшеренүзәр) / Төз. Г. Хөсәйенова, Р. Солтангәрәева, Г. Юлдыбаева, Г. Әхмәтшина, Ф. Ғайсина, А. Сәлмәнов. — Өфө, 2008. — 240 б.
23. Яданова К. В. Семантика лексемы ыйык в фольклорной традиции телингитов // III Всероссийский конгресс фольклористов. Москва, 3–7 февраля 2014 г.: Сб. научных статей в 5-ти томах. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики / Сост. В. Е. Добровольская и др. — М.: Роскультпроект, 2017. — С. 229–234.

© Гайсина Фанира Фасхетдиновна (gais73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВЛЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ПРИЕМУ ОБУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

ON THE QUESTION OF COMPARING TERMINOLOGICAL VOCABULARY AS A METHOD OF LEARNING (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

A. Goncharova

Summary. The Article is devoted to the study of comparative techniques in the study of English and Russian terminology and factors affecting the training of students of foreign language terminology.

Keywords: Typological characteristics, contrastive linguistics, lexical-semantic Microsystems, regular correspondence, differentiating features.

Гончарова Алёна Владимировна

*К.филол.н., доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной службы при Президенте
Российской Федерации
litera2306@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению сопоставительных приемов в изучении терминологии английского и русского языков и факторов влияющих на обучение студентов иноязычной терминологии.

Ключевые слова: Типологическая характеристика, контрастивная лингвистика, лексико-семантические микросистемы, регулярные соответствия, дифференцирующие признаки.

Проблемы синхронно-сопоставительного (контрастивного) исследования языковых систем стоят в центре внимания российских и зарубежных лингвистов. Достаточно сказать, что контрастивной лингвистике была посвящена специальная международная конференция (Гонолулу, 2009), а на международном конгрессе по прикладной лингвистике (Копенгаген, 2008) половина всех докладов была прочитана в секции контрастивной лингвистики. (2. Стр. 31)

Привлекая к сопоставлению, как правило, два языка, контрастивная лингвистика ставит целью выявить характерные особенности сопоставляемых языков, т.е. определить структурные отличия и сходства обоих языков. Кроме того, контрастивный анализ устанавливает сложные взаимосвязи между различными языковыми средствами, отношения между формами и функциями, что дает возможность определить общую типологическую характеристику каждого из этих языков. Все это свидетельствует о несомненном теоретическом и практическом значении контрастивной лингвистики.

Если до недавнего времени большинство работ российских лингвистов по синхронно-сопоставительному изучению двух языков посвящались главным образом рассмотрению морфологических и синтаксических явлений, то сейчас заметно возрос интерес к сопоставительным лексико-семасиологическим исследованиям.

Интерес к синхронно-сопоставительным исследованиям на уровне лексики (в том числе и терминологической) можно объяснить их перспективностью в плане теоретических обобщений и их большой эффективностью в прикладной области, т.е. в лексикографической практике и обучении иностранным языкам.

Установление современной лингвистической наукой системного характера лексики, ее взаимосвязей с другими языковыми системами (фонетической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, стилистической), ее взаимозависимости и взаимообусловленности создает возможность всестороннего научного описания и исследования, с одной стороны, лексической системы каждого языка в отдельности, а с другой стороны — проведения серии сопоставительно-типологических исследований лексических систем как родственных, так и неродственных, структурно отдаленных один от другого языков

Отдельные работы, появившиеся в последнее время в области сопоставительного изучения лексики, посвящены анализу синонимических, лексико-семантических и тематических групп. Для сопоставительных лексических исследований, как указывала М.М. Фалькович, весьма важным фактором является «вычленение лексико-семантических микросистем и изучение их внутренней организации». (4. Стр.19)

Для сопоставительного исследования английского и русского языков на уровне лексики нами выделена лек-

сическая система подъязыка строительной индустрии. Быстро растущий объем информации по этой важной отрасли народного хозяйства на всех международных языках, большое количество переводов, выполняемых в нашей стране, вызывают интерес к изучению данной лексико-семантической системы в плане контрастивной лингвистики. Совершенно очевидна и перспективность сопоставительного анализа этих лексических систем двух отдаленно родственных языков (английского и русского), которые относятся к одной и той же индоевропейской группе. Исследования такого типа позволяют установить типологическое сходство обоих языков, не зависящее от их происхождения и генетических связей. В плане практическом они способствуют созданию научно-лингвистических предпосылок для упорядочения терминологической лексики строительной индустрии, выработке общей англо-русской терминологии и, наконец, составлению англо-русского и русско-английского терминологического словаря по строительной индустрии, которого до сих пор нет. Вопрос сопоставления лексических единиц родного и английского языков важен также в практике преподавания иностранного языка. Как отмечает Ю.А. Жлуктенко, «синхронно-сопоставительная лингвистика — это прикладная отрасль языкознания, истоки которой лежат в практике обучения иностранным языкам». (1. Стр. 78)

Контрастивный анализ проводился с целью выявления на сопоставительной основе структурных и генетических особенностей терминологической лексики строительной индустрии в английском и русском языках, выяснения сходства и различия способов ее словообразования, установления наиболее распространенных соответствий русских эквивалентов английским словообразовательным моделям, а также выделения наиболее продуктивных моделей словообразования английских и русских лексических эквивалентов.

Основная методика исследования предусматривала системное описание фактического материала в синхроническом плане с применением метода сопоставления. Выявление регулярных иноязычных соответствий и несоответствий проводилось последовательно от английского языка к русскому.

Результаты нашего исследования показали, что как английская, так и русская лексические системы строительной индустрии генетически неоднородные по составу единиц. Это, во-первых, корневые, производные и сложные слова, во-вторых, слова, образованные при помощи характерных для английского и русского языков словообразовательных средств от исконных и заимствованных основ, в-третьих, лексические словосочетания.

На уровне семантики наблюдается как совпадение, так и несовпадение значений лексико-семантических единиц

обоих языков из-за расхождения объема и систем значений в английском и русском языках в связи с расхождением в дифференцирующих признаках, которые формируют понятия о предметах и явлениях реальной действительности.

Словоформы, представляющие собой единичные слова, часто образуются путем использования продуктивных способов словообразования в обоих языках. Поскольку строительно-индустриальная лексико-семантическая группа непосредственно отражает производственную деятельность людей-специалистов, а также процессы труда с использованием машин и механизмов, изучение словообразовательной семантики данной лексической микросистемы представляется актуальным.

Наши наблюдения показывают, что как в английском, так и в русском языках в системе строительно-индустриальной терминологии отчетливо проявляется тенденция к специализации ряда словообразовательных суффиксов. Приведем примеры значений основных словообразовательных суффиксов английского и русского языков, которые являются продуктивными при построении терминов строительной индустрии.

Так, в английском языке суффиксы *-er, -or*, главные соответствия которым — *-ер, -ор, -щик (чик)* и некоторые другие, применяются в подъязыке строительной индустрии для образования существительных, обозначающих специалистов, названий профессий, машины, механизмы и приборы: *concreter бетонщик, presser прессовщик, planer строгальщик, planner планировщик, проектировщик, borer, driller сверловщик, modeler модельщик, riveter клепальщик, constructor, designer конструктор, assembler, mounter монтажник, steel erector монтажник стальных конструкций, fitter, adjuster, mounter монтер, наладчик; task setter нормировщик; paper hanger обойщик, plumber, solderer паяльщик; sawyer, slitter пильщик, crane operator крановщик, vibrator вибратор, loader погрузчик, concrete placer бетоноукладчик, batcher дозатор (для бетона), conveyer конвейер, masticator мастикатор (месительная машина), deflectometer, flexometer прогибомер, monomer мономер* и др.

В данных примерах наблюдается одинаковое выражение морфологическими средствами названий профессий, машин, механизмов и приборов.

В ряде английских названий машин, станков, механизмов суффиксы *-er, -or* не имеют соответствующего эквивалента в русском языке. Такие слова переводятся с помощью описательного приема: *stripper трамбующая машина, shingle dredger черпательная машина для камней, preliminary breaker машина для крупного дробления, malaxator машина для приготовления строительных растворов, abrader машина для испытания на истира-*

ние, sand conditioner *машина для смешивания и увлажнения формочной земли*, rubber *машина, шлифующая камень*, floor dresser *паркетно-строгальная машина*, power bar cutter *приводной станок для резки арматуры*, bar cropper *станок для нарезки арматурных стержней*, bar bender *станок для гнутья арматуры*.

В последнее время все большее распространение в русских эквивалентах названий машин и механизмов приобретает словообразовательный суффикс *-к(а)*: concrete mixer *бетоньерка*, lime mixer *известкешалка*, clay mixer *глиномешалка*, clay cutter *глинорезка*, clay drier *глиносушилка*, crusher, breaker, grinder *дробилка*, stone crusher *камнедробилка*, kneader, malaxator *месилка*, mixer, stirrer, agitator *мешалка*, motar mixer *растворомешалка*, remixer *мешалка для вторичного смешивания бетона*, sand washer *пескомойка*, sand dredger *пескочерпалка* и др.

Широко употребляемые в английском языке суффиксы *-ing*, *-ment* для выражения процессов соответствуют главным образом русским *-ание*, *-ение*: setting *схватывание*, твердение (бетона), concreting *бетонирование*, mixing-up *смешивание*, crushing *дробление*, размельчение (материала), reinforcing, reinforcement *армирование*, maturing of concrete *вызревание бетона*, slacking *гашение извести*, batching *дозирование* (бетона), liming *известкование*, trimming *обтесывание*, baking *обжигание* (глины), burning *обжигание* (извести), rebonding *освежение* (формочной смеси), plastering *оштукатуривание*, stippling *придание поверхности бетона шероховатости*, steam curing *пропаривание бетона*, spraying *разбрызгивание бетона*, unmixing of concrete *расслаивание бетона*, planing, shaping *строгание*, adjustment of mixture *регулирование состава смеси*, development *конструирование* (прибора) и др.

Распространенным способом морфологического варьирования имен действия рассматриваемой нами терминологии в русском языке является параллельное образование с суффиксом *-ание*, *-ение* и с суффиксом *-к(а)*: curing of concrete *выдержка бетона*, ramming of sand *набивка формочной смеси*, adjustment *пригонка*, soldering *пайка*, casting, founding *отливка* (процесс), filling *разливка*, sawing, cutting *распиловка*.

Рассматривая эти имена действия, мы не ставим специальной целью вообще подвергнуть сомнению наличие семантических различий между отвлеченными существительными, образованными по разным словообразовательным типам, хотя таковые в некоторых случаях имеются (trimming *обтесывание*, scraping, hewing *обтеска*). Вопрос этот рассматривается лишь с той целью, чтобы показать возможность совпадения внешне различных образований как морфологических вариантов одного слова.

Заметно также варьирование русского имени действия по типу: суффикс *-ание*, *-ение* и конвертированная глагольная основа, т.е. включение глагольной основы в парадигму (ноль), *(-А)*, *(-У)* и т.д. без оформления ее положительным словообразовательным суффиксом. Это варианты типа: *обжигание* — *обжиг*.

Суффиксы *-ion*, *-ance*, *-ence*, *-ship*, *-hood*, *-ness*, *-age* выражают главным образом отвлеченные понятия, действия, состояния, явления: consistence *консистенция* (бетона), harshness *жесткость* (бетона), compression *давление*, construction *конструкция*, resistance *сопротивление*, roughness *шероховатость* (бетона), patchiness *мозаичность* (поверхности), transposition *перевалка* (смеси), coverage *покрытие* (арматуры), fire shrinkage *усадка при обжиге* (кирпича) и др.

Английскому суффиксу *-tu* в подавляющем большинстве исследованных нами лексических единиц соответствуют русские *-ость*, *ство*: concentricity *концентричность*, mobility *мобильность*, stability *устойчивость*, design reliability *надёжность конструкции*, porosity *ноздреватость*, density *плотность*, mobility of concrete *подвижность бетонной смеси*, miscibility *смесимость* и др.

В настоящее время с помощью довольно продуктивного суффикса *-ability* на основе существующих лексических элементов-корней в современном английском языке обычно возникают слова (термины) для обозначения нового понятия. При определении семантики таких лексических единиц следует учитывать значения входящих в них лексических элементов: workability *удобообрабатываемость*, concrete workability *удобообрабатываемость бетона*, placeability *удобоукладываемость*, maneuverability *удобоправляемость*, flowability of concrete *текучесть бетонной смеси*.

Несомненно, что сопоставительный анализ терминологической лексики на уровне словообразования имеет не только теоретическое значение, но и занимает важное место в практике преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. Опираясь на знание корня и на основные законы образования слов в обоих языках, студент может определить значение производного слова, не обращаясь к словарю. Знание основных словообразовательных закономерностей не только регулирует появление новых слов, но и поясняет связи между имеющимися в языке словами, значительно, обогащает потенциальный словарь студентов, который состоит не только из интернациональных слов, но и из выводимых производных и сложных слов, образованных из знакомых морфем по изученным словообразовательным моделям.

Как английский, так и русский термин строительной индустрии часто представляет собой лексическую конструкцию двухкомпонентного состава, которая постро-

ена на основе атрибутивного использования существительного. Сопоставительный анализ такого английского термина с русским показывает, что в одних случаях все его элементы имеют эквивалентное отражение в русском языке: reinforced brick *армированный кирпич*, concrete slab *бетонная плита*, reinforced tile *армированная черепица*, jaw crusher *щековая дробилка*, concrete pile *бетонная свая*, steel reinforcement *стальная арматура*, lime concrete *известковый бетон*, cement concrete *цементный бетон*, concrete block *бетонный блок*, batch bin *загрузочный бункер*, concrete products *бетонные изделия*, construction material *строительный материал*, ball mill *шаровая мельница*, anchor yokes *натяжные обоймы* (для предварительного напряжения арматуры бетона), iron ochre *железная охра*, reinforcing fabric *арматурная сетка*, wall slab *стенная панель*, cement kiln *цементная печь*, tile kiln *черепичная печь*, table feeder *плитный питатель* (для дробительной мельницы), brick press *кирпичный пресс* и др.

В других случаях английской лексической конструкции двухкомпонентного (а иногда и трехкомпонентного) состава с атрибутивным использованием существительного в русском языке соответствует однокомпонентная лексическая конструкция: asbestos cement *асбестоцемент*, asbestos cement pipes *асботрубы*, asphalt concrete *асфальтобетон*, asphalt mixing plant *асфальто-смеситель*, gas concrete *газобетон*, slag concrete *шлакобетон* и др.

Однако, как видно из данных примеров, несмотря на расхождение в лексическом построении, семантика приведенных терминологических единиц в обоих языках совпадает.

Есть случаи отсутствия какого-либо семантического соответствия. Так, в термине dead man *анкерный лежень*, *анкерная свая* первоначальная семантика слов dead и man совершенно утеряна; в термине table slate слово table также утерало свое прямое значение и в русском эквиваленте *кровельный сланец* мы не находим для него лексического соответствия.

Продуктивны как в английской, так и в русской терминологии строительной индустрии атрибутивные словосочетания разных моделей (в том числе состоящего из трех и более компонентов), которые во многих случаях являются эквивалентами обоих языков: prestressed reinforced concrete *предварительно напряженный бетон*, lightweight material of construction *легкий строительный материал*, steel beam encased in concrete *стальная балка, заделанная в бетоне*, ball mill feed bin *питательный бункер шаровой мельницы*, plastic consistency of concrete *пластичная консистенция бетона*, rotary cement kiln *вращающаяся цементная печь*, sectional steel pile *составная стальная свая*, welded wire fabric *сварная проволочная сетка* (для армирования), welded steel fabric *сварная стальная сетка* (для армирования); white portland cement *белый портланд цемент*, slow setting cement *медленно схватывающий цемент*, prestressed reinforced concrete tie *предварительно напряженная железобетонная шпала* и др.

В целом дальнейшее исследование вопроса сопоставительного анализа лексических единиц терминологического характера считаем полезным и перспективным в плане теоретического обобщения, т.е. в выявлении регулярных иноязычных соответствий и расхождений в двух разносистемных языках. Перспективность такого анализа в том, что он подтверждает возможность инвентаризации, т.е. определения готовых, статических единиц лексических межъязыковых соответствий на уровне слов и словосочетаний. Конкретные межъязыковые соответствия лексических единиц терминологического характера английского и русского языков можно рассматривать как более менее готовые или постоянные эквиваленты, которые имеют большую эффективность в прикладной области — лексикографической практике, прежде всего, для составления двуязычных словарей терминологического характера.

Ценность изучения контрастивного материала заключается также в том, что его результаты находят прямое применение как в определении приемов и методов перевода, так и в практике преподавания иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жлуктенко Ю. А. Синхронно-сопоставительный анализ лингвистических терминов разных языков. Казань, КИУ, 2000.
2. Зильберман Л. И. Интерференция языков и методика преподавания иностранного языка на основе родного. Сб. Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. Уфа, УГУ, 2008.
3. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Москва, Наука, изд. 3, 2009.
4. Фалькович М. М. Возможные направления сопоставительных лексических исследований. Казань, КИУ, 2009.
5. Шемелева Е. Е. О сопоставлении синонимических и тематических групп существительных в английском, немецком и русском языках. Москва, Наука, 2002.
6. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. Сб. Филологические науки, изд. 3, 2004.

© Гончарова Алёна Владимировна (litera2306@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛАТИНСКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СФЕРЕ ПРАВА И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

LATIN AND ENGLISH TERMINOLOGY IN THE FIELD OF LAW AND BUSINESS COMMUNICATION

N. Datsun

Summary. the Article is devoted to the study of terminology used in the field of law and business communication. A comparison of Latin and English terminology is made. Particular attention is paid to the definition of the role of the Latin language in the formation of the English legal terminology system.

Keywords: Latin, English, business communication, terminology, borrowings.

Дацун Наталья Александровна

*К.п.н., доцент, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
n.a.01.06@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию терминологии, употребляющейся в сфере права и деловой коммуникации. Проводится сопоставление латинской и английской терминологии. Особое внимание уделяется вопросам определения роли латинского языка при формировании английской правовой терминологической системы.

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, деловая коммуникация, терминология, заимствования.

Процессы глобализации и интеграции национально-культурных и правовых систем, протекающие в настоящее время в мировом пространстве, все чаще становятся объектом внимания исследователей различных направлений. Английский язык и его роль в качестве унифицированного средства коммуникации в профессионально-деловой сфере представляет особый интерес для изучения.

Сопоставительный анализ терминологических систем в сфере деловой коммуникации, заключающих в себе правовые реалии тех или иных национальных юридических систем, делает возможным осуществление эффективного перевода отдельных лексических единиц, поиска адекватных эквивалентов терминов в языке перевода, что в целом способствует повышению результативности межкультурной коммуникации. Современная практика межкультурной коммуникации в сфере права диктует необходимость упорядочения соответствующей терминологии, употребляемой различными государствами. Всесторонний лингвистический анализ, направленный на определение содержания отдельных терминов, заключающих в себе правовые реалии различных государств, который представляет весьма актуальную проблему исследования.

Изучением отдельных аспектов терминологии как лингвистического феномена занимаются многие отечественные и зарубежные ученые: Д.И. Милославская, Б.Н. Головин, С.П. Хижняк, А.В. Суперанская, Г.В. Клычева, D. Tamm, P. Legrand, S. Sarcevic, S. Wright. Однако в настоящее время наблюдается недостаточная освещенность вопросов, связанных с сопоставлением латинской

и английской терминологии в сфере права и деловой коммуникации, что обуславливает актуальность данной работы.

Целью статьи является рассмотрение латинской и английской терминологии в контексте особенностей употребления в правовой и деловой коммуникации, а также определение роли и влияния латинской правовой, и как следствие, терминологической системы на соответствующую терминологическую систему английского языка.

Терминоведение на современном этапе развития науки определяет *термин*, как отдельное слово или сочетание слов, выступающее в конкретной сфере научно-деловой коммуникации, и выражающее сущность понятия, относящегося к специфической предметной области (наука, техника, образование, культура и т.д.) и используемое как в устной, так и письменной речи [Хижняк, с. 18]. Таким образом, термины обозначают научные понятия, их можно кодифицировать и проводить системное упорядочение.

Каждая сфера науки имеет свою терминологию, не исключением является и юриспруденция и право. Терминология права представляет собой совокупность терминов из правоприменительной практики [Максименко, с. 105]. Как никакая другая, данная терминологическая система, несет в себе отпечаток сложившихся культурных обычаев и традиций, отражает национальное мировоззрение и менталитет.

Примечательным в плане анализа правовой терминологии становится тот факт, что данный феномен привле-

Таблица 1. Заимствования из латинской терминологии.

Заимствования, полностью сохранившие латинский облик	Ассимилированные заимствования
de jure — по праву, юридически действительный	jurisprudence — право, от лат. jurisprudentia — наука права
còpia vèra — верная копия	legislation — законодательство, от лат. lex– закон
a priori — заранее	delict — нарушение закона, от лат. delictum — правонарушение, проступок
post factum — после факта	fraud — обман, мошенничество, от лат. fraudo, fraudare — обманывать
bona fide — добросовестно	felony — тяжкое уголовное преступление, от лат. felonìa, тяжкое преступление, смертная казнь
alma mater — неформальное название учебных заведений	to accuse — обвинять, от лат. accuso, accusare — обвинять
ex officio — по должности, по обязанности	crime — преступление, от лат. crimen- обвинение, преступление
a contrario — от противоположного	penalty — наказание, от лат. poena — наказание, штраф
conditio sine qua non — необходимое условие, при отсутствии которого результат не наступил бы	advocate — правозащитник, адвокат, от лат. advocatus — судебный защитник
curriculum vitae — «ход жизни» — краткое описание жизни и профессиональных навыков	to veto — налагать вето, от лат. veto, vetare — запрещать

кает внимание как лингвистов, так и непосредственно юристов. А. А. Галахова, Е. С. Максименко и С. П. Хижняк, занимаясь исследованиями в подобном направлении, указывают на такие фундаментальные признаки термина, как

- ◆ стабильность и независимость (сущность и значение термина не должно меняться в зависимости от контекста);
- ◆ раскрытие сущностных характеристик термина посредством его дефиниции;
- ◆ единство и унифицированное употребление в законе, нормативном акте и т.д.;
- ◆ однозначность, недопустимость дополнительных трактовок в пределах одной системы;
- ◆ общепризнанность (т.е. термин не может быть введен и использован законодателем для конкретного единичного случая в своей коммуникации);
- ◆ логическая соотнесенность с другими терминами в пределах одной системы;
- ◆ соответствие термина конкретной профессиональной сфере употребления.

Язык права является профессиональным языком юристов, имея, таким образом, четко выраженную инструментальную направленность. Зародившись в древнем Риме, язык права отличался особой культурой формулировок (краткость, системность, точность). Кроме того, в латинской терминологии в полной мере отражены нормы и принципы, ставшие через многие века основой правового мышления современного человека. Работы римских юристов дошли до наших дней в форме многочисленных трудов по освещению различных вопросов права, в которых сформулированы емкие и исчерпывающие дефиниции и максимы. Посредством изучения материальной оболочки Римско-

го права, латинской терминологии, возможно более глубокое осознание сущности права как философской категории.

Английская терминология, используемая в деловой коммуникации, в отличие от других терминологических систем, на протяжении долгого времени испытывала существенное влияние латыни. Что касается непосредственно английского права, то оно развивалось самостоятельно, вне глубоких связей с европейскими правовыми системами, однако сам язык подвергся воздействию латинского языка.

Английская терминология, используемая в сфере права и деловой коммуникации имеет богатую историю развития и представляется «наследницей» римского права. Для нее характерными являются точные формулировки, простота и ясность изложения. Еще одной важной чертой выступает ряд заимствований из терминологии латинского языка [Галахова].

В настоящее время выделяют две основные группы заимствований в английской терминологии права, пришедших из латинского языка — это ассимилированные заимствования, в которых прослеживаются латинские корни и которые функционируют согласно нормам и правилам английского языка и заимствования, полностью сохранившие латинский облик без изменений. Указанные типы заимствованных слов и целые выражения-цитаты имеют достаточно ограниченную сферу употребления: деловые документы, ораторские речи (в том числе адвокатов и политиков). В таблице 1 приведены наиболее распространенные в современной правовой и деловой коммуникации слова и выражения, заимствованные из латинского языка (по данным словаря Merriam-Webster's Dictionary of Law).

Для современной деловой коммуникации на английском языке характерно использование большого количества латинских терминов. Отдельно необходимо выделить использование в деловой коммуникации интернациональных терминов и выражений, заимствованных из латинского языка. Данные термины распространены и употребимы и не вызывают затруднений в понимании [Семенова]. Среди них встречаются такие лексические единицы, как: *option, obligation, constitution, alibi, vindication, offer* и так далее.

Анализ взаимоотношений между правом и языком приводит к выводу о том, что специфический язык, используемый в сфере права, имеет существенные отличия от иных подтипов профессиональных языков. Данные отличия заключаются, прежде всего, в том, что язык права имеет узкую сферу употребления и функционирования, неразрывно связан с правовой системой государ-

ства, а также культурно ограничен национальной спецификой того или иного государства.

На протяжении многих веков латинский язык выступал в качестве глобального объединяющего языка делопроизводства и права, используемого в конкретных системах права различных европейских государств. Таким образом, латинский язык является основой для языка права, оказавшей влияние как на непосредственно правовые системы европейских государств, так и на обслуживающие их терминологические системы.

Таким образом, подводя итоги нашей работы, необходимо отметить, что английская терминология в сфере права и деловой коммуникации испытала существенное влияние латинского языка. С функциональной точки зрения заимствованная латинская терминология существенно обогатила английский профессиональный язык юристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галахова А. А. Латинские заимствования в английском языке права // Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). — Уфа: Лето, 2015. — С. 107–109.
2. Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем: На материале английской и американской юридической терминологии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. — Саратов, 2002. — 194 с.
3. Семенова Э. В. Интернационализмы в английской юридической терминологии // Филологические науки. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. — С. 142–144.
4. Хижняк С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы: монография. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридич. академии, 2014. — 244 с.
5. Merriam-Webster's Dictionary of Law. Merriam-Webster, Incorporated, Springfield, Massachusetts, 2016. — 654p.

© Дацун Наталья Александровна (n.a.01.06@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции

ФЕНОМЕН «ЧЕРНУХИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕВЕРНОГО ДИСКУРСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЯКУТИИ

THE PHENOMENON OF «CHERNUKHA» AND THE TRANSFORMATION OF NORTHERN DISCOURSE IN RUSSIAN LITERATURE OF YAKUTIA

I. Emelianov

Summary. The article deals with the transforming effect of the phenomenon of «chernukha» on the northern literary discourse. The material is the works of V. Shelegov and Y. Chertov, published in Yakutia in 1970–1990's. Sociocultural, social and psychological changes introduced by Perestroika and recorded in the literary texts of «chernukha» are analyzed. The main changes introduced by the «neo-realistic» literature into the socialist realism's northern discourse are singled out.

Keywords: Northern discourse, literature of Yakutia, V. Shelegov, «chernukha», neo naturalism.

Емельянов Игорь Степанович

К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск)
krzl@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформирующее воздействие феномена «чернухи» на северный литературный дискурс. Материалом являются произведения В. Шелегова и Ю. Чертова, изданные в Якутии в 1970–1990-е годы. Анализируются социокультурные, социально-психологические изменения, свойственные эпохе Перестройки, зафиксированные в литературных текстах «чернухи». Выделяются основные изменения, привнесенные «неореалистической» литературой в соцреалистический северный дискурс.

Ключевые слова: Северный дискурс, литература Якутии, В. Шелегов, «чернуха», неонатурализм.

В 1980–1990-х годах заметным явлением в отечественной литературе стали произведения, которые довольно быстро получили хлесткое обозначение «чернуха». Это явление, вызванное к жизни различными причинами как собственно эстетической, так и социальной природы, проявило себя в художественной литературе и в других видах искусства. Исследователи находят черты этого феномена в произведениях таких разных писателей как В. Астафьев, Л. Петрушевская, С. Каледин, Н. Коляда и др. Явление «чернухи» получило разноречивое толкование как в литературной критике, осмыслявшей текущий литературный процесс, так и в созданных уже постфактум работах теоретиков и историков литературы. С. Чупринин считает, что произведения «чернухи» близки друг другу прежде всего «установкой на безыллюзорную правдивость в воспроизведении действительности, и общим депрессивным пафосом, и тяготением к стилистике человеческого документа, и воинствующим антиидеологизмом, и повышенной сострадательностью, которая в подавляющем большинстве случаев влекла к надрывной сентиментальности, а то и слезливому мелодраматизму» [6, с. 336]. Появление данного феномена исследователь связывает с неприятием эстетики социалистического реализма, он считает, что «эстетика чернухи исходила из того, что всякое искусство тождественно искусственности, то есть лукавой неправде или сознательному обману» [6, с. 336].

Н. Лейдерман и М. Липовецкий называют это явление «современной «натуральной школой», «неонатурализмом» [4, с. 560], отмечая основное отличие позднесоветской «чернухи» от литературного явления XIX века: «чернуха» конца 1980-х «показала народный мир как концентрацию социального ужаса, ставшего бытовой нормой. Самым непосредственным воплощением темы социального ужаса стал в этой прозе *мотив насилия*» [4, с. 560]. И далее исследователи отмечают, что «чернуха» «поставила под сомнение применимость таких категорий, как «нравственные основы», «духовные корни», к современной народной жизни. /.../ Эта проза выразила ощущение тотального неблагополучия...» [4, с. 561], неблагополучия как социального, так и духовного, психологического. В то же время явление это, как отмечают исследователи, сначала громко заявив о себе и вызвав общественный и литературоведческий интерес, довольно быстро отошло на второй план в литературном процессе, провинциализировалось, став своего рода документом и памятником ушедшей эпохи.

Необходимо добавить, что феномен «чернухи» сыграл свою роль не только в изменении взгляда на действительность, которая, как утверждали адепты соцреализма, правдиво и глубоко отражена в произведениях советской литературы. Неонатурализм не только рисовал новый, не ортодоксальный образ советской действительности, прежде всего в социальном аспекте, но и предлагал существенно измененный образ самого

человека, словно бы полемически противопоставленный расхожим советским типажам «скромного труженика», «передовика производства». Более того, внося, наряду с новым взглядом на социум и человека, заметные изменения в привычный тематический багаж советской прозы (в том числе за счет обращения к «неудобным», ранее запретным темам — социология кладбища, армейская дедовщина, быт и нравы пенитенциарных заведений, изнанка жизни комсомольских аппаратных работников и т.д.), «чернуха» в итоге способствовала изменению самого дискурса позднесоветской и современной российской прозы. Проанализируем, в частности, трансформирующее воздействие эстетики «чернухи» на сложившийся в советской литературе дискурс о Севере на примере русской литературы Якутии.

Литературные произведения, характеристики которых вполне соответствуют приведенным выше определениями «чернухи», начинают публиковаться в Якутии на рубеже 1980–1990-х годов. Наиболее наглядно трансформация северного дискурса отражена в рассказах и повестях Валерия Николаевича Шелегова. В. Шелегов родился в 1953 году, долгое время работал в Якутии и на Чукотке, стал активно печататься во второй половине 1980-х годов. В своих произведениях он отразил самый, может быть, сложный и неоднозначный период современной истории России, показал, как социально-политические и экономические процессы отражались в жизни и сознании человека. В его произведениях тема Севера, которая была широко представлена в советской литературе с 1930-х годов, начинает рассматриваться с нового, «неонатуралистического» ракурса.

В 1992 г. в Якутске был издан сборник В. Шелегова «Зеленый иней». В повестях и рассказах этой небольшой книги запечатлен мировоззренческий сдвиг, который произошел в перестроечное время. Еще совсем недавно, в середине 1970-х годов, на северном материале создавались крупные произведения, развитой жанровой формой, в которой воплощалась северная тематика, наряду с рассказом и повестью был так называемый «производственный» роман. Черты его появлялись как в незаурядных произведениях, например, в «Территории» О. Куваева (1975), так и в более скромных по своим художественным качествам сочинениях. Именно в текстах не «первого ряда» проступали наиболее наглядно шаблонные черты соцреалистического «производственного» северного дискурса: трудовые будни, зачастую осмысляемые как форма подвига, сплетались с перипетиями личной жизни персонажей, более или менее психологически убедительно нарисованной писателем. В качестве примера такого рода сочинений назовем произведения Юрия Алексеевича Чертова (1934–1998): повести «За синим перевалом», «Полет в облаках», «Одинокий волк», роман «Четвертый директор» и др. В них,

в соответствии с соцреалистическим канонам, изображались производственные и семейные отношения героев, действие разворачивалось в чиновничьих кабинетах, на рудниках и на северных трассах-«зимниках», осуждалось, как писала советская критика, «бескрылое, формальное отношение к труду» [2, с. 108]. Советский северный дискурс предполагал яркие романтические краски. Герой осмыслялся как покоритель суровой природы, приносящий в отдаленные окраины советскую власть (т.е. цивилизацию в советском понимании), труд его наделялся особым смыслом в связи с задачей преобразования природы, изменения окружающего природного и социального ландшафта. Как правило, герой преодолевал некие «привходящие» обстоятельства — отсталость косного традиционного социума и индивида или суровость окружающей среды. Позднее, в 50–70-е годы XX в., когда идея распространения «света новой жизни» в отдаленные уголки страны утратила актуальность, сам пафос борьбы, преодоления все еще оставался значимым в текстах северной тематики. Литературные произведения 1970–1980-х годов воспроизводили шаблонные, устоявшиеся и привычные схемы, уже традиционно связанные с северным дискурсом в советской литературе.

Совсем другую картину запечатлел В. Шелегов. Писатель изобразил жизнь северных поселков накануне периода «великого исхода» их населения «на материк» в результате резко изменившейся социально-экономической обстановки. На первый взгляд, перед нами практически тот же самый жизненный материал, на котором основаны произведения социалистического реализма о трудовых буднях покорителей Севера: карьеры, автобазы, экспедиции, прииски, северные трассы-«зимники». Тот же социальный и профессиональный статус героев: шоферы, старатели, геологи. Однако в произведениях Шелегова, в отличие от повестей Ю. Чертова, передано ощущение заброшенности, запустения и депрессивности, которые охватили отдаленные северные территории. Например, в повести «Чифирик» это ощущение фиксируется так: «Ушла старая колымская рать. Только в памяти таких, как она жила. Ушло и время, будто обвалом небесным его унесло. И несколько лет уже Чифирик возвращался в людские поселения с тревогой и необъяснимой тоской. И не только ему, многим казалось, что привычная жизнь, какой-то вечный жизненный уклад, как залежалая прелая тряпка, неудержимо расползлась. Будто в один день и час исчезли старые понятия о дружбе и совести. И даже пьянки теперь не спасали: пили молчком, угрюмо и жестоко» [7, с. 24]. Герой повести, многие годы проработавший каюром в геологических экспедициях, в советском «производственном» тексте мог быть представлен в качестве очередного «простого советского человека», обыденно и несуетливо совершающего свой ежедневный скромный трудовой подвиг. Однако в повести «Чифирик» только внешняя «оболоч-

ка», канва жизни героя соответствует показательному образу «советского труженика». На первом плане оказывается судьба человека, который «и сам понимал, что не так прожил, не к тому стремился, не о том мечтал» [7, с. 32]. Чифирок постоянно чувствует «ненормальность» своей жизни, бытовую и личную неустроенность. Отсюда и «необъятная тоска» героя, его беспокойная «зависть о мечте побыть среди нормальных людей» [7, с. 31]. Действительно, та жизнь, которая показана в повести, едва ли соответствует устоявшимся представлениям о «нормальности». Так или иначе почти все персонажи повести оказываются по-своему одиноки, у них такой же убогий быт, такая же запутанная и не счастливая личная жизнь. Нужно отметить, что в целом это характерно и для других произведений Шелегова. Например, таков герой рассказа «Кандыба», которого «зло взяло /.../ на жизнь, на себя, что нет у него по свету белому нигде пристанища, никто не ждет его, кроме старой матери» [7, с. 97]. Таков одинокий герой небольшого рассказа «Визит Клепы Лошади», который «с восемнадцати по лагерям» [7, с. 52]. Характерно в данном отношении, что фокус внимания автора смещен от собственно «производственной» территории, как места свершения трудового подвига, как раз к тому, что окружает героев вне их трудовой деятельности — к баракам, полуразвалившимся балкам, в которых проводят свои дни герои, вспоминая ушедших в мир иной приятелей или несчастливую любовь. В этом неустроенном, полуразрушенном быту автор подчеркивает не столько черты легкого на подъем экспедиционного, «геологического» образа жизни, сколько знаки заброшенности, социального и личного неблагополучия: не воплощенность желаемого, нереализованность мечты, неустроенность не только тела, но и души героев. Тщательно описывая бытовые подробности жизни Чифирка, Шелегов фиксирует обыденную, не парадную, а зачастую и довольно убогую жизнь северных поселков.

Если в произведениях советского периода, например, в «Территории» О. Куваева, балки и их обитатели-«бичи» существовали на периферии нарисованного автором мира, присутствовали в нем, но не определяли собой ни жизненный уклад, ни саму атмосферу куваевского Севера, то в повестях и рассказах Шелегова именно эта, не парадная часть северной жизни оказывается в центре внимания. Смещая фокус изображения, писатель, таким образом, вступает в полемику со сложившейся соцреалистической традицией северного дискурса, с канонем «простого советского человека», «героя- труженика».

Таким образом, рассказы и повести В. Шелегова, и прежде всего «Чифирок», показывают, что уже в 1980-е годы начинается переосмысление и разрушение устоявшихся к тому времени литературных норм, диктовавших воплощение северного дискурса. Разрушаются они как раз

через подчеркнутый «натурализм», когда автор в своем современнике видит и показывает не парадное и героическое, не канонические черты «советского человека», а обыденное, убогое и страшное. Жизнь героя прочитывается, следовательно, не как героическое «вопреки» (обстоятельствам, природе, иным внешним трудностям), а как горькое «вследствие» (прежде всего, вследствие социальных причин). Такой вполне натуралистический дискурс довольно резко выделяет произведения В. Шелегова на фоне литературной продукции, создававшейся в русле советской традиции в Якутии. Символически в этом отношении финал повести, а заканчивается она смертью героя. Собственно, вся фабула произведения заключена между двух событий: сообщением о ликвидации партии, которое «сквознячком обдало душу» героя и его смертью: «Жизнь на земле продолжалась, только уже не было в этой жизни Чифирка — Кондрата Фомича Фролова» [7, с. 49]. В данном отношении показательны сравнение текстов Ю. Чертова и В. Шелегова. Ю. Чертов воспроизводит типичный для соцреализма северный дискурс с обязательным преодолением трудностей, с пафосом нелегкого труда, с выдвинутой в центр произведения этической проблематикой, которая решается в духе советских идеологических установок. Жанровая основа повестей Ю. Чертова — советский «производственный» роман, отражающий, среди прочего, специфику советской экономической реальности с планами, «прорывами», социалистическими обязательствами, их выполнением и перевыполнением. Характерно, что в повестях Ю. Чертова, типичных произведениях позднего периода соцреализма, нет ощущения трагичности человеческого бытия. Все проблемы и противоречия в жизни героев не имеют необратимого, фатального характера. Поэтому даже трагический, по сути, финал повести «Одинокий волк», герой которой — шофер-дальнобойщик, погибает в автомобильной аварии, носит характер нелепой случайности, заставляет не столько задуматься о бренности человеческой жизни, сколько сожалеть о том, что могло бы быть, но, увы, не случилось. Отсюда свойственный, например, этой повести Чертова мелодраматизм, заслоняющий в результате содержащуюся в сюжете драму. Совсем иное в повести Шелегова «Чифирок». Там трагичность не привнесена извне, она как бы вытекает сама собой из безысходности жизни. Смерть Чифирка в повести, как и смерть Зинаиды-Турлычихи не случайность, а трагический и в общем закономерный финал. В мире, изображенном В. Шелеговым, героям, по сути, некуда двигаться, «некуда» дальше жить.

Повести В. Шелегова и Ю. Чертова по-разному акцентируют бытовые подробности. В повестях Ю. Чертова северный быт суров, непритязателен, но не убог. Он существует словно бы сам по себе, как непременный атрибут неустроенного, «скитальческого» быта типичного советского «покорителя Севера» — геолога, буровика,

шофера-дольнобойщика. Этот суровый быт находится в стороне от устремлений самих героев и в этом смысле для них безразличен, это просто «среда обитания», которая не определяет собой внутреннюю жизнь героя. У В. Шелегова бытовые подробности наделяются совсем другим смыслом. Тут быт не существует сам по себе, он становится важной чертой поэтики. Разваливающаяся, распадающаяся, покореженная и неустроенная среда обитания героев повести «Чифирок» коррелирует с их самоощущением, их сознанием, подчеркивает жестокий слом их жизни, не оставляющей надежды на изменения к лучшему. Более того, оказывается не воплощенной даже слабая, действительно последняя надежда Чифирка прибиться к спокойному берегу, зажечь «человеческую жизнь», хотя бы в самом ее конце. В повести Ю. Чертова «Одинокий волк» возможность реализации какой-то другой, новой жизни для героя вполне реальна: та концепция мира и человека, которая выражена в повести, не только допускает, но в каком-то смысле и предполагает такое «перерождение» героя как закономерное и необходимое. А вот трагическая гибель героя — случайность, а не закономерность. Смерть же Чифирка, у которого не осталось уже никого и ничего в жизни, напротив, воспринимается как закономерность. Сам путь героя в холодных пространствах Севера это, как выясняется, путь к последнему, такому же холодному, одинокому пристанищу.

Таким образом, повесть В. Шелегова, впервые опубликованная в 1984 году, довольно точно отразила настроение времени. Идеалы, рожденные советской эпохой, советские ценности уже значительно обветшали к середине 1980-х годов. В качестве эпиграфа к повести «Чифирок» использованы слова О.М. Куваева: «История эта — о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодексом порядочности, жестокостью, максимализмом и божьим светом в душе» [7, с. 23]. Казалось бы, эпиграф связывает Чифирка с миром куваевского Севера, с убедительной художественной силой изображенном в романе «Территория». Однако при более пристальном взгляде все оказывается несколько сложнее. В самом деле, является ли работа «религией» для Чифирка? Нет, не является. Работа для героя не религия, а монотонная, часто изнурительная обыденность. Если герои О. Куваева находили в работе смысл жизни, не представляли себя без нее, то герой В. Шелегова не в ней видит смысл. Работу свою он, каюр, выполняет едва ли не как выючное животное. Таким образом, повесть оказывается внутренне полемичной по отношению к своему эпиграфу. Между ними возникает не случайное противоречие, отражающее изменения, которые произошли в советском обществе за десять лет, прошедших с публикации куваевской «Территории». В. Шелегов чутко зафиксировал эти изменения в своих произведениях на такую при-

вычно героическую для советской литературы северную тему. Для героев рассказов и повестей В. Шелегова работа уже не наполнена неким высшим, почти сакральным смыслом. Представления о «кодексе порядочности» и жесткая «северная» мораль давно подверглись коррозии. На Север приезжают не за смыслом жизни, северной романтикой, как у О. Куваева, а за большими деньгами. Наряду с разрухой бытовой, социальной писатель показывает и разруху духовную, неудовлетворенность тем, что предлагает человеку убогая жизнь. Финальная катастрофа не как случайность, а как некий закономерный итог не сложившейся жизни, не реализовавшихся надежд завершает повесть «Чифирок», рассказы «Кандыба», «Смотрины». В текстах В. Шелегова зафиксирована смерть «куваевского» героя: ему нет места в новой «натуральной» реальности.

Очевидно, что причиной столь значительных трансформаций являлись процессы, которые происходили в советском обществе накануне и в период реформ середины и конца 1980-х годов. Уже к началу этого десятилетия советская идеология основательно обветшала. Еще в начале 1970-х на ее основе, пусть и с существенными изменениями, можно было создавать высокохудожественные литературные произведения, свидетельством чему является все та же «Территория» О. Куваева. Однако в дальнейшем такое «оживление» закостеневшего северного дискурса в рамках соцреализма уже практически никому не удавалось, не случайно именно этот роман остался в памяти как особняком стоящий текст. В 1970–1980-е годы северная романтика с ее знакомой и, для советского читателя, «знаковой» фактурой, выхолощивается, становится обыденностью, морально-этический накал и страстность заменяются мелодрамой. Именно эти черты можно отметить в текстах Ю. Чертова, хотя в них еще живо то, что в данном контексте можно назвать «памятью жанра». Именно она заставляет автора воспроизводить коллизии из жизни персонажей мелодрамы в псевдоромантическом духе: такова устоявшаяся в соцреализме традиция разворачивания дискурса о Севере. В рассказах и повестях В. Шелегова процесс распада советского дискурса о Севере уже фактически завершен. Для автора важно не воспроизвести набор литературных штампов, а, отбросив их, пробиться к реальности, к «натуре». Однако феномен «чернухи» предполагает, что вместе с «преодолеваемыми» соцреалистическими штампами оказывается в некотором смысле преодоленной и старая система ценностей, и сам соцреализм. Л. А. Булавка выделяет в социалистическом реализме принцип *разотчуждения* действительности как «всеобщий момент данного метода» [1, с. 101]. В. Шелегов фиксирует как раз обратное — процесс тотального *отчуждения*: социального, межличностного, бытового. Действительность последнего десятилетия «развитого социализма» окончательно выхолостила аксиоло-

гические максимы. Система ценностей, формирующая отношение человека к обществу и к самому человеку, перестала соответствовать действительности. Этический «фокус», соответственно, смещается от постулируемого к имеющемуся в наличии, к самой кризисной позднесоветской действительности. Поэтика «чернухи» как раз и позволяла по-новому взглянуть на обычные, примелькавшиеся вещи, вывести их из привычного автоматизма восприятия. Тогда в «простом советском человеке» начинали проступать совсем не советские и далеко не простые черты, советская еще действительность оборачивалась своей непривычной, пугающей и не парадной стороной. Дело тут даже не в столько том, что такие писатели как В. Шелегов обращались к неизведанным ранее темам или неисследованному материалу, сколько в новом ракурсе их восприятия и освещения. Это приводило не только к изображению неприглядных сторон действительности, но и к существенной трансформации самого дискурса, связанного с северной тематикой. Если в советской литературе Север был местом осуществления советской «утопической мечты» о новом человеке и новом обществе, новом, преобразованном волей человека пространстве, то в позднесоветское время ситуация меняется. Север теперь осмысливается как пример неудачи советского проекта, тщетности и бессмысленности усилий как всего общества, так и отдельного человека. Социалистическая этика оказывается неработоспособной в том стремлении к новой, «натуральной» правде, которую ищут писатель и его герои. В таком случае этика основывается на неких неясных, не вполне артикулированных самим автором позициях. В годы перестройки их стали называть «общечеловеческими», но даже само это определение не точно, расплывчато. В произведениях «чернухи» герои, обстоятельства, ситуации либо оцени-

ваются с этой «общечеловеческой» точки зрения, либо, и довольно часто, не оцениваются вообще, то есть никакая аксиологическая система к ним не применяется. В этом, на наш взгляд, проявляется один из характерных признаков литературы подобного типа.

Характерная черта «чернухи», проявляющая себя в текстах В. Шелегова, это отмеченная С. Чуприниным «повышенная сострадательность». Такое повышенно сострадательное отношение к герою практически невозможно представить в произведениях О. Куваева. Сострадательность, «жалостливость» как таковая отсутствует не только у автора, но и, что не менее важно, у героев, которые не жалеют себя и других ради дела. У Ю. Чертова, как было сказано выше, сфера интересов смещается в сторону личного, частного мировосприятия, в сторону мелодрамы, которая вполне оптимистична, как того и требуют шаблоны соцреализма. В текстах же так называемой «чернухи» осмысление неосуществимости, невоплотимости пронизывает рефлексию героя, формирует его мировосприятие. Можно утверждать, что «чернуха» не только отказывается от устаревающей аксиологической системы, но и архаизирует ее. Это не могло не отразиться также и на жанровой мутации северного дискурса. Показательно с этой точки зрения, что в сочинениях В. Шелегова, как во многих произведениях перестроечной прозы, которую принято относить к «чернухе», явственно проступают черты прозы документальной, в рассказах и повестях заметна форма очерка. В художественных текстах появляются признаки «журнализма», автор стремится прежде всего запечатлеть саму действительность, порой почти не анализируя ее художественными средствами. Это объясняет, почему как отдельные тексты так и сам феномен «чернухи» стали памятником прошедшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. — М.: Культурная революция, 2007. — 272 с.
2. Комиссарова Т. Мое имя — рабочий // Полярная звезда. — 1979. — № 1.
3. Куренная Н. М. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. — М.: Институт славяноведения РАН, 2004. — 188 с.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. — Т. 2: 1968–1990. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 688 с.
5. Чертов Ю. А. Север мой светлый: Повести. — М.: Современник, 1986. — 224 с.
6. Чупринин С. И. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. — М.: Время, 2007. — 768 с.
7. Шелегов В. Зеленый иней. Повести. Рассказы. — Якутск: Кн. изд-во, 1992. — 144 с.

© Емельянов Игорь Степанович (krzl@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЩЕНИЯ В МАЛАЗИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МАЛАЗИЙЦЕВ

FORMS OF ADDRESS IN MALAYSIAN VARIETY OF THE ENGLISH LANGUAGE AS A MEANS TO EXPRESS CULTURAL FEATURES OF ITS SPEAKERS

S. Il'ina

Summary. English varieties have become legitimate languages of its speakers and have become markers of their identities. Forms of address, one of the most integral constituents of the speech etiquette, are the reflection of the cultural peculiarities of the speakers of the former since among the functions of vocatives are to attract attention of the person one wants to speak to, to express the addresser's attitude to the addressee, to remind of the spiritual relations between the speakers, to empathize the speakers' professional status, and many others. The article presents analysis of the forms of address used in Malaysian variety of the English language which are sure to reflect a Malay's national identity.

Keywords: World Englishes, Malaysian variety of the English language, vocative as part of a speech etiquette, indirect forms of address, self-naming, intercultural communication.

Ильина Светлана Сергеевна

К.филол.н., доцент,

Дальневосточный федеральный университет

svilyina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению обращений в малазийском варианте английского языка. На основе анализа обращений, представленных в словаре малазийского варианта английского языка, изученных статей по исследуемой тематике, материалов средств массовой информации, личных наблюдений автора, делается попытка классифицировать обращения, свойственные именно малазийскому варианту английского языка и передающие национально-культурные особенности малазийской культуры.

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, малазийский вариант английского языка, обращение как единица речевого этикета, косвенное обращение, самоименование, межкультурная коммуникация.

Распространенность английского языка в 1984 году была представлена американским лингвистом Брайаном Качру как теория «трех концентрических колец»: внутренний круг (представленный странами, в которых английский язык является родным — США, Канада, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия); наружный/средний круг (представленный странами, в которых английский язык наряду с другими получил статус второго государственного языка — Сингапур, Индия, Филиппины, Южная Африка и другие 50 территорий); расширяющийся/внешний круг (представленный странами, в которых английский является основным изучаемым в образовательных учреждениях иностранным языком — Япония, Россия, Китай, и другие).[1]. К числу стран, находящихся в расширяющемся/внешнем кругу, относится и Малайзия.

Этнический состав Малайзии отличается большим многообразием. Именуемые малазийцами, жители страны — это малайцы, число которых составляет 50, 1% от всего населения, а также коренные народы, населявшие Малайзию еще до прихода малайцев (11,8%). Вторая по численности этническая группа — китайцы (22,6%

населения), третье место занимают индийцы в основном тамильского происхождения (9,1%) [2].

Официальным как государственным языком, так и языком образования, в стране является малайский. До конца 60-х годов XX века языком администрации де-факто являлся английский. На современном этапе английский язык выполняет важную роль второго языка. Английский язык является обязательным предметом изучения в школах, это язык делового и межкультурного общения, язык средств массовой информации (из 56 газет 12 издаются на английском языке), один из трех основных языков малазийской литературы (наряду с малайским и китайским).

В результате взаимодействия английского языка с малайским, а также в некоторой степени китайским и тамильским, в стране сформировался малазийский вариант английского языка, характеризующийся определенными особенностями в области фонетики, фонологии, грамматики, синтаксиса и лексики, которые непосредственно обусловлены культурными особенностями говорящих на малазийском варианте английского языка.

Вслед за Л. Смитом и З.Г. Прошиной мы считаем, что английский язык — это средство говорящих на нем представителей всех стран рассказать остальному миру о своей идентичности, культуре, политике, религии и способе жизни [Smith 1983, p. 9] (цит. по [3, с. 99]).

Формулы речевого этикета, куда входит и обращение, являются элементами культуры и относятся к тем пластам лексики, которые наиболее ярко отражают культурно-исторические особенности народа-носителя языка (в нашем случае — регионального варианта английского языка). Согласно А. Вежбицкой, речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, не могут быть объяснены в чисто «поведенческих» терминах; в действительности они представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил», или «культурных сценариев» [4, с. 159].

Ещё М.В. Ломоносов, определяя обращение как «великолепную, сильную и слово оживляющую фигуру», отмечал, что «сею фигурю можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» [5]

Словарь-справочник лингвистических терминов определяет обращение как слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. Обращениями служат собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному принципу, по взаимоотношениям людей и т.д.; названия или клички животных; названия предметов или явлений неживой природы, обычно в этом случае олицетворяемых; географические наименования и т.д. Обращения могут давать оценочную характеристику, содержать экспрессивную окраску, выражать отношение говорящего к собеседнику. В русском языке выделяют обращения распространенные и нераспространенные, обращения однородные, обращения-метафоры, обращения-метонимии, обращения-перифразы, обращения-иронии, обращения-повторения, обращения риторические, обращения-присловья, обращения фольклорные, обращения архаические [6, с. 164–166].

Вслед за К.А. Куриловой, мы считаем, что классификация обращений должна включать не только прямые обращения, но и именованные (косвенные обращения) и самоименования, являющиеся важными этикетными знаками в процессе коммуникации. Слово может означать лицо вне отношения к другим людям (*водитель, доктор*), через отношение этого лица к другим лицам (в ситуации *начальник/подчиненный*) и через отноше-

ние к нему говорящего в конкретной ситуации общения. По этой причине обращения не всегда совпадают с именованиями и имеют много разновидностей. Обращение, именованное и самоименованное тесно связаны и потому, что в обозначении адресата, адресанта и упоминаемого им лица выражается отношение к другим участникам общения [7, с. 57].

Таким образом, являясь сложной и многообразной, система обращений отражает национально-культурные, лингвистические, социальные, коммуникативно-прагматические и другие особенности нации, использующей тот или иной вид обращений в зависимости от ряда сопутствующих обстоятельств, тоже в каждой культуре по-разному оказывающих влияние на выбор обращения. Данный факт явился причиной выбора обращения в малазийском варианте английского языка предметом данного исследования. На материале словаря малазийского варианта английского языка, анализа материалов англоязычных газет и журналов, выпускаемых в Малайзии, научной литературы по изучаемому вопросу, результатов проведенных «включенных наблюдений» составлена классификация обращений в изучаемом варианте английского языка. Стоит отметить, что в данной статье не рассматриваются так называемые традиционные, общепринятые формулы обращений: *sir, ma'am, ladies and gentlemen*, а также обращения с использованием референциального титула *Mr., Mrs. и др.* Цель данной работы — представить картину обращений, свойственных исключительно малазийскому варианту и передающих культурные и национальные особенности представителей Малайзии.

Нами были выделены 69 обращений, которые согласно выполняемым ими функциям были распределены в 14 групп.

Перейдем непосредственно к рассмотрению полученной классификации.

1. Родственные обращения

Как было упомянуто выше, в данной статье не рассматриваются традиционные формулы обращения, а лишь те, которые заслуживают особого внимания и свойственны только малазийскому варианту английского языка. Среди выделенных нами обращений к родственникам рассмотрим следующие.

Cousinbrother/cousinsister. Малазийцы используют термины родства *brother/sister*, для того, чтобы конкретизировать существительное общего рода — *cousin*. *MIL — mother-in-law*- косвенное обращение к свекрови/теще. *Маk* — на малайском означает «мама» и широко используется в качестве прямого и косвенного обращения. *Nenek* — на малайском означает «бабушка». *Son* —

как правило, строгое обращение отца к сыну. Например, «I have eaten more salt than you, son. So, don't argue with me.» [8, с. 74].

Auntie — данное обращение заслуживает особого внимания, поскольку используется не только в отношении тети, являющейся сестрой отца/матери. Это также уважительное обращение к женщине, старшей по возрасту. Например, в магазине продавец обратилась к покупательнице: «Auntie, mangoes sweet!» [9]. В данном употреблении допустима только форма auntie, обращение aunt никогда не используется.

Как отмечают Сара Ли и Силавати Шанмуганатан, в данном случае работает культурная метафора о принятии члена общества как родного, а также укоренившаяся традиция малазийского общества выражать глубокое почтение и уважение людям старшего возраста. Несмотря на широкое употребление обращения auntie, некоторые женщины не приветствуют подобное обращение к себе, поскольку оно напоминает им о возрасте.

2. Обращения-характеристики личных качеств

В данную группу вошли обращения, применяемые в отношении адресата с целью подчеркнуть его личностные характеристики.

Например, Ah Beng — умник, «ботаник». С короткой стрижкой, абсолютно не гармонирующей с одеждой, преуспевающий в математике и китайских шахматах, этот молодой человек известен своими неординарными суждениями. К девушке со схожими чертами обращаются Ah Lian.

Ah Kwa — женоподобный мужчина. Отлично разбирается в моде, прическах и поддержании красоты. Ah Pia — грубый, неаккуратный мужчина, чрезвычайно увлеченный противоположным полом. «Eh... Ah Pia, what are you doing around here?» [9, с. 53]. Ah Ter — мужчина с теми же качествами, что и Ah Pia, но с еще более грубой речью и манерами. Big Shot — прямое и косвенное (чаще саркастическое) обращение к важной персоне. Например, «Take your legs off my table, will you? Bigshot, ah?» [9, с. 17].

Bladiful — 'bloodyfool' — как грубое, так и игривое и даже теплое, обращение к глупцу. Например: «Eh, you bladiful, why so long never come and see me?» [9, с. 18]. Buaya — чаще косвенное обращение со значением «развратник», появившееся из малайской идиомы 'buaya darat' (земноводный крокодил). Например: «Don't let him go near your daughters, man. He is a real buaya.» [9, с. 19]. Doongu/Goondu — глупец. Прямое и косвенное обращение, как правило, используемое с любовью, с целью под-

разнить, но не в качестве оскорбления. Например, «Tell you so many times still cannot follow, real doongu-lah you!» [9, с. 20]. Fut/Smallfut — обращение, означающее, что адресат «ничтожество», «пустое место». Иногда данное обращение может быть использовано в добрых целях подразнить близкого друга или родственника. Например, «You small fut! What you know? ...don't try andteach me what to do!» [9, с. 20]. Hantu — обращение к маленькому «дьяволенку», шаловливому малышу. Например, «Where's that hantu gone again-ah? Can't take my eyes off him for one minute!» [9, с. 21].

Kay poh chee/KPC — любопытный человек, весьма интересующийся чужими делами, «Любопытная Варвара». Например, «Don't be such a kay poh chee! Everything also want to know.» [9, с. 22]. Kiasu — буквально в переводе с хоккиен — «боящийся проиграть». Данное косвенное обращение адресовано малазийцам, которые всегда стремятся быть первыми на таких мероприятиях, как скидки, распродажи. Принцип киацу — «если это есть у другого, то и я должен это иметь — в лучшем качестве и большем количестве». Maknenek — как правило, косвенное обращение к человеку, проявляющему чрезмерную заботу об окружающих. Mak — на малайском означает «мама», Nenek — на малайском означает «бабушка». Сочетание в одном обращении мамы и бабушки подчеркивает излишнее проявление внимания к своему окружению. Это обращение может характеризовать человека и как рассеянного и глупого.

Например, «That Sara is a real maknenek... can't stop fussing.» [9, с. 23].

Mangkuk — косвенное обращение к глупцу. На малайском слово 'mangkuk' означает «чаша», «миска». Очевидно, небогатая мыслями голова глупого человека ассоциируется у малазийцев с пустой чашей. Например, «Aiya! Don't want to talk to you any more-lah! Real mangkuk!» [9, с. 23].

Patpoh — косвенное и прямое обращение к чрезмерно хлопотному и слишком любопытному человеку. Например, «Don't tell her any of your secrets, ok? She is a real patpoh!» [9, с. 25]

Swaku — «деревенщина». Например, «Haiyah! Why you so swaku one? Handphone also don't know how to use!» [9, с. 26]

3. Обращения-характеристики внешности

Не лишены обращения и оттенки, подчеркивающего внешние признаки адресата, например, airport — косвенное обращение к женщине с маленькой грудью, чей

торс напоминает абсолютно ровную взлетно-посадочную полосу. *Botak* — чаще косвенное обращение к лысому или лысеющему человеку. *Cilipadi* — обращение к женщинам невысокого роста, но чрезвычайно привлекательным, пылким, как динамит. Женщину сравнивают с маленьким, но очень жгучим перцем, используемым в малайской кухне. Например, «*Wah! His girlfriend-ah, real cilipadi man!*» [9, с. 20].

Данное обращение используется также по отношению к небольшого роста человеку, способному поразить собеседника какими-то чудесами, несмотря на маленький рост.

JinjangJoe/JinjangJane/SalakSouthSam — обращение-характеристика молодого человека, который вместе со своими друзьями, практически одинаково одетыми (широкие темно-фиолетовые или зеленые штаны с завышенной талией, разноцветные яркие рубашки и обувь на высокой платформе, часы с широким ремешком) любит слоняться по торговым центрам и кинотеатрам. Неотъемлемой частью гардероба такого молодого человека является расческа в заднем кармане, которой при любой появившейся возможности он расчесывает свои волосы и баки. Такие молодые люди говорят на кантонском, дают друг другу клички и подражают кинозвездам.

Koochirat. В тамильском 'koochi' означает «палочка» и используется как метафора при характеристике худого как палочка человека. В сочетании с английским 'rat' (крыса), данное обращение применимо к тщедушному, очень худощавому человеку маленького роста.

Openshelf — обращение к девушке, не пользующейся популярностью у мужчин [10, с. 190]

Rapan — на малайском означает «кусочек доски» и используется в малайском английском как косвенное обращение к женщине с маленькой грудью. Например: «*How come you so busty-ah? I stand next to you, I look like rapan only!*» [9, с. 25]

Rorcorn — обращение (чаще косвенное) к болтливому человеку [10, с. 190], *Red Spot* — обращение к девушке, имеющей большую популярность у мужчин [10, с. 190].

Sotong — на малайском означает «осьминог» и используется в малайском английском как косвенное и прямое обращение к женоподобному молодому человеку. Во время разговора он всегда размахивает руками, подобно щупальцам осьминога.

Следующую группу типичных для малазийцев обращений составили

4. Обращения, характеризующие национальную принадлежность адресата

Например, *angmo* — на хоккиен означает «рыжие волосы» и используется как косвенное обращение к иностранцам.

Chapalang — родившийся в смешанном браке. Обращение очень оскорбительное и используется исключительно как косвенное. Например, «*I am not quite sure what she is, lah. Looks European, looks Asian, I think she's chapalang.*» [9, с. 29].

Chinaman — оскорбительное прямое и косвенное обращение к представителям китайской национальности, с грубыми неотесанными манерами, для которых жажда денег превышает всего остального. Например, «*Yee... cannot stand him-lah...real chinaman type! Always talking about making money only...!*» [9, с. 19]. *Kwailo* — на кантонском означает «человек-дьявол» и используется как косвенное обращение к иностранцам, чаще всего европейцам. *Mat Salleh* — дружелюбное обращение к иностранцам, чаще европейцам. *Orangputih* — обращение к представителям белой расы. Буквально означает на малайском «белые люди».

5. Обращения, характеризующие профессиональную принадлежность адресата

Представлены небольшим спектром, однако некоторые четко подчеркивают национальные особенности малазийцев и имеют глубокие толкования.

Class — обращение преподавателя к студентам. Например, «*Class, pass up your work now!*»

Lembu — обращение к начинающему малазийскому водителю, который занимает всю дорогу, едет на черепашьей скорости, неожиданно останавливается, хаотично меняет полосу движения, скатывается назад на подъемах, т.е. создает массу проблем для более опытных водителей. Слово 'lembu' на малазийском означает «буйвол», но связано с неопытным водителем особым номерным знаком с изображением буйвола, который новичок на дороге обязан установить на своем автомобиле.

Teacher — обращение студентов к преподавателю. Например, «*Norchet, Teacher! Norchet finish!*» groan students. [9, с. 56]

Waiter — обращение к официанту. Например, «*Waiter, can tapao all this -ah?*» [9, с. 53]

6. Обращения к другу

Или близкому знакомому также имеют свои особенности.

Brudder — эквивалент обращению к другу, приятелю «brother». Например, «Relek-lah, brudder!» Feller — эквивалент косвенному и прямому обращению к другу, приятелю «fello». Например, «That feller ah, so greedy!» [9, с. 53]

Man — «Wow... look at that woman! Glamour, man! ...» [9, с. 54]

7. Обращения-проклятия

Представлены двумя синонимичными словами.

Barsket — обращение-проклятие. Имеется предположение, что данное обращение, выражающее злобу, раздражение или негодование, является более мягкой формой обращения-ругательства 'bastard'. Например, ситуация на дороге: «Barsket! Your grandfather's road, ah!! Simply cut into my lane! Dunno how to drive, don't drive-lah!» [9, с. 17]

Bladibarsket — еще более грубое обращение-проклятие. Слово 'bladi' — малайский вариант прилагательного 'bloody'. Например, рассерженный таксист обращается к водителю: «Bladibarsket! Want to die, ah?» [9, с. 18]

8. Обращения-междометия

Имеют большой спектр вариантов и значений.

Adoi! — междометие, используемое для выражения боли, как физической, так и душевной. Например, пораженный красотой проходящей мимо девушки, молодой человек может воскликнуть: «Adooiii...lawarnya!» (О, какая красавица!)

Aiya! — междометие со значением удивления, испуга или паники. «Aiya! You so bad one! Why you say me like that? I sepak you, you know!» [9, с. 93]

Aiyo! — Обращение — междометие, используемое для придания высказыванию более эмоциональной окраски в случае гнева. Например, «Is there a meeting next week?» — «Aiyo! I don't know-lah!» [9, с. 67]

Alamak! — обращение к небесам, всевышнему. Используется для выражения разного рода эмоций — от восторга до гнева. Например, «Alamak! Forfot my wife's birthday today. Sure kena from her when I reach home!» [9, с. 93]

Amboi — обращение-междометие, используемое с целью подразнить собеседника. Обычно произносится очень мелодично. «Amboi! Why so sombong (proud)?» [9, с. 93]

Choi — обращение-междометие, используемое для отпугивания неудачи, сглаза. Например, «Choi! Why you talk like that? Soey only...» [9, с. 94]

Eh! — обращение к знакомому, коллеге, родственнику: «Eh, Rose, can do favour-ah?»

Ei! — обращение к незнакомцу, чаще всего с грубой/невежливой коннотацией. Например, «Ei.can go stanabit-ah? Your car blocking me-lah!» [9, с. 60].

Hei! — обращение к незнакомцу, чаще всего с грубой/невежливой коннотацией. Например, «Hei! What kind of driver-ah you? Kopi-o license ah?» [9, с. 60]

Ho! — обращение-привлечение внимания. «Ho!, AhLing, sit properly, will you?»

Wah! — обращение-междометие, используемое для выражения восторга. Например, «Wah! Whose photographs-ah? Give me see.» [9, с. 83]

Youknow — используемое в конце фразы или предложение, данное сочетание слов делает его более эмоционально окрашенным. «We cover up for him, you know. Save his face.» [9, с. 91]

9. Обращение-упрек

Not shy one! — обращение-упрек со значением «Как тебе не стыдно!». Например, «Why you put so much food on your plate! Not shy one!» [9, с. 86]

You so bad one! — теплое обращение-упрек, означающее «негодяй»: «Why you say me like that! You so bad one!» [9, с. 87]

Your head! — обращение-упрек, подчеркивающее отсутствие у адресата здравого смысла и означающее «думай, что говоришь». Например, «Who said so? I never said that! Your head!» [9, с. 87]

10. Обращение-угроза

Look! Policeman come! — обращение, используемое мамами по отношению к непослушным детям, когда ситуация относительно их непослушания выходит из-под контроля, особенно в общественном месте, и переводимая буквально как «Смотри, вон идет полицейский и сейчас накажет тебя». Например, «Keep quiet and finish your food! Look! Policeman come!» [9, с. 86]

11. Обращение-сочувствие

You so poor thing! — Обращение, выражающее сочувствие и переводимое как «бедняжка». Например, «I got chicken pox! Suffer like anything!» — «Huh? Chickenpox? You so poor thing!» [9, с. 87]

12. Обращение, подчеркивающее отношение к адресату:

antilog — обращение (чаще косвенное) девушки к мужчине, которого она ненавидит [Said and Ng, цитируется по 10, с. 190]

13. Нулевое обращение

Среди близких друзей и знакомых принято использование нулевых обращений. Например, в диалоге двух друзей:

Friend A: «Can do me a favor-ah?»
 Friend B: «Can.»
 Friend A: «Can send me to the bus station or not?»
 Friend B: «Can, can. Wattaim?» [9, с. 63]

Нулевое обращение может быть использовано для выражения гнева. Например, разгневанный автолюбитель обращается к пешеходу, переходящему дорогу в неположенном месте: «Move aside, will you? Your grandfather's road -ah?» [9, с. 80]

14. Обращение-приветствие

Наиболее ярко, на наш взгляд, передает особенности культуры и быта малазийцев.

Aramasam? — Приветствие, общепринятое в малайском со значением «Что нового?», прочно укоренилось в малайском варианте английского языка со значением «How are you?/»How are the things?», означающем вежливое обращение к другу в качестве приветствия.

Goingwhere? — Когда малазиец видит соседа или друга, покидающего свой дом, он поприветствует его с помощью выражения 'pergimana?' (что в переводе с малайского буквально означает «Куда идешь?»). Таким образом,

используя обращение-приветствие «Goingwhere?» малазиец отнюдь не проявляет любопытство относительно пути вашего следования, а всего лишь обращается к вам в знак приветствия.

Makan awready ah? — Данное обращение-приветствие построено по аналогии с китайским, когда при встрече с другом, знакомым, китаец спросит, поел ли его адресат. Ответ адресанта не интересует, так же как никому не интересен ответ на вопрос «Hi, how are you!», используемый в качестве обращения-приветствия среди американцев и англичан — данное обращение лишь вариант поприветствовать друга, знакомого или родственника.

Sohow? — еще один способ обратиться к человеку с приветствием на малайском варианте английского языка. Эквивалентен обращению-приветствию «How are you?». Например, «Hi! Long time no see! So how?» [9, с. 69].

Итак, мы рассмотрели лишь небольшую часть обращений в малазийском варианте английского языка. Однако даже не столь подробная, но типичная именно для малайской культуры система обращений позволяет сделать общий вывод относительно роли обращений как способе передачи особенностей национальной культуры посредством английского языка. Например, типичное для всего англоговорящего мира обращение -приветствие «Hi, howareyou» нашло замену в малазийском английском вопросами о том, не голоден ли адресат или куда он идет. Многообразие обращений, характеризующих адресата как неспособного к здравому мышлению, говорит о стремлении малазийцев быть не только обладателями всего материального (явление киацуизма), но и духовно развитыми. При этом спектр оттенков одного и того же обращения — от оскорбительного до шуточного — позволяет обыграть любую ситуацию. Исходя из обилия обращений, подчеркивающих любопытство, можно также предположить, что представители Малайзии очень любят проявлять интерес ко всему окружающему. Ставшие всемирно известными обращение auntie, обращения-междометия — подтверждение роли обращений в частности, и английского языка в целом в обеспечении возможности передачи и сохранения особенностей национальной культуры посредством английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kachru B. Resources for research and teaching // World Englishes 2000: Selected Papers Presented at the Third International Conference on World Englishes, held at the East-West Center in Honolulu. Dec. 19–21, 1996. / Ed. By L. Smith&M. Forman. — Honolulu: College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997. — P. 68–89
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Малайзия>, accessed July 30, 2018
3. Прошина З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии. Монография. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — 476 с.

4. Вежбицкая, А. Японские культурные сценарии: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Язык. Семиотика. Культура. Малая серия. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 159–165
5. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая // Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии (1739–1758). М., Изд-во Академии Наук СССР, 1952.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова — М: Советская энциклопедия, 1966. — 908 с.
7. Курилова, К. А. Обращения в современном китайском языке. К вопросу о речевом этикете китайцев. Учебное пособие / К. А. Курилова — Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999. — 280 с.
8. Lee, Su Kim. Manglish. Malaysian English at Its Wackiest. — Singapore: Times Books International, 2005. — 109 p.
9. Lee, Sarah and Shanmuganathan, Silaavathi. Cultural conceptualizations of English Aunty in urban Malaysia. // World Englishes & Multilingual Realities. Evolutions, Interfaces, and Trajectories. Materials of the 23d Annual Conference of the International Association for World Englishes. Aneteo de Manila University, Philippines, May 31 — June 2, 2018. — pp. 44–45
10. Kachru, Yamuna and Nelson Cecil L. Asian Englishes Today. WorldEnglishes in Asian Contexts. Hong Kong University Press, 2006. — 412 p.

© Ильина Светлана Сергеевна (svilyina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ПУТИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЫБОР ЯЗЫКА-ПОСРЕДНИКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОВМЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

THE WAYS OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION AND THE CHOICE OF A LINGUA FRANCA FOR JOINT RESEARCH

N. Kondrashova

Summary. The article deals with the problem of international educational and research cooperation. The strategies of joint teaching and research are formulated, and the problem of a lingua franca choice during this interaction is brought forth. The author insists on the choice of the Russian language as a mediator in international scientific and educational communication and offers various ways of introducing the Russian language into the world scientific and educational space.

Keywords: international cooperation, joint international research, joint curricula, lingua franca, the Russian language.

Кондрашова Наталья Владимировна

*К.п.н., доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
nvkondrashova@mail.ru*

Аннотация. В статье освещается проблема международного образовательного и научно-исследовательского сотрудничества. Автором определяются пути совместной обучающей и научно-исследовательской работы, а также поднимается вопрос определения языка-посредника при её проведении. Настаивая на выборе русского языка в качестве посредника при межнациональной научно-образовательной коммуникации, автор предлагает различные пути внедрения русского языка в мировое научно-образовательное пространство.

Ключевые слова: международное сотрудничество, совместные международные исследования, совместные программы, язык-посредник, русский язык.

В настоящее время одной из стратегических линий развития науки является ее интернационализация, осуществляемая в процессе международного сотрудничества ученых. С тенденцией интернационализации тесно связана тенденция глобализации науки, т.е. «такое её развитие, в результате которого национальные границы утрачивают свое значение» [2, с. 85].

В соответствии с данными направлениями развития общества в целом и науки в частности образовательные системы всех стран становятся всё более открытыми миру. Одной из приоритетных задач вузов России является установление и укрепление научных связей с университетами и научно-исследовательскими учреждениями других стран. В связи с этим составляются различные программы совместных международных исследований, целями которых являются разработка новых продуктов и технологий, развитие инноваций, привлечение наиболее перспективных студентов, магистрантов, аспирантов, учёных-исследователей и преподавателей, интеграция российского образования и науки в единое мировое информационное и научно-образовательное пространство.

Можно определить следующие перспективные направления международного сотрудничества в образовательной и научно-исследовательской сферах:

- ◆ установление международного научно-образовательного партнёрства, т.е. создание посто-

янных международных контактов как база совместной учебной и научно-исследовательской деятельности;

- ◆ разработка и реализация совместных образовательных программ;
- ◆ интенсификация академической мобильности — организация образовательных студенческих обменов, дающих российским студентам опыт учебы и работы в других странах и тем самым совершенствующих профессиональные компетенции и метакомпетенции студентов, а также обеспечивающих им доступ к новейшим мировым достижениям. Академические обмены вносят также огромный вклад в формирование личностных и социальных компетенций будущих учёных и создают оптимальные условия для подготовки профессиональных кадров, готовых к постоянному самосовершенствованию и способных эффективно работать в изменяющихся условиях глобального рынка;
- ◆ обмен опытом в сфере образовательного менеджмента в целях совершенствования сотрудничающих субъектов образования;
- ◆ повышение квалификации научно-педагогического состава сотрудничающих вузов на международном уровне, т.е. разработка и реализация интернациональных программ, знакомящих пре-

- подавателей высшей школы с новейшими мировыми достижениями в областях их исследований;
- ◆ интенсификация мобильности профессорско-преподавательского состава: организация работы с представителями зарубежных вузов по чтению лекций и проведению семинаров в России, увеличение доли в российских вузах иностранных профессоров; обмен преподавателями; стажировки преподавателей в зарубежных университетах;
 - ◆ активное участие профессорско-преподавательского состава в международных конференциях, симпозиумах, конгрессах и иных научных и научно-практических мероприятиях с последующей публикацией докладов в соответствующих отечественных и иностранных изданиях;
 - ◆ сотрудничество с научными журналами зарубежных вузов-партнеров в целях установления международного информационного обмена и расширения возможностей представления собственных достижений за рубежом;
 - ◆ внедрение программы двух дипломов и двойных магистратур, и аспирантур (системы совместного научного руководства магистрантом или аспирантом при подготовке диссертации);
 - ◆ создание международных научно-исследовательских лабораторий и реализация совместных научно-исследовательских программ. Использование опыта каждого из сотрудничающих вузов оптимизирует исследовательскую работу, а также расширяет рынок предложения продукта этой деятельности.

Таким образом, организация международной деятельности вуза может осуществляться на двух уровнях:

1. Образовательная деятельность.
2. Научно-исследовательская деятельность.

Оба уровня очень тесно связаны друг с другом: с одной стороны, учащимися являются и студенты, и преподаватели (стажировки, повышение квалификации и пр.), с другой стороны, студенты уже на ступени бакалавриата могут включаться в НИР.

Как известно, базовой составляющей любого сотрудничества является коммуникация. В рассматриваемом нами вопросе международного сотрудничества на каждом из его уровней важным элементом является межкультурная коммуникация. В случае межкультурной коммуникации проблему всегда составляет выбор языка-посредника, наиболее приемлемого при проведении совместной работы.

Значимость английского языка как международного не вызывает никаких сомнений. Всем известно, что сей-

час в интернациональном сотрудничестве приоритет отдаётся английскому языку как посреднику. Однако, говоря о совместной работе на базе российского вуза и о включении зарубежных партнёров в русскоязычное образовательное и научно-исследовательское пространство, необходимо подчеркнуть важность русского языка.

Русский язык является одним из самых распространенных языков мира, одним из официальных языков ООН, государственным языком Российской Федерации и, тем самым, средством межнационального общения народов РФ, а также средством общения государств-участников СНГ и стран Балтии. Долгое время русский язык был одним из наиболее изучаемых языков мира, однако в 1990-е годы он заметно сдал свои позиции, что привело к значительному сокращению масштабов его изучения за рубежом. Вместе с этим снизился и образ России и русской культуры в современном мире. Именно поэтому сохранение и укрепление позиций русского языка в мире рассматривается нами как фактор национального укрепления. Внедрение русского языка в международное образовательное и научно-исследовательское пространство может существенно помочь в этом, ведь «позиция любого языка в современном мире поддерживается его местом в системе образования» [1, с. 5]. Всемирное распространение русского языка, выполнение им дополнительно к своим национальным функциям функций языка-посредника в глобальной образовательной и научной сферах ведёт к укреплению статуса страны в целом.

Следует подчеркнуть, что знания, получаемые студентом-иностранцем в российском вузе, изначально «оформлены» на русском языке, и подача этих знаний на другом языке ведёт к обеднению, а может быть, и к искажению подаваемой информации. Эта проблема особенно обостряется в том случае, если язык-посредник является неродным для обоих участников образовательного или научно-исследовательского сотрудничества. Кроме того, передавая на другом языке знания, принципиально существующие на русском языке, мы искусственно занижаем ценность этих знаний.

Можно наметить следующие пути внедрения русского языка в программы международного вузовского взаимодействия:

- ◆ создание разного рода курсов русского языка как иностранного для различных целевых аудиторий: интенсивные краткосрочные курсы при внедрении совместных программ, долгосрочное комплексное и поаспектное углублённое изучение русского языка (начиная с курса фонетики и заканчивая курсом русского языка для специальных целей), «летние школы», дистанционное обучение и др.;

- ◆ организация международных олимпиад и конкурсов по русскому языку, стимулирующих интерес иностранцев к изучению русского языка, русской литературы и культуры;
- ◆ повышение квалификации иностранных преподавателей русского языка на базе российских вузов;
- ◆ разработка открытых курсов лекций по различным специальностям на русском языке для иностранных студентов и преподавателей;
- ◆ совершенствование механизма обменных семестров между российскими и зарубежными вузами с «погружением» иностранных студентов в русскоязычное образовательное пространство;
- ◆ реализация двойных программ магистратуры и аспирантуры на русском языке с предварительным и сопутствующим изучением иностранными магистрантами и аспирантами русского языка с последующей защитой диссертации на русском языке.

Все эти формы работы требуют широкого использования новых технологий преподавания русского языка как иностранного, в первую очередь, дистанционных технологий, информационно-коммуникационных техно-

логий, on-line методик с привлечением ресурсов социальных сетей.

Занимаясь профессиональной подготовкой иностранных граждан на русском языке, российский вуз и государство в целом:

1. повышает свой международный имидж и мировое влияние через подготовку интеллектуальной силы для зарубежных стран и распространение своей культуры и языка, ведь в этом случае русский язык является для иностранных студентов не только средством общения, но и инструментом, обеспечивающим их участие в общемировом научно-техническом, профессиональном и культурном развитии [1, с. 11];
2. подтверждает качество и востребованность своего образования и тем самым повышает свою конкурентоспособность;
3. готовит благоприятную почву для решения экономических и социальных вопросов в будущем. Таким образом, международное сотрудничество на русском языке-посреднике выходит далеко за рамки решения внутривузовских задач, оно приобретает государственную политическую и экономическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик — Мн., 2011. — 309 с.
2. Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Международная деятельность вуза как средство интернационализации вузовской науки // Успехи современного естествознания. — № 12. — 2007. — С. 63–65.
3. Русский язык — общечеловеческий код культурного содружества и исторической взаимосвязи // Материалы Научно-педагогического собрания преподавателей русского языка государств-участников СНГ и стран Балтии (4–5 октября 2013 г.) / Отв. редактор С. В. Лапшин. — Ульяновск: УлГПУ, 2013. — 192 с.
4. Стратегический менеджмент вуза / А. Л. Гавриков, В. А. Исаев, Т. А. Каплунович и др. Под ред. А. Л. Гаврикова. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. — 328 с.

© Кондрашова Наталия Владимировна (nvkondrashova@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫК» И «КУЛЬТУРА РЕЧИ» В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИХ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

THEMATIC CONNECTIONS OF THE CONCEPTS «LANGUAGE» AND «MANNER OF SPEECH» IN SCIENTIFIC RESEARCH AND THEIR VISUALIZATION

**R. Krasnov
V. Blagin**

Summary. The purpose of this article is to establish, interpret and visualize relevant international research trends, in which the philological constructs «language» and «culture of speech» stand apart. As a task, a map of the thematic links of the concepts under study is designated on the basis of publications indexed in the scientometric Scopus database. The hypothesis that these philological objects of research are multidisciplinary and extremely relevant at the moment is fully confirmed. Within the framework of the proof of the hypothesis, the methodology of mapping science (VosViewer software), which has become widespread in the science of science in the last 5 years, has been used. The study is based on the method of constructing and analyzing mental maps (science maps). As a result, maps of requests and thematic clusters are constructed, connections and interdisciplinary interactions of the presented concepts are characterized.

Keywords: language; manner of speech; philology; Scientific research; mapping science, thematic explication, research front, VosViewer.

Систематизация современных знаний возможна только за счет функционирования языка, который является универсальным методом познания и функционирования реальности, а также обуславливает необходимость формирования междисциплинарных связей. Конечно, наиболее тесные связи сложились между лингвистикой и социогуманитарными науками, однако в текущих условиях цифровой экономики актуальность отношений с другими отраслями только увеличивается [7]. Основой таких взаимодействий являются «язык» и «культура речи», которые по существу являются основополагающими конструктами современного мира в целом и филологической науки в частности [4].

В связи с чем появляется возможность анализа распространения данных понятий в различных научных исследованиях как филологических, так и в технических, биологических, медицинских и других. Оценка взаимодействия исследуемых дефиниций позволит рассмотреть сформированные на их основе исследовательские фронты (наиболее востребованные и цитируемые научные на-

Краснов Роман Валерьевич

*К.филол.н., доцент, Уральский государственный
экономический университет
krasnovrv@usue.ru*

Благинин Виктор Андреевич

*Директор, Центр наукометрии и рейтинговых
исследований, Уральский государственный экономический
университет
v.a.blagin@usue.ru*

Аннотация. Целью настоящей статьи является установление, интерпретация и визуализация актуальных международных исследовательских направлений, в которых особняком стоят филологические конструкты «язык» и «культура речи». В качестве задачи обозначается построение карты тематических связей исследуемых понятий на основе публикаций, индексируемых в наукометрической базе данных Scopus. Гипотеза, состоявшая в том, что данные филологические объекты исследования мультидисциплинарны и крайне актуальны на текущий момент, полностью подтверждена. В рамках доказательства гипотезы использована методология картирования науки (программное обеспечение VosViewer), получившая распространение в наукометрии в последние 5 лет. Исследование реализовано на основании метода построения и анализа ментальных карт (карт науки). В результате, построены карты запросов и тематических кластеров, охарактеризованы связи и междисциплинарные взаимодействия представленных понятий.

Ключевые слова: язык; культура речи; филология; научные исследования; картирование науки, тематическая экспликация, исследовательский фронт, VosViewer.

правления [1]). В достижении данной цели и выявлении коллаборационных связей между представленными объектами и другими научными направлениями в настоящем исследовании была использована методология картографирования науки на основе «сцепки» слов и словосочетаний на их основе, присутствующих в названии («Title»), аннотациях («Abstract») и ключевых словах («Keywords») последних публикаций, представленных в международной наукометрической базе данных Скопус. Вследствие построения карт становится возможным как определение точек пересечения границ смежных между собой и тематически отдалённо расположенных друг от друга наук, так и выявление наиболее актуальных тематических направлений на сегодняшний день в рассматриваемых областях.

Построение карт возможно с использованием программного продукта VOSviewer [2]. Данный инструмент совсем недавно получил свое распространение в наукометрии и работает на стыке наукометрического и филологического анализа. Логика формирования карты

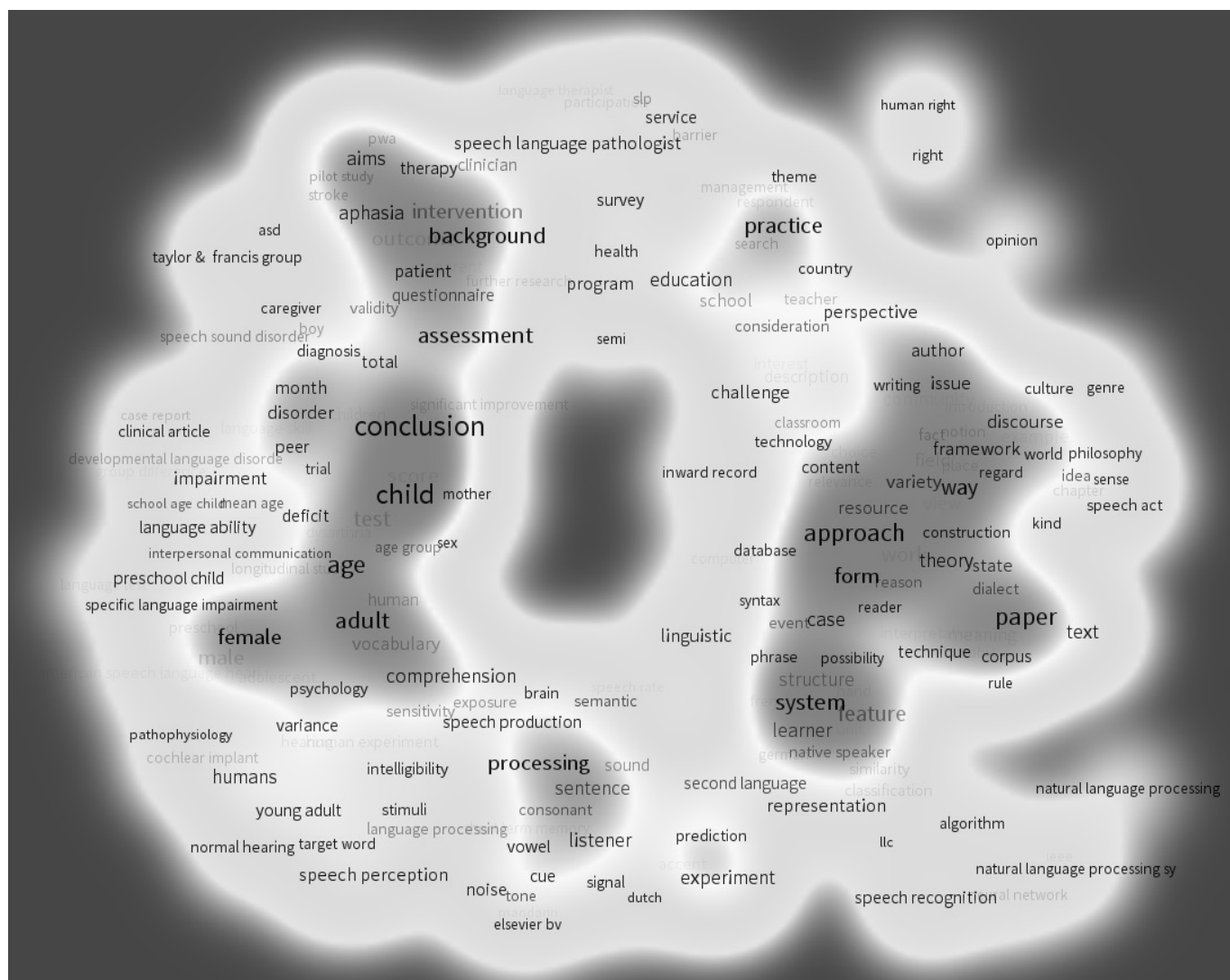

Рис. 2. Тепловая тематическая карта связности дефиниций «язык» и «культура речи» с исследованиями из другой научной области

При этом мы можем наблюдать и другие научные отрасли, а филологические конструкты при этом являются систематизирующими и всеобъемлющими. Все это формирует глубокое поле для дальнейших мультидисциплинарных научных исследований, которые доказательно являются наиболее актуальными в данное время, так как образование кластер возможно только с высокими параметрами цитируемости.

Для внесения ясности важно ввести отождествление понятий к наукам. Так «язык» скорее встроено в лингвистику, которая выступает, условно говоря, наукой в большей степени технической, ввиду концентрации внимания на закономерностях языка, его структуре, составных частях (знаках и символах), а также на разработке и совершенствовании компьютеризированных систем перевода, описании мало изученных и создании новых языков. Именно поэтому мы наблюдаем

связность этой дефиниции с программированием и высокими системами, такими как распознавание речи и виртуальная реальность. Культуру речи можно отнести к более привычной филологии, чья сущность, наоборот, больше несёт характер гуманитарности, поскольку в перечень её компетенций также условно включено: отслеживание появляющихся тенденций в направлениях модернизации языка, обеспечение полноценного развития языка с сохранением его характерных особенностей, поддержание чистоты и первоначального богатства, с целью предотвращения вымирания и оскудения [3]. Культура языка при этом становится особняком вообще любого качественного исследования. Отделить язык и его культуру крайне сложно, в связи с чем дефиниции являясь предметом смежных областей способны соприкасаться, взаимно дополнять и вносить разнообразие в тематику проводимых друг другом исследований.

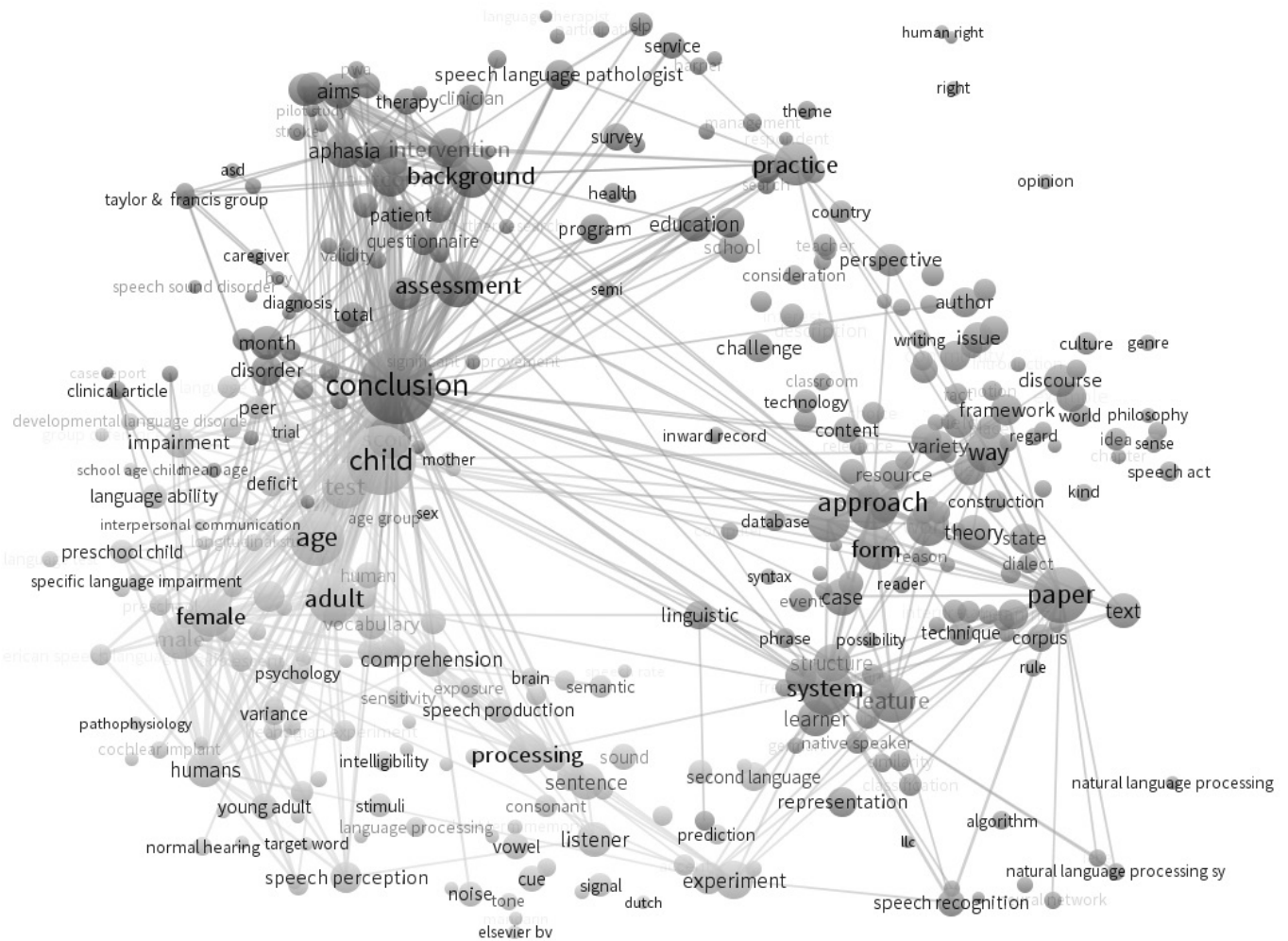

Рис. 3. Визуализация укрупненных тематических связей дефиниций «язык» и «культура речи» в зарубежных исследованиях

Если усилить параметры входа программы, для укрупнения кластеров, то остается три крайне крупных (рисунок 2). В этом случае на первый план выходят собственно филологические исследования (в них концентрация исследуемых понятий наиболее высокая).

За последние годы насчитывает крайне большое число публикаций по корректности языка в исследованиях, правильности написании и подходах к отражению результатов научной деятельности (правая область). Особое место язык принимает для медицинской науки в вопросах нарушения речи и обучения кадров по данному направлению. Диагноз нарушения речи специалисты стали связывать не только с физиологией, но и с культурой речи и грамотностью нынешнего поколения, которое являются носителями генов языка. Врачи все больше внимания стали обращать именно филологической составляющей проблемы [6].

Как ни странно, третьей по величине научной областью связано с анализируемыми филологическими понятиями становится психология. Встречаются исследования по психолингвистике, которые сейчас на пике популярности среди ученых (рисунок 3, зеленый тематический кластер).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что филология, являясь перспективно развивающейся наукой, активно вступает в междисциплинарные исследовательские области [5], тем самым открывая для себя новые векторы развития. Данный тезис подтвержден анализом карт тематической связности основных филологических понятий «язык» и «культура речи» в публикациях, индексируемых Scopus. Определены наиболее востребованные направления взаимодействия филологической науки с другими науками, в частности обозначены точки внедрения в медицинскую, гуманитарную и информационную науки за счет характеристики связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blaginin V.A., Karkh D. A., Sulimin V. V. The role of research fronts in scientometric studies. Reports Scientific Society. 2016. № 3 (14). С. 17–19.
2. Eck N. J. van, Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping //Scientometrics. 2010. Vol. 84. № 2. P. 523–538.
3. Акоев М. А. Картирование науки и технологии, прогноз развития. Книга «Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии» Thomson Reuters. Екатеринбург, 2014. С. 164–184.
4. Булавина М.А. К вопросу об инновационном потенциале дисциплины «русский язык и культура речи». Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 1. С. 77–82.
5. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Теория, история языка и прикладная лингвистика на факультете филологии и журналистики: прошлое и настоящее. Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2006. № 1–2.
6. Кадырова Л.И., Горобец Е. А., Токарева Н. В., Фасхутдинова А. Т. Искажение грамматических конструкций при пересказе связного текста больными с моторной афазией. «Филология и медицина». Материалы научной конференции. 2014. С. 13–23
7. Полякова Р. И. Курс по выбору «русский язык и культура речи»: актуальность, проблемы, перспективы. Педагогические науки. 2012. № 1. С. 99–102.

© Краснов Роман Валерьевич (krasnovrv@usue.ru), Благинин Виктор Андреевич (v.a.blaginin@usue.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЦЕННОСТИ «ИНДИВИДУАЛИЗМ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ ГЕРОЕВ ПОПУЛЯРНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМОВ

INDIVIDUALISM VALUE IDENTIFICATION IN COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF CHARACTERS OF POPULAR AMERICAN MOVIES

**D. Osipov
N. Fedotova**

Summary. «Individualism» is one of the core values in the communicative behavior of the US citizens. It can be presented in all aspects of the daily life of the Americans. The article reveals the interpretation of this value implementing lexical and semantic analysis. The authors provide their methodology for identifying values in communicative behavior of characters in popular American movies. The article also tries to determine the relationship between the popularity of movie and the value priorities of US citizens.

Keywords: communicative behavior, values of society, individualism value, independence value, core values, self-identity, communicative culture, communicative style.

Осипов Даниил Владимирович

К.филол.н., ФГБОУ ВО

«Астраханский государственный университет»

daniio@yandex.ru

Федотова Наталья Сергеевна

К.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», кафедра английского языка для

экономических специальностей

Аннотация. Ценность «индивидуализм» является одной из базовых в коммуникативном поведении граждан США. Она может находить отражение во всех аспектах повседневной жизни американцев. В статье раскрывается содержание данной ценности посредством применения лексико-семантического анализа, приводится авторская методика выявления ценности в коммуникативном поведении героев популярных американских фильмах, а также высказывается предположение о связи между популярностью кинопродукции и ценностными приоритетами граждан США.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, ценности общества, ценность «индивидуализм», ценность «независимость», ядерные ценности, самоидентификация, коммуникативная культура, коммуникативный стиль.

Ценности общества оказывают влияние на выбор людей в пользу того или иного произведения литературы, музыкальной композиции, фильма, что и делает их популярными среди большинства; также предполагается, что завоевавшие известность произведения массовой культуры будут воздействовать, трансформировать и видоизменять ценности общества.

В статье рассматривается одна из ключевых или ядерных ценностей американцев — «индивидуализм». Она отражается в разных аспектах коммуникативной культуры: от частотного употребления *I* — «я», стремления к самостоятельному принятию решений, индивидуального соперничества до расстояния между собеседниками в личной и социальной зонах [Althen 2003: xxviii].

Выбор именно кинопродукции для анализа актуализации ценности «индивидуализм» обусловлен широким распространением и популярностью американских фильмов, что облегчает процесс выявления данной ценности; к тому же в коммуникативном поведении героев американских фильмов как носителей этой культуры будут отражаться именно ядерные ценности самих американцев. В исследовании берется ряд кассовых фильмов последнего десятилетия (2008–2017).

Актуальность исследования обусловлена тем, что роль и влияние американцев в современном мире остается достаточно значимыми, следовательно, их система ценностей прямым или косвенным образом будет воздействовать на системы ценностей других наций. Американская кинопродукция является самой популярной в мире и представляет один из каналов распространения ценностей американцев. Сама система ценностей — одна из сложных категорий межкультурной коммуникации, в настоящее время остается много вопросов о механизмах взаимовлияния и взаимодополнения ценностей.

Лексико-семантический анализ дефиниций

В ходе исследования содержание ядерной ценности «индивидуализм» было раскрыто посредством лексико-семантического анализа определений *individualism*, фиксируемых в американских толковых словарях [AHD, CDAE, MWOD, OAAD]. Следует отметить, что содержание ценности, установленное только по словарям, является неполным (даже современные словари не отмечают все изменения дефиниций), но позволяет выделить ключевые смыслы и основные

признаки, разделяемые большинством. Основная дефиниция взята из словаря Cambridge Dictionary of American English [CDAE], так как в этом словаре даны краткие определения, которые близки американцам. В процессе сравнения дефиниций по остальным вышеперечисленным словарям выделяются признаки ценности «индивидуализм», которые указываются ниже. В ходе анализа определений ставится задача по выявлению ключевых слов и сочетаний по ценности, которые применяются для ее идентификации в популярных американских фильмах. На основании анализа дефиниций, ключевых слов и сочетаний формируется ассоциативный ряд по ценности, который можно применить для поиска взаимосвязей данной ценности и других ядерных ценностей американцев.

Ценность **individualism** («индивидуализм») — *the idea that each person should think and act independently...* [CDAE] — «представление о том, что каждый человек должен думать и действовать независимо». Ключевой семантический признак *think and act independently*, который отмечается во всех вышеперечисленных словарях. Дополнительные признаки:

- ◆ belief in the primary importance of the individual and in the virtues of **self-reliance** and **personal independence** — «вера в первостепенную значимость индивида, а также его самостоятельность и личную независимость»;
- ◆ the quality of being **different** — «то, что отличает тебя от других»;
- ◆ the belief that individual people in society should have the right to make their **own decisions** — «вера в то, что каждый человек в обществе обладает правом принимать собственные решения»;
- ◆ **freedom** from government regulation in the pursuit of a person's economic goals — «свобода человека в достижении своих экономических целей и невмешательство в эти процессы государства»;
- ◆ **interests of the individual** should take precedence over the interests of the state or social group — «приоритетность интересов индивида над интересами государства и социальной группы».

Ключевые слова и сочетания: think and act independently, self-reliance, personal independence, quality of being different, importance of individual, own, interests of the individual, self-interest.

Ассоциативные поля: independence, freedom, individual character, individual characteristic, individual peculiarity, individuality, individualist, identity, uniqueness, person, private, self, selfness, single.

Ключевые слова и сочетания, а также слова, которые входят в ассоциативное поле служат средствами иден-

тификации ценности «индивидуализм» в американских фильмах.

Ассоциативный ряд ценности «индивидуализм» может быть дополнен связью с ценностями «независимость» и «свобода»: *personal independence* — «личная независимость», *freedom from government regulation* — «свобода от вмешательства государства» [AHD]. Ключевым качеством свободного и независимого человека является право принимать собственные решения — *right to make their own decisions* [MWOD]. В синонимических рядах слов *individualism* и *independence* присутствует слово *self* и его составляющие: *selfhood*, *selfness*, *self-reliance*, *self-sufficiency*, *self-rule*. В американском английском более сотни слов с префиксом *self*. На основе анализа определений, синонимических и ассоциативных рядов можно сделать вывод о взаимосвязи ценностей «индивидуализм» и «независимость» и рассматривать их вместе как *individualism-independence*.

Данная ценность является одной из самых важных для американцев, американская культура часто определяется как «Я-культура», в которой интересы индивида стараются ставить выше интересов общества или крупной группы людей. В фильмах сначала пытаются найти решение как спасти человека или небольшую группу людей, хотя жертвами могут оказаться сотни и даже тысячи человек. Например, в «Мстителях: Война бесконечности» Ванда не готова пожертвовать жизнью Вижина, хотя на кону жизни половины жителей Земли.

С самого детства американцы учатся принимать самостоятельные решения и отвечать за свой выбор — «be responsible for their own situations in life, ... for their choices...» [Althen 2003:5]. Родители учат детей независимости — «be as separate individuals» [Althen 2003:5], полагаться при реализации целей прежде всего на себя, постоянно совершенствоваться. По окончании школы, подростки стремятся жить самостоятельно, они не хотят быть привязанными к родителям «*tied to their mother's apron string*» [Althen 2003:7]. Следует подчеркнуть, что американцы считают себя самостоятельными и независимыми, они воспринимают представителей других лингвокультур с этой же позиции, поэтому, могут возникать конфликтные ситуации, если обе стороны диалога не обладают фоновыми знаниями о культурах друг друга. Свобода личности и личного выбора для американцев имеет сильную позитивную коннотацию: «*You'll have to decide that for yourself, if you don't look out for yourself, no one else will*» — «Ты должен решить это для себя, если ты не позаботишься о себе, никто этого не сделает». Индивидуализм тесно связан с конкуренцией, которая пронизывает американское общество, конкурсы, игры проводятся с целью развития этого духа конкуренции [Althen 2003:13]. В фильмах герои

также постоянно конкурируют друг с другом и стараются продемонстрировать совершенство навыков: Гимли и Леголас в военном мастерстве («Властелин колец»), Звездный Лорд и Енот в управлении кораблем в поясе астероидов («Стражи Галактики»).

На основе анализа дефиниций по американским толковым словарям, а также описания качеств американцев по книгам об их образе жизни можно сделать следующие выводы об их индивидуализме:

- ◆ каждый человек уникален;
- ◆ каждая человеческая жизнь ценна;
- ◆ человек свободен в своем выборе (американская культура пронизана духом свободы);
- ◆ человек способен достичь всего, к чему стремиться, если будет развивать себя.

Вышеуказанные составляющие понятия «индивидуализм» также учитываются при анализе популярных фильмов для выявления в них ценности «индивидуализм-независимость».

Методика выявления средств идентификации ценности «индивидуализм»

Разработанная методика по выявлению ценностей в фильмах опирается на работы по коммуникативному поведению И.А. Стернина и Ю.Е. Прохорова. В модели учитываются такие оставляющие как *коммуникативная культура, коммуникативная ситуация, коммуникативный поступок, коммуникативный стиль, невербальные символы*.

На **первом этапе** анализируется *коммуникативная культура* — компонент национальной культуры, в котором основное внимание акцентируется на коммуникативном поведении народа [Прохоров, Стернин 2007:43]. Учитываются параметры места (сама коммуникативная культура, в которой развивается ситуация), время (период, когда происходит коммуникация: год, эпоха), язык и религия, если последняя упоминается в фильме и является важной составляющей. В настоящей статье анализируются фильмы, выпущенные американскими киностудиями, следовательно, их сценарии так или иначе были адаптированы под американского зрителя и несут в себе компоненты американской коммуникативной культуры. На данном этапе анализа можно выдвигать гипотезу о наборе ценностей, фиксируемых в фильме (в данном исследовании — ценность «индивидуализм»).

На **втором этапе** рассматривается *коммуникативная ситуация* — социальная среда, где проявляются модели поведения человека в ходе его взаимодействия с другими людьми. На данном этапе исследователь очер-

чивает ценности, правила, нормы коммуникативного поведения американцев.

На **третьем этапе** анализируется вербальная и невербальная коммуникация, *коммуникативный стиль* — некая стандартизированная манера взаимодействия представителей одной нации [Althen 2003:33(67); Куликова 2006]. При анализе коммуникативного стиля отмечается длина фраз (американцы предпочтительно обмениваются короткими фразами), паузы между репликами (они будут максимально короткими), даже темы-табу, от которых уклоняется собеседник. Стиль общения американцев — «баскетбол», вербальные и невербальный каналы коммуникации играют одинаково важную роль, слова воспринимаются фактически (прямое значение, а потом уже переносное) и эмоционально [Barnlund 1989:25]. В коммуникативном стиле отражается система ценностей. Стиль общения «баскетбол» несет в себе черты индивидуализма — каждый игрок, соперничая с другими, определенное количество времени обладает мячом.

На **четвертом этапе** коммуникативное поведение разбивается на минимальные единицы — *коммуникативные поступки*. Для удобства фиксации коммуникативных поступков удобно использовать скрипт фильма. На данном этапе анализируется вербальное и невербальное коммуникативное поведение, фиксируются слова-идентификаторы ценности, выделенные в ходе лексико-семантического анализа, а также мимика, жесты, частотность фраз, положение в пространстве, которые также способствуют выявлению той или иной ценности.

На **пятом этапе** происходит синтез информации: на основе зафиксированных слов-идентификаторов и коммуникативных поступков с элементами невербального поведения отмечаются выявленные ценности (в данном случае ценность «индивидуализм») и средства их идентификации. По результатам проделанного анализа и синтеза информации можно сформировать коммуникативный стандарт — усредненную модель коммуникативного поведения, в которой отражены нормы, традиции, ценности народа или этнических групп [Прохоров, Стернин 2007:47].

Фильм «Аватар», который вышел на экраны в конце декабря 2009 года, приводится в качестве примера анализа по описанной выше методике. Это один из самых популярных фильмов за всю историю с рейтингом IMDb 8.4 и кассовыми сборами более 2.78 млрд. долларов (данные с веб-сайтов boxofficemojo.com и imdb.com).

Действия фильма проходят на планете Пандора, где крупная корпорация добывает ценный минерал, а параллельно группой ученых проводятся исследования

уникальной флоры и фауны планеты. Главный герой — бывший морской пехотинец Джейк Салли, прикованный к инвалидному креслу, прилетает сюда с Земли. Ему предстоит научиться управлять телом-аватаром, которое является генетической копией одного из разумных видов планеты, а также убедить племя, живущее недалеко от крупных залежей минерала, переселиться в другое место. В процессе общения с представителями племени он убеждается, что природа планеты неповторима, а добыча минерала уничтожает ее. Единственный способ спасти планету — поднять восстание против корпорации.

Джейк Салли — образ героя-одиночки, который типичен для американского кинематографа: Бэтмен («Темный рыцарь»), Арагорн («Властелин колец»), Джин Эрсо («Изгой-один: Звёздные войны. Истории»), Питер Паркер («Человек паук»), Китнисс Эвердин («Голодные игры»).

Фильм — отражение американской коммуникативной культуры, по краткому содержанию можно предположить, что ценности «индивидуализм», «независимость», «свобода» будут выявлены в ходе его анализа. Действия (коммуникативная ситуация), описанные в фильме, происходят в будущем, но проблемы, которые поднимает фильм — актуальны в наше время.

Стиль общения героев — короткие фразы с небольшими паузами между ними («баскетбол»).

GRACE
How much link time have you logged?
NORM
Five hundred and twenty hours.
JAKE
Like — an hour.
GRACE
Tell me you're joking.
JAKE
Don't! I got this.

В процессе анализа вербального коммуникативного поведения было отмечено, что конструкции с местоимением *I* (своего рода репрезентации ценности «индивидуализм») употребляются 231 раз, а конструкции с местоимением *we* — 96 раз.

Look, you chose me for somethin'. And
I'll stand and fight, you know *I* will.
But *I* could use a little help here.

Анализ средств идентификации ценности «индивидуализм» позволил также выделить следующие:

- ◆ Цель достигается в борьбе и в преодолении себя, когда можно рассчитывать только на свои силы.

«Jake: «*I told myself I could pass any test a man can pass*». — «*Я дал себе зарок, что преодолею любые трудности, которые только способен преодолеть человек*». Джейк произносит эту фразу на пути к Пандоре. Он понимает, что и здоровому человеку находится на этой планете нелегко, но он готов преодолевать трудности. Это своего рода обещание самому себе.

- ◆ Индивидуализм проявляется в заботе о самом себе, стремлении ставить свои интересы выше остальных.

«Quaritch: «*...— I take care of my own. Get me what I need*». — «*...— Я забочусь о себе. Дай мне, что мне нужно*». Полковник Кворитч отправляется на планету Пандора с целью заработать на безбедную старость, чем быстрее будет выполнено задание по выселению племени с мест залегания ценного минерала, тем быстрее он отправится домой с крупной суммой денег. Лексема *own* и местоимение *I* подчеркивают личную заинтересованность полковника. У каждого свои цели — и в этом также отражается ценность «индивидуализм».

- ◆ Самостоятельное принятие решений и ответственность за них.

Джейк решает приручить огромную птицу, чтобы вместе с На'ви противостоять вооруженному подразделению полковника Кворитча. Он понимает опасность своих действий, ведь эту птицу удалось приручить лишь однажды, и решается на эту миссию в одиночку.

Ценность «индивидуализм» проходит через весь фильм, наглядно отражается в коммуникативном поведении как главного героя, так и остальных персонажей.

Таким же образом были проанализированы десять самых популярных фильмов в США по кассовым сборам за период с 2008 по 2017 год: «Красавица и чудовище» (2017), «Изгой-один: Звёздные войны. Истории» (2016), «Звёздные войны: Пробуждение силы» (2015), «Снайпер» (2014), «Голодные игры: И вспыхнет пламя» (2013), «Мстители» (2012), «Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть II» (2011), «История игрушек 3» (2010), «Аватар» (2009), «Темный рыцарь» (2008).

Во всех этих фильмах в коммуникативном поведении героев отражается ценность «индивидуализм». Каждый из главных героев уникален, проявляет упорство в достижении цели, принимает трудные самостоятельные решения, чаще действует в одиночку, но при необходимости объединяется с единомышленниками. Стоит подробнее рассмотреть фильмы «Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть II» и «Мстители». Гарри Поттер является продуктом английской лингвокультуры, тем не менее, фильм и его герои стали популярны среди американцев, что свидетельствует о том, что коммуникативное пове-

дение и отраженные в нем ценности близки американскому зрителю. Мстители — это команда супергероев, которые объединяются ради разрешения конфликтной ситуации, каждый герой вносит в группу часть своей индивидуальности. Создав тесные связи внутри своей группы, они не теряют своей личностной идентичности, тем самым доказывая, что личностная и социальная составляющие дополняют и влияют друг на друга.

Ценности общества воздействуют на взгляды, позиции и модели поведения его представителей, закрепляются в социальной, этнической и национальной идентичности. Анализ популярных фильмов последних десяти лет, проведенный посредством описанной методики, подтвердил, что ценность «индивидуализм», будучи ядерной ценностью, отражается в коммуникативном поведении героев фильмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л. В. Куликова. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 288 с.
2. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 328 с.
3. Althen, G. American Ways — A Guide for Foreigners in the United States / G. Althen. — Yarmouth: Intercultural Press, 2003. — 327 p.
4. Barnlund, Dean C. Communicative Styles of Japanese and Americans: Images and Realities / D. Barnlund. — Belmont, CA: Wadsworth, 1989.
5. American Heritage Dictionary. Режим доступа: <http://americanheritage.yourdictionary.com/>, свободный. — Заглавие с экрана. — яз. англ. — (AHD).
6. Cambridge Dictionary of American English. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>, свободный. — Заглавие с экрана. — яз. англ. — (CDAE).
7. Merriam-Webster's Online Dictionary. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/>, свободный. — Заглавие с экрана. — яз. англ. — (MWOD).
8. Oxford Advanced American Dictionary. — Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>, свободный. — Заглавие с экрана. — яз. англ. — (OAAD).

© Осипов Даниил Владимирович (daniio@yandex.ru), Федотова Наталья Сергеевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Астраханский государственный университет

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ГАЗЕТ)

THEMATIC CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS (ON THE MATERIAL OF SAINT- PETERSBURG NEWSPAPERS)

K. Parfenova

Summary. The article covers the ideographic (thematic) classification of phraseological units, as well as the features of the FU various groups functioning in journalistic texts. The frequency of the particular groups use is considered on the basis of St. Petersburg newspapers; the connection of social processes and the changes occurring in the language is analyzed.

Keywords: phraseology, phraseological unit (FU), ideographic classification of FU, journalistic style, media.

Парфенова Ксения Сергеевна

*Аспирант, Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
parfenov-277@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена идеографической (тематической) классификации фразеологических единиц, а также особенностям функционирования различных групп ФЕ в публицистических текстах. На материале газет Санкт-Петербурга рассматривается частотность употребления той или иной группы, анализируется связь общественных процессов с изменениями, происходящими в языке.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица (ФЕ), идеографическая классификация ФЕ, публицистический стиль, СМИ.

Фразеология как самостоятельная дисциплина в отечественном языкознании сформировалась сравнительно недавно (середина и конец XX столетия). Наряду с этим в ее изучении существует много нерешенных задач. Одной из основных проблем считается классификация фразеологических единиц. Типологий фразеологизмов существует великое множество, самые известные из которых связаны с именами таких ученых как А.В. Кунин, А.В. Мокиенко, которые в своих работах классифицировали ФЕ по структурно-семантическому принципу, базируясь на степени устойчивости компонентов; Л.М. Болдырев, учитывающий когнитивный компонент исследования, В.П. Жуков, использовавший в качестве анализа предложенных структур метод «фразеологической аппликации», В.Л. Архангельский, определявший отношения между компонентами фразеологизма при помощи «вариационного метода» и многие другие.

Изучение фразеологических единиц с точки зрения тематических групп, т.е. непосредственно понятий, которые они обозначают, представляется нам важным по следующим причинам. Во-первых, идеографическая классификация помогает решить проблему сущности и характера ФЕ; во-вторых, данная типология позволяет выявить синонимические и антонимические отношения и, как следствие, системные связи во фразеологическом фонте языка; и, наконец, в-третьих, опыт, накопленный в процессе классификации ФЕ, играет значительную роль при составлении идеографических фразеологических словарей [1, с. 4].

Одним из первых идеографических словарей по русской фразеологии можно считать справочник Р.И. Яранцева, который был составлен для изучения русского языка как иностранного. Составитель данного справочника утверждает следующее: «Автор пытается рассмотреть русскую фразеологию под углом зрения выражаемых ею эмоциональных оттенков, по своеобразным фразеологическим рядам» [2, с. 3]. Таким образом, все обороты Р.И. Яранцев разделяет на три тематические группы:

- 1) эмоции и чувства человека (*носить на руках, на седьмом небе, болеть душой, вбить клин и др.*);
- 2) свойства и качества характера человека (*принимать близко к сердцу, служить верой и правдой и пр.*);
- 3) характеристика явлений и ситуаций (*делать первые шаги, водить за нос и др.*).

При этом автор придерживается позиции, что «абсолютно точное распределение» ФЕ по группам невозможно: многое зависит от речевой практики и субъективной точки зрения конкретного человека, «да и сами границы эмоционально-экспрессивных рядов порой очень зыбки» [2, с. 6].

Мы сделали попытку перенести предложенную Р.И. Яранцевым классификацию на фразеологические единицы, отмеченные в современном газетном дискурсе. В силу злободневности, СМИ представляют собой

богатый источник материала для анализа, сочетая элементы различных функциональных стилей и отражая современную русскую речь непосредственно в самом процессе развития [3, с. 151]. Фразеологические обороты в публицистическом тексте выполняют две базовых функции: повышают выразительность и образность изложения, а также служат своеобразными «стандартами», выступая в качестве готовых речевых образцов.

Так, например, чтобы показать вольные действия человека, журналисты используют следующие фразеологизмы: *лепить горбатого, гнать туфту, вешать лапшу на уши*, что трактуется как «вводить в заблуждение кого-либо»; об отношении человека к чему-либо могут свидетельствовать такие единицы, как *до лампочки, по барабану, до фени*; общественную ситуацию чаще характеризуют такими фразеологизмами, как *атомные цены* — высокие цены, *закон джунглей* — ситуация, когда власть принадлежит сильнейшим и богатейшим и многие другие.

В процессе отбора материалов мы остановились на трёх изданиях Санкт-Петербурга, включая первую из российских газет «Санкт-Петербургские ведомости», а также «Вечерний Санкт-Петербург» и популярную интернет-газету «Фонтанка». Проанализировав десятки фразеологических единиц в выпусках за последние два года, мы пришли к выводу, что значительная доля ФЕ приходится на описание явлений и ситуаций, а также эмоциональное отношение человека к подобным ситуациям.

Примечательно, что среди ФЕ, связанных с самим человеком и его деятельностью, значительная часть оборотов описывает действия и поступки и, как следствие, содержит в себе глагольный компонент. В качестве примеров приведём следующие выдержки:

«Те, кто не сможет вписаться в эту систему, будут вынуждены *уйти в тень* и пополнить армию нелегальных игроков рынка» (СПВ 25.06.2018 № 111).

«Во второй четверти питерцы сократили отставание, а в третьей выдали рывок 17:2, полностью *перекрыв кислород* лидерам соперника» (СПВ 11.04.2017).

«Несколько компаний *сорвали «джек-пот»*, получив награды сразу в трех основных номинациях» (Ф 16.02.2018).

«США: Авиационная способность российского флота *висит на волоске*» (Ф 27.04.2018).

Действия, для описания которых используются ФЕ, могут быть как вольными, так и невольными, в связи с чем оказывается определённое влияние на восприятие читателя со стороны автора статьи.

В следующей категории находятся ФЕ, выражающие эмоции и чувства человека — его мнение, состояния, а также представления о чём-либо и отношение к тому или иному явлению. Например:

«По мнению чиновника, самой серьёзной *болевым точкой* в стране в части коррупции остаются госзакупки» (Ф 24.05.2018).

«Все эти хозяйственно-бытовые мелочи — лишь *верхушка айсберга* нелегкого труда социального работника» (СПВ 07.06.2018 № 101).

«Причем полностью в духе *театра абсурда* под этим окном находится рекламная вывеска приема заказов на стеклопакеты» (СПВ 03.07.2017).

Кроме того, встречаются ФЕ, указывающие не на живые объекты и абстрактные понятия. Как правило, они используются для сравнения, придания упоминаемому лицу или явлению определённых качеств и характеристик. Для примера:

«Прокладывая новые границы, победители-англичане сознательно не нарезали курдам своего государства и тем самым заложили *бомбу замедленного действия* в регионе на многие десятилетия, если не на века» (СПВ 26.02.2013 № 033).

«Впервые в истории страны к власти пришел левый политик, которого считают чуть ли не Уго Чавесом и Дональдом Трампом *в одном флаконе*» (СПВ 04.07.2018 № 118).

Наконец, выделяются фразеологические обороты, актуальные для определённых сфер употребления, будь то политика или спорт:

«Есть Дмитрий Тарасов, но он часто играет *на грани фолы*» (ВСП 13.10.2017).

Зачастую журналисты используют устойчивые общественные понятия для описания конкретной ситуации, как в примерах ниже:

«При этом вице-премьер наглядно объяснил, как происходит *утечка мозгов* из страны» (Ф 02.06.2017).

«Каким-то невероятным образом в те годы они сумели прорваться через пресловутый *«железный занавес»*» (ВСП 11.09.2017).

Таким образом, мы приходим к выводу, что идеографическая классификация акцентирует внимание на тех классах ФЕ, которые помогают охарактеризовать состо-

яние языка на современном этапе. Более того, фразеологизмы в газетном дискурсе помогают выделить и описать социальные перемены и процессы, происходящие в наиболее значимых сферах российской реальности.

Идеографическая классификация фразеологических единиц представляет определенную сложность, поскольку границы между тематическими группами размыты и один фразеологизм может быть отнесен сразу к нескольким категориям, что вполне естественно для лексической семантики. Данная типология заостряет внимание на тех классах единиц, которые характеризуют современное состояние русского языка через трендовые понятия и социальные перемены в российской реальности.

Так, Н.С. Валгина отмечает: «Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление

действительности, но и в способы выражения этого осмысления средствами языка. <...> наиболее заметными и яркими оказались процессы в лексике и фразеологии, т.е. в том ярусе языковой системы, который всегда «находился на переднем крае», где новое оказывалось мгновенным откликом на процессы, протекающие в жизни самого общества» [4].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что современные изменения в языке обусловлены именно социальными причинами [5, с. 20]. И действительно, проанализированные нами ФЕ в той или иной степени являются отражениями процессов, протекающих в обществе. Мы видим, как преобразования в общественной, политической и экономической жизни влияют на функционирование языка и отдельных его компонентов и как активно внедряются фразеологические единицы в публицистический текст для создания определённых акцентов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Морозова Е. Н. Фразеологическое поле интеллекта в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Е. Н. Морозова. — Санкт-Петербург, 1999. — 10 с.
2. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. — М.: Русский язык, 1985. — 304 с.
3. Калажожова Р. З. Публицистика как сфера употребления фразеологических единиц // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. — С. 151–153.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. — Москва: Логос, 2001. — Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm> (дата обращения: 03.08.2018)
5. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.

© Парфенова Ксения Сергеевна (parfenov-277@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

М. ЦВЕТАЕВА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ: АНАЛИЗ ТРЕХ НОВЕЙШИХ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «ТОСКА ПО РОДИНЕ»

**TSVETAeva IN ENGLISH TRANSLATION:
AN ANALYSIS OF THREE OF THE LATEST
TRANSLATIONS OF THE POEM 'LONGING
FOR THE MOTHERLAND'/'YEARNING
TO GET BACK HOME'/'HOMESICKNESS'**

**E. Pertsev
K. Julius**

Summary. The lexicon, rhythm, imagery and virtuosity of Tsvetaeva's poetry is so idiosyncratic that the translator of her works is faced with a practically impossible task: how to convey not only the content and rhythm of the original, but also the idiolectal, neologistic use of language. But it is probably exactly this which explains translators' ambition to reconstruct, in the language of translation, the perennially relevant themes which the poet raises, whilst at the same time rendering their translation as close to the original as possible. Guided by the principles of communicative-functional theory of translation, the concepts of multi-layered equivalence and communicative interchangeability, we propose in this article an analysis of three variations of translation of Tsvetaeva's poem 'Longing for the motherland'/'Yearning to get back home'/'Homesickness', which were published in the University of Edinburgh's journal 'Translation and Literature'. The article analyses the means of translating lexicon, the poem's particular features of expressive syntax, the significance of punctuation as a meaningful component of the poetic idiolect.

Keywords: Tsvetaeva, «longing for the motherland», communicative theory of translation, expressive syntax, equivalence, punctuation.

Специфичность художественного перевода заключена в способности переводчика расширить пределы **реальной референции** (реальных предметов, обозначаемых словами), перейти в сферу **идеальных моделей**, порождаемых мышлением автора текста в момент «творческого импульса» (вдохновения), и найти **знаковые формы** означающего, «но не реального, а идеального, т.е. формы текста, избранные автором исходя из индивидуального представления об их семиотической и эстетической значимости» [5, 284]. Точность реализации переводческой задачи определяется степенью достигнутой системной многоступенчатой **эквиваленции**, или, в конечном итоге, способностью сгенерировать новый текст, «предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве **коммуникативно равноценного** последнему» [6, 53].

Перцев Евгений Михайлович

*К.филол.н., доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова
empertsev@list.ru*

Джулиус Кочан

*Кембриджский университет, Колледж Гонвилль и Кай
julius.kochan@gmail.com*

Аннотация. М. Цветаева настолько своеобразна в слове, в ритмике, в образности, в виртуозности стиха, что переводчик её произведений сталкивается с практически неразрешимой задачей: как передать не только содержание и ритмику подлинника, но и индивидуально-речевое окказиональное использование языка. Но, вероятно, именно этим объясняется стремление переводчиков воссоздать на языке перевода вечные, всегда актуальные темы, которые поднимает поэт, максимально приблизив свой перевод к оригиналу. Ориентируясь на принципы коммуникативно-функциональной теории перевода, понятия многоуровневой эквиваленции и коммуникативной равноценности, мы предлагаем в этой статье анализ трех вариантов перевода стихотворения М. Цветаевой «Тоска по родине», которые были опубликованы в журнале Эдинбургского университета «Translation and Literature». В статье рассматриваются способы перевода лексики, особенности экспрессивного синтаксиса стихотворения, значимость пунктуации как смыслового компонента поэтического идиолекта.

Ключевые слова: М. Цветаева, «тоска по родине», коммуникативная модель перевода, экспрессивный синтаксис, эквиваленция, пунктуация.

Темой для настоящего исследования избран сопоставительный анализ трех новейших переводов классического поэтического текста (с русского языка на английский). В журнале «Translation and Literature», издаваемом Эдинбургским университетом, в разделе «Форум» были опубликована статья под названием: «Looking for/Longing for/Sick for Home: Marina Tsvetaeva in English Translation» [1]. В статье развернулась дискуссия вокруг трех вариантов перевода стихотворения М. Цветаевой «Тоска по родине», в которой приняли участие английская переводчица Тара Берджин из Университета Ньюкасл и наша соотечественница Марина Цветкова из ВШЭ в Нижнем Новгороде. Не вдаваясь в детали дискуссии, которые касаются в основном общих проблем перевода, мы сделали попытку рассмотреть представленные варианты в свете современных теорий перевода.

Теоретической основой для анализа является коммуниктивно-функциональная теория перевода, разработанная З.Д. Львовской [7], согласно которой переводчик должен максимально передать концептуальную программу автора исходного текста (КПА ИТ) и максимально адаптировать текст перевода (ПТ) в принимающую культуру. Другой фундаментальной составляющей нашего анализа является коммуниктивная модель перевода, разработанная В.Н. Комиссаровым, согласно которой «Цель перевода — осуществление речевой коммуникации между людьми, говорящими на разных языках» [7.29].

Рассмотрим, каким образом могут быть переданы основные составляющие поэтического языка зрелой Цветаевой: метафорические номинации («камчатский медведь без льдины»; «ощетиниваться пленным львом»; «бревно, оставшееся от аллеи»), экспрессивный синтаксис, связанный с непосредственным, спонтанным переживанием, характерный для разговорной речи («брести с кошелкою базарной», «вдоль всей души, всей — поперёк», «всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст», «как рукой сняло»); система пунктуации как значимая в смысловом плане составляющая поэтического идиолекта (смысловая нагрузка частотно употребляемых тире, скобок, восклицательных знаков).

Переводчики по-разному передали слово «родина» и словосочетание «тоска по родине» в составе заглавия/первой строки стихотворения. Э. Фейнштейн (Elaine Feinstein) назвала стихотворение «Homesickness»; **Homesickness**

By Marina Tsvetaeva, translated by Elaine Feinstein
(reproduced by courtesy of Carcanet Press)

Homesickness! that long
exposed weariness!
It's all the same to me now
where I am altogether lonely

or what stones I wander over
home with a shopping bag to
a house that is no more mine
than a hospital or barracks.

It's all the same to me, captive
lion what faces I move through
bristling, or what human crowd will
cast me out as it must

into myself, into my separate internal
world, a Kamchatka bear without ice.
Where I fail to fit in (and I'm not trying) or
where I'm humiliated it's all the same.

And I won't be seduced by the thought of
my native language, its milky call.
How can it matter in what tongue I
am misunderstood by whoever I meet

(or by what readers, swallowing
newsprint, squeezing for gossip?)
They all belong to the twentieth
century, and I am before time,

stunned, like a log left
behind from an avenue of trees.
People are all the same to me, everything
is the same, and it may be the most

indifferent of all are these
signs and tokens which once were
native but the dates have been
rubbed out: the soul was born somewhere.

For my country has taken so little care
of me that even the sharpest spy could
go over my whole spirit and would
detect no native stain there.

Houses are alien, churches are empty
everything is the same:
But if by the side of the path one
particular bush rises the rowanberry. . .

Д. Макдафф (David McDuff) переводит название как
«**Longing for the Motherland**».

By Marina Tsvetayeva, translated by David McDuff
(reproduced by courtesy of Bloodaxe Books)

Longing for the motherland. A mystery
Whose laws I've long ago penetrated.
It is all the same to me
Where I find myself isolated,

Over which stones, quite alone,
I trail my way home with my market bag
To some house that doesn't know it's mine,
A house like a hospital or a barrack.

It's utterly the same to me
Among what faces like a caged-in-lion
I bristle, what human company
Excludes me unfailingly to the iron

Shackles of myself, my subjectivity,
Like a polar bear with no floe to sit on.
Where not to get attached (I don't try!)
Where to degrade myself — it's all one.

And I'll not let the milky call
Of my own native language cheat me —
Which I'm not understood in's all
The same to me, and those who meet me.

(That reader, swallowing his ton
Of newsprint, milker of rumours, hearsay.)
He is a twentieth century one,
I stand before any age or century.

Dumbfounded, like the stump of a tree,
The last one left the length of the alley,
All are equal to me, all's the same to me,
And perhaps most of all the same, finally,

Is everything from my native past.
Each mark I've made, my every feature
Each date's removed as by a hand, erased:
A soul that once was born — somewhere.

So it is my country couldn't keep
Me and the most clever, keenest detective,
Studying my soul, however deep,
Won't find it out — my hidden birthmark.

Each house, each shrine is strange to me,
All is the same, and all is one.
But if along the road I see
A bush, especially a rowan. . .

Кристофер Уайт (Christopher Whyte) следует примеру автора, не давая названия для своего перевода.

Yearning to get back home! Obscure
complaint I unmasked long ago!
It's all the same to me *where* I
find myself utterly alone,

which are the pavements I roam down,
lugging the shopping bag back to
a home that doesn't know it's mine,
a barracks or a hospital.

It's all the same which faces watch
my captive lion's mane stand on end,
which is the human gathering I
unfailingly get squeezed out of,

thrust back into myself, hermit
of feelings, Kamchatkan bear without
an ice floe, *where* I can't fit in
(I don't try!), *where* I'm mortified.

My native language's milky
summons holds no charms for me.
I don't care which one people fail
to understand me in (gobbling

up hundredweights of newspapers,
milking gossip for all it's worth...)
The twentieth century is theirs —
my habitat's all centuries!

Turned to a pillar, like a log
left over from an avenue,
I'm indifferent to everyone.
to everything and, most of all,

perhaps, to what was native once.
As if each distinguishing mark,
sign, date had been wiped out — someone
or other, who got born somewhere.

So little did my country care
for me, the most insightful sleuth
would come upon no native trait
in a cross-section of my soul!

All homes are strange, all temples void,
beyond caring, idetical.
Yet should I happen on a bush,
especially a rowan tree...

По мнению Т. Берджин, «Homesickness» — вполне адекватный перевод, так как он передаёт чувство тоски по дому, а также глубокую опустошенность, вызванную этим чувством, в то время как «motherland» ассоциируется с патриотическим тоном.

Лексема «motherland» определяется OED как 'One's native country', т.е. вне стилистической маркированности и без оттенка патриотической коннотативности (ср.: достаточно окказиональную коннотативность такого типа у «fatherland»: 'A person's native country, especially when referred to in patriotic terms', OED). «Homesickness» относится к тоске по месту проживания в более узком понимании: 'A feeling of longing for one's home during a period of absence from it', OED. Выбор варианта — «homesickness» или «motherland» — достаточно неоднозначен, поскольку в стихотворении М. Цветаевой категория «родного» проходит сквозь запутанные, смещающиеся призмы обобщения и конкретизации: если в первой строфе есть ориентация на ожидаемый шаблон «ностальгия в эмиграции» (т.е. родина = страна) или «язык родной» в 5-й строфе соответствует аналогичному ожиданию тоски по «стране — родной речи», то, к примеру, 2-я строфа однозначно отсылает к дому как месту внутренне комфортного ощущения (независимо от мотива родной страны).

Макдафф уделяет первостепенное внимание смыслу с своим переводом «Longing for the motherland.» Хотя «Longing» и «motherland» охватывают далеко не все оттенки «тоска» и «родина», перевод намного эффективней, чем «Homesickness», который звучит инфантильно и поэтому не передает возвышенный тон оригинала. «Homesickness» на английское ухо ассоциируется с девушками подросткового возраста в школах-интернатах, которые скучают по родителям и дому. Другой переводчик, Уайт, позволяет себе определенную вольность с своим переводом «Yearning to get back home». «Yearning» по стилю и по содержанию ближе к «тоске», нежели «Longing», но выражение «to get back home» значительно снижает ореол слова «родина», — слово, на которое любой русский не может не откликнуться. У всех трех переводов чего-то не хватает. «Тоска» является гнетущим чувством неудовлетворенности, но она не включает в себя компонента какого-либо желания. Заметно отсутствие какого-либо активного желания в четвертой строфе, «Где не ужиться (и не тшусь!)». Уже смирившись с своей судьбой и больше не стараясь никуда вписаться, поэтический голос предается тоске. Все три перевода близки к оригиналу, поскольку стремятся воссоздать неуловимые оттенки «русской тоски», создавая необходимый коммуникативный эффект.

Достижение эквивалентности является очень трудной задачей для переводчика, что легко можно видеть, как передан глагол «брести» во второй строфе стихотворения. Фейнштейн употребила слово «wander», в то время как Макдафф употребил слово «trail», а Уайт — «goat». На наш взгляд, лексема «goat» максимально близко передает оригинал, включая в себя компоненты бесцельности и трудности движения, что хорошо передает мысль, что поэт изнемогает от бремени тоски и одиночества.

М. Цветаева создает яркую метафору льва, заключенного в клетку. Глагол «ощетиниваться» — значительно сильнее, чем, скажем, выражение «шерсть стала дыбом». Фейнштейн и Макдафф правильно передают это состояние глаголом «bristle», в то время как перевод, предложенный Уайтом, — «my captive lion's mane stand on end» снижает накал негодования.

Слово «край» имеет высокую семантику, постоянно ассоциируется со словом «родной» («Край родной, навек любимый...»). Все три переводчика используют слово «country», передавая смысл слова «край», оставив в стороне эмоционально-высокий оттенок русского слова, но сохраняя коммуникативный эффект.

Передача в переводе синтаксических значений оригинала необходимо «...для относительного формального уподобления перевода оригиналу как одной из сторон

их коммуникативной равноценности» [7.92]. Авторские особенности синтаксиса являются сильным выразительным средством, которое необходимо передать в переводе. В обсуждаемом стихотворении М. Цветаевой, где основной мотив (концептуальная программа автора) — безысходная тоска поэта, который остаётся непонятым как в своей стране, так и в любой другой; оторванность от родины усиливают муки глубочайшего одиночества, что находит отражение в интонации, изгибе фразы, паузах в ритме строки, перехвате дыхания, в отрывистом синтаксисе стихотворения. Другой важный мотив, характерный для любого великого поэта, — идея о том, что он/она не находят своего места среди обывателей, которые «глотают тонны газетных сообщений и доят сплетни». Поэтому автор чувствует себя «львом, заключенным в клетку», «камчатским медведем без льдины». М. Цветаева употребляет тире в каждой из строф; тире максимально концентрируются по мере приближения к финалу стихотворения, что отражает тревожное, неустойчивое, нервное состояние автора.

Авторская мысль, балансируя между различными стадиями «отчужденности» — «тоской по родине», по дому, невосприимчивости к «млечному призыву» родного языка, изолированности от «мира людей» (= «непонимаемости» «встречным»), постоянно «переключается» в разные регистры идентификации/характеристики испытываемого состояния. Шаблон «тоски по родине» — это, с одной стороны, легко развенчиваемое клише (= «разоблаченная морока»), или «long exposed weariness» в наиболее удачной формулировке перевода Фейнштейн. См.: знач. «expose» — ‘Reveal the true and typically objectionable nature of (someone or something)’, ODO, т.е. неприятная/презираемая, при этом понятная тяжесть на душе; у Макдаффа то же состояние именуется в патетическом ключе — «A mystery // Whose laws I've long ago penetrated», т.е. акцент на постижение смысла таинства, что неэквивалентно оригиналу. Хотя переводчик может порой позволять себе вольности по отношению к переводу, Макдафф здесь изменяет оригиналу, в котором не делается упор на компоненте таинства. Подобные переосмысления затуманивают оригинальный текст для англоязычного читателя вместо того, чтобы способствовать его пониманию.

Здесь М. Цветаева перекликается с М. Лермонтовым, который в стихотворении «Родина» выразил любовь к Отчизне по-особому, а именно: источником его вдохновения служит не официальная история России («... и слава, купленная кровью»), а бескрайние просторы России и русский народ.

От отрицания личного опыта прошлого и вообще личной значимости любых ценностных систем («всяк храм мне пуст») М. Цветаева приходит к четко сформули-

рованному личностному ценностному «самостоянию»: см. «рябина» как медиатор начальной точки нового развертывающегося движения в финале: «Но если по дороге — куст // Встает, особенно — рябина...». К. Уайт [1, 356] в этой связи цитирует стихотворение Цветаевой 1916 г. из цикла «Стихи о Москве» «Красною кистью...», где устанавливается четкая цепочка постоянной связи «плодоносящая рябина — поэтическое/физическое рождение» (= Цветаева родилась в день, когда рябина «зажглась» яркими ягодами):

Мне и донныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

(С др. стороны, ср.: ассоциативное переплетение «личное — национальное» в ц. «Але» (1918): «Ведь русская доля — ему... / И век ей: Россия, рябина...». См. об этом: [3, 207].)

«Самодетерминация» переводчика (термин З.Д. Львовской, [7]), обращаясь, например, к поэзии М. Цветаевой, как раз и заключается в том, что он сам определяет степень релевантности того или другого фактора, и его отражение в сделанном им выборе всегда будет субъективным. Переводчики по-разному подошли к синтаксису стиха. Макдафф не обращает должного внимания на экспрессивный синтаксис М. Цветаевой. Приведем в качестве примера три строчки в 7-й и 8-й строфах: «Мне все — равны, мне всё — равно, / И, может быть, всего равнее — / Роднее бывшее — всего». Присутствие тире разбивает строки на четко разделенные части, создавая впечатление растерянности, страха, отчужденности. Форма стихотворения отражает содержание. Макдафф переводит этот фрагмент следующим образом: «All are equal to me, all's the same to me, / And perhaps most of all the same, finally, / Is everything from my native past». Переводчик не передает ритмико-интонационную виртуозность стиха и его почти трагической силы, придавая сдержанно-лиричный оттенок содержанию.

На Тару Берджин, представителя англоязычной лингвокультуры, произвело большое впечатление («Я никогда не видела этого раньше») пропуски между словами в переводе Фейнштейн, её поразила новизна подхода, который «нарушает традицию, правила». Помимо пропусков её поражают строчные буквы в начале строки, необычная пунктуация и большое количество восклицательных знаков, что Т. Берджин считает старомодным, избыточным и мелодраматичным, хотя, с другой стороны, это одновременно и приближение фактуры стиха к схеме организации разговорного синтаксиса.

Т. Берджин верно подмечает, что М. Цветаева достигает своей цели, используя необычный синтаксис, простые и сильные слова и образы. Но использование тире, как отвечает ей М. Цветкова, характерно для стиля М. Цветаевой, их цель — подчеркнуть выразительность стиля. Для М. Цветаевой восклицательные знаки, тире не исключительно знаки препинания, а стилистические средства, которые дают ей возможность вести, разрабатывать, расщеплять и соединять одновременно несколько мотивов. Под внешней фактурой стиха скрывается глубокое чувство тоски и одиночества, которое, наряду с другими экспрессивными средствами, выражается многочисленными восклицательными знаками, усиливающие драматизм фразы.

Обилие восклицательных знаков в оригинале призвано усилить крик отчаяния, тоску одиночества, сложность положения, из которого нет выхода. Фейнштейн использует восклицательные знаки только дважды, при том, что в оригинале их шесть, однако она использует пропуски, делая тон стиха рефлексивным. Макдафф оставляет один восклицательный знак, но делает это для выражения иронии (во вставочной конструкции со скобками: «(И не тщусь!)» — «(I don't try!)»), что соответствует оформлению письменной речи разговорного регистра. Однако Уайт уделяет больше внимания, нежели Макдафф, знакам пунктуации, используя в своем переводе четыре восклицательных знака, три тире и две пары скобок.

Макдафф использует заглавные буквы в начале строки (как в оригинале, но в отличие от перевода Фейнштейн), но значительно снижает количество тире: 19 у М. Цветаевой; 4 у него. Он пытается «исправить» пунктуацию оригинала, стараясь быть верным традиции, но тем самым он не может передать одну из самых важных инноваций М. Цветаевой.

Хосе Ортега-и-Гассет отмечает, что писатель выполняет два несовместимых условия: быть понятным читателю и в то же время поколебать обыденное употребление языка (цит. по: [8, 157]). Макдафф пытается быть понятным англоязычному читателю и в то же время сохранить верность оригиналу, стремясь одновременно «звучать по-иностранному» и быть понятным читателям.

Функциональная нагруженность тире как типологическая особенность поэтического идиолекта Цветаевой (проигнорированная/видоизмененная в обоих вариантах перевода) двупланова. С одной стороны, тире, как и скобки (их в нашем стихотворении 2 пары) оформляет вставочные конструкции. Если скобки «обладают большей парадигматической глубиной, вводят в высказывание как бы две плоскости», то тире

«оставляет плоскость высказывания единой, но подчеркивает ее синтаксическую и семантическую прерывность» [9, 201]. Тире у М. Цветаевой соотносится с «одноплоскостным высказыванием и одноголосым словом» — нерасторжимостью авторского голоса вместе с последовательным форматом развития ситуации [9, 212].

Если вернуться к упоминавшейся фразе на стыке 7-й и 8-й строф (строфа заканчивается тире): «...всего равнее — / Роднее бывшее — всего», — то здесь функционал вставочного тире семантически насыщен. Единое авторское высказывание вычленяет в мотиве безразличия две противоположные перспективы: «бывшее» (т.е. нечто связанное с родиной/личным прошлым и т.д.) — одновременно и наиболее безразлично («всего равнее»), и наиболее родное («роднее бывшее»). В обоих вариантах перевода (в частности, из-за игнорирования авторского тире) эта мультиперспективность восприятия в сочетании с единством авторского голоса полностью нивелируется.

В рассматриваемом тексте М. Цветаевой вставочная функция тире (в отличие от других ее произведений) достаточно редка: есть лишь один пример, помимо упомянутого: «Быть вытесненной — непременно — в себя». Большинство иных случаев постановки тире либо подчиняются общеязыковым нормам, касающимся подлежащего и сказуемого (напр.: «Все даты — как рукой сняло»: тире перед сказуемым, выраженным идиоматическим оборотом; см.: [10, 92]), либо относятся к случаям постановки интонационного тире (напр.: «Мне все — равны»; «Где унижаться — мне едино» и др; случаи, когда сказуемое — прил., предикат. нар., местоим.; см.: [10, 93]), либо — к нестандартному использованию тире между частями сложноподчиненного предложения (что семантически приближено к упомянутым примерам вставочного тире; напр.: «Мне безразлично — на каком / Непонимаемой быть встречным!»).

В переводе Макдаффа большая часть тире исчезают вследствие несоответствия типов используемых конструкций перевода/оригинала и отсутствия необходимости использовать тире в данных конструкциях в английском языке. Ср.: «В дом, и не знающий, что — мой» (интонационное тире в эллиптическом предложении) и «To some house that doesn't know it's mine» (полное предложение; глаг. связка в составном сказ.). Фейнштейн за несколькими редкими исключениями заменяет тире на двойные пробелы, причем синтаксически тип конструкции часто не требует интонационного выделения сказуемого и не содержит эллипсиса. См.: «I am __ altogether lonely»; «...and __ I am before time» (тире, соответствующее двойному пробелу, ничем не мотивировано), но: «...crowd will / cast me out __ as

it must / into myself» (мотивированное вставочное тире, соответствующее оригиналу). Несмотря на то, что Фейнштейн здесь позволяет себе вольность с пунктуацией, ей лучше, чем другим переводчикам, удается передать отрывистый тон стихотворения с помощью пробелов, которые не только создают паузы, а также выделяются визуально

Между различными аспектами нормы перевода существует определенная иерархия [7.156]. На первый план выступает прагматический аспект, что предполагает впечатление, которое перевод производит на получателя ПТ, т.е. его идейно-эстетическое содержание. Кому из трёх переводчиков удалось максимально выполнить КП автора, который принадлежит к другой культуре, имеет иную шкалу ценностей, живет в другой реальности? На наш взгляд, Фейнштейн наиболее полно удалось сохранить целостность художественного мира М. Цветаевой, передать тоску и отчаяние поэта.

Жанрово-стилистическая норма перевода составляет, по мысли В.Н. Комиссарова, второй важнейший параметр нормативной оценки перевода [7.156]. Проведенный анализ показал, что трём переводчикам удалось создать на ПЯ речевые произведения, способные оказать художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода.

Норма эквиваленции представляет собой конечное нормативное требование к переводу. Фейнштейн и Макдафф пытаются держаться возможно ближе к подлиннику, стараясь дать полные лексические соответствия, в то время как Уайт стремится быть «соперником» автора. Все три перевода выполнили цель коммуникации, поскольку удалось воссоздать не только содержание, но и форму исходного текста. Переводчики стремились передать образный строй текста, а не сугубо формальные внешние признаки, воссоздать форму и содержание оригинала в их единстве.

Всякий перевод — это бесконечное приближение к оригиналу, каждый переводчик видит текст по-своему, связывает его со своими принципами и подходами, эксплицитными и имплицитными представлениями о лингвокультурном фоне как языка оригинала, так и реципиента. Поскольку каждый перевод передает англоязычным читателям многое из оригинального стихотворения М. Цветаевой и заставляет читателей и критиков, владеющих и русским и английским языками, призадуматься над тем, что имеется в виду в каждом, тщательно подобранном поэтом слове, все три перевода имеют право на существование и, что важнее всего, будут воодушевлять диалог как о творчестве М. Цветаевой, так и о проблемах и тонкостях процесса перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tara Bergin, Marina Tsvetkova and Christopher Whyte, Looking for/Longing for/Sick for Home: Marina Tsvetaeva in English Translation. Translation and Literature, Volume 23 Issue 3, Page 336–363, ISSN0968–1361 Available Online Nov 2014. Retrieved July, 1, 2018 from: <https://www.euppublishing.com/doi/full/10.3366/tal.2014.0163>.
2. Oxford English dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://en.oxforddictionaries.com>, [OED].
3. Авраменко А. П. М. И. Цветаева // История русской литературы XX века (20–90-е годы). Учебное пособие для филологических факультетов университетов. М., 1998.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998 [БТСРЯ].
5. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2007.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2001.
7. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 2007.
8. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М., 2008.
9. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие. М., 2008.
10. Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009.
11. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

© Перцев Евгений Михайлович (empertsev@list.ru), Джулиус Кочан (julius.kochan@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ имени М. В. Ломоносова

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ КОМБИНАТОРИКИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ ПАРНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

COGNITIVE ASPECT OF COMBINATORICS OF COMPOSITIONAL PAIRED PHRASES IN ENGLISH AND RUSSIAN

I. Petrova

Summary. The present paper focuses on the language representation of the objects of reality. Our investigation is based on the idea of the linguistic sign built on the iconic principle. We research the compositional paired phrases in English and Russian expressing gender opposition. The empirical material based on the data got in dynamics through the Google search engine. The digital data provide information about the frequency of occurrence of the phrase in the search engine. The experimental data show the relationship between the combinatorics of phrases and the frequency of occurrence in the search system and the peculiarities of the language representation of objects of reality in English and in Russian.

Keywords: compositional paired word combinations, mental representation of objects of reality, corpus quantitatively oriented approach, iconicity, iconic sequence.

Петрова Инна Михайловна

*К.филол.н., доцент, ГАОУ ВПО Московский городской педагогический университет (МГПУ)
miinna@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям языковой репрезентации объектов действительности. На материале статистических данных на основе корпусного количественно-ориентированного подхода осуществлен анализ сочинительных парных словосочетаний в английском и русском языках. В статье отражены результаты экспериментального исследования, затрагивающего изменение комбинаторики сочинительных парных словосочетаний. Эксперимент показал связь комбинаторики словосочетаний и частотой вхождения в поисковую систему и особенностями языкового сознания англоязычной и русскоязычной среды, а также позволил сделать вывод об актуальности принципа иконической последовательности в репрезентации объектов действительности в данном синтаксическом образовании.

Ключевые слова: сочинительные парные словосочетания, ментальная репрезентация объектов действительности, корпусный количественно ориентированный подход, иконичность, иконическая последовательность.

Введение

В свете последних исследований в области когнитивной науки и моделирования ментальных процессов в языковом сознании тема языковой репрезентации объектов действительности представляется достаточно актуальной [1; 2, 3; 21 и др.]. В работах, которые раскрывают общие черты когнитивных процедур, особое место занимает анализ семантики высказываний. Языковые знаки и структуры становятся «свидетельствами» свойств когнитивных процессов. Изучение языковых знаков с позиции их формы и содержания позволяет лучше разобраться в особенностях категоризации и классификации объектов действительности в сознании говорящего [18; 9; 6]. Семантические исследования в этом ключе представляются крайне значимыми, поскольку «лексическая семантика связана с качественным состоянием субъекта и его ментальными репрезентациями, которые обращаются к многообразию индивидуального опыта проживания» [1, с. 109]. Исследование семантики в рамках малого синтаксиса дают возможность не только изучить семантический аспект фразы, но и проанализировать особенности языковой репрезентации действительности на примере элемен-

тов, включенных в определенные синтаксические отношения. К числу таких явлений можно отнести и сочинительные парные словосочетания.

Сочинительные парные словосочетания (далее СПС) представляют собой двухкомпонентные образования разной степени устойчивости, соединенные сочинительным союзом и функционирующие в готовом виде. Особенностью структуры данных словосочетаний является то, что они выражают грамматически равноправные, семантически и синтаксически соотносимые сущности и соединены посредством сочинительных союзов. Рассматривая данный тип словосочетаний как единый языковой знак, построенный по принципу иконичности, суть которого заключается в выборе такой формы, которая отражает в той или иной степени ментальный образ объекта в нашем сознании, мы можем изучить особенности ментальной репрезентации объектов как в разных языковых средах, так и в индивидуальном сознании носителя языка.

Цели и задачи исследования

Целью данного исследования является изучение особенностей репрезентации действительности по-

средством такого языкового знака как сочинительное парное словосочетание. Для достижения поставленной цели представляется актуальным решение следующих задач:

1. установление синтаксических и семантических характеристик СПС;
2. определение когнитивных механизмов, актуализируемых в структуре СПС;
3. сравнение частотности вхождения в Google СПС определенной лексико-семантической группы в англоязычном и русскоязычном поисковом пространстве;
4. проведение экспериментального исследования изменения комбинаторики СПС и сравнение числа вхождений в Google.

Рассматривая последовательность расположения компонентов такого словосочетания, мы попытаемся установить будет ли изменяться частотность вхождения данного словосочетания в поисковую систему Google, в зависимости от изменения порядка следования компонентов. В задачу данного исследования входит сравнить значимость того или иного компонента сочинительного парного словосочетания в англоязычных и русскоязычных поисковых запросах с целью выявить специфику ментальных репрезентаций в индивидуальном языковом сознании.

Материал и методы

В качестве основного метода исследования выбран корпусный количественно ориентированный подход. Этот подход обусловлен тем, что «корпусные методы на современном этапе связываются с достижением необходимой доказательности в интерпретативных концепциях, преодоления тенденциозности, избирательности, субъективности подходов, реализующих часто узкие цели» [22, с. 35].

В настоящем исследовании мы использовали лингвистические средства информационного поиска в качестве инструмента, обеспечивающего объективность результатов исследования. Считается, что до 70% той информации, которую сегодня «потребляют» пользователи Интернета, они находят через поисковые системы. Языки запросов представляют собой сложные объекты и объединяют собственно информационно-поисковые языки и критерий смыслового соответствия, а также могут содержать требования к интерфейсу выдачи. Требования к форме представления результатов поиска включают вид выдаваемых результатов и количество выдаваемых документов. Как отмечает В.П. Захаров, «в ряде случаев данные Интернета и баз данных поисковых систем можно рассматривать как текстовые корпусы» [7, с. 69].

В рамках настоящего исследования представляют интерес данные, фиксирующие число вхождений языковой единицы в поисковую систему. Анализ этих данных выступает достаточно информативным материалом и используется в современных исследованиях подобного рода [19]. Поскольку для количественного корпусного подхода характерно выделение ключевых слов и коллокаций (сочетания слов), включение объекта нашего исследования — СПС в систему языков запроса поисковой системы представляется обоснованным.

Мы рассматриваем СПС как определенные коллокации или сочетания двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Большинство определений данного понятия строится на явлении семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания [4; 23]. В корпусной лингвистике понятие коллокации содержательно упрощается по сравнению с традиционной лингвистикой и при рассмотрении этого явления используют статистический подход [20]. В результате коллокации определяются как статистически устойчивые словосочетания. При этом такое статистически устойчивое сочетание может быть, как фразеологизированным, так и свободным. Важно отметить, что коллокация не идентична фразеологизму, т.к. под последним традиционно понимается идиома.

Объектом рассмотрения в данной публикации являются двукомпонентные словосочетания, построенные на основе сочинительной связи между равноправными, независимыми друг от друга компонентами, которые выполняют одинаковую функцию при создании синтаксических единиц на уровне словосочетания и предложения, например: *рассматривать книги и картинки; Мы рассматривали книги и картинки.*

При исследовании данного типа словосочетаний мы опираемся на теоретические положения, изложенные в работах Н.С. Валгиной [5], В.А. Белошапковой [17], Н.М. Пипченко [15], Ю.А. Левицкого [13; 14], С.М. Колесниковой [11].

Т.В. Иванова выделяет два класса СПС:

1. фразеологические неидиоматичные парные словосочетания;
2. фразеологические идиоматичные парные словосочетания [8].

Парным словосочетаниям, относящимся к первому классу, свойственны: комбинирование лексических единиц, основывающееся на их семантической общности, общности называемых ими категорий реалий, устойчивости употребления, отсутствию идиоматичности. Парным словосочетаниям, относящимся ко второму классу, присущи сверхсловность, воспроизводимость, как пра-

вило, в одном и том же составе, обязательное наличие идиоматичности.

Второй класс неоднороден, он включает следующие подклассы: семантически целостные единицы косвенной номинации; устойчивые словосочетания с одним компонентом, имеющим переносное значение; псевдо-фразеологические парные словосочетания, которые образованы по союзной паратактической модели и включают два компонента, не являющиеся, однако, «равноправными» [8].

Неидиоматичные парные СС допускают позиционное и лексико-семантическое варьирование входящих в их состав компонентов, структурное расширение своего состава, варьирование морфологических форм, что не свойственно идиоматичным парным СС.

Будучи включенными в состав предложения / высказывания, исследуемые парные словосочетания выступают в качестве единого члена предложения и выполняют различные функции: именные и глагольные парные словосочетания могут занимать позиции грамматического субъекта, объекта, предикативного члена, атрибута и обстоятельства; адъективные — грамматического объекта, предикативного члена, атрибута и обстоятельства; адвербиальные выступают соответственно в функции обстоятельства.

Таким образом, материалом в рамках данного исследования выступают неидиоматичные парные сочинительные словосочетания, которые представляют собой бинарную оппозицию в контексте противопоставлений «мужчина — женщина», например, *отец и мать, муж и жена, brother and sister, uncle and aunt*. Предметом исследования выступает комбинаторика СПС у англоязычных и русскоязычных пользователей, которая позиционируется в данном исследовании как фактор, отражающий особенности индивидуального языкового сознания.

Научный контекст исследования

Для установления когнитивных механизмов, отраженных в структуре СПС, необходимо, прежде всего, установить семантический статус СПС как языкового знака. Основоположник семиотики Ч. Пирс разрабатывал типологию языковых знаков с точки зрения отношений между формой и содержанием. Им были выделены три типа языковых знаков: иконы, индексы и символы. [16]. Иконические знаки строятся на основе отношений сходства или изоморфизма, индексальные знаки создаются на основе причинно-следственных отношений, а знаки-символы преобладают конвенциональным характером связи между формой и содержа-

нием, а также отсутствием мотивированности или природной связи.

В контексте когнитивных исследований языка важным представляется поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог и концептуальную структуру, а также объяснить причины выбора именно этой формы для передачи данного содержания [12, с. 16].

Относительно СПС можно сказать, что подобный языковой знак может рассматриваться как иконический знак, который изоморфен когнитивной модели, и, в свою очередь, отражает образ мира в нашем сознании. Иконичность «представляет собой такой тип отношений между двумя сторонами знака, который основан на сходстве между формой и ментальным образом объекта действительности, сформированном в сознании человека. Суть иконического принципа означивания заключается в выборе такой формы, которая отражает в той или иной степени ментальный образ объекта в нашем сознании» [10, с. 50].

Иными словами, языковой знак, построенный по иконическому принципу, отражает выбор говорящим такой формы языкового знака, которая изоморфна ментальной репрезентации объекта в сознании говорящего. Как отмечал Т. Гивон, при прочих равных условиях кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен (формально подобен) этому опыту [25]. Кроме того, такой способ означивания оказывается «наиболее экономичным и доступным для интерпретации, поскольку сама форма помогает декодировать смысл» [10, с. 54].

F. Ungerer & Y.J. Schmid выделяют три разновидности представления иконичности: иконическая последовательность (*iconic sequencing*), иконическая близость (*iconic proximity*) и иконическое количество (*iconic quantity*) [27, с. 301]

Принцип иконической последовательности находит свое проявление в том, что порядок следования языковых единиц изоморфен порядку следования событий в реальной жизни и их последовательности в т.н. скрипте, т.е. когнитивной модели события [10, с. 50]. Отметим, что при изучении порядка слов, грамматических категорий вида, залога, числа, падежа, теории прототипов исследователи опираются на понятие иконичности [24; 25; 26].

Многие синтаксические процессы являются не только формальными преобразованиями синтаксической структуры, но и иконическим способом указания на перераспределение прагматической информации в высказывании. Соответственно, изменение порядка

Таблица 1. Частотность вхождения фраз в поисковую систему

СПС Пара №	Фраза 1	Частотность вхождения в Google	Фраза 2	Частотность вхождения в Google
1	Мужчина и женщина	84,800,000	Женщина и мужчина	92,000,000
	Man and woman	11,130,000,000	Woman and man	10,210,000,000
2	Муж и жена	53,200,000	Жена и муж	39,200,000
	Husband and wife	1,170,000,000	Wife and husband	1,050,000,000
3	Сын и дочь	85,500,000	Дочь и сын	85,700,000
	Son and daughter	1,180,000,000	Daughter and son	991,000,000
4	Брат и сестра	16,300,000	Сестра и брат	16,300,000
	Brother and sister	846,000,000	Sister and brother	869,000,000
5	Жених и невеста	7,910,000	Невеста и жених	7,530,000
	Groom and bride	244,000,000	Bride and groom	307,000,000
6	Мальчик и девочка	30,900,000	Девочка и мальчик	30,500,000
	Boy and girl	4,650,000,000	Girl and boy	4,320,000,000
7	Дядя и тетя	3,650,000	Тетя и дядя	3,470,000
	Uncle and aunt	4,360,000,000	Aunt and uncle	69,900,000
8	Дедушка и бабушка	7,390,000	Бабушка и дедушка	7,390,000
	Grandfather and grandmother	44,000,000	Grandmother and grandfather	40,700,000

Таблица 2. Сравнение частотности вхождения фраз в зависимости от структуры фразы

СПС Пара №	Русский язык	Английский язык
1	Фраза 1 < Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2
2	Фраза 1 > Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2
3	Фраза 1 ~ = Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2
4	Фраза 1 = Фраза 2	Фраза 1 < Фраза 2
5	Фраза 1 > Фраза 2	Фраза 1 < Фраза 2
6	Фраза 1 > Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2
7	Фраза 1 > Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2
8	Фраза 1 = Фраза 2	Фраза 1 > Фраза 2

следования компонентов в СПС также будет отражать и изменение в ментальной модели репрезентации объекта. Так, если мы говорим *война и мир*, очевидно, что в такой репрезентации понятий первый компонент играет ведущую роль и имеет большую значимость в данной дуальной паре. Изменение синтаксиса фразы на *мир и война* демонстрирует смещение акцента и актуализацию понятия *мир* в прагматическом аспекте фразы. Сравнение значимости того или иного компонента СПС в англоязычной и русскоязычной когнитивной модели действительности позволит выявить специфику каждой из них.

Анализ комбинаторики СПС, построенных на основе гендерного фактора

В рамках данного исследования нами было проанализировано 8 пар СПС в русском и английском языках, построенных на основе противопоставления гендерного

фактора. Фраза 1 имела структуру: «Мужской + Женский»; Структура Фразы 2: «Женский + Мужской». Понятия «мужской» и «женский» отражают гендерную принадлежность объекта в определённой паре. В контексте нашего исследования мы использовали термины семейного родства как представляющие базовые понятия в языковом сознании индивида конкретной языковой среды: англоязычной и русскоязычной. Использовались формы только единственного числа, а в английском языке без определённого артикля. Цель эксперимента заключалась в установлении частотности фразы в поисковой системе. Статистические показатели представлены в Таблице 1 (дата проведения экспериментального запроса 16.06.2018). Для удобства анализа представленной информации см. Таблицу 2, в которой показаны сравнительные результаты частотности Фраз 1 и 2.

Как показывают данные, комбинаторика фразы связана с частотностью ее вхождения в поисковую систему Google. Между комбинациями элементов пары «мужско-

е-женское» в некоторых случаях в английском и русском языках мы наблюдаем существенное различие. В частности, в парах № 1,3,4,5,8 имеет место такое различие, тогда как пары № 2, 6, 7 совпадают в своих сравнительных показателях.

Поскольку СПС представляют собой языковой знак, построенный по иконическому принципу, и который отражает ментальную репрезентацию объекта действительности, то анализ комбинаторных характеристик определенной пары СПС позволяет нам делать выводы относительности приоритетности того или иного элемента пары в языковом сознании индивида. Очевидно, что компонент, занимающий первую позицию в данной паре, демонстрирует приоритетное положение в репрезентации объекта в сознании говорящего.

В результате эксперимента видно, что в парах № 2 *муж и жена* husband and wife и № 6 *мальчик и девочка* boy and girl, № 7 *дядя и тетя* uncle and aunt ведущее положение принадлежит следующей последовательности: «Мужской + Женский». И это свойственно обоим языковым средам. Однако пара № 1 в английском и русском языках показывает, что в английском языке на основе показателя частотности предпочтение отдается структуре «Мужской + Женский» (man and woman) в то время как в русском языке наоборот «Женский + Мужской» (женщина и мужчина). Данное обстоятельство может свидетельствовать в пользу того, что понятие «женщина» занимает доминантную позицию в русскоязычной среде пользователей поисковой системы.

Анализ пары № 3 показывает, что в русскоязычной языковой среде структура фразы не играет принципиального значения: *сын и дочь* и *дочь и сын* в показателях не демонстрируют существенной разницы. Разница в показателях составляет 200000 поисковых запросов в пользу структуры «Женский + Мужской», а вот в англоязычной среде показатель частотности Фразы 1 значительно выше 189000000 поисковых запросов в пользу структуры «Мужской + Женский». Иными словами, можно сказать, что для ребенка мужской род в англоязычной среде является предпочтительным, а в русскоязычной — женский род немного доминирует.

В паре № 4 в русскоязычных данных наблюдается стабильность, т.е. обе структуры фразы *брат и сестра* и *сестра и брат* набрали одинаковое количество запросов, в англоязычной мы видим небольшую разницу в пользу структуры «Женский + Мужской». Из этого можно сделать вывод о том, что в контексте семейной иерархии sister является более значимой фигурой, чем *брат*.

Пара № 5 демонстрирует предпочтение, отданное структуре «Мужской + Женский» в русском языке, а ан-

глийском наоборот «Женский + Мужской». Если посмотреть на результат анализа пары № 1, то мы видим, что в брачных отношениях структура «Мужской + Женский» совпадают в обоих языковых средах, а на стадии предшествующей супружеским отношениям в англоязычной среде превалирует структура «Женский + Мужской: Bride and groom. Возможно, это отражает более активную роль женщины при выборе супруга в англоязычной культуре.

Анализ результатов пары № 8 показывает, что для русскоязычных пользователей системы комбинаторика фразы не играет никакой роли, но для англоязычной предпочтительной является структура «Мужской + Женский» grandfather and grandmother. Можно предположить, что это обусловлено культурно-историческими традициями передачи права наследования имущества. Как известно, исторический контекст России в этом вопросе претерпел различные изменения в ходе своего развития.

Заключение

Таким образом, сравнительное исследование частотности запросов в англоязычной и русскоязычной средах поисковой системы Google показывает, что комбинаторика фразы связана с частотой вхождения. Порядок расположения компонентов языкового знака соотносится с репрезентацией объекта в сознании говорящего по принципу иконичности. В сочинительном парном словосочетании первый компонент отражает наиболее важный аспект репрезентируемого объекта. Изменение порядка следования компонентов сочинительного парного словосочетания влияет на репрезентацию объекта в разных языковых средах по-разному.

Анализ оппозиции «мужской — женский» в комбинаторике фраз, относящихся к терминам семейного родства в англоязычной и русскоязычной средах, позволяет делать выводы относительно важности того или иного компонента в языковом сознании пользователей поисковой системы. Очевидно, что превалирующий структурой в рассматриваемой оппозиционной паре является «Мужской + Женский». Это относится к таким понятиям, как «муж и жена», «мальчик и девочка», «дядя и тетя», но концептуальное понятие «мужчина и женщина» указывает на то, что в русскоязычной среде структура «Женский + Мужской» более предпочтительна. То, что комбинаторика понятий в парах «сын и дочь», «дедушка и бабушка» в русскоязычной среде не влияет практически на частоту запросов отражает, что выделение аспектов «мужской — женский» в данных понятиях не является ключевым. Для англоязычной среды это понятие актуально, поскольку предпочтение отдается структуре

«Мужской + Женский», что свидетельствует о доминировании первого компонента.

Эти выводы представляют интерес для дальнейшего исследования в рамках изучения как языковой картины

мира, так и репрезентации объектов в сознании индивида посредством языковых знаков, кодирующих актуальные параметры объектов. Сочинительные парные словосочетания являются прекрасным источником для решения отмеченных выше задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников П. Н. Семантические процессы сознания: от вычислительных моделей к языковому опыту // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. ХLI № 3. С. 96–114.
2. Болдырев Н. Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 33–37.
3. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35–48.
4. Борисова Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е. Г. Борисова. — 2-е изд., стер. — Москва: Филология, 1995.
5. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: [Учеб. для вузов по спец. «Журналистика»] — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1991
6. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: Дис. . . . доктора филол. наук: Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2016
7. Захаров В. П. Лингвистические средства информационного поиска в интернете // Библиосфера. 2005, № 1. С. 63–67
8. Иванова Т. В. Когнитивные и прагматические аспекты парных словосочетаний в современном английском языке: дисс. . . . канд. филол. наук: - Санкт-Петербург, 2008
9. Киселева С. В. Размышления о проблеме категориального устройства языка // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 66–69
10. Козлова Л. А. Явление иконичности в языке: семиотический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. с. 47–55
11. Колесникова С. М. Современный русский язык: учебник. — 2-е издание, исправленное. — Москва: Издательство «Флинта», 2016.
12. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики 2004. № 1. С. 6–17
13. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса — Москва: Директ-Медиа, 2013
14. Левицкий Ю. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебное пособие — Москва: Директ-Медиа, 2013
15. Пипченко Н. М. Современный русский язык: синтаксис словосочетания и простого предложения: учебное пособие. — Минск: БГУ, 2009
16. Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб.: СПбГУ: Алетейя, 2000
17. Современный русский язык: [учебник для филологических специальностей вузов] / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Азбуковник, 2002.
18. Сулейманова О. А. Проблема концептуализации фрагментов действительности средствами естественного языка // В сб.: Вестник Московского городского педагогического университета. Научный периодический журнал. Департамент образования города Москвы. Посвящается открытию института иностранных языков МГПУ. Москва, 2007. С. 100-106.
19. Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. - №3. - с.52-64. http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=26758
20. Сысоев П. В. Лингвистический корпус, корпусная лингвистика и методика обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2010. № 5. С. 12-21.
21. Шульженко М. Ю., Поповская В. Б. Когнитивная основа ментальных процессов сознания. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Часть 1. с. 127–132.
22. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37
23. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. М., 2010. № 6.
24. Bolinger D. Language — the Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today. Lnd. & N.Y., 1980
25. Givon T. Iconicity, Isomorphism and Non-Arbitrary Coding in Syntax // Typological Studies in Language. Vol.6. Iconicity in Syntax. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam; Philadelphia. 1985. P. 187–219
26. Haiman J. Iconic and Economic Motivation // Language. 1983. № 59. P. 781–819
27. Ungerer F., Schmid Y. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. 2nd ed. — Pearson Education Limited, 2006

© Петрова Инна Михайловна (miinna@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АНТРОПОНИМИКОН: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОГО ИМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ АДРЕСОВ)

PERSONAL ANTHROPONYMICON: NAME TRANSFORMATION IN EMAIL ADDRESSES

**A. Podgornova
M. Rassokha**

Summary. The paper addresses the impact of the digital era on personal anthroponymicons. The aim is to see what effect the presence of a digital dimension has for development of anthroponymic formulas of Russian language users. The data have been collected through a survey questionnaire administered to the first and second year students of Far Eastern Federal University and contain their email addresses. These have been modeled according to the anthroponymic information packaged in them and examined from the perspective of personal anthroponymicon development. The findings reveal current trends in including specific anthroponymic information in email addresses typical of a particular social group under study.

Keywords: personal anthroponymicon; anthroponymic information; questionnaire; email addresses; anthroponymic models.

Подгорнова Анна Владимировна

Старший преподаватель, Дальневосточный
федеральный университет
diamante-anna@mail.ru

Рассоха Марина Николаевна

К.филол.н., доцент, Дальневосточный федеральный
университет,
m rassokha@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние интернет-коммуникации на развитие персонального антропонимикона носителей русского языка. Материалом исследования послужили антропонимные именованья, включенные в адреса электронной почты студентов разных специальностей, обучающихся в Дальневосточном федеральном университете на 1 и 2 курсах. Применяя метод анкетирования, авторы выявили основные способы и модели создания именованья электронного адреса, источниками которых являются как антропонимные, так и апеллятивные единицы языка. Полученные данные позволяют определить основные тенденции в передаче специальной антропонимной информации в адресе электронной почты, характерные для изучаемой социальной группы.

Ключевые слова: персональный антропонимикон, антропонимная информация, анкетирование, электронные адреса, антропонимические модели.

В лингвокультурах антропонимиконы существуют в разных формах. Наиболее обширный — национальный антропонимикон представляет собой реестр имен, используемый в данной национальной культуре для имянаречения. Он может содержать сотни имен, например, в русской лингвокультуре основу национального антропонимикона составляют 652 мужских и 650 женских имен [7]. Помимо национального, можно выделить отдельный самостоятельный антропонимикон, существующий в религиозной сфере, скажем, в православной традиции используется церковный список имён. Антропонимикон может быть и узкоспециальным, к примеру, корпус имен героев какого-то литературного произведения или антропонимикон, созданный конкретным автором [2]. Составляются также реестры имен, пользующиеся наибольшей популярностью в данное время и тому подобное. Такого рода антропонимиконы, как правило, кодифицируются, дополняются специальной информацией о происхождении имен и их значении.

Помимо указанных выше, существует и персональный антропонимикон, бытующий преимущественно в устной форме. Его системообразующим элементом является имя собственное, полученное человеком при

рождении. Собственно остальные единицы данного антропонимикона создаются на основе и вокруг этого имени. Как правило, их немного, это уменьшительно-ласкательные имена (бытующие среди близких людей) и прозвища, сфера распространения которых прежде всего профессиональная среда и образование (чаще всего школьные прозвища).

Современная информационная эпоха, оказывая влияние на все лексические подсистемы языка, затронула и антропонимиконы. И если прежде антропонимические системы складывались в основном под влиянием разнообразных социальных, эстетических, правовых, религиозных и других социокультурных аспектов, то в эпоху цифровой информации в качестве основного фактора на передний план выступает специфика интернет-коммуникации, в которой имя играет особую роль. На наш взгляд, особая черта современной цифровой эпохи — кардинальное изменение персонального антропонимикона. Таким образом, основной исследовательский вопрос, который мы ставим в этой статье, следующий: как меняется персональный антропонимикон и развивается антропонимная формула под влиянием интернет-коммуникации.

Сразу же отметим два существенных момента. Первый заключается в том, что традиционно человек получает имя при рождении от родителей или других ближайших родственников. Таким образом, особенность заключается в том, что вектор имянаречения, как правило, направлен извне. Интернет коммуникация, напротив, создает условия для имятворчества и создания собственного личного имени. Следовательно, интернет выступает как имяпорождающее пространство, взаимодействующее с личной сферой говорящего/пишущего.

Исходя из вышесказанного, была определена цель данной работы -исследовать использование антропонимных именовании в электронных адресах. Необходимо указать, что электронный адрес как источник антропонимной информации еще недостаточно исследован, особенно в ракурсе трансформации традиционной антропонимной формулы.

Чтобы собрать материал исследования, нами было проведено анкетирование студентов 1 и 2 курсов Дальневосточного федерального университета в возрасте от 18 до 22 лет в количестве 130 человек. Опрашиваемые — образованные, грамотно излагающие свои мысли, коммуникабельные молодые люди, обучающиеся на разных специальностях: будущие юристы, математики, историки, психологи и другие. Немаловажно, что респонденты являются активными пользователями интернета и проявляют большой интерес к новым цифровым технологиям. Данным молодым людям было предложено заполнить вопросник для получения необходимой информации относительно их электронных адресов:

1. Укажите адрес своей электронной почты. Как Вы пришли к созданию данного адреса?
2. Как долго Вы думали над именем в своем адресе?
3. Какие ассоциации вызывает у Вас данное название? Ассоциируете ли Вы себя с именем данного электронного адреса?
4. По прошествии времени либо изменении обстоятельств, появится ли у Вас желание изменить имя своего электронного адреса?

Такого рода вопросы позволяют выявить личную мотивацию при создании электронного адреса, осознанность или спонтанность в выборе включаемой антропонимной информации, степень креативности в создании в общем-то формульного знака, получить информацию о личной сфере создателя адреса, в случае если он содержит псевдоним или криптоним.

Полученный в результате анкетирования корпус адресов электронной почты по типу передаваемой ими антропонимной информации можно разделить на две группы. Первая группа состоит из электронных адресов, содержащих личное имя студента, эта группа коли-

чественно превосходит почти в два раза вторую группу и включает 86 адресов. Ко второй группе были отнесены адреса, содержащие креативные именовании в количестве 44. Рассмотрим подробнее первую группу, выделив соответствующие модели передачи антропонимной информации. В целом можно выявить три основные модели.

Модель 1: имя + фамилия или одна фамилия (например, *savenkov.viktor*^{*1}, *zamulina.ekaterina*, *kravchenko.vilena*, *sidenko.karina*, *leonid.sharin*, *anna.sharshunova*, *ignat-matveenko*, *polina.ulyashenko*, *alexandra.kozulina*, *kristina.belyaeva*, *korneliya-ryndenko*, *anastasia.zayceva*, *masha-fominah*, *egorka.andreychenko*, *vanya-hodyrev*, *varlamov*, *konopak* и др.). Всего единиц, использующих полную формулу «личное имя+фамилия», в нашем материале 53, и это самая репрезентативная модель. Ее распространенность обусловлена традиционной антропоформулой ИМЯ+ФАМИЛИЯ для русской лингвокультуры при назывании и обращении к молодым людям. Обратим также внимание на то, что в модели 1 варьируется порядок записи имени и фамилии. Распределение материала, отражающее порядок следования элементов в антропоформуле, примерно одинаковое: 25 примеров (типа *stotcenkomariia*), в которых сначала ставится фамилия потом имя и 28 примеров (типа *kristina.belyaeva*), в которых сначала появляется имя, потом фамилия. Первая подгруппа отражает традиционную русскую антропонимную формулу, именующую молодых людей в письменной речи (например, формат списков), вторая более характерна для устного регистра.

Интересно также отметить, что ряд респондентов предпочли качественную форму личного имени: *dasha*, *vanya*, *masha*, *egorka* и др. Примеров таких именовании 17. Можно предположить, что данным молодым людям привычнее и комфортнее идентифицировать себя с уменьшительно-ласкательным личным именем. Возможно, оно постоянно употребляется в семье, возможно также, что они руководствовались желанием отличаться от других.

Модель 2: фамилия + инициалы (например, *luchinskaya.aa*, *lee.ab*, *gorbunov.di*, *chernyakin.v*, *vlastanovkin*, *i-vasilets*, *ekalmicova*, *yu-nuzhnyak*) Интересно отметить, что данная модель менее всего распространена и представлена всего восемью примерами, приведенными выше. Объяснением непопулярности такой подачи антропонимной информации может служить рассматриваемая нами возрастная категория пользователей электронной почтой. Молодые люди явно предпо-

¹ Адрес подается без расширения почтового сервиса с целью сохранения личной информации владельца адреса. В составе адреса анализируется только антропонимная информация.

читают имя инициалам, по возрасту еще не ассоциируя себя с официальным ФИО.

Модель 3: фамилия/имя + цифровые обозначения (например, dashademidenko99, vlad982011, kirakim_99, amir98, kiselev_s.d.98, mitupova2000, hazov.98, zabavnikov2013, nasyakomarova1999, agafonova.ekaterina99, anastasia131119, anar99, vergelis99, tanya_994, ivannasemchenko1965, olesya9921, natasha826413, galin98, maria220599, yulechka.lukina97, vladislav.ushakov1999, elliana3256, maksim-kim-1998, anyuta-99, safin99nikita). Данная модель представлена 25 именованиями, причем антропонимический компонент соотносим с первой и второй моделями: включаются имя и фамилия, или только одно имя/фамилия, или фамилия с инициалами. Цифровой компонент может обозначать дату рождения (15 употреблений), номер телефона (4 употребления), номер дома/квартиры (1 пример), год создания почты (1 пример), а также случайные цифры (4 примера). Среди приведенных примеров нельзя не обратить внимания на наиболее частотные случаи. На наш взгляд здесь можно вести речь о формировании новой антропонимной формулы, характерной именно для интернет-пространства: в качестве ассоциатов личного имени выступают дата рождения с указанием чаще только года или полными данными (kiselev_s.d.98; maria220599) и номер телефона (anastasia131119, natasha826413).

Необходимо указать, что описанные выше модели передачи антропонимной информации во многом сформированы под влиянием данных, задаваемых самим компьютером и требуемых рядом программ при создании адреса электронной почты. Кроме того возможно влияние складывающейся корпоративной культуры университета и удобство в использовании корректной антропонимной информации для рабочей (учебной) переписки с куратором, администратором ОП и преподавателями.

Вторая группа электронных адресов в количестве 44 содержит креативные именованные. Более половины из них (27) представлены измененными личными именами, тем не менее, в основе своей это отантропонимные именованные. Другая подгруппа включает 17 отапеллятивных имен.

Измененные личные имена демонстрируют значительное разнообразие способов создания антропонимного именованного. Обратимся к первому способу, достаточно частотному в нашем материале, в основе которого лежит изменение имени и/или фамилии/отчества на основе усечения. Например, tanyavita — имя Татьяна + сокращение отчества Витальевна; tamir_98 — соединение усеченных частей имени и фамилии Татьяна Миронова;

guryan98 — сокращенное именование от фамилии Гурьянов; chuka9900 — сокращение от фамилии Чукина. Иногда сокращения бывают более сложные, чем усечение конца или начала слова, как в случае с khlzva — сокращение от фамилии Хальзова, из которой удалены все гласные.

В противоположность усечению встречаются отдельные примеры увеличения длины имени:

- ◆ *графическое удлинение*: Daaari99 — имя Дарья, графически отражающее привычку автора электронного адреса тянуть слова в речи
- ◆ *удлинение за счет словообразовательных элементов*: AlinaKimskaaya:– имя девушки Алина + ее фамилия Ким + добавлен женский антропонимический суффикс *-ская*. Получилось имя, по словам информанта, «родом из детства».

Наблюдаются также единичные случаи более сложных комплексных образований:

- ◆ *личное имя + прозвище/чужое имя* tori rorik — сокращенная форма имени Виктория + школьное прозвище; artem.krusler — молодой человек создал такой электронный адрес после просмотра кинофильма, фамилия главного героя которого Krusler.
- ◆ *личное имя + апеллятив*: ilya-graf, в данном случае добавлен титул, который юноша присоединил к имени в целях повышения авторитета в школе; nastella — гибрид имени Анастасия/Настя и шоколадной пасты Nutella, любимого десерта по признанию создателя имени электронной почты; skorgrand — знак зодиака Скорпион + первые буквы имени Андрей; funny-ardi сокращение от отчества Аркадьевна; lada.love.99. В качестве апеллятивного элемента могут выступать целые фразы, например: tanushkaloveu — девушка считает себя очень любвеобильной и, по ее признанию, любит людей, а люди любят ее. На подобных примерах можно провести самостоятельное исследование отношения имени с его ближайшим апеллятивным окружением.

Отдельно следует обратить внимание на группу креативных именованных, построенных на созвучии, входящих в именование элементов: nas7ikina гибрид слов Настя + СЕМикина; van9tka156 — гибрид имени Ванятка и цифры девятка; jany_1998 — имя Женя в его иностранном звучании; aleyna98; anasta.sea — имя АнастаСия включает звучащее как СИ английское слово sea «море».

Собственное имя может также быть зашифровано технически. К данным названиям, являющимися криптонимами, можно отнести также те, что заменяются во время ввода на клавиатуре англоязычной раскладкой, например девушка по имени Ирина Иванова зашифро-

вывает свой адрес как Bbbyf Bdfyjdf; данные названия встречаются у любителей всего необычного и отличного от других.

Наконец, рассмотрим группу электронных адресов, созданных на базе отапеллятивных именовании, в которую входят 17 единиц. В качестве сфер заимствования апеллятивной лексики могут выступать:

- ◆ *апеллятивы, относящиеся к сфере время-препровождения:* rabid132 — любимая компьютерная игра «raving rabids»; nakksage — имя персонажа компьютерной игры; satan.little.brother — автор данного электронного адреса принадлежала к субкультуре готы в подростковом возрасте; korriandr — любимая специя в кулинарии. Идентификация с создаваемым именем может строиться на неожиданных ассоциациях: rokerfacer97 — юноша, считающий свое лицо похожим на изображение лица персонажа картонных игр.
- ◆ *апеллятивы, имеющие личностное значение:* fenix — птица, любимый символ; parashutnaya28 — по адресу проживания; vakabakaю — детское прозвище + baka «дурак» на японском и «yo» восклицание на японском.
- ◆ *случайные апеллятивы, привлекательные графической формой, звучанием или своим значением:* sungirl1999, veryhappy_missis, blizzard, honey-1997, хатаку2; town008. Их выбор основывается на стремлении оригинально и непохоже назвать свой электронный адрес: «желание выделиться на общем фоне скучных названий», как указал один из респондентов.

В этой связи интересны ответы студентов на последний вопрос анкеты об изменении электронного адреса. Анализ показывает, что респонденты, чьи адреса содержат прямую антропонимную информацию, ответили отрицательно на вопрос о возможном изменении адреса: «это удобно и лаконично и подойдет для будущей работы». Те же, чьи адреса преимущественно содержат криптонимы и псевдонимы, считают данные названия наивными, несерьезными и по прошествии времени планируют их изменить или хотя бы иметь два адреса: для работы (инициалы и фамилия) и личный адрес, например, как «память о детстве».

Подводя основные итоги исследования, прежде всего, следует сказать, что информационная эпоха с ее переносом большого объема коммуникации в интернет-пространство практически не затронула национальный антропонимикон, эта антропонимная система является довольно консервативной и стабильной. Основные изменения коснулись персонального антропонимикона, который стал расширяться за счет новых антропоним-

ных именовании — ников, антропонимных компонентов электронных адресов и логинов, что объясняется появлением новых форматов в интернет-пространстве с большим объемом личностной коммуникации в виде блогов, чатов, социальных сетей.

Имена не существуют отдельно от реальности и их носителей. Поэтому изучать их необходимо в их взаимосвязи друг с другом, а также с экстралингвистическими факторами, влияющими на их формирование и функционирование [4]. Цифровая эпоха разительно меняет контекст функционирования личного имени, задавая новые параметры антропонимной информации, которую может сообщать имя. Не случайно поэтому, имена собственные, появляющиеся в интернет-пространстве и их специфика все чаще становятся предметом изучения и вызывают огромный интерес ономастологов [1; 3; 6].

В данной работе электронный адрес рассматривается как новая *оболочка* подачи, фиксирования и существования антропонимной информации, как квази-антропонимическая единица. Ее особенность состоит в том, что сам индивид сознательно создает антропонимное именование, выбирая определенный способ ономообразования. Характерно, что при этом создатели адреса пользуются как обычными словообразовательными приемами, среди которых наиболее частотны усечение (tanyavita, tamir_98, chuka9900, yakush-sasha), гибридизация (nastella, anasta.sea, skorpand), транслитерация (pohavshygegel228, yunosti.plach), так и новым способом, возникшим в среде виртуальной коммуникации, когда формообразовательным элементом выступает цифровое обозначение (vladislav.ushakov1999, tanya_994, ivannasemchenko1965, olesya9921, natasha826413, galin98, maria220599, honey-1997, hidan97–97). Появление подобных онимов, как указывает Ю.В. Пшегорская, напрямую связано с особыми экстралингвистическими условиями, в которых большую роль играют различные технические устройства (персональный компьютер, мобильный телефон, планшетное устройство и т.д.). Нельзя не согласиться с данным исследователем в том, что «в современной интернет-коммуникации сами понятия «имя», «наименование» переосмысляются в соответствии с подходом, принятым в информатике, и именем может выступать любая определенная последовательность чисел, букв, символов и любых других печатных знаков, заданная человеком» [5; 153].

В целом, безусловно, формирование антропонимной информации, включаемой в электронный адрес, зависит от того, с какой антропоформулой чаще всего ассоциирует себя создатель адреса. В нашем случае, на выбор студентами имени в полной форме или качественной, криптонима или псевдонима оказывали влияние ряд

факторов. Ведущим, наш взгляд, стал фактор функционирования имени, прежде всего в университетской образовательной среде, отсюда большинство адресов (86 из 130) включают полную корректную информацию, отражающую имя и фамилию студента (leonid.sharin, maksim-kim-1998). Среди других факторов можно указать возрастную, при этом нерепрезентативно представлена модель с инициалами (gorbunov.di), с ним же связана и стратегия имятворчества с целью создания нового имени (tori rorik, nakksage). Значительное влияние на характер антропонимной информации, включаемой

в электронный адрес, оказывает психо-эмоциональный тип личности, что выражается в выборе домашнего или внутригруппового имени (vikusichkashevsova), или имени напрямую указывающего на эмоциональные особенности респондента (veryhappy_missis).

В заключение подчеркнем, что данные выводы строятся на конкретной группе студентов, для более широких обобщений понадобится более значительный срез и анализ антропонимических данных, включаемых в электронные адреса разными группами населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина Т. В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011. 224 с.
2. Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении: на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»: Автореф. дис. канд. филол. наук, Белгород, 2008.
3. Казяба В. В. Антропонимикон немецкоязычной ICQ-коммуникации: автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск: Северный (Арктический) фед. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. 27 с.
4. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. Монография. Изд. 3-е. — М.: Изд-во ЛИБРОКОМ, 2009.
5. Пшегорская Ю. В. Типология молодежных сетевых имен, функционирующих в современном русскоязычном сегменте интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 1–1(31)2014. — С. 150–154.
6. Якунина М. Л. Особенность интернет-дискурса: никнейм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. II. С. 218–221.
7. <https://kazvut.ru/russkie-imena.html>

© Подгорнова Анна Владимировна (diamante-anna@mail.ru), Рассоха Марина Николаевна (mrassokha@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ КЛИШЕ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ СТИЛЕ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

PECULIARITIES OF CLICHÉS IN OFFICIAL STYLE OF SPEECH (BASED ON THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE SOURCES)

Yu. Raigorodetskaya

Summary. The article deals with the stereotypical units of language inherent in the official style of speech, namely clichés. In the course of the analysis, it is established that clichéd structures are an integral attribute of any official document. The use of clichés is due to the fact that they serve to save time and space in writing, as well as to save mental effort in the preparation of official texts.

Keywords: clichés, official style, stereotypical units, stereotype, official document, official style, officiality, business language.

Раїгородецкая Юлия Михайловна

*Российский Государственный Гуманитарный
Университет (г. Москва)
r_yulia@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются стереотипные единицы языка, присущие официально-деловому стилю речи, а именно клише. В ходе проведенного анализа, устанавливается, что клишированные конструкции являются неотъемлемым атрибутом всякого официального документа. Употребление клише обусловлено тем, что они служат для экономии времени и места на письме, а также для экономии мыслительных усилий при составлении официальных текстов.

Ключевые слова: клише, шаблоны, стереотипные единицы, стереотипность, официальный документ, официально-деловой стиль, официальность, деловой язык.

Одним из важных функциональных стилей английского и русского литературных языков является официально-деловой стиль речи, к которому относится язык государственных постановлений, парламентских указов, законов, дипломатических документов, официальной переписки, кодексов, судебных документов, торговых соглашений, торговой переписки, военных приказов, уставов, указаний, межведомственных переписок, заявлений, завещаний и т.д.

Отбор языковых средств в стиле официальных документов строго регламентирован и диктуется исключительно целями достижения точности и ясности изложения. Стереотипные средства выражения наряду с точностью, краткостью и ясностью являются ведущим признаком официально-делового стиля, поскольку являются наиболее экономичным и быстрым средством построения предложений.

В настоящей работе мы попытаемся разобраться, по каким параметрам исследуемые стереотипные единицы закрепились за официально-деловым языком, а также стали его неизбежным атрибутом.

В первую очередь, стоит пояснить, что из-за отсутствия общепризнанного термина для обозначения стереотипных образований, ученые по-разному трактуют эти единицы, классифицируя их как клише (Г.О. Винокур), штампы и стандарты (В.Г. Костомаров), шаблоны и стереотипы (А.П. Горбунов) [1; с. 19]. Совокупность перечисленных терминов составляет некое понятийное

поле, но они часто и неоправданно используются синонимично, что вносит дополнительные трудности в понимание их природы.

Этот факт свидетельствует о необходимости более тщательного изучения стереотипных единиц, позволяющих эффективно достигать целей официально-деловой коммуникации. Закрепление за такими словосочетаниями термина клише способствует более четкому определению их свойств. В связи с этим, мы в данной работе будем употреблять термин «клише» по отношению к стереотипным единицам, поскольку он наиболее четко отражает специфику исследуемых единиц и принимается многими исследователями.

Как уже было ранее отмечено, клише является одной из характерных черт официально-делового стиля, его «отмеченной» особенностью. Ситуации, возникшие в сфере делового общения, как правило, однотипны, что и определяет их языковую специфику, предполагая стандартность средств выражения. Причины возникновения клишированных единиц прежде всего связаны с общей стандартизацией, то есть процессом установления стереотипов. Сформулированные на основе частой повторяемости совместных действий людей в жизненно важных стандартных ситуациях, клише прочно вошли в деловой язык, так как удобны и позволяют не тратить усилия на поиск нужного выражения. Также в работах многих лингвистов таких, как Л.П. Якубинский, В.Г. Костомаров, А.Н. Васильева, Дж. Ферс можно проследить положительную роль стандартизации в языке, отмечается

также широкое распространение стереотипных средств выражения в разных стилях речи. В самом деле, клише являются одной из характерных черт публицистического, научного, и в особенности, официально-делового стилей [2; с. 6–7]

Таким образом, по причине широкой представленности клише в русском и английском языках и высокой частотностью их употребления, они являются важными и необходимыми для официально-делового стиля.

Язык законов, приказов и деловой переписки широко использует специфические для официального стиля делового изложения клишированные конструкции. Практика показывает, что официальный текст не существует без стереотипных единиц типа: *обращаем Ваше внимание на тот факт, что.../ We wish to bring to you notice that..., отпуск без сохранения заработной платы/ unpaid leave, в рамках своей деятельности/ as a part of its work, доводится до Вашего сведения/ shall be notified и многие другие*. Такие выражения являются готовыми формулами официально-делового изложения, отличающиеся постоянством состава и устойчивой закрепленностью за стереотипными ситуациями.

Например, если используется клишированное выражение «*обращаем Ваше внимание на тот факт, что.../ We wish to bring to you notice that...*», то очевидно, что перед нами деловая/служебная записка или деловое/информационное письмо. Если же «*отпуск без сохранения заработной платы/ unpaid leave*», то речь идет о заявлении, деловой/служебной записки. Следующий пример «*действующего на основании Устава/ acting in accordance with the Charter*» указывает на официальный документ: доверенность, договор или акт.

Мы выяснили, что одни клише служат для экономии времени и места на письме, экономии мыслительных усилий. Но также существуют другие клише, которые в силу своей громоздкости не могут служить этим целям, но они выполняют другую функцию — устраняют двусмысленность высказывания, завуалированность мысли. Другая форма стереотипности — это клишированные фразы, необходимые для оформления самого документа, для создания его текстовой архитектоники.

В.Г. Костомаров отмечает, что исследование газетно-публицистических текстов привело к выявлению новой черты, о которой раньше не шла речь, а именно — черты стандарта. Анализ показал, что в текстах официально-делового стиля представляется возможным выделить стандарт как стилевую черту, причем первостепенную. Здесь имеется в виду не только словесный

шаблон — клишированные выражения, но и «архитектуру» текстового материала, его размещение, оформление мыслей через архитектурные возможности текста документа [3; с. 105]. Примерами документов, где текстовое оформление играет важную роль, так как оно уже исторически выработалось и закрепилось за данным типом документа, являются резолюции, конвенции, уставы и пр. Эту черту официальных документов отмечает также И.Р. Гальперин, говоря, что почти каждый официальный документ имеет собственный композиционный рисунок. Пакты и уставы, приказы и протоколы заседаний, кодексы и меморандумы имеют более или менее четкие и определенные формы [6; с. 202].

Важным следует отметить, что особое значение текстового шаблона заключается в том, что он помогает сообщить дополнительную информацию, настроить на восприятие именно этого документа, а не иного.

Вместе с тем вопрос о природе стереотипных единиц, о составе и границах их фонда не полностью освещен ни в теоретическом, ни в практическом планах.

Стоит отметить, что стереотипные выражения представляют собой неоднородную группу, включающую в себя неоднородные языковые явления. Зачастую использовать клише в документах бывает непросто, так как не существует соответствующих ГОСТов, нет специальных словарей стандартных устойчивых словосочетаний, употребляемых в деловых документах. А рекомендации, которые можно найти в методических пособиях, носят несистемный, отрывочный, иногда противоречивый характер [4; с. 210–211]. В связи с этим оказываются неизбежными ошибки в употреблении устойчивых словосочетаний в деловых текстах. Но стоит уточнить, что для некоторых документов (например, для деловых писем) созданы даже перечни речевых клише, однако очевидно, что подобные перечни желательны и для других документов.

Но неизбежно возникает вопрос, какие языковые единицы входят в группу клише. Безусловно, провести четкую границу представляется нами практически невозможным. В зависимости от точки зрения исследователя, в состав клишированных единиц включаются слова и словосочетания, предложения и сочетания предложений [1; с. 7]. Расхождения во мнениях относительно границ фонда стереотипных единиц иногда приводит исследователей к неправомерному выводу о том, что это явления, подобно сленгу, не поддается четкому определению и представляет собой неупорядоченную массу языковых фактов. О.П. Сологуб, касаясь данного вопроса, группирует деловые клише на лексические подгруппы — «данный лексический пласт образуют слова с конкретной денотативной семантикой, употре-

бляемые в своем прямом значении; это наименования должностей (*генеральный директор/ CEO; менеджер по продажам/ sales manager*), структурных подразделений, производственных коллективов (*отдел по продажам/ sales department; комитет по правам человека/ human rights committee*), видов документов (*договор/ treaty; приказ/order*) и т.д.». Также исследователь кроме «производственной лексики» относит особую терминологию, которая, несомненно, имеет широкое употребление в текстах официально-делового стиля [5; с. 54–58].

Таким образом, сформировавшиеся речевые клише образуют базу для оценки канонов официально-делового языка, степень сформированности клише обуславливает степень официальности текста. Официальность требует наличие определённых клишированных языковых единиц, устоявшихся выражений и шаблонных оборотов. Частое употребление клише является особенностью официально-делового стиля, выступающей в качестве дифференциального признака данного стиля. Данный факт свидетельствует о том, что клише является не только характерной, но и стилиевой чертой официального стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барченков А. А. Клише и штампы в языке английской газеты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. — Москва, 1981. — 182 с.
2. Васильев Н. С. Языковые клише и проблемы их лексикографирования: на материале русского и английского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. — Ленинград, 1983. — 155 с.
3. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики/ В. Г. Костомаров. — М.: Гардарики, 2005. — 289 с.
4. Муравьева Н. В. Документная лингвистика. — М.: Термика, 2016. — 612 с.
5. Сологуб О. П. Стереотипность и творчество в тексте/ Официально-деловой текст в системно-структурном аспекте. — Пермь: Пермский государственный университет, 2009. — 256 с.
6. Galperin I. R. Stylistics. Higher School Publishing House. — Moscow, 1971. — 328 p.

© Райгородецкая Юлия Михайловна (r_yulia@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Гуманитарный Университет

ОЦЕНОЧНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

ESTIMATED DETERMINATION AT THE TRANSLATION

M. Safonov

Summary. in the article, phraseological units are considered as a way of modality transfer in the example of Russian, English and Chinese languages, especially the variants of their translation with the purpose of saving the evaluation component in the utterance. The choice of phraseological units is due to the presence of the eye lexeme, in search of equivalent variants in the translation, we tried to preserve this component to make sure that its presence affects the character description, judgment, evaluation, indifference, excitement, surprise and much more and is able to transfer it to other languages.

Keywords: modality, evaluation, translation, phraseology, idioms, connotation.

Сафонов Максим Андреевич
Аспирант, Российский Государственный
Социальный Университет (Москва)
em_kei@mail.ru

Аннотация. в статье рассматриваются фразеологические единицы, как способ передачи модальности на примере русского, английского и китайского языков, в особенности варианты их перевода с целью сохранения оценочного компонента в высказывании. Выбор фразеологизмов обусловлен наличием лексемы «глаз», в поисках эквивалентных вариантов при переводе, мы пытались сохранить этот компонент, чтобы убедиться, что его наличие влияет на описание характера, суждение, оценку, равнодушие, волнение, удивление и многое другое и способно передавать это на других языках.

Ключевые слова: модальность, оценка, перевод, фразеология, идиомы, коннотация.

Категория модальности стала интересовать ученых с самых ранних времен, и определение этой категории происходит из таких наук как философия, логика, психология и лингвистика.

Большой энциклопедический словарь «Лингвистика» дает следующую формулировку: «Модальность (от ср.-лат. *modalis* — модальный; лат. *modus* — мера, способ) — функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Модальность — это языковая универсальная единица, она относится к числу основных категорий естественного языка» [16].

Швейцарский лингвист Чарльз Балли, работающий над теорией высказывания, отметил, что в высказывании можно выделить два основных аспекта: диктум (содержание) и модус (оценка личности упомянутых фактов), а академик В. В. Виноградов пришел к выводу, что, прежде всего, модальность выражается в предложении его корреляцией с реальным фактическим состоянием дел [3] [5].

Традиционно в лингвистике, диктум и модус называются объективной модальности и субъективной модальностями. Объективная модальность — отношение утверждения к реальности. Когда мы говорим о таком отношении, мы подразумеваем реальность, желательность, потребность в вероятности, возможности и т.д. Выражение такого вида модальности в предложении происходит с использованием грамматического на-

строения, частиц, модальных глаголов. Субъективная модальность подразумевает отношение говорящего к изложенным фактам. Чтобы показать отношение говорящего, он прибегает к использованию интонации, междометий, частиц, модальных слов и т.д. [5].

В данном исследовании мы будем придерживаться мнения, что оценка является одним из компонентов субъективной модальности, который несет одно из субъективно-модальных значений. Определение этого явления уходит корнями не только в лингвистику, но и в философию и психологию. Если мы рассмотрим оценку с философской точки зрения, то оценка — это отношение, которое поощряет или осуждает действия людей, в зависимости от соответствия этих действий моральным и этическим ценностям того или иного общества. О. С. Ахманова определяет оценку как «суждение говорящего, его отношение — одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.д.— как одна из основных частей стилистической коннотации» [2].

Со временем категории субъективной модальности и оценки стали накладываться друг на друга из-за их общей ориентации на оценочное суждение о предмете. Мнения ученых о взаимодействии оценки с категорией модальности разделились, и мы можем выделить три самых распространенных взгляда на этот вопрос:

1. Модальность и оценка — это две разные концепции (А. В. Махова, Т. В. Маркелова).
2. Оценка является одним из видов субъективной модальности (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф).

3. Оценка — сама суть субъективной модальности (В. Н. Телия, Н. Ю. Шведова).

Мы разделяем мнение Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольфа об определении оценки как одной из составляющих общего субъективно-модального фона [1] [6].

Основываясь на природе оценки, Н. Д. Арутюнова предлагает свою классификацию частно оценочных значений. В этой классификации представлены три группы значений (сенсорные, сублимированные, рационалистические оценки), которые, в свою очередь, могут быть конкретизированы (например, сенсорные оценки делятся на сенсорный вкус и психологический). Классификация оценок Н. Д. Арутюновой является наиболее подробной, включает в себя ряд аспектов и позволяет:

1. Различать чистые оценочные знаки («хорошие / плохие») и атрибуты, которые сочетают оценочный смысл с описательным;
2. Определить характер описательного атрибута (сенсорный аромат, утилитарный и т.д.);
3. Отследить уровень эмоционального / рационального в частных оценках (в сенсорных оценках уровень эмоционального, а не рационального будет выше).
4. Метод оценки. В зависимости от формулировки оценочной формулировки выделяются два типа оценки: абсолютная оценка и сравнительная оценка.

Е. М. Вульф отмечает, что в истории изучения эмоций с философских позиций проблема связи с оценкой неоднократно появлялась на переднем плане. Е. М. Вульф рассматривает философские теории о взаимосвязи между эмоциями и оценкой в историческом аспекте. Обращаясь к настоящему, она выделяет две группы теорий оценки, связывающих эмоции с когнитивными идеями. Одна группа философов считает, что существует логическая связь между эмоциями и оценками. Согласно этой теории, эмоции логически зависят от оценок. Другая группа оценочных теорий предполагает, что эмоции сами по себе являются оценками. Другими словами, находясь в том или ином состоянии, сам субъект осознает реальность ценности и как бы живет в ней [7].

С точки зрения системы ценностей, общепринятой в обществе, оценки могут быть шкалой разной степени градации. Позиция «нейтральная» или «безразличная», представляет собой наименьшую категорию. Е. М. Вольф, как и О. С. Шибкова считает эту аксиологическую категорию более близкой к отрицательной, «плохой», а не нейтральной. Кроме того, Е. М. Вольф считает, что положительная позиция является исходной точкой оценки, это норма, а то, что ей не соответствует, является отклонением от этой нормы [6].

Категория модальности напрямую связана с коммуникацией. Средства, которые мы выбираем для выражения модальности в общении, являются не только грамматическими и лексическими, но также имеют коммуникативную составляющую. В этом исследовании мы попытаемся доказать, что оценка, как элемент субъективной модальности, может выражаться специальными лексическими средствами — фразеологическими единицами, непосредственно влияющими на модальность в коммуникативном акте. Понимание их значения в речевой ситуации особенно важно и напрямую связано с особенностями «языковой картины мира».

«Языковая картина мира» — это инструмент для описания объективной реальности. «Языковая картина мира» понимается как систематически упорядоченная модель знаков, выраженная множеством различных лингвистических средств, содержащих информацию об окружающем мире. Она тесно связана с проблемами языка и мышления. Она изменяется вместе с развитием человека и его концепцией мира. Мы можно предположить, что фразеология является частью «языковой картины мира», так как она выражает культуру людей. У каждой нации есть свои уникальные фразеологические единицы, и они являются зеркалом национального менталитета. Разница между фразеологическими единицами разных народов определяется религией и историей, обычаями и традициями, природными условиями и системами ценностей той или иной нации.

Фразеологические единицы могут рассматриваться в двух аспектах — денотативном и коннотативном. Содержание денотативного аспекта относится к объективной реальности, существующей независимо от внешнего или внутреннего мира человека. Этот аспект создает объект, существующий в форме стандартного образца, который обозначает не саму реальность, а типичные признаки реальных, основанные на знании свойств реальных [13]. Коннотативный аспект рассматривается как «скрытая», не выраженная информация, которая дополняет денотативный контент на основе информации, создающей выразительный эффект высказывания, такой как ассоциативно-образное сообщение [12].

Основная функция коннотации заключается в том, чтобы передать адресату важность ценности рассматриваемого элемента реальности, в котором подчеркивается важность компонента оценки коннотации и дается понять, что оратор пытается привлечь больше внимания адресата на некоторые составляющие его речи.

Фразеологические единицы включают два типа оценки: объективная и субъективная. Первая основана на идее ценности того, что обозначено, относительно норм, характерных для конкретного языко-культурного

сообщества. Вторая — дополнительное значение, формируется благодаря образам и эмоциональному восприятию мира [9].

Изначально типы оценки также делятся на 2 категории: субъективная (эмоциональная) и объективная (рациональная) (согласно Н. Д. Арутюновой [1]), мы считаем, что они имплицитны по своей природе и раскрываются только дополнительными значениями, составляющими коннотацию. Имея оценочную составляющую, мы можем отнести фразеологические единицы к категории модальности.

В данном исследовании, мы используем сравнительный и переводческий методы. Сравнительный метод заключается в реализации семантического анализа компонентного состава фразеологических единиц. Метод перевода используется при переводе китайских фразеологических единиц на английский язык и наоборот.

Материалом этого исследования являются фразеологические единицы, имеющие в своем составе слова со значениями «глаз» на китайском языке с переводом на русский и английский языки. Выбор категории фразеологических единиц обусловлен фактом того, что лексема «глаз» в китайском языке несет ответственность за огромное количество эмоций, обычно используемых для описания характер, передать суждение, оценку, равнодушие, волнение, удивление и т.д. [21], что будет продемонстрировано в анализе. Также нами будет предпринята попытка найти аналогичные варианты перевода исходных фразеологических оборотов с сохранением значения и степенью влияния на модальность в высказывании.

Мы разделим такие фразеологические единицы на две группы: для описания эмоций и описания состояния [8] [22]. Анализ проводился на примере фразеологических единиц разного уровня — высказывания, идиомы, пословицы, фразеологические комбинации и т.д. [20]. Китайские фразеологические единицы даны в виде иероглифов и китайских транскрипций (пиньинь), а также даны буквальный перевод и определение [4]. Мы рассмотрим, как мы можем сохранить компонент оценки, его степень и метод. И начнем с категории, отвечающей за эмоции.

顺眼 (shùnyǎn) — ласкать глаз. «让我们面对现实 · 你现在看起来顺眼多了» — «Let's face it, you are a lot easier on the eyes» — «Посмотрим правде в глаза, теперь вы выглядите более привлекательно». При переводе на русский язык, в данном случае намного привычнее выбрать некий нейтральный вариант, выраженный больше не фразеологизмом, а простым наречием, мы считаем, что в данной высказывании употребление аналогичного

фразеологизма из русского языка будет выглядеть нелепо и искусственно. Но, как мы можем видеть, в английском существует весьма приемлемый вариант перевода «easy on the eyes», звучащий менее броско, чем русский эквивалент.

Кроме того, существует и отрицательная форма — 不顺眼 (не радует глаз; не нравится, приходится не по вкусу, не вызывает хорошего чувства):

1. «水手戴耳环 · 在我们看来很不顺眼» — «We find sailors with earrings very strange» — «Матросы носят серьги, и мы находим это очень странным».
2. «这小子给他们的头一个印象就不顺眼» — «At the first sight the boy did not impress them favorably» — «На первый взгляд, мальчик их не впечатлил (не порадовал)».

На наш взгляд, модальность в данных предложениях имеет довольно тонкую, деликатную натуру, что будет выражаться в переводе 不顺眼 более сдержанным словом «странный» в первом примере и «не впечатлять/не радовать» во втором. Это не позволит наделить предложение при переводе излишним выражением критики по отношению к субъекту (используя то же «мне не нравится» или «dislike»), но, однако, все равно выразит некую оценку. Еще чаще 不顺眼 ведет к суждению, которое мы делаем, основываясь на информации, получаемой от зрения, например: «我的一举一动 · 自己看着也觉得不顺眼» — «Everything i did seemed awkward to me» — «Казалось, что я все делал неуклюже». Как и в этом примере, выбор не прямого аналога поможет придать, как нам кажется, более логичный оттенок высказыванию.

Из приведенных выше примеров мы можем четко видеть, что использование переводимости фразеологических оборотов прямыми языковыми аналогами не всегда отражается на передаваемой модальности благоприятным образом. Модальность, будучи категорией коммуникативной, требует при переводе более точного подхода к выражению, что обусловлено культурными и языковыми особенностями.

眉开眼笑 (méikāiyǎnxiào) — сияющее лицо, радостное выражение лица.

Идиома означает выглядеть веселым, луча с радостью, восторгом. Самый близкий синоним на английском языке, который мы нашли — «shining eyes dance with joy», или мы можем взглянуть на более обычную фразу — «to look cheerful», там есть глагол «to look», который относится к глазам человека. Использование «shining eyes dance with joy», на наш взгляд, оказывает дополнительное усиление высказывания, оно помогает выразить положительную оценку значения более четко и в большей степени, чем при использовании не-фразеологических

единиц. «她眉开眼笑» — «Her gentle eyes smiled» — «Она ухмыльнулась».

触目惊心 (chù mù jīng xīn) — приводить в ужас. Чтобы передать чувство страха, часто используется выражение «to shut one's eyes» («закрывать глаза» — чтобы не видеть то, что вызывает страх). «这战场的情景触目惊心» — «The battlefield was a fearsome sight» (в данном высказывании, слово sight очень близко к значению eye так как использует тот же орган для получения информации и ее оценивании) — Поле боя было страшным зрелищем.

鹰眼 (yīng yǎn) — иметь орлиный взгляд. Эта идиома описывает человека с отличным зрением, особенно для чего-то в частности. А также очень внимательного человека. Идиома очень распространена и выражается свободно в рассматриваемых языках. «出色的外科医生应具有鹰眼、狮心和女性的手» — «A good surgeon must have an eagle's eye, a lion's heart, and a lady's hand» — «У хорошего хирурга должен быть глаз орла, сердце льва и женская рука». Чтобы выделить, что кто-то настолько внимателен, чтобы замечает все детали, идиома может служить комплиментом, который по сравнению с обычными фразами показывает не только талант человека, но и мысли и суждения оратора, какой вывод он делает в уме и как он реагирует. 鹰眼 идиома показывает не только факт того, что кто-то обладает навыками, но и признанием этого, обладающим другими людьми.

天眼 (tiān yǎn) — всевидящее око. Согласно буддизму, 天眼 означает две вещи, первое — глаз небесный, который может видеть все, связан с наблюдением, охраной, силой (подобная фраза, которую мы можем встретить в русском языке, — Бог все видит). Другое значение — иметь третий глаз (на английском языке — inner eye), способность предсказать будущее, видеть вещи, которые не может сделать обычный человек. «每个修行人应该开天眼» — «Every follower should open his wisdom/inner eye» — Каждый последователь должен открыть свой третий глаз. Интересно то, что если мы просто примем во внимание то, что 天眼 относится к чему-то сверхъестественному, тогда мы найдем английскую идиому, которая очень похожа на китайскую (по наличию лексемы «глаз», но не по смыслу) — «evil eye» (сглаз, дурной глаз), которая так же отсылает нас к чему-то сверхъестественному, могущественному, необычному, правда с более негативным контекстом. Давайте посмотрим на начало знаменитого стиха Уильяма Блейка — The Tiger: «Tiger, tiger, burning bright in the forest of the night, what immortal hand or eye could frame thy fearful symmetry?» (Тигр, Тигр, жгучий страх, Ты горишь в ночных лесах. Чей бессмертный взор, любя, Создал страшного тебя?). Мы можем заметить «immortal hand or eye» в цитате. Эта часть представляет читателю что-то или кого-то обладающего огромной силой. Согласно Уильяму Блейку, тигр — это

зло, порожденное злыми силами — т.е. Дьяволом, или как это выражается — «immortal hand or eye» (по одной из версий), и используя 天眼 в переводе на китайский язык, высказывание обретает все модальные и лексические особенности, которые мы хотели бы подчеркнуть — «老虎, 老虎, 黑夜的森林中燃烧着的煌煌的火光· 是怎样的神手或天眼造出了你这样的威武堂堂?».

Говоря о лексемах 目 и 眼, мы также можем выделить категорию состояние [18].

冷眼 (lěng yǎn) — холодный взгляд, безразличное отношение. «她冷眼看着服务员在做晚饭» — «She saw the waiter cooking dinner with an indifferent eye» — «Она видела, как официант готовит обед с равнодушным взглядом». «这位老太太冷眼瞪着我» — «The old woman looked at me with a cold stare» — «Старуха посмотрела на меня с холодным взглядом». Как мы можем видеть, 冷眼 имеет аналогичную версию на английском языке — cold eyes (или icy look), что означает безразличие, холодное отношение. Модальность такой фразеологической единицы проявляется в разных смыслах — мы можем не только видеть, например, усталость человека, но и некоторую пустоту в глазах, которая может вызывать различное субъективное отношение. «老人冷眼瞪着我· 弄得我很害怕· 于是我扭过脸去背对着他» — «The old man glared at me coldly, making me scared, so I turned my face back to him» — «Старик холодно посмотрел на меня, заставляя меня бояться, поэтому я повернулся спиной к нему».

鼠目寸光 (shǔ mù cùn guāng) — не видеть дальше своего носа. «只有鼠目寸光的人才会看不见教育的重要性» — «Only the short-sighted people can not see the importance of education» — «Только недалёковидные люди не могут видеть важность образования». Есть также аналогичные единицы — «目光如豆» и «目光短浅». Каждый вариант подразумевает отрицательную коннотацию и показывает неспособность людей смотреть вперед, игнорируя всю картину в целом. «这就是目光短浅的结果» — «This is the result of short-sighting» — «Это результат недалёковидности». Используя эту идиому, чтобы выразить более имплицитную оценку, вместо того, чтобы прямо говорить кому-то о его легкомыслии, мы осторожно бросаем ему намек на неполное понимание проблемы и перспектив. Также такие виды идиом показывают характер людей в целом не только в конкретной ситуации. «远见卓识的人会被鼠目寸光的人击倒» — «Far-sighted people can be knocked down by people who are short-sighted» — «Дальновидные люди могут быть смещены недалёковидными».

有目共睹 (yǒu mù gòng dǔ) — быть очевидным для всех (еще одна версия фразеологизма — 显而易见). Английские варианты также предлагают прямые анало-

ги — as plain as day, as plain as the nose on one's face, as plain as a pack staff. Как уже было сказано ранее, 有目共睹 идиома указывает на что-то очень очевидное и может служить инструментом убеждения, которое отражает то, что мы чувствуем и что мы думаем о вопросе или проблеме. В этом конкретном случае мы ясно видим, как модальность работает с помощью фразеологии — у нас есть мысль, и мы хотим, чтобы другие мыслили в том же ключе, мы хотим, чтобы они разделили наше мнение и достигли этой же цели, мы можем использовать много разных средств, и один из них, очевидно, — фразеологические единицы.

1. «香港在这方面的成就有目共睹» — «Hong kong's achievement in these aspects is evident» — «Достижение Гонконга в этих аспектах очевидно».
2. «正如我们有目共睹的·中国发生了巨大变化» — «As we all can see, great changes have taken place in China» — «Как мы все можем видеть, в Китае произошли большие изменения».
3. «我国移动通信目前仍以极高的速度在发展·这是有目共睹的» — «It is obvious to all that mobile communications in China are still developing at an extremely high rate» — «Для всех очевидно, что мобильная связь в Китае все еще развивается с чрезвычайно высокой скоростью».

Как мы видим в приведенных выше примерах, 有目共睹 также хорошо работает в политическом и деловом дискурсе.

掩人耳目 (yǎnrén ěrmù) — закрывать людям глаза и уши (обр. в знач.: вводить в заблуждение, втирать очки). Вопреки положительной 有目共睹, 掩人耳目 имеет отрицательную коннотацию и имеет дело с обманом, введением в заблуждение, бросанием пыли в глаза людей. Во время перевода мы нашли несколько подходящих способов передачи идиомы с помощью английского языка — «to throw dust into eyes», «make fool of someone». Использование идиомы может помочь подчеркнуть, например, обвинение, жалобы или критику по той же причине, что и 有目共睹 — убедить людей принять вашу точку зрения, увидеть ситуацию так, как вы, но обратить внимание на отрицательный аспект.

1. «一个月后·爱德华希恩在下院经济形势辩论中声称·政府所表现的乐观情绪是掩人耳目·自欺其人» — «A month later, Edward Sheehan claimed in the debate on the economic situation in the lower house that the optimism expressed by the government is deceiving one's eyes and deceiving oneself» — «Месяц спустя Эдвард Шихан заявил в дебатах об экономической ситуации в нижней палате, что оптимизм, выраженный правительством, обманывает всех и себя».
2. «如果要欺骗敌人·掩人耳目是必要的» — «If you want to deceive the enemy, concealment is

necessary» — «Если вы хотите обмануть врага, необходимо действовать скрытно».

3. «魔术·本来就是变戏法·掩人耳目是必须的条件·从而实现魔术本身的神秘价值» — «Magic, originally is the trick, cover the eyes and ears is a necessary condition, in order to achieve the mysterious value of the magic itself» — «Магия, изначально — это трюк, обмануть глаза и уши — необходимое условие, чтобы достичь таинственной ценности самой магии».
4. «议会内部存在许多团体·但仅仅是为了掩人耳目» — «There are many groups within the parliament, but only to deceive the public» — «В парламенте много групп, но только для обмана общественности».

不动声色 (bùdòng shēngsè) — не подать, не показать виду. Он очень похож на английский вариант «not bat an eyelid». По Collins Online Dictionary [17], «not bat an eyelid» означает: «When something surprising or shocking happens, if someone doesn't bat an eyelid in British English, or doesn't bat an eye in American English, they remain calm and do not show any reaction» (Когда случается что-то шокирующее или внезапное, оставаться спокойным и не показывать реакции. Варианты английского «not bat an eyelid» и американского «not bat an eye» различаются лексемой «глаз» и «веко»). Представляет реакцию человека на сообщение (или на реальность, представленную говорящим), это одна из идиом, которая показывает нам, как использовать фразеологические единицы для выражения субъективной модальности.

1. «胡说八道!你怎么能不动声色说那些话» — «Nonsense! How can you say that and keep a straight face» — «Глупость! Как вы можете говорить такое совершенно спокойно?».
2. «我不动声色地听他讲着» — «I listened quietly to him» — «Я спокойно слушал его».

Идиома демонстрирует высокий уровень внимания, когда информация предоставляется слушателю (или когда говорящий сам предоставляет ее), и ее осознание, не проявляющее эмоций. Идиома может быть маркером, намекающим на то, что человек не только принял во внимание факты, но и обдумывает проблему, в которую его посвятили, или производит мыслительные процессы базируясь на то, что видит прямо перед собой, например: «她盯着这对青年·不动声色» — «She watched the pair and kept her own counsel» — «Она смотрела на молодых людей и молчала». Идиома «to keep own counsel» также помогает отразить аналогичное утверждение. Более того, 不动声色 может скрывать не только эмоции, проявляя спокойствие, но скрывать ненужные или нежелательные эмоции или действия в конкретной ситуации:

1. «她这么怕着·却不动声色» — «She was so scared, but made no sign» — «Она была так напугана, но не подала виду».

2. «他们就像捕猎者一样,悄悄接近其猎物,但我同样也不动声色» — «They are like hunters, quietly approach their prey, but I'm quiet too» — (Они, как охотники, тихо приближаются к своей добыче (не издавая шума), но я тоже мог вести себя тихо).

Результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы. В самом деле, большинство проанализированных нами фразеологических фраз имеют аналогии на английском языке и передают не только первоначально намеченное значение, но и компонент оценки [10]. Подобная аналогия приводит нас к мысли, что «языковые картины мира» рассматриваемых языков имеют некоторые сходные точки, что служит хорошей основой для дальнейшего изучения фразеологических фраз как средства выражения субъективно-модальных значений.

Также были проблемы при переводе с сохранением оригинального китайского компонента «глаз». В этих конкретных ситуациях мы предполагаем, что коннотация была единственным способом передать идею и значение правильно. Особенно, когда мы говорили о 天眼, нам приходилось рассматривать сущность самой идиомы, чтобы разобраться в некоторых особых случаях, таких как поэзия, где идиома 天眼 была наиболее подходящим вариантом для использования.

Рассматривая «not bat an eyelid», мы продемонстрировали отсутствие идентичной идиомы на китайском языке. Эти примеры доказывают, что даже если в идиоме (不动声色) нет лексемы 目 или 眼, вариант английского языка разделяет основной смысл использования «глазных» идиом — показать реакцию, которая будет оценена, и приведет к размышлению о характере человека с такой реакцией, плохой ли он («Чепуха! Как вы можете говорить такое и сохранять спокойствие» — «胡说八道!

你怎么能不动声色说那些话»), спокоен ли он («Она так боялась, что не подала виду» — «她这么怕着, 却不动声色») и т.д.

Прежде всего, мы пытались перевести идиому с сохранением не только характера оценки, но и формы. Если не было полного аналога, мы прибегали к использованию средств менее оценочного характера по сравнению с идиомами. Например — 顺眼. Говоря о 顺眼, мы столкнулись с интересным фактом: китайская позитивная единица 顺眼 в отрицательном значении 不顺眼 работает хорошо, но английский не может выразить все ситуационные оттенки смысла, поэтому иногда лучше искать значение, которое справится с задачей лучше в сотрудничестве с контекстом.

Во время анализа большинство фразеологических единиц было найдено в рассматриваемых языках с аналогичными оценочными компонентами. Полученные результаты этого исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения оценочной модальности и способов ее реализации в высказываниях, а анализ перевода фразеологических единиц способствует более полному пониманию межкультурной коммуникации, поскольку приведенные примеры приводят к демонстрации коммуникативного характера модальности и оценки.

Фразеологические единицы действительно являются сильными элементами оценочной модальности, и этот факт раскрывается в процессе анализа языков, которые различаются по типологии и аспектам культуры, с различной «языковой картиной мира».

Изучение элементов оценочной модальности, таких как фразеологические единицы, может помочь решить многие проблемы межкультурной коммуникации и приблизиться к более глубокому пониманию языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. — М., 1984. — Стр. 5–23.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов — 2е изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1969. — 607 стр.
3. Балли Ш. общая лингвистика и французская стилистика / Ш. Балли. — М.: Едиториал УРСС, 2001. — стр. 416.
4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс], URL: <https://bkrs.info/>. (Дата обращения 24.02.2017).
5. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. — С. 53–87.
6. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. — стр. 98–106.
7. Вольф, Е. М. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний / Е. М. Вольф // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: Сборник / Под ред. Н. Д. Арутюнова, И. И. Чельшева. — М., 1996. — С. 137–168.
8. Гукасова М. В. Коннотативное содержание фразеологических единиц как основание модальности, Университетские чтения ПГУ, 2011.
9. Звада О. В. Оценочная модальность // Magister Dixit. — 2012. — № 4. — С. 37–42
10. Ма Лин, Ямалетдинова А. М. Фразеологизмы, характеризующие человека, в русском и китайском языках, Вестник Башкирского Университета том 21, 2016 № 4, р. 990–995.

11. Солейник В. В. Соматические фразеологизмы, выражающие положительные эмоциональные состояния человека (на материале русского и китайского языков, Язык. Культура. Этнос: сборник научных статей, Владивосток, Россия, 2017, стр. 453–461.
12. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. стр. 141.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.— 288 с.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова С. И., Шведова Н. Ю. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ozhegov.com/words/32218.shtml>. (Дата обращения 05.03.2017).
15. Фомина Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки, Вестник Челябинского государственного университета, 2007, стр. 154–161.
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь 1998 / Гл. ред. В. Н. Ярцева — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.— 685 с.
17. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс], URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/not-bat-an-eyelid> (Дата обращения 05.03.2017).
18. Hsieh, S. C-Y., & Kolodina, E. (2009). Eyes and hands expressions: embodiment of lexical meanings. Proceedings of the 18th international congress of linguists (CIL 18), Seoul: Korea University.
19. Huang, S-F. (2002). Tsou is different: A cognitive perspective on language, emotion, and body. *Cognitive Linguistics*, 13(2): p. 167–186.
20. Li, P. J-K. (2007). Usage of body part terminology. *Language and Linguistics*, 8(3), p. 711–722.
21. Shelley Ching-yu Hsieh 謝菁玉, Embodiment in language (1): human, animal and plant expressions, Published by Bookman Books, Ltd., Taiwan, 2009, p. 325.
22. Shelley Ching-yu Hsieh 謝菁玉, Hui-chuan Lu 盧慧娟. Emotion and culture of eye metaphors in Mandarin, Spanish and German, *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación* 58, 2014, p. 110–133.

© Сафонов Максим Андреевич (em_kei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Социальный Университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СКАЗКИ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» (НА МАТЕРИАЛЕ IX ГЛАВЫ)

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATIONS OF THE FAIRY TALE BY LEWIS CARROLL «ALICE'S ADVENTURES IN WONDERLAND» (BASED ON THE CHAPTER IX THE MOCK TURTLE'S STORY)

Iu. Smirnova

Summary. The article is devoted to the comparative analysis of translations of the fairy tale «Alice Adventures in Wonderland» by L. Carroll. The uniqueness of the fairy-tale genre and peculiarities of the English language encourage further study of important aspects of translation theory, in particular, the problem of «untranslatability». The problems of «untranslatability» concern names and titles, phraseological units, word on play, extra linguistic information. Defining ways and methods of translation used by N. Demurova, B. Zahoder, L. Jahnin allows the author of the article to represent the translating solutions in the theory of «untranslatability» and translations assessment as well.

Keywords: analysis of translations, theory of «untranslatability», translating methods, nonsense, pun, wordplay.

Смирнова Юлия Валентиновна

*К. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет промышленных
технологий и дизайна»
June06@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу переводов сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране Чудес». Уникальность жанра сказки обусловлена своеобразием английского языка, что побуждает дальнейшее исследование важных аспектов теории перевода, в частности проблемы «непереводимости». К проблемам «непереводимости» относят имена и названия, фразеологические единицы, игру слов, экстралингвистическую информацию. Определение приемов перевода, используемых переводчиками Н. М. Демуровой, Б. В. Заходером и Л. Л. Яхниным, позволяет проанализировать, какими способами переводчики решают проблемы «непереводимости» в теории перевода, а также дать оценку переводам.

Ключевые слова: анализ переводов, теория «непереводимости», приемы перевода, нонсенс, каламбур, игра слов.

Уникальность жанра сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» обусловлена своеобразием английского языка, что побуждает дальнейшее исследование важных аспектов теории перевода, в частности проблемы «непереводимости». Английский язык в сказке является главным действующим лицом, поэтому произведение считается очень трудным для перевода. К проблемам непереводимости относят стилистические, эмоциональные и оценочные компоненты исходной информации в тексте, которые имеют широкий диапазон [7, с. 10].

В сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране Чудес» отражены многие стороны жизни Англии, в том числе в сатирической манере представлена система воспитания и образования. Автор использует в произведении принцип «нонсенса», который был очень распространён в Викторианскую эпоху. Викторианцы любили каламбуры и загадки. Л. Кэрролл использует все виды стилистических приёмов, чтобы создать бессмысленный эффект: он играет с синонимами, омонимами, омофонами, метафорами, оксюморонами. Английское «nonsense» — бес-

смыслица, нелепость. Этими словами в Англии называют песенки, баллады, занимательные истории, в которых реальные жизненные пропорции и связи оказываются вывернутыми наизнанку. Нонсенс XIX века усваивает традиции романтической поэтики, неприятие каких-то канонов, серой будничной действительности. Этот жанр основан на лингвистике и логике. «Нонсенс не стремится исправить или образумить мир, он не разрушает идеи или смыслы, не старается осветить отрицательные стороны человеческого бытия. Это некая замкнутая на себе закрытая система — игра ума» [13, с. 216].

В данной статье мы обратимся к переводам трех известных переводчиков — Н. М. Демуровой, Б. В. Заходера и Л. Я. Яхнина. На примере их произведений можно проследить, как переводчики подошли к сегментации текста при решении переводческих задач, связанных с переводом нонсенса.

Предметом сравнения будет не всё произведение в целом, а лишь часть 9 главы, в которой речь идёт о школьном образовании.

Каждый переводчик по-своему подходит к осмыслению и переводу этой главы. Она отличается даже по объёму переводного материала. У всех трёх переводчиков разные названия глав. В оригинале Л. Кэрролла она звучит *IX. The Mock Turtle's story*, у Н.М. Демуровой: *Глава девятая. Повесть Черепахи Квази*, у Б.В. Заходера: *Глава девятая, в которой рассказана история Деликатеса*. Л.Л. Яхнин назвал главу девятой: *Морские мороки*.

Расхождение в названиях глав можно объяснить, тем, что переводчики по-разному перевели имена своих персонажей.

Понимая и признавая трудности перевода, писатели — переводчики сопровождали свои произведения дополнительными пояснениями. Н.М. Демурова комментарии поместила внизу страницы, а в послесловии она подробно пояснила выбор имён, привела оригиналы кэрролловских текстов, изменения, которым подвергался текст. Б.В. Заходер включает целую главу (Глава никакая, из которой тем не менее можно кое-что узнать). Подобно Л. Кэрроллу, Б.В. Заходер уже с первых страниц начинает игру слов. Он говорит, «что на самом деле — это никакая глава, а никакая не глава — это просто на-просто...» [10, с.5]. Понимая, как трудно будет донести до русского читателя особенности данного произведения, Б.В. Заходер признавался, что «легче будет перевести Англию» [4]. Комментарии Б.В. Заходера включены непосредственно в текст в виде авторских ремарок, стилизованных под основное содержание. Л.Л. Яхнин написал предисловие «Сказка о сказке перед сказкой в 12 главах с эпилогом» [11, с. 5–9].

Что мы знаем из истории Англии об образовании в XIX веке? Что мальчиков и девочек учили отдельно. Школа была мужской. «Нравы в школе царили жесткие, а зачастую и просто жестокие. <...> Агрессия, как словесная, так и физическая, была в порядке вещей. Школа оставила у Л. Кэрролла столь мрачные впечатления, что вряд ли ему хотелось вспоминать о ней» [5]. (Это обстоятельство находит отражение в сказке Л. Кэрролла. На страницах всего произведения и анализируемом отрывке Алиса часто подвергается оскорблениям (the Mock Turtle: you are very dull! [15, p.113], you are a simpleton [15, p. 115]), и несмотря на то, что героине это не нравится, она вынуждена терпеть оскорбление и принуждение). Большую часть образования для девочек из состоятельных семей составляло ознакомление с хорошими манерами и этикетом. Обучение осуществляли гувернантки или частные школы. Девочки изучали литературу, основы математики и естественных наук, историю и географию. Много внимания уделялось иностранным языкам — французскому, немецкому. Древние языки — латынь и греческий девочки не изучали.

В частных пансионатах обучение стоило дорого, кроме того дополнительные услуги составляли ¼ суммы взимаемой за обучение. [3] Подтверждение этому мы находим в сказке Л. Кэрролла: «Ah! Then yours wasn't a really good school,» said the Mock Turtle in a tone of great relief. «Now at ours they had at the end of the bill, «French, music, and washing — extra» [15, p. 114]. В переводе Н.М. Демуровой речь тоже идёт о стирке и дополнительных занятиях, в результате чего начинается бессмысленный спор, чья школа лучше. В переводах Б.В. Заходера и Л.Л. Яхнина речь о стирке отсутствует, а спор о школе идёт в другом ключе. Б.В. Заходер существенно изменяет эту часть главы, добавляя к уже существующим каламбурам Л. Кэрролла свои собственные, и строит всё повествование на развёрнутых реализованных метафорах:

— На каком же уровне твоя школа?
<...> Над водой? — переспросил Деликатес. — Ты серьёзно?

— Ну, тогда это не серьёзно! — с облегчением сказал Деликатес. — Какое же тогда может быть сравнение с нашей школой? Это... это верхоглядство, вот, что это такое.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он. — У нас мальков — и тех учат гораздо глубже! А уж тех, кто хочет по — настоящему углубиться в науку, тот должен добраться до самого дна! Вот это и называется Законченное Низшее Образование! <...> — Мне вот так и не удалось по-настоящему углубиться! Не хватило меня на это, — сказал Деликатес со вздохом. — Так я и остался при высшем образовании [10, с. 184–185].

В приведённом отрывке перевода Б.В. Заходера идиомы подобраны так, что они органично связаны с морской тематикой главы. При этом весь диалог строится по законам «обратной логики» Л. Кэрролла и сохраняется «нонсенс», присутствующий в оригинале.

Л.Л. Яхнин строит спор о «лучшей» школе на каламбурах: школа «модная-водная», «придонная — на дне морском», «придомная — при доме», в которой образование было «отменное, потому что его постоянно отменяли», а мороки — это «морские уроки, на них основательно морочили голову» [11, с. 117]. Для русскоязычного читателя, даже для маленького, совершенно понятно, что морочить голову, значит «дурить, сознательно вводить в заблуждение» [14, с. 254]. Слово морочить производное от слова мрак (морок), что означает «темнеть, затемнять» — ощущение человека с закрытыми глазами. Слово «мороча» употреблено Л.Л. Яхниным ещё в одном значении «а сколько было мороки, когда их (уроки) задавали на дом». В этом предложении морока — «хлопоты, канитель, затяжное хлопотное дело»

[12], или длительное, утомительное, однообразное дело [2]. Хотелось бы заметить, что пословный перевод в данном эпизоде не имеет смысла, так как переводы Б. В. Заходера и Л. Л. Яхнина выполнены в вольном стиле. Их переводы имеют не менее комический эффект на читателя, что и текст оригинала.

Перевод имен вызывает особый интерес, так как от того, как переведены имена персонажей зависит перевод игры слов. Трудность для перевода также составляют фразеологизмы, пародии и каламбуры. Имя главной героини Алиса (Alisa) все три переводчика сохраняют, используя приём транслитерации — воспроизведение слова, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы [7, с. 63].

В 9 главе Алиса встречается с двумя довольно странными существами, что не удивительно: чудаковатые персонажи не редкость в Стране Чудес. Это Gryphon (Грифон) и Mock Turtle (Мок Тётл). В оригинале нет описания внешности этих персонажей, мы можем представить их лишь по рисункам Д. Тенниеля, где, например, Mock Turtle изображён в виде черепахи с теллячьей головой и хвостом, задние ноги у него теллячи, а передние черепаши, а Gryphon — с головой и крыльями орла и телом льва.

Gryphon — популярный персонаж жанра фэнтези — гордый, храбрый, свободолюбивый зверь. В мифах он символизирует господство над двумя сферами бытия — землей (лев) и воздухом (орел). Когда к нему подвели Алису, он «крепко спал на солнцепеке» [9, с.102]. А ведь в мифе Грифон олицетворяет Солнце, силу, бдительность, возмездие. Л. Кэрролл соединяет несоединимое. Во-первых, Грифон дружит с морской черепахой, что само по себе абсурдно, во-вторых, это существо благородное, мифическое, но разговаривает, как простолюдин, грубо, неграмотно: *they never executes nobody* (вместо *they never execute anybody*). И Н. М. Демурова, и Б. В. Заходер используют приём транслитерации при переводе этого имени. Б. В. Заходер характеризует этот персонаж в своем произведении как «чудовище» [10, с. 179]. Л. Л. Яхнин называет Грифона «странным» существом — «наполовину ГРИФ, наполовину дракОН» [11, с. 114]. Из половинок слов и складывается имя персонажа.

Mock Turtle — метафорический образ, созданный Л. Кэрроллом. В переводе Н. Демуровой фигурирует имя Черепаха Квази. В первом переводе (1967) Н. М. Демуровой Mock Turtle был Под-Котик. В 1978 г. «Алиса» Н. М. Демуровой вышла в серии «Литературные памятники» (изд-во «Наука»). В связи с тем, что это издание включало оригинальные иллюстрации Д. Тенниеля и комментарии М. Гарднера, перевод пришлось несколько изменить, и Под-Котик стал Черепахой Ква-

зи. Английское прилагательное *mock* легко сочетается с образованием привычных понятий для англичан. Эквивалентами этого прилагательного в разных контекстах в русском языке могут быть прилагательные искусственный, фиктивный, фальшивый, поддельный, ложный, игрушечный; существительные подделка, имитация, макет; приставки лже-, квази-; предлог под (в сочетании под орех и т.д.).

При переводе этого имени Н. М. Демурова использовала описательный перевод. По мнению переводчицы, самое главное было сохранить кэрролловский приём, своеобразную логику его безумных героев и бессмыслиц. Выбор нового имени для кэрролловских героев — это определение их характеров, их дальнейшего поведения. Это определение драматургии книги [6, с. 154]. В переводе Б. В. Заходера Mock Turtle получает на русском языке имя Рыбный Деликатес. Внешность его плохо различима, какой он был *настоящей* рыбой. Да это и понятно: ведь он уже Деликатес! Созданный в период всеобщего дефицита (1971 г.) Mock Turtle, по воспоминаниям Галины Заходер, должен был «обозначать что-то особенное... Так появился Деликатес» [<http://www.proza.ru/2015/10/03/20834>].

Л. Л. Яхнин Mock Turtle называет Телепахой. Это имя несёт свою смысловую нагрузку. «*Когда-то я была совершеннейшей черепахой...*» [11, с.116]. Телепаха — существо довольно странное. К тому же здесь имеет место закон нонсенса. Телепаха — что-то большое, расплывчатое, медлительное, неопределенное, в котором, однако, «брезжит» и некий смысл. Не случайно автор и далее углубляет это значение. «*- Не тяни, дорогуша, рассказывай, не то мы тут весь день телепаться будем.*» [11, с.117] Телепаться (разг.) — двигаться очень медленно, как Черепаха. Королева представила Алисе её следующим образом: — «*Это наполовину ТЕЛЕНок, а наполовину череПАХА. Из её теллячьих ножек получается отменный суп*» [11, с.114]. Вновь половинки слов у Л. Л. Яхнина образуют имя. Переводчик образует неологизм, так как считает, что «Черепаха Квази» может быть для ребёнка непонятной [8].

Вернемся к основной теме 9 главы — школе. Mock Turtle должен был рассказать Алисе, какой он был *настоящей черепахой*, и речь заходит об учителях, уроках, расписании. В оригинале Л. Кэрролл представляет читателю двух учителей Л. Кэрролл: *Tortoise u Crab*. В переводе Н. М. Демуровой (*Черепаха, краб-старик*) и Л. Л. Яхнина: (*Черемама, рыба Молот*) тоже два учителя, Б. В. Заходер представил трёх учителей: *Змей Морской, Жук, старая Мурена*.

Вокруг этих имён в каждом переводе развёртывается своя игра слов. Как можно наблюдать у Н. М. Демуро-

вой учителя — морские существа и вполне безобидные. У Б.В. Заходера и Л.Л. Яхнина учителя морские хищники (Мурена, Рыба Молот), а также у Б.В. Заходера земноводные (Удав) и насекомое — Жук.

— *When we were little <...> we went to school in the sea. The master was an old Turtle — we used to call him Tortoise. — Why did you call him Tortoise, if he wasn't one? — Alice asked. — We called him Tortoise because he taught us...* [15, p. 112–113].

Tortoise — сухопутная черепаха. Здесь игра слов, основана на одинаковом произношении слов *tortoise* /'tɔtəs/ «черепаха» и *taught us* /'tɔtəs/ «учила нас», то есть на омонимии.

В переводе Н.М. Демуровой учитель получает имя — Спрутик, и каламбур построен на одинаковом произношении имени героя и словосочетании «*ходить с прутиком*». Вот как этот диалог звучит в переводе Н.М. Демуровой:

Учителем у нас был старик — Черепаха. Мы звали его Спрутиком. <...> Мы его звали Спрутиком, потому что он всегда ходил с прутиком... [9, с.104]

В своем переводе Б.В. Заходер называет учителя Змей Морской. Это имя передает и намёк на суровый нрав Учителя. Здесь же переводчик устанавливает связь с «сухопутным» змеем, называя Учителя Удавом и Питоном, — эти слова являются полными синонимами:

Учителем был суций Змей Морской. В душе — Удав! Между собой его мы звали Питоном <...> - Он был Питоном! Ведь мы его питонцы! — с негодованием ответил Деликатес. — Боюсь, дитя, ты умственно отстала! [10, с.182].

Таким образом, словесная игра здесь тоже присутствует за счет искаженного произношения слова «питомцы»; заменив букву «м» на «н», переводчик устанавливает связь со словом «Питон», которая является смысловой. Б.В. Заходер образовал иную этимологию, построенную на слове «Питон», предварительно связав его с придуманным «змеиным» рядом: «морской змей — удав — питон — питонцы». В его перевод внесено больше изменений по сравнению с переводом Н. Демуровой, но главное — функционально адекватная информация приёма сохранена.

Не менее интересен рассказ о втором учителе в переводе Б.В. Заходера — Мурене. «Считалось, что она учит нас Рисковать Угрем и прочей *муре*, ну там *Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею*» [10, с. 187]. Мурена — это рыба из семейства угреобразных, очень похожая на змею, достигает в длину до 2-х метров. Мурены

прячут длинное гибкое тело в расщелинах коралловых рифов и поджидают добычу. Б.В. Заходер очень точно подбирает предметы (муру), которым могла обучать Мурена, особенно «*Верчение Тушею*», характерное для нее.

В переводе Л.Л. Яхнина нет игры слов. Тем не менее, смысл сохраняется. Алиса не понимает, почему учительницу называют Черемама, а не иначе. Более того, в переводе Л.Л. Яхнина *master* — учительница, получается, что *Tortoise* в переводе женского пола, хотя в оригинале *Tortoise* — мужского пола. Вот как этот диалог выглядит в переводе Л.Л. Яхнина: «*Учительница у нас была тётя Черепаха. Но мы её звали Черемама. <...> Не называть же тётю Черепана! — фыркнул Грифон. — Соображать надо!*» [11, с. 116].

Другой учитель — *Crab*. «*<...> the Gryphon: «I went to the Classical master, though». He was an old crab, he was»* [15, p. 115]. Переводчики переводят имя по-разному. Н.М. Демурова: «*краб — старик*», который целый день играл в классики [9, с.106]. Б.В. Заходер называет учителя *жуком*, «*который прожужжал все уши*» [10, с.187–188]. Л.Л. Яхин учителя именуется *Рыбой Молотом*, которая вела «уроки Пруда», при этом замечает, что «*пруд — не ее стихия*» [11 с. 119]. И это действительно так. Рыба Молот — акула, относится к отряду кархаринообразных, живут такие акулы на большом дне вдоль побережья Африки, поэтому, конечно же, пруд не может быть её стихией.

В анализируемом примере авторы-переводчики используют функциональную замену слов «old crab», тем не менее, в переводе у них представлены свои игровые приёмы и сохранён комический эффект оригинала. Перевод Н.М. Демуровой наиболее точен.

Не менее интересной является игра слов, касающаяся описания предметов, которые изучались в морской школе. Названия всех предметов строятся на каламбурах: *Reading — Reeling, Writing — Writhing, Addition — Ambition, Substraction — Distraction, Multiplication — Uglification, Division — Derision, History — Mystery, Geography — Seaography, Drawing — Drawling, Sketching — Stretching, Paintinginoils — Faintingincoils* [1]. Переводчики сохраняют приём Кэрролла и отображают словесную игру в названиях предметов и математических действий. Так в переводе Н.М. Демуровой предметы звучат: Чихание, Пищание, Рифы Древней Греции и Древнего Рима, Грязнописание, Мать-и-мачеха, Тригонометрия, Физиономия, Латунь, Драматика, Мексика, четыре действия арифметики: Скольжение, Причитание, Умилание и Изнеможение [9, с.106].

Здесь же Л. Кэрролл использует реализацию собственного неологизма и строит на этом игру слов:

— *I never heard of «Uglification»,— Alice ventured to say.— What is it? The Gryphon lifted up both its paws in surprise.— Never heard of uglifying! It exclaimed.— You know what to beautify is, I suppose. Don't you? — Yes,— said Alice, doubtfully: it means — to — make — anything — prettier.— Well then, the Gryphon went on,— if you don't know what to uglify is, you are a simpleton [15, p. 115].*

Н.М. Демурова использует каламбур на основе предмета «Причитание»: *Что такое «читать», надеюсь, ты знаешь? но если ты при этом не знаешь, что такое причитать <...> [9, с. 106].* Л.Л. Яхнин уходит от близкого перевода этого эпизода: *— Не где, а когда — в мартике, то есть в марте. Это у них в марте множатся ноги — умножаются. У Л.Л. Яхнина действие в математике связано с месяцем (мартерматике), и действия действительно напоминают весенние явления: свежение, тепление, умножение (множатся ноги). В этом переводе у Л.Л. Яхнина все кажется естественным, читается легко, отношение к предметам вполне уважительное (уважаемый предмет Почитание), или не очень (ужасно трудный Плохимия, Зоология). Занимательный неологизм образует Л.Л. Яхнин с предметом иностранный язык, каким именно переводчик не уточняет: *Мы изучали Спиностранный язык.— Спиностранный?— ахнула Алиса.— Не слышала такого.— Потому он и странный,— пожал плечам Грифон [11, с.118].* При перечислении предметов переводчик даёт волю своей фантазии, так же как Л. Кэрролл противопоставляет слово «Uglification» слову «beautify». Этот вариант перевода эпизода наиболее удачен в сравнении с другими переводчиками.*

Большую фантазию проявили переводчики при адаптации юмористически исковерканных названий школьных предметов, не потеряв вложенного автором комизма.

Все три переводчика используют приём, применяемый Л. Кэрроллом: путём добавления, изымания или замены одной буквы создают новое слово. Н. М. Демурова: *Мимические опыты, Тригонометрия, Физиономия [9, с.106].* Б.В. Заходер: *Истерия, Биография, Лживопись, Натюр-Морды [10, с.187].* Л. Л. Яхнин: *(зоология, природоедение, Лево и Право Плясание, Терпение по нотам, спиностранный язык) [11, с.117–118].*

Когда речь заходит о расписании, в котором каждый день ученики посещали на один урок меньше, Л. Кэрролл пишет: *«That's the reason they're called lessons;» the Gryphon remarked: 'because they lessen from day today.' [15, p. 116]*

В этом эпизоде обыгрывается сходное звучание слова урок «lesson» и слова уменьшать «to lessen» [16, p. 29–30]. Н.М. Демурова полностью изменила эту сцену. Речь об уменьшении уроков на один час в её переводе вообще не идёт. На вопрос, *долго ли у вас шли занятия,* Чере-

паха Квази отвечала: *Как всё займём, так и кончим [9, с.107].* Здесь угадывается фразеологизм «начать и кончить», то есть очень быстро, не успев начаться, занятия оканчиваются. [14]. Пытаясь сохранить кэрролловский приём — сходное звучание, Н.М. Демурова выстраивает цепочку: *«займём — занятия — занимать»* и приводит к фразеологизму *«Ему ума не занимать» [9, с. 107].*

В переводе Б.В. Заходера расписание было непостоянным из-за текучего состава преподавателей. Учителя пропадали, поэтому их называли *пропадавателями [10, с.189].*

У Л.Л. Яхнина текущее расписание. Для усиления выразительности переводчик использует выражение *«время текло сквозь пальцы», а «учителя смотрели на это тоже сквозь пальцы» [11, с. 120].* Во втором случае «смотреть сквозь пальцы» — фразеологизм, означающий *невнимательно, равнодушно, не обращали внимания [14, с.440].* Выражение *«время текло»* — не является фразеологизмом. Есть выражение «много воды утекло», что означает «много (немало) времени прошло, произошло перемен». Выражение *«время текло сквозь пальцы»* у Л.Л. Яхнина можно считать новообразованием, здесь надо понимать, как *«проходило бесполезно».*

Беседа двух чудаковатых существ с главной героиней неожиданно прерывается. Последний вопрос Алисы ставит в тупик её собеседников, и они решительно меняют тему разговора. Л. Кэрролл дважды использует этот приём. Его герои переходят к другой теме (см. главу 7), если не знают ответа на поставленный логичный вопрос.

Говоря о воспитании и образовании в сказке, Л. Кэрролл всё перевернул вверх ногами. Иронизируя над образованием Л. Кэрролл не морализирует, никого ничему не поучает. В сказке нет того, как должно быть. Языковая игра, положенная в основу сказки, позволила Л. Кэрроллу создать множество абсурдных ситуаций, которые имеют свой подтекст, и с помощью их высказать то, о чём прямо сказать нельзя.

Анализ переводов сказки Л. Кэрролла показал, что каждый переводчик шел своим путем к решению различных «непереводимых» ситуаций, стараясь сохранить при этом глубину и оригинальность произведения. По выражению Л.Л. Яхнина, «главная задача — создать на своём языке хорошую книгу, как минимум «читаемую». Особенно это важно в детской литературе» [8].

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются переводы IX главы Б.В. Заходера и Л.Л. Яхнина. Скучный рассказ о школе они представили занимательно и полезно, глядя на всё глазами детей, как впрочем в оригинале Л. Кэрролла, только русскими словами. Перевод Н.М. Демуровой является точным и академическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Алиса в Стране Чудес» — 9.4. Морская школа/ Рубрика «Параллельные переводы Льюиса Кэрролла» [Электронный ресурс] /Кур.С.И.Вом сайт Куря С. И. Познавательный ресурс о культуре, науке и искусстве Режим доступа: <http://www.kursivom.ru/алиса-в-стране-чудес-9-4-морская-школа/>
2. Большой толковый словарь русского языка. — 1-е изд-е: СПб.: Норинт, С. А. Кузнецов. — 1998
3. Гринберг К. Образование в среднем классе [Электронный ресурс]/ К. Гринберг, К. Коути/ Женщины викторианской Англии: от идеала до порока, 2013. Режим доступа: <http://www.ereading.club/chapter.php/1024184/27/>
4. Kouti_Zhenshiny_viktorianskoy_Anglii_ot_ideala_do_poroka.html
5. Демурова Н. М. Картинки и разговоры [Электронный ресурс]/ Н. М. Демурова/ Сказке Кэрролла Алиса в стране чудес 150 лет. Беседа Нины Демуровой с Галиной Заходер. СПб.: Вита-нова, 2008 С. 63–82. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/10/03/2083>
6. Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. Глава четвертая. Школьные годы [Электронный ресурс]/ Н. М. Демурова. Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. Режим доступа: <http://www.lewis-carroll.ru/library/demurova-luis-kerroll5.html>
7. <http://www.lewis-carroll.ru/library/demurova-luis-kerroll5.html>
8. Демурова Н. М. Голос и скрипка// Мастерство перевода: сб. статей № 7. М.: Советский писатель, 1970. Режим доступа: <http://www.speakrus.ru/articles/demurova.htm>
9. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. — СПб.: «Издательство Союз». — 2001. 320 с.
10. Калашникова Е. Другая книга. Леонид Яхнин о переводе «Алисы в Стране чудес», квазичерепашьем супе и авторском стиле [Электронный ресурс] /Е. Калашникова. 2016. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-04-14/2_int.html
11. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: пер. с англ. Н. Демуровой /вступ. Г. К. Честертон; коммент. М. Гарднера; прим. Н. Демуровой; ил. Дж. Тенниела. /Л. Кэрролл — М.: Правда, 1985. — 320 с.
12. Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес: Сказочная повесть: Пересказ Б. В. Заходера; ил. И. Олейникова, Г. Тикера. /Л.Кэрролл — М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 238.
13. Кэрролл Л. Приключения Алисы /Пер. с англ. Л. Л. Яхнина; Художественное оформление В. Радаева. /Л.Кэрролл. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. — 608 с.
14. Малый академический словарь. — М., Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П. — 1957–1984
15. Чарская-Бойко В.Ю. К вопросу о концепции абсурда и нонсенса в Европейской традиции [Электронный ресурс] / Чарская-Бойко В.Ю. // Cyberleninka. С. 215–218. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-kontseptsii-absurda-i-nonsensa-v-evropeyskoy-traditsii>
16. Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова, — М., Русский язык, 1978, 543 с.
17. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland/L. Carroll. Published by Penguin Books Ltd. England. 1994.
18. Lemos M. Language-Games in Alice's Adventures in Wonderland Or:
19. How language operates in Carroll's text to produce nonsensical meanings in common-sense references [Electronic resource]/ M. Lemos. 2009. P. 23–34. URL: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/7246.pdf>

© Смирнова Юлия Валентиновна (June06@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

COGNITIVE MECHANISMS FOR EUPHEMISMS' FORMATION

*I. Solodilova
T. Sokolova*

Summary. This article is devoted to the study of the euphemism phenomenon in terms of cognitive linguistics' ideas. The primary focus is on the linguocognitive mechanisms that underlie the euphemisms' formation as linguistic units not only «softening» the negativity of the corresponding phenomenon's perception, but also triggering the process of the conceptual content changing. As linguocognitive mechanisms of euphemisms refocusing in the object's perception when it is renamed, secondary interpretation of existing knowledge about the object, evaluation, ontologization and privatization of the received knowledge, speech manipulation are considered. The proposed study view makes it possible to expand the traditional notion of euphemisms as words that are synonymous substitutions by understanding their role in changing the conceptual content of certain negative concepts from the point of view of value concepts' parameters and the value worldview as a whole. By such consideration euphemism is an example for conceptual content conditionality of linguistic semantics in the general process of linguocognitive interaction.

Keywords: euphemism, cognitive aspect, conceptual derivation, variable interpretation, concept, value worldview, modus category, evaluation.

Солодилова Ирина Анатольевна

*Д.филол.н., доцент, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия
solodilovaira16@gmail.com*

Соколова Татьяна Юрьевна

*Аспирант, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия
sokolova.ty89@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению явления эвфемии с точки зрения положений когнитивной лингвистики. В центре внимания — лингвокогнитивные механизмы, лежащие в основе формирования эвфемизмов как языковых единиц, не только «смягчающих» негативность восприятия соответствующего явления, но и запускающих процесс изменения концептуального содержания. В качестве лингвокогнитивных механизмов эвфемизации рассматриваются перефокусировка в восприятии объекта при его переименовании, вторичная интерпретация имеющихся знаний об объекте, оценка, онтологизация и приватизация полученного знания, речевая манипуляция. Предлагаемый ракурс изучения позволяет расширить традиционное представление об эвфемизмах как о словах — синонимичных заменах пониманием их роли в изменении концептуального содержания отдельных негативных с точки зрения ценностных параметров концептов и ценностной картины мира в целом. При таком рассмотрении эвфемия являет собой пример обусловленности концептуального содержания языковой семантикой в общем процессе лингвокогнитивного взаимодействия.

Ключевые слова: эвфемизм, когнитивный аспект, концептуальная деривация, вариативная интерпретация, концепт, ценностная картина мира, модусные категории, оценка.

В рамках традиционной лингвистики явление эвфемии рассматривалось учеными, прежде всего, в аспекте его принадлежности к табуированной лексике. Неизменяемость большей части состава этой категории лексики, что в значительной степени было обусловлено наличием строгой цензуры в отношении стилистических норм языка (существовал определенный список «запрещенных» слов и выражений), предопределила относительно невысокую степень актуальности изучения проблем эвфемии в отечественной лингвистике.

Динамичность языковых изменений как отражение общей динамики окружающего мира коснулась и эвфемизмов и связанных с эвфемией языковых процессов. Демократизация жизни привела к постепенному стиранию границ «запретного» контента языка, а развитие языка политики и шире — лексико-семантического слоя, включающего лексические единицы, «полит-корректно» обозначающие нелицеприятные социально-политические явления общественной жизни, — к значительному расширению и изменению

этого слоя лексики. В этом отношении эвфемистические наименования можно рассматривать как случаи отражения в языке происходящих в ценностной картине мира изменений. Исследование этого явления дает возможность получить данные о ценностных параметрах общества — его аксиосфере и описать соответствующие фрагменты ценностной картины мира. Результаты сопоставительного исследования эвфемистических средств в языке в диахронии позволяют сделать вывод об изменениях в системе ценностей и «нормах лингвосообщества» [18, с. 328].

Рассмотрение языка как мощного инструмента воздействия предопределило интерес зарубежных и отечественных лингвистов к изучению его единиц с точки зрения их манипулятивных способностей. Эвфемизмы заняли в этом списке центральную роль, поскольку в их функции входит завуалирование отрицательных с точки зрения социума общественных явлений, кроме того они выполняют немаловажную роль так называемых ориентиров в аксиологической системе общества, имея способность вносить в нее

свои коррективы. Данные зарубежных и отечественных исследований говорят о мощном потенциале эвфемизмов в сфере влияния на систему ценностей и формирования социального мнения. Этот потенциал может быть реализован и в рамках языковой политики, целью которой является установление языковой нормы с предписанием применения средств завуалирования, и посредством «рекламирования» эвфемизма через СМИ.

Изучению эвфемии и ее особенностей в современной лингвистике посвящено много работ, однако, проблема эвфемизации речи в аспекте когнитивной деятельности человека по-прежнему остается малоисследованной областью. Признаваемая сегодня большинством лингвистов зависимость состояния языка от когнитивной деятельности человека находит отражение в огромном количестве исследовательских работ, но обратное — влияние языка, языковых новообразований на концептуальную систему человека — пока не отличается частотностью рассмотрения. Эвфемизмы социально-политического слоя лексики, создаваемые искусственно, «по заказу» и активно функционирующие в языке, вносят свои изменения в концептуальную систему человека, модифицируя изначальный образ именуемого объекта и в этом отношении представляют собой богатый материал для изучения данной проблемы. Все это определяет актуальность рассмотрения явления эвфемии как лингвокогнитивного феномена, отражающего ценностные установки общества.

Главным источником поступающей человеку информации на сегодняшний день являются средства массовой информации. То, как СМИ отбирает и преподносит для своих адресатов информацию, напрямую оказывает влияние на формирование общественного мнения о какой-либо сложившейся ситуации в мире. Иными словами, способ преподнесения информации средствами массовой информации является основой для формирования или внесения изменений в политическую картину мира человека. Американский ученый Роналд Лэнекер для описания данного явления предложил термин «конструирование мира», который означает «способность адресанта сообщения представлять действительность альтернативными способами в зависимости от его прагматических интенций, создавая в сознании реципиентов определенный ментальный образ посредством сознательного выбора языковых средств оформления высказывания» [15, с. 160]. Участники политического медиадискурса придают информации более выгодную для них форму, создавая в сознании адресатов картину окружающего мира и интерпретируя объекты этого мира на свой лад.

В таких случаях говорят о языковых средствах как об инструментах манипуляций, с помощью которых автор сообщения реализует свои речевые стратегии, воздействуя на сознание реципиентов. По мнению Г.А. Копниной, «речевая манипуляция — это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на *когнитивную* и поведенческую деятельность адресата» (выд. нами — Т.С.) [13, с. 25].

О «вариативной интерпретации действительности» (ВИД) говорит в своей работе «Лингвистическая экспертиза текста» А.Н. Баранов [3, с. 174], считая основной языковой предпосылкой речевого воздействия возможность описания какого-либо предмета или явления действительности с использованием различных языковых форм. По мнению ученого, языковой механизм ВИДа является более обширным феноменом в сравнении с явлениями синонимии. Вариативная интерпретация действительности, согласно А.Н. Баранову, включает в себя следующие языковые и коммуникативные феномены: конверсию, точку зрения, некоторые виды антонимии, номинализацию, замену предложения, эвфемизм и др. [Там же].

При исследовании природы речевого воздействия с когнитивной точки зрения необходимо учитывать одну из важнейших составных частей когнитивной системы — модель, или картину окружающего мира. Картина мира представляет собой комплексную систему представлений об окружающей реальности, существующих в виде фактов, знаний, норм и правил. По мнению А.Н. Баранова, процесс коммуникации характеризуется всегда онтологизацией знания, которую можно описать как процедуру по введению новых знаний в картину мира человека и усвоению этих знаний (согласование новых знаний с уже имеющимися). Усваиваемость нового знания зависит от уровня его сложности. Когнитивная система человека усваивает лучше те знания, над которыми ей пришлось поработать. Усилия, приложенные когнитивной системой человека для получения знания, именуется А.Н. Барановым процессом приватизации знания [4, с. 96].

Принцип приватизации знания встречается практически во всех видах речевого воздействия, имеющего отношение к скрытому, завуалированному преподнесению информации. Следовательно, явление эвфемии должно рассматриваться и в названных выше аспектах: онтологизации и приватизации нового знания, а возможности описания одной и той же ситуации различными языковыми формами, обуславливают ее рассмотрение как способа вариативной интерпретации действительности.

В отличие от традиционной лингвистики, рассматривающей явление эвфемии как средство синонимизации или вторичной номинации, когнитивная лингвистика оперирует более широким понятием, которое выводит описание отношений между языковыми единицами в рамках эвфемии за границы внутриязыковой системы. Когнитивная лингвистика трактует эвфемиию как некий ментальный процесс, характеризуемый формированием концептов или изменением их содержания на основе вторичной интерпретации имеющихся знаний.

В данном случае можно утверждать, что феномен эвфемии представляет собой отдельный случай концептуальной деривации, заключающийся в получении языковой единицей нового смысла на основе ее переосмысления и в модификации (формировании нового) концептуального содержания.

Эвфемизация как самостоятельный процесс представляет собой отдельный случай концептуальной деривации, который основывается на повторной (вторичной) репрезентации исходного знания и смене оценки предмета или явления окружающего мира / личного опыта говорящего со знака «+» на «-». Природа и характер исходного знания, и мотивы использования эвфемизма (эвфемистической замены) оказывают влияние на выбор того или иного языкового механизма эвфемизации, к которым относятся: словообразовательная номинация, заимствование, вторичная номинация. Выступая в качестве языкового механизма эвфемизации, данные процессы всегда связаны с изменением концептуального содержания.

Языковые механизмы эвфемизации имеют прямое отношение к результатам интерпретации и формированию знаний на концептуальном и языковом уровнях. В основе данных процессов лежат концептуальные схемы и модели интерпретации уже накопленных знаний, целью которой является особый способ их повторной презентации в языке — метапрезентации. Под метапрезентацией мы вслед за Л. В. Бабиной понимаем субъективно-оценочный способ языкового толкования и повторной репрезентации накопленного знания. Метапрезентация есть процесс, связанный с созданием нового смысла на основе интерпретации уже имеющегося знания [2, с. 42].

Согласно мнению Л. В. Бабиной, «эвфемия есть способ концептуальной деривации, направленный на нейтрализацию имеющейся отрицательной характеристики, которая ассоциируется с первичным знанием, и соответствующий способ вторичной репрезентации на концептуальном и языковом уровнях, а эвфемизмы продуктом этой деривации» [Там же].

Концептуальная деривация объективируется на языковом уровне в семантической деривации, которая, как известно, понимается в лингвистике как «образование производных значений от исходных без изменения формы знака» [17, с. 46]. Этот процесс называют также семантическим словообразованием.

В рамках когнитивной лингвистики концептуальная деривация трактуется как «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [2, с. 47]. Концептуальная деривация представляет собой все виды расширения, сокращения и сдвигов концептуального содержания. Специфика содержания концептуальных областей и природа их взаимодействия определяют применение того или иного когнитивного механизма формирования смысла в рамках общего деривационного процесса. Л. В. Бабина в своей статье «Модели концептуальной деривации» пишет, что «в процессе концептуальной деривации происходит объединение исходных концептов в концептуальные структуры, внутри которых исходные концепты выступают как согласованные по тем или иным концептуальным характеристикам друг с другом» [2, с. 48].

Как уже было сказано выше, процесс эвфемизации заключается в присвоении исходному концепту новому имени/наименованию, в результате чего свою репрезентацию в языке он осуществляет с помощью другого концепта, который уже имеется в языковой картине мира носителей языка (в случае вторичной номинации) или формируется на основании заимствованного слова и стоящего за ним концептуального содержания (в случае заимствования).

Вторичная номинация понимается исследователями как использование существующих в языке средств номинации в новой для них функции наречения и результат этого процесса. По мнению Л. В. Бабиной, «в качестве главной предпосылки применения вторичной номинации служит сходство денотатов объединяемых реалий; даже если оно незначительно — возможно осуществить вторичное название, которое происходит за счет установления общих (интегрирующих) признаков, позволяющих объединить определенные реалии в один класс» [2, с. 46]. В рамках процессов эвфемизации данный принцип находит отражение в том, что эвфемистическая замена/переименование может быть реализована только при наличии определенных концептуальных связей, лежащих в основе взаимосвязи исходного и репрезентирующего концепта. Во время коллаборации двух концептов в действие приводятся не только лингвистические

знания, но и общие знания об окружающей действительности, что обуславливает концептуальное изменение и формирование новых смыслов. Как результат, единица языка не только используется в новой для нее функции названия, но и приобретает дополнительный, ранее никому не известный смысл.

Взаимодействие двух картин мира — реальной и идеализированной — является ядром процесса переосмысления языковых единиц. Во время подбора и применения подходящего ситуации эвфемистического средства происходит столкновение двух миров: реального мира и идеального (мира ценностей, ценностной картины мира). С целью донести информацию адресату сообщения в более приемлемом для него формате адресат дает оценку предмету или явлению, осмысливая их через призму норм и ценностей общества в настоящий период времени. Иными словами, продукт вторичной номинации может рассматриваться как результат наложения реальной картины мира и идеальной/ценностной.

Рассмотрение эвфемизмов как продуктов концептуальной деривации связано с изучением интерпретивной деятельности человека. В этом отношении эвфемизм может быть представлен как «один из способов вторичной репрезентации знаний в языке» [7, с. 46]. Вторичная репрезентация знаний связана, как правило, с оценочной деятельностью человека, что полностью согласуется с признанием за эвфемизмами оценочной функции и причислением их к модусным языковым категориям в предлагаемой Н. Н. Болдыревым системе категориального знания [9, с. 6]. «В языке категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» [8, с. 23]. В рамках данной теории все языковые категории представляют собой определенный формат знания: лексические категории являются аналоговыми категориям естественных объектов и реализуют в языке гносеологическую функцию, воспроизводя в языке онтологическую модель мира; грамматические, являясь онтологическими по отношению к языку, реализуют его коммуникативную функцию; категории модусного типа (к которым автор теории относит *отрицание*, *аксиологические (собственно оценочные) категории*, *категории аппроксимации*, *эвиденциональности* и др.), обеспечивая говорящим возможности различной интерпретации того или иного концептуального содержания, отражают интерпретативную (ценностную) модель мира и тем самым связаны с онтологи-

ей человеческого сознания, его интерпретирующей функцией [8, с. 25; 12, с. 170]. Эвфемизация связана с понижением уровня отрицательности исходного antecedenta, что позволяет, с нашей точки зрения, рассматривать эвфемизм в предлагаемом категориальном формате как категорию модусного типа.

Изучение эвфемизмов в аспекте концептуальной деривации позволяет рассматривать их как «способ языковой интерпретации концептуального содержания, который может быть реализован через такие когнитивные механизмы формирования смысла, как: концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная инференция» [7, с. 45]. Вторичная номинация, словообразовательная номинация, синонимическая или антонимическая замены являются при этом языковыми механизмами данного процесса. В этой связи эвфемизм представляет собой «модель изменения определенного концептуального содержания с целью формирования нового смысла» [7, с. 46].

В сознании каждого носителя языка имеется идеальная картина мира, которая включает в себя систему ценностей, норм, правил. В ситуациях, когда человек сталкивается с предметом или явлением реального мира, которые не соответствуют его идеализированной картине мира, реальная и идеальная картины мира вступают, в своего рода, конфликт, который и заставляет носителя языка искать средства его устранения: смягчить, нейтрализовать отрицательный для него antecedent, прибегая к эвфемистической замене. Эвфемистическая замена имени объекта сопровождается трансформацией исходного концептуального содержания, в основе которой лежит взаимодействие двух концептов. Результатом коллаборации двух концептов является формирование нового концептуального содержания, репрезентирующего в сознании исходный концепт. По мнению Ю. В. Алексиковой, такой вид переименования может быть осуществлен только в тех случаях, когда эти два концепта находятся между собой в межконцептуальных отношениях, «поскольку в противном случае связь между исходным концептом и эвфемистическим выражением не будет прослеживаться, и прагматический эффект высказывания не будет достигнут» [1, с. 46].

Эвфемистические наименования, как уже подчеркивалось выше, являются носителями оценки. Оценочная деятельность человека является особым видом познания, его когнитивной деятельностью, а именно деятельностью интерпретативной. Результаты первичного познания претерпевают в этом случае свою интерпретацию. Человек интерпретирует полученные знания об окружающем его мире, исходя

из идеализированной — ценностной картины мира и дает ему (миру) свою оценку. Процесс эвфемизации, заключающийся в переименовании объектов и явлений окружающей действительности, основан на выделении в объекте номинации иных (нежели фиксируемых исходным именем) релевантных признаков, по которым и осуществляется выбор нового имени. Выделение признаков определяется при этом ценностными установками говорящего, в результате чего происходит, своего рода, перефокусировка, или смещение фокуса восприятия объекта как части мира. Перефокусировка как когнитивный процесс, лежит, таким образом, в основе процесса эвфемизации, определяя направление сдвига / изменения концептуального содержания.

Подводя итог выше сказанному, выделим основные — когнитивные по своей сути — механизмы, определяющие своеобразие функционирования эвфемизмов в лексической системе языка и речи, подлежащие, на наш взгляд, более детальному изучению с целью раскрытия особенностей формирования и функционирования эвфемизмов. К таковым относятся механизмы *перефокусировки* в восприятии объекта как результат *вторичного познания или интерпретации* уже имеющихся об объекте знаний, *онтологизации* и *приватизации* рождаемого в результате этого нового знания, связанного с изменением *оценки* объекта и как следствие, *метапрезентации в языке* и механизмы *речевой манипуляции сознанием* воспринимающего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексикова Ю. В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке / Ю. В. Алексикова // Тамбов. — 2010. — 163 с.
2. Бабина, Л. В. Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N+N / Бабина Л. В., Шепелева Д. А. // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — С. 39–50.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика / А. Н. Баранов // Учебное пособие. — Москва. — 2012. — 593 с.
4. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной лингвистики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: хрестоматия / ред. В. А. Пищальниковой. — Барнаул. — 2001. — С. 95–104.
5. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. — Т. 56. — 1997. — № 1. — С. 11–21.
6. Баятурова, У. П. Когнитивная структура оценочной ситуации и особенностей ее репрезентации в современном английском языке / У. П. Баятурова. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ. — 2005. — 107 с.
7. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев // Тамбов. — 2014. — 236 с.
8. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18–36.
9. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2. — С. 5–22.
10. Герасимов, В. И. Когнитивная парадигма языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва. — 1988. — С. 5–11.
11. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
12. Кобрин, Н. А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития / Н. А. Кобрин // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. — Тамбов. — 2000. — С. 170–175.
13. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина // Учебное пособие, 6 издание. — Москва. — 2017. — 170 с.
14. Лэнекер, Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика / Р. В. Лэнекер // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. — № 3.-С. 15–27.
15. Лэнекер, Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении / Р. В. Лэнекер // Вестник Московского университета. — Москва. — 1997. — С. 159–174
16. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин // Учебное пособие. — С.-Петербург. — 1996. — 760 с.
17. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин // Учебное пособие. — С.-Петербург. — 2003. — 277 с.
18. Чес Н.А., Тюкина Т. А. Эвфемизация как лингвокогнитивный механизм манипулятивного воздействия (на материале англоязычного политического медиадискурса) / Н. А. Чес, Т. А. Тюкина // 25 лет внешней политике России: сб. материалов X Конвента РАМИ — Москва. — 2017. — С. 326–341.

© Соколова Татьяна Юрьевна (sokolova.ty89@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Терских Татьяна Филипповна

К.филол.н., доцент,

Иркутский государственный университет

tirskich@mail.ru

ANALYSIS OF THE INDEFINITE-PERSONAL SENTENCE IN THE NOVEL «MASTER AND MARGARITA» BY BULGAKOV M.A.

T. Terskikh

Summary. The article deals with the semantic and structural properties of the indefinite-personal sentences, in which the subject, indicating the 3d person in plural, may express in the discourse not only the plurality, but the singularity of the subject.

Indefinite-personal sentences in the modern Russian are related to a certain range of situations, when the acting one is not seen by the speaker, and its action are perceived by ear; when the common reaction of people or actions of governmental bodies are described.

It is known, that the predicate of the indefinite-personal sentence is always in the plural form and may correlate with various quantitative constitution of subjects (from an undefined multiplicity to the one).

The article analyzes the indefinite-personal sentences in the novel «Master and Margarita» by Bulgakov M. A., where the predicate of the indefinite-personal sentences is always in form of the 3d person in plural. The absence of the expressed subject in the indefinite-personal sentences does not violate its semantic integrity, as there is no element in the language system, which could apply for this role.

There are also considered the ways of subject interpretation, its singularity or plurality, distancing of the subject of speech from the subject of action, unnamedness of the subject. All this helps M. Bulgakov to express the relation to the world with help of the indefinite-personal sentences, not imposing his opinion on the reader.

Keywords: indefinite-personal sentences, subject, certainty/uncertainty, subject zero, subject stance of distance.

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и структурные свойства неопределенно-личных предложений, в которых подлежащее, указывающее на 3 лицо мн. ч., может выражать в дискурсе не только множественность, но и единичность субъекта.

Неопределенно-личные предложения в современном русском языке связаны с определенным кругом ситуаций, когда производитель действия не виден говорящему, а его действия воспринимаются на слух; когда описываются коллективные реакции людей или действия государственных структур.

Известно, что предикат неопределенно-личного предложения всегда стоит в форме множественного числа и может соотноситься с разным количественным составом субъектов (от неопределенного множества до одного).

В статье анализируются неопределенно-личные предложения в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где предикат неопределенно-личного предложения всегда стоит в форме третьего лица множественного числа. Отсутствие выраженного субъекта в неопределенно-личных предложениях не нарушает их семантической целостности, поскольку в языковой системе нет элемента, который мог бы претендовать на эту роль.

Также рассматриваются способы интерпретации субъекта, его единичность или множественность, дистанцирование субъекта речи от субъекта действия, unnamedness субъекта. Всё это помогает М. Булгакову с помощью неопределенно-личных предложений выражать отношение к миру, не навязывая своего мнения читателю.

Ключевые слова: определённо-личные предложения, субъект, определённость/неопределённость, субъектный нуль, дистанцированность субъекта.

Введение

Цель нашей работы — рассмотреть неопределенно-личные предложения в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [1] и определить, каким образом неопределенно-личные конструкции позволяют выразить понимание мира, времени, философскую позицию автора.

Особенность неопределенно-личных предложений в русской грамматике в том, что они имеют выраженную форму сказуемого, но без выраженного подлежащего.

В зависимости от отражаемой в предложении действительности, а также от отношения говорящего к высказанному выделяются следующие случаи употребления неопределенно-личных предложений:

Субъект неизвестен говорящему и несущественен для говорящего в данной ситуации.

Субъект не может быть точно указан говорящим.

Субъект может быть известен говорящему, но он не называет его в силу каких-то причин, в результате чего создается неопределенность.

Субъектом является сам говорящий, но он не считает нужным акцентировать внимание на этом.

В некоторых случаях единичный производитель действия указывается в контексте, но отказ от названия конкретного деятеля способствует выражению оттенка неопределенности и обобщенности.

Предикат неопределенно-личного предложения всегда стоит в форме третьего лица множественного числа. Такая категоризация личного субъекта носит неслучайный характер: множественное число как частное значение категории числа, выражая идею дискретного множества, обнаруживает связь с категорией одушевленности. И слово «личный» в термине *неопределенно-личный* указывает на то, что субъект действия — лицо, личность, человек.

Неопределенно-личные предложения используются в качестве коммуникативного приема неназывания субъекта действия или состояния, о котором сообщает предикат. Причинами умолчания могут быть неизвестность субъекта говорящему, несущественность субъекта для предложения или, наоборот, особая значимость субъекта [2].

Их отличие от двусоставных глагольных предложений с неопределенным местоимением *кто-то* в качестве подлежащего в том, что внимание говорящего сосредоточено только на факте действия, обозначение деятеля не представляется важным.

Методы и материал исследования

Практическим материалом послужили неопределенно-личные предложения, отобранные методом сплошной выборки из художественного произведения.

Мы также использовали методы наблюдения и описания неопределенно-личных конструкций с точки зрения определенности/ неопределенности субъекта; рассмотрели, что в семантическом плане символизирует незаполненность, незанятость позиции субъекта в неопределенно-личных предложениях.

Нами был поставлен вопрос, сможет ли читатель, при употреблении неопределенно-личных предложений

в специфическом контексте, разгадать значение нулевого подлежащего, опираясь на свои знания грамматики русского языка и особенность эпохи.

Известно, что семантика и структура неопределенно-личных предложений, а также то, что описываемые события в произведении не подаются с точки зрения субъекта, позволяет интерпретировать смысловое содержание текста.

Неопределенно-личные конструкции в романе М. Булгакова [1] представлены большим количеством вариантов, где мы наблюдаем действия официальных учреждений, которые были характерны для определенного времени в России.

Результаты

В романе Булгакова для развития истории использована не только последовательность событий, но и их динамика, быстрая смена картин, это заставляет читателя следить за действием, не отвлекаясь на его исполнителей: *В квартире № 50 побывали, ... осматривали её ... выстукивали стены, искали тайников* [1, с. 329].

Проанализируем, как был представлен субъект в романе.

Особенности представления производителя действия в неопределенно-личных предложениях в романе М. Булгакова:

1) Количественная неопределенность субъекта действия, но сфера его деятельности очевидна (властные структуры). Такие конструкции в языке получают распространение в послереволюционное время в двадцатом веке.

Ах, до чего странный субъект! ... Скорей звонить! Его быстро разъясят [1, с. 44].

Заметим, что все глаголы в представленных конструкциях стоят в изъявительном наклонении, форм сослагательного наклонения не выявлено, повелительное в двух примерах обозначено конструкциями **чтобы + сказуемое** в прошедшем времени. Почти все глаголы представлены в форме совершенного вида. Это говорит о том, что обозначается действие не в его течении, а в его результативности, с указанием на предельность, обязательность и «неотвратимость» действия. Больше всего неопределенно-личных предложений, которые указывают на действие, которое произошло в прошлом. Это говорит о том, что важнее, что совершил деятель в прошлом, а не то, кто этим деятелем был.

В неопределенно-личных конструкциях синтаксический нуль соотносится с субъектами разного количества и разной представленности по определенности / неопределенности, поэтому автор использует эту особенность неопределенно-личных предложений с целью сосредоточения действия на важном без отвлечения на события несущественные и незначимые в этот момент.

2) Неопределённость и несущественность референта субъекта для говорящего. Деятель неизвестен и в нём нет необходимости.

— *Пиво привезут к вечеру, ответила женщина* [1, с. 67].

3) Неопределённый субъект. Указание на обстоятельственный, субъектно-пространственный детерминант:

... кот поступил как всякий, **кого изгоняют** из трамвая, но которому всё-таки ехать-то надо [1, с. 49].

Форма 3-го лица множественного числа глагола в неопределенно-личных предложениях указывает на количественную неопределенность субъекта в смысле невыбранности, несущественности количественной определенности, допуская разное «количественное наполнение» субъекта.

4) Неопределённый субъект имеет родовое значение «люди», выражается общее суждение:

1. *Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме **рассказывали** всякие легенды...* [1, с. 74].

Здесь неопределенно-личные предложения в рамках художественного целого интерпретируются в связи с «образом автора».

Неопределенно-личные предложения с предикатами в романе «Мастер и Маргарита» часто являются грамматическим средством создания определённой дистанцированности героя от окружающего общества.

5) Производитель действия неизвестен, характеризуется негативно:

— *Что за дом у нас такой?. Стекло **выбили** опять на лестнице...*

[1, с. 206].

6) Неопределенный субъект, единичный:

— *А между тем меня силой **задержали** здесь, **тычут** в глаза лампой, в ванне **купают**, про дядю Федю чего-то **расспрашивают!*** [1, с. 88].

7) Неназванный субъект, единичный:

*Ваш роман **прочитали**,— заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру,— и **сказали** только одно, что он, к сожалению, не окончен* [1, с. 376].

Активное использование в текстах авторов после-революционной эпохи неопределенно-личных происходило, когда описание действий государственных структур оказывается значимой частью повествования, но авторами не всегда открыто назывались производители действия в силу определённых причин.

В некоторых ситуациях с помощью неопределенно-личных предложений раскрываются события, в которых участвует не множество лиц, а скорее один человек.

Например: — *А между тем меня силой **задержали** здесь, **тычут** в глаза лампой, в ванне **купают**, про дядю Федю чего-то **расспрашивают!*** [1, с. 88]. Невозможно представить, что одну лампу могут держать несколько человек. В данном контексте число субъектов нам неизвестно, но мы можем предположить, что это один человек, так как несколько человек не могут одновременно «тыкать лампой».

Таким образом, в исследуемых синтаксических конструкциях на грамматическом уровне деятель представлен как неопределенный, на семантическом уровне деятель может иметь различную степень неопределенности. Но основным значением глагольной формы является именно неопределённость, а не множественность субъекта.

Обсуждение полученных результатов

Результаты анализа подтвердили, что в действии в неопределенно-личных предложениях сосредоточен главный замысел автора: изобразить события, не называя действующих лиц. Производитель действия не обозначен, так как его присутствие либо несущественно, либо оно неопределенно или невозможно. Иногда субъект может быть не назван принципиально.

В рамках проанализированного материала мы отмечаем случаи неназванности субъекта в неопределенно-личной конструкции, в том числе не обозначенные ранее другими исследователями:

1) *Количественная неопределённость субъекта действия, но сфера его деятельности очевидна (властные структуры).*

2) *Неопределённость и несущественность референта субъекта для говорящего.*

3) *Производитель действия неопределённый, но содержится косвенное указание на субъект (обстоятельственный, субъектно-пространственный детерминант).*

4) *Неопределённый субъект имеет родовое значение «люди», выражаемое общим суждением.*

5) *Производитель действия неизвестен, характеризуется негативно.*

6) *Неопределённый субъект, единичный.*

7) *Конкретизация субъекта невозможна (метафорическое употребление.)*

8) *Неназванный, но угаданный читателем субъект; единичный.*

Сведения о действующем лице могут интерпретироваться: обычно мы узнаём о нём из контекста или сама ситуация подсказывает нам, кто является действующим лицом. Иногда указание на субъект действия может находиться и в самом неопределённо-личном предложении.

Наконец, действующее лицо может быть не только неизвестно, но и характеризоваться негативно: *Стекло выбили опять на лестнице...*

Также мы определили, что при употреблении неопределённо-личных предложений в специфическом контексте читатель безошибочно расшифровывает значение нулевого подлежащего, опираясь на свои знания грамматики русского языка и контекст эпохи.

По мнению Е. В. Падучевой [2], подлежащее, которое подразумевается в предложениях такого типа может относиться не только к множеству лиц, но и к заведомо единичному лицу. Несмотря на то, что грамматические характеристики главного члена данных предложений указывают на 3-е лицо, И. А. Мельчук [3] использует термин «нулевое подлежащее», поскольку форма глагола подразумевает, что действие совершено неизвестным количеством людей.

Неопределённо-личные предложения с нулевым подлежащим в современном русском языке связаны с определённым кругом событий, когда действия воспринимаются на слух, производящий их деятель не виден говорящему; когда используются коллективные реакции, действия государственных структур, отношение группы людей к определённой ситуации действительности.

Как рассматривается вопрос о субъекте неопределённо-личных предложений в научной литературе? Каковы способы интерпретации субъекта?

В синтаксической теории А. А. Шахматова [4] признаётся наличие субъекта в семантике предложения. Тем са-

мым структура предложения противопоставляется его семантической организации.

В отечественной лингвистике известен и другой подход к обнаружению в неопределённо-личных предложениях субъекта, имеющего определённое место в структуре предложения. Так, И. А. Мельчук [3] вводит понятие «синтаксического нуля».

Понятие синтаксического нуля получило признание в современной русистике. Правда, более распространённым стало мнение о том, что сущностью именных нулевых единиц в синтаксисе является их местоименная природа (см. работу [5]).

«Ваш роман прочитали...» Эту фразу говорит Воланд в финале романа. Известен или не известен субъект предикатного действия читателю?

Е. В. Падучева [2] считает, что субъект неизвестен. Мы привыкли к тому, что подразумеваемый субъект выражает неопределённость, а именно, неизвестность говорящему, но в данном случае это звучит недостаточно убедительно. Ведь, читая эту фразу, мы догадываемся, кто субъект действия. Тем более ему (этому субъекту) подчиняется сам Воланд.

Субъект известен, но почему он не назван? Предложение «*Ваш роман прочитали*» — референтно-определённое [2]. В пользу этого говорит и лексика: важную роль в данном случае играет лексическая семантика глагола, которая подчёркивает степень необходимости индивидуализации субъекта. Субъект глагола 'прочитать' не может быть неопределён, семантика глагола такова, что вызывает представление об определённом лице, ср.: Ваш роман запретили / украли / потеряли / не напечатали и т.д., где не возникает потребности в семантизации субъекта, его уточнении и конкретизации. С точки зрения Воланда и мастера, неназванность субъекта оправдана, они знают о ком идёт речь.

М. Булгакову удаётся незримо обозначить присутствие главного героя в событиях, указать на его главную роль в романе. Позиция автора заключается в том, чтобы придать особую значимость субъекту, обозначив его неназванность и невидимость окружающим, чем и был мотивирован выбор автором романа неопределённо-личной конструкции.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что наличие синтаксического субъекта в семантике предложения в романе М. Булгакова не подтверждено, но несмотря на это семантическая целостность таких конструкций не нарушена.

В художественном тексте неопределенно-личные предложения могут интерпретироваться не только как средство выражения семантической категории отчужденности, дистанцированности, но и особого отношения к субъекту. Это мы наблюдаем в романе, когда Воланд, формулируя фразу неназванного субъекта в неопределенно-личной конструкции, демонстрирует тем самым своё почтительное отношение к нему.

Субъект в романе не назван в силу своей значимости и центральности своего присутствия в тексте романа.

Таким образом, с помощью неопределенно-личных предложений автор в романе выражает своё понимание мира и времени, своё отношение к действительности, не навязывая своего мнения читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Воронеж: Центрально-Черноземное книгоиздательство, 1987. — 544 с.
2. Падучева Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, 2012. — № 1. — С. 27–41.
3. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. — Л.: Наука, 1974. — С. 343–361.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка в 2 т. — Ленинград: Российская государственная академическая типография, 1925–1927.
5. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М.: Издательство РГГУ, 2001. — С. 310–315.

© Терских Татьяна Филипповна (tirsich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский государственный университет

НАРОДНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ СОВРЕМЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

CITIZEN JOURNALISM IN THE CONTEXT OF COVERAGE OF EMERGENCY BY MODERN MEDIA

A. Tsurikov

Summary. The article is devoted to the work of citizen journalists in the context of coverage of emergency by modern media. The stages of work and the place of citizen journalists are considered. The draft of ethical standards of coverage of emergency by citizen journalists is proposed. Proposals and recommendations for Internet sites have been developed.

Keywords: citizen journalism, mass media, emergency, ethics, Internet.

Цуриков Александр Николаевич

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО Ростовский государственный университет путей сообщения
tsurik7@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена работе народных журналистов в контексте освещения чрезвычайных ситуаций (ЧС) средствами массовой информации. Рассмотрены этапы работы и место народных журналистов. Предложен проект этических норм освещения ЧС народными журналистами. Выработаны предложения и рекомендации для интернет-площадок.

Ключевые слова: народная журналистика, средство массовой информации, чрезвычайная ситуация, этика, интернет.

Введение

В последние годы в нашей стране и в мире наблюдается увеличение масштабов и значимости чрезвычайных ситуаций (ЧС). В ЧС вовлекаются значительные массы людей, которые не только попадают под воздействие поражающих факторов, но и испытывают психологические проблемы, как при возникновении ЧС, так и после [1].

Средства массовой информации (СМИ) являются важным социальным фактором [1]. Благодаря им любое неординарное происшествие получает информационный резонанс, который усиливает у потребителей информации катастрофичность последствий.

В наши дни на первый план выходит такое направление работы СМИ, как «народная» (или «гражданская») журналистика, тесно переплетающаяся с интернет-журналистикой [2]. Она базируется на деятельности не профессиональных авторов, а преимущественно бесплатной работе обычных граждан, которые активно участвуют в процессах сбора, анализа и распространения информации [3].

К сожалению, в настоящее время для народных журналистов не существует общепринятых этических норм по работе с информацией о ЧС [4, 5]. Страшная трагедия в Кемеровском торговом центре «Зимняя вишня» с одной стороны показала мощь и силу народных журналистов, но с другой вновь продемонстрировала, как блоги

и социальные сети могут способствовать распространению слухов и паники [4].

Народная журналистика в работе рассматривается системно в свете ее работы в условиях ЧС, как отрасль журналистики. Цель — выявить основные тенденции, проблемы и особенности работы народных журналистов в условиях ЧС, выработать для них приемлемые нормы.

Чрезвычайные ситуации и работа журналистов

Возникновение любой ЧС в современном обществе неизбежно привлекает внимание СМИ. Они, в свою очередь, вовлекают в происходящее непосредственно не подверженные воздействию поражающих факторов массы людей [5].

ГОСТ Р 22.0.02–94. «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий» вводит определение понятия ЧС. В широком смысле под ЧС можно понимать любую опасную обстановку, отличную от нормального течения событий [6].

В последнее время СМИ все больше приобретают форму средств массовой коммуникации, а не информации. Одной из отличительных черт которых является наличие возможности обратной связи с получателем информации, двусторонний характер взаимодействия.

Решающее влияние на массовую коммуникацию оказало появление и распространение интернет-СМИ с их возможностью обратной связи и увеличивающимся воздействием на все сферы жизни. Массовая коммуникация имеет прямое отношение к этим сферам, и сама представляет, как область, от которой зависит развитие цивилизации [2].

Очевидно, что при возникновении ЧС жизненно важна оперативная информация, порой счет идет на часы и даже на минуты, поэтому получают преимущество СМИ, имеющие в своем распоряжении современные каналы передачи и распространения информации.

Здесь на первый план выходит «народная» журналистика — это разновидность журналистики, представляющая собой форму альтернативных медиа, получившая широкое распространение с развитием интернета и новых цифровых технологий. Она базируется на деятельности не профессиональных авторов, а на бесплатной работе обычных граждан, которые активно участвуют в процессе сбора, анализа и распространения информации [2, 3, 5].

Одним из первых исследователей этого явления был Дэн Гилмор, написавший книгу «Мы-медиа: народная журналистика — создано людьми и для людей» [7]. Его главная идея состоит в том, что в эру цифровых средств информации все мы в тех или иных ситуациях можем стать журналистами, и уже никто не может владеть прессой единолично.

Практически у каждого из нас в кармане есть смартфон, обладающий возможностью съемки фото и видео с высоким разрешением, встроенным диктофоном, широкое распространение получили планшеты, видеорегистраторы автомобилей, портативные экшн-камеры и т.д. Используя эти современные гаджеты любой человек, оказавшийся на месте разворачивания ЧС, человек, ставший свидетелем нештатной ситуации, мгновенно превращается в народного журналиста [2].

Не случайно при возникновении ЧС мы так часто можем увидеть вокруг стоящих людей, которые не оказывают помощь пострадавшим и не участвуют в ликвидации последствий аварии, а снимают все происходящее на камеры своих мобильных телефонов.

При этом Интернет предоставляет очевидцам с камерами (т.е. народным журналистам) широчайшие возможности для мгновенного доведения информации до миллионов людей по всему миру.

В этом списке на первом месте будут социальные сети («В контакте», «Facebook», «Одноклассники»), по-

зволяющие загружать фото, видео, аудиофайлы, создавать сообщества, искать информацию по хештегам, делать репосты и ставить лайки. Здесь же можно упомянуть сервисы публикации микросообщений («Twitter»), блоги и интернет-журналы событий, веб-форумы, видеохостинги («YouTube»).

Таким образом, народные журналисты становятся мощной силой, которая должна как-то взаимодействовать со СМИ привычного формата.

Примеры работы СМИ в чрезвычайных ситуациях

Крупным СМИ требуется время на сбор, анализ, согласование и подготовку сообщений. При всем желании донести информацию, неповоротливые СМИ старой формации тратят десятки минут (иногда, часов) на выпуск сообщения о ЧС.

В современном мире интернета и блогов народные журналисты уже не позволят развиваться ситуации с информированием о ЧС таким образом [3]. О народной журналистике начали активно писать в середине 2000-х годов, что было вызвано распространением блогосферы. В русскоязычном сегменте интернета народная журналистика начала значимо развиваться с 2007 года, когда появился блогосервис «LiveJournal».

На Западе об этом явлении заговорили раньше. В США его связывают с террористическими актами в Нью-Йорке сентября 2001 года. Именно тогда сотни и тысячи народных журналистов в современном понимании этого слова по-настоящему заявили о себе [2].

Также при освещении взрывов на финише Бостонского марафона 15 апреля 2013 года традиционные СМИ массово использовали данные, полученные с места событий от народных журналистов [2].

Говоря о нашей стране следует упомянуть несколько примеров. В частности, примечательный случай произошел в Ростове-на-Дону 6 апреля 2017 года. Тогда в руках мужчины взорвалась похожая на фонарик бомба, которую он подобрал возле школы [8]. Позднее следствие сообщило, что взрыв организовал знакомый пострадавшего.

Однако для нас наиболее важно другое: народные журналисты в данном случае сыграли скорее негативную роль и способствовали распространению необоснованной паники среди горожан.

В течение всего дня из разных концов Ростова-на-Дону приходили сообщения об обнаружении опасных

предметов или даже об их взрывах. На место выезжали спецслужбы, позднее оказалось, что все сообщения были ложными. Город был взбудоражен.

Автор статьи, являясь пользователем социальных сетей, прекрасно помнит лавину тревожных постов, которыми была заполнена лента «В контакте». К сожалению, множество горожан сделали репост этих записей, способствуя распространению непроверенной информации.

В ситуацию даже был вынужден вмешаться пресс-секретарь Президента РФ. Дмитрий Песков «призвал к взвешенной подаче информации и предостерег от использования непроверенной информации и распространения слухов» [8].

В момент работы над статьей пришло сообщение о новом трагическом случае. 25 марта 2018 года произошел пожар в кемеровской «Зимней вишне». Погибло 64 человека, из которых 41 ребенок.

Возгорание началось примерно в 16:00 по местному времени (т.е. 12.00 по Москве). К вечеру воскресенья социальные сети уже наполнились валом сообщений от народных журналистов с хештегами #кемерово, #зимняявишня и др. Кто-то искал пропавших родственников, описывал ужасы произошедшего, выкладывал видео с места событий.

С другой стороны, народные журналисты сильно преувеличивали число жертв и распространяли непроверенные данные. Большинство делало это неосознанно. Некоторые сообщения снабжались фотографиями с пожара в клубе «Хромая лошадь», произошедшем 9 лет назад. Пользователи соцсетей и блогеры, делали репосты недостоверных сообщений, множа панику и ужас нажатием мышки [4].

В возможности мгновенного распространения недостоверных данных с помощью современных медиа-средств в условиях информационного вакуума, возникающего в первые часы после ЧС, и кроется наибольшая слабость и опасность народных журналистов [3].

Этапы работы СМИ при чрезвычайных ситуациях

Ряд авторов, занимающихся обозначенной темой, разделяют алгоритм функционирования СМИ при ЧС на ряд временных этапов.

Например, в работе [1] выделяют 3 этапа освещения ЧС в СМИ:

1. до возникновения ЧС (предупреждающая работа);

2. во время возникновения и развития ЧС (здесь главной является информационная составляющая, основополагающие моменты — это достоверность и оперативность информации);
3. период ликвидации последствий (психотерапевтическая составляющая, смягчающая и компенсирующая последствия ЧС).

Наибольший интерес представляет этап 2 — работа СМИ во время возникновения и развития ЧС. В свою очередь, этот этап можно разделить еще на несколько более мелких подразделов.

Одним из наглядных примеров этого стал теракт (взрыв бомбы) 24 января 2011 года в московском аэропорту Домодедово.

Взрыв произошел в 16:32. Первое сообщение о взрыве в аэропорту появилось спустя 6 минут в «*Twitter*’е». В дальнейшем поток информации агрегировался в соцсетях по хештегу #domodedovo. Спустя 20 минут в «*Twitter*» появляются первые видео событий в аэропорту.

Социальные медиа отреагировали на теракт мгновенно, чего нельзя сказать о традиционных СМИ. Сообщается [3], что первый профессиональный корреспондент появился на месте трагедии только в 17:46. Лишь в 17:30–18:00 на ТВ появилась информация о взрыве.

На основе работы [3] составим временную шкалу работы СМИ при теракте в Домодедово (рис. 1), базирующуюся на анализе, проведенном в презентации Марины Литвинович [9].

В связи с пожаром в центре «Зимняя вишня» (25 марта 2018 г., Кемерово) обозреватель «Новой газеты» Ирина Петровская сокрушалась [10]: «Отсутствие оперативных новостей о пожаре в Кемерово на федеральных телеканалах связано с тем, что на ТВ не представляли масштабов трагедии... То есть огромные медийные империи со всеми их технологическими, финансовыми и организационными возможностями, корпоративными и собкорами, оказывается, сначала должны оценить масштаб трагедии, а потом уже сообщать о ней!».

От себя заметим, что такая практика является скорее нормой. В контексте ЧС информация о них всегда доходит до потребителей раньше из сообщений народных журналистов в социальных медиа.

Таким образом второй этап освещения ЧС в СМИ можно разделить:

1. этап работы только народных журналистов в интернет-СМИ;

24 января 2011 года			25 января 2011 года	
Взрыв	Первый Твит	Только Интернет-СМИ	Телевидение	Печатные СМИ
16:32	16:38	16:38 - 18:00	18:00 - 08:00	08:00 - . . .

Рис. 1. Временная шкала работы СМИ при теракте в Домодедово

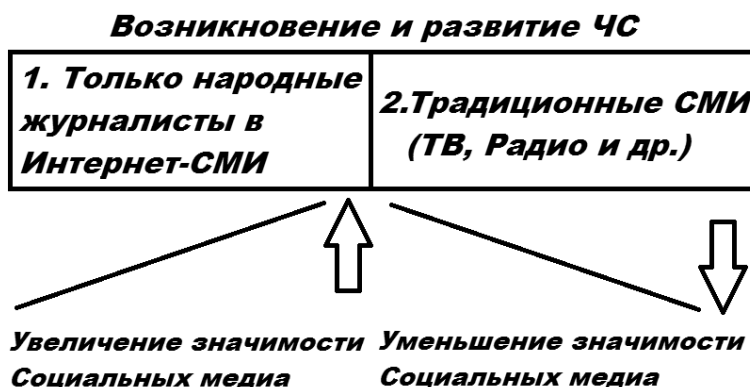

Рис. 2. Работа СМИ при возникновении ЧС

2. этап, на котором подключаются традиционные СМИ (ТВ, радио).

Рисунок 2 показывает, что значимость сообщений народных журналистов возрастает до тех пор, пока к освещению ситуации не подключатся традиционные СМИ.

На начальном этапе освещением занимаются только «*a priori*» быстрее работающие социальные медиа. Как правило, этот этап длится несколько часов. Однако он может затянуться и на десятки часов или даже на несколько суток. Его продолжительность зависит от того, насколько быстро традиционные СМИ начнут освещать происходящее.

С разворачиванием работы традиционных СМИ значимость работы социальных медиа снижается. В том случае, если традиционные СМИ (и в первую очередь ТВ) медлят, то образовавшийся «вакуум» неизбежно заполняется в социальных медиа не только достоверными сообщениями, но и слухами, домыслами, фейками, паническими настроениями.

Часть из них образуется самопроизвольно, часть распространяется по злому умыслу. В любом случае их распространению способствуют миллионы обычных пользователей, которые не задумываясь «лайкают» и перепосychивают сообщения, которые видят в новостной

ленте. Шум и полезная информация умножаются, заполняя медийное пространство.

При освещении взрыва в Домодедово в «*Twitter*» основными были три хештега — *#domodedovo*, *#dmdhelp* и *#helpcar*. Все хештеги оказались буквально «забиты» сердобольными людьми и массой бессмысленных репостов. Итоговые результаты неутешительны: на две сотни твитов с хештегом *#domodedovo* пришлось лишь семь номеров телефонов, готовых оказать помощь. Также выглядела лента «В Контакте» [3].

Работа интернет-СМИ при пожаре в Кемерово (2018 г.) была еще менее эффективной. Информационный «вакуум» социальных медиа был заполнен откровенно хамскими и недостоверными сообщениями политического характера. В итоге сообщения от настоящих очевидцев и пострадавших терялись на фоне информационного «мусора».

Этические нормы освещения журналистами ЧС

Журналистское сообщество совместно с государственными и общественными структурами выработало ряд этических норм освещения различного рода ЧС. К сожалению, народные журналисты, «обитающие» в интернет-пространстве социальных медиа, не придержи-

Рис. 3. ЧИЖ — логотип Хартии сетевых изданий Башкортостана

живаются ограничений, а это приводит к негативным последствиям, которые перекрывают положительные моменты.

Ключевым моментом для российских СМИ, после которого отечественные журналисты задумались о выработке этических норм, стал теракт на Дубровке, унесший жизни заложников — зрителей мюзикла «Норд-Ост» в октябре 2002 г. В итоге 8 апреля 2003 г. ведущие отечественные СМИ приняли «Антитеррористическую конвенцию», содержащую свод правил и предписаний поведения СМИ в случае теракта и контртеррористической операции.

В связи с распространением и ростом влияния новых медиа в современном обществе остро встает вопрос о выработке этических норм и для народных журналистов, освещающих ЧС, и для самих медиа-площадок в интернете, осуществляющих распространение сообщений.

Первыми эту проблему осознали участники сетевых ресурсов Башкирии и подписали в 2011 году Хартию интернет-журналистики. Тем самым они взяли на себя ряд обязательств морально-этического плана и получили право размещать на своих интернет-страничках особый символ, призванный стать своего рода знаком качества [11].

Логотипом-символом была выбрана аббревиатура ЧИЖ: Честный Интернет Журналист (рис. 3), стилизованная под форму птички с крыльями в форме буквы «W» — от английского слова «Word».

К сожалению, благая инициатива башкирских журналистов не получила тогда должного распространения. Однако, сейчас, после кемеровской трагедии, есть смысл и повод вернуться к этой теме.

Проект этических норм освещения ЧС народными журналистами

Для народных журналистов в нашей стране сегодня не существует общепринятых норм поведения и освещения ЧС. После трагедии в Кемерово существует реаль-

ный шанс создать такие нормы и предложить народным журналистам добровольно принять на себя ограничения.

Приведем проект таких норм. Список не является окончательным, и призван пригласить к дискуссии всех заинтересованных лиц.

1. При работе на месте ЧС народные журналисты должны отдавать приоритет спасению людей, при наличии возможности оказывать посильную помощь пострадавшим и не мешать работе служб спасения.

2. При обнаружении непроверенной информации следует сделать предупреждение о том, что указанные сведения могут быть недостоверными, источники получения публикуемых сведений по возможности следует проверять и указывать в сообщении.

3. Из сообщений о ЧС и публикуемых съемок с места событий по возможности следует удалять или скрывать нецензурные выражения, лица жертв, наиболее шокирующие фрагменты.

4. Перед демонстрацией визуальных материалов с места чрезвычайной ситуации следует размещать предупреждение. При невозможности удалить из материала контент, описанный в п. 3, в предупреждении следует указать на его наличие, присвоить материалу возрастное ограничение «18+» и предоставить возможность пользователю отказаться от его просмотра.

5. Народным журналистам не следует разглашать персональные данные жертв и пострадавших, которые стали им известны, особенно, если эта информация может навредить пострадавшим в дальнейшем.

6. Народным журналистам следует быть особо чуткими к родным и близким жертв и очевидцам.

7. Народным журналистам не следует предлагать вовлеченным в чрезвычайную ситуацию лицам предпринимать некие действия для получения удачных видео- или фотокадров.

8. Народным журналистам следует информировать общественность, но не сеять панику; следить за сутью сказанного и за его тоном.

9. Народным журналистам не следует безапелляционно заявлять о виновности тех или иных лиц до окончания официального расследования, в таких материа-

лах следует делать указания о том, что расследование не окончено.

10. Народным журналистам следует понимать, что доступные им каналы связи могут стать источником и передатчиком недостоверных данных, намеренных информационных провокаций, способствовать распространению паники и слухов.

11. Народным журналистам следует помнить, что сообщения в СМИ доступны и для тех, кто намеренно создает критическую ситуацию.

12. Народным журналистам следует избегать оскорбления людей по какому-либо признаку, не связывать негативные действия людей с какой-либо социальной группой, религией, расой или национальностью.

Рекомендации для интернет-площадок по освещению ЧС

Следить за соблюдением перечисленных норм могут администраторы интернет-площадок, предоставляющих народным журналистам технические возможности для публикации материалов. Это соцсети, сервисы микросообщений, блоги, интернет-журналы и т.д.

Итак, что же они могут сделать? Во-первых, ознакомить каждого народного журналиста с правилами и попросить поставить подтверждение о том, что автор ознакомлен и принимает на себя обязанности придерживаться их. Во-вторых, можно помечать материалы таких журналистов специальным значком (вид его еще требует разработки). В-третьих, следует предоставить народным журналистам техническую возможность снабдить каждый материал небольшим предупреждением, позволяющими предупредить зрителя, а пользователю — отказаться от просмотра неприемлемого контента.

Интернет-площадки самостоятельно должны снабжать такие материалы предупреждением о том, что указанные в материале сведения могут быть недостоверными, а также удалять или скрывать по согласованию с авторами лица жертв и шокирующие фрагменты.

В случае возникновения крупной резонансной трагедии интернет-площадкам следует отслеживать публикуемые материалы по соответствующим хештегам и снабжать их ссылками на официальные источники

в интернете, публикующие достоверные сведения. Это может быть сайт МЧС, правительства или штаба ликвидации ЧС.

Технологии, позволяющие осуществить это, применяются уже сегодня. Например, видеохостинг «YouTube» объявил, что ролики, посвященные различным теориям заговора, в ближайшее время будут снабжать интернет-ссылками на «Википедию» и другие источники информации, которые будут эти теории развенчивать [12].

Механизм распространения информации с помощью «Лайков» и «репостов» должен быть несколько усовершенствован и усложнен.

При нажатии кнопки «Рассказать друзьям» пользователю должно выдаваться сообщение: «Внимание! Распространяемая информация является личным мнением разместившего ее пользователя и может не соответствовать действительности. Вы действительно хотите сделать репост?». Пользователю следует предложить варианты «Да» и «Нет».

При выборе варианта «Да» следует напомнить о возможной ответственности за распространение недостоверной информации.

Предлагаемые меры могут способствовать тому, что работа народных журналистов приобретет цивилизованный характер при этом скорость информирования и право на свободу слова не будут ущемлены.

Заключение

Современные интернет-СМИ, новые медиа и народные журналисты уже стали объективной реальностью, бороться с ними запретами невозможно. На их стороне всегда будет высокая скорость информирования, но порой низкая достоверность информации.

Нужно сотрудничать с новыми СМИ, направлять их работу в цивилизованное русло. Принятие этических норм для народных журналистов может нивелировать наиболее серьезные изъяны в их работе. Особенно хорошего эффекта можно будет добиться при принятии предложений и рекомендаций интернет-площадками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бервенова, О. В. Компенсаторные ресурсы средств массовой информации в чрезвычайных ситуациях: автореферат дис. ... канд. политич. наук. по спец. 10.01.10 журналистика / Российская академия государственной службы при Президенте РФ. — Москва, 2007. — 28 с.
2. Хлебникова Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина // Электронный научный журнал «Медиаскоп». — № 3, 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/896#1> (дата обращения 25.03.2018).

3. Котеленец Е. Д. Роль гражданских журналистов в освещении стихийных бедствий и чрезвычайных происшествий на примере российского Интернета: дипломная работа / МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2013. — 94 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://gigabaza.ru/doc/239-pall.html> (дата обращения 25.03.2018).
4. Иванов А. Фейки кемеровской трагедии: разбираем ложные вбросы о пожаре в «Зимней вишне» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.md/daily/26810/3847117/> (дата обращения 05.04.2018).
5. Куксин И. А. Интернет как источник информации при освещении ЧС на ТВ // Век информации. — 2017. — Т. 2. — № 2. — С. 188–189.
6. Освещение журналистами экстремальных ситуаций / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских, Б. Н. Пантелеев. — 2-е изд., испр. и доп. // Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2012. — 160 с.
7. Gillmor D. We the media: Grassroots journalism by the people, for the people // Published by O'Reilly Media, Inc, 2006. — 336 p.
8. Песков прокомментировал взрыв фонарика в Ростове-на-Дону [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/news/2017/04/06/peskov2/> (дата обращения 06.04.2018).
9. Страница Каждого. Презентация Марины Литвинович про новую природу медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://artem-kazhdy.livejournal.com/42062.html> (дата публикации 27.01.2011).
10. Петровская И. Со скошенными от вранья глазам // Новая газета. — № 32 (2753) от 28.03.2018 г.
11. В Башкирии подписана Хартия интернет-журналистики [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1388963.html> (дата обращения 05.04.2018).
12. YouTube будет добавлять в конспирологические видео ссылки на «Википедию» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2018/5aa91f949a79473fa4678ab6 (дата обращения 05.04.2018).

© Цуриков Александр Николаевич (tsurik7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ростовский государственный университет путей сообщения

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

THE PECULIARITIES OF LANGUAGE MEANS FOR TRANSMITTING EMOTIONS IN THE PROSE OF A. PUSHKIN AND M. LERMONTOV

Zhang Yanqiu

Summary. The article is devoted to the expression and description of emotions in the prose of A. Pushkin and M. Lermontov. The particular attention is paid to the peculiarities of the transmission of emotions in the language of the authors and heroes in the works of A. S. Pushkin and M. Lermontov. The difference in the use of linguistic means of transmitting emotions in prose writers is revealed. The equivalence of the transmitting emotions in the Chinese translation is considered.

Keywords: emotion, emotions, semantics, interpretation, linguistic means, equivalence, language culture.

Чжан Яньцю

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

Yanqiu.zhang@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выражению и описанию эмоций в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Особое внимание уделяется особенностям передачи эмоций в языке авторов и героев произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Выявляется разница использования языковых средств передачи эмоций в прозе писателей. Рассматривается эквивалентность передачи эмоций в китайском переводе.

Ключевые слова: эмотивность, эмоции, семантика, толкование, языковые средства, эквивалентность, лингвокультура.

Как известно, эмоции занимают значительное место в жизни человека. Л. Г. Бабенко отмечает, что «эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой его деятельности, они — важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [1, с. 44]. В современной лингвистике наблюдается тенденция к изучению человеческих эмоций, что нашло отражение в работах многих ученых, например, В. И. Шаховского: 1983; Н. А. Лукьяновой: 1987; Ю. Д. Апресяна: 1995; Д. О. Добровольского: 1996; Я. А. Покровской: 1996 и других. Ученые так или иначе согласны в том, что язык — это орудие эмоций. В. И. Шаховский в своей работе указывает следующие функции языка при выражении и описании эмоций: «Язык может номинировать эмоции; может описывать эмоции, при этом не называя их; может указывать на эмоциональное состояние индивида, не называя сами эмоции и не описывая их» [16, с. 19]. В работе автора также подчеркнуто то, что «носители языка на подсознательном уровне обладают априорным знанием, как выразить свои эмоции: внутренние и внешние переживания» [16, с. 97]. В связи с этим можно сказать, что такого подсознательного знания у иноязычных студентов нет, поэтому для иностранных учащихся одной из сложнейших проблем является именно интерпретация различного вида эмоций и выбор подходящих средств для их выражения. Данное положение стимулировало наш интерес к выявлению особенностей языковых средств передачи эмоций в русском и китайском языках.

Обращение к творчеству А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова определяется тем, что, во-первых, оба писателя внесли большой вклад в развитие русского языка: в языке А. С. Пушкина «заклучилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он раздвинул ему границы и более всех показал все его пространство» [4, с. 14]. А М. Ю. Лермонтов, с одной стороны, как пишет В. А. Мануйлов «за свою короткую напряженную жизнь продолжил дело Пушкина» [10, с. 3], с другой стороны, как считает Л. Б. Перльмуттер, «усвоив языковую и стилистическую манеру прозы Пушкина, в ряде случаев он отступает от нее, внося свое, лермонтовское, отношение к языку» [11, с. 312]. Из сказанного выше можно предположить, что в языке прозы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова существует не только что-то общее, но и наблюдаются различия, в том числе и в языковых средствах передачи эмоций. Герои повестей данных писателей, в частности, «Повестей Белкина» и «Героя нашего времени» — люди различного эмоционального склада и социального статуса, что обуславливает особенности выражаемых ими эмоций. В исследуемых повестях обнаруживается множество единиц, служащих для выражения и описания эмоций действующих героев.

Для подробного анализа нами были взяты 2 подгруппы положительных эмоций (*любовь, радость*) и 2 подгруппы отрицательных эмоций (*горе, злость*), которые достаточно частотно передаются в названных выше повестях. Рассмотрим особенности языковых средств передачи названных выше конкретных эмоций:

Любовь

В прозе обоих писателей все лексические средства выражения любви используются в основном для передачи любви мужчины к женщине (глагол-«любить»; имена существительные- «пери», «джанечка»; имя прилагательные-«милый»), любовь женщины передается преимущественно с помощью описания действий («целовать», «бросаться кому-то на шею»).

Можно заметить, что в описании высокого чувства любви важную роль играют глаза. Для передачи высокой степени любовных эмоций А. С. Пушкин использует лексемы «огонь», «пламенный», «пылать», которые связаны с разной степенью семантики горения. Например- 1. *Черные глаза с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне* [12]. 2. *(Барышни) бросали на него (Алексея) пламенные взгляды*[12]. 3. *Молодой человек пылал равную страстию* [12]. Кроме того, можно заметить, что эти лексемы в исследуемых повестях используются в переносном значении, чтобы описать внутреннее эмоциональное состояние героев. Можно сказать, что по сравнению с толкованием в БТСРЯ, в СЯП у лексемы «восторг» присутствует значение «чувственные наслаждения любви». Это позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, насколько важную роль в произведениях А. С. Пушкина играет любовь.

В отличие от А. С. Пушкина, который делает акцент на выражение пылающих глаз, М. Ю. Лермонтов подчеркивает прямой и неподвижный взгляд героев («не сводить с кого глаз», «неподвижные глаза»).

Кроме того, заметим еще, что в прозе А. С. Пушкина любовь героев выражается прямо и конкретно, а у М. Ю. Лермонтова иногда наблюдается сочетание эмоции любви с грустью или горем («в задумчивости»; «зарыдала и **бросилась ему на шею**»), что обусловлено, с нашей точки зрения, сложным внутренним эмоциональным состоянием героев и собственным отношением к миру и характером самого писателя [См., 9, с. 11].

Рассмотрим далее эмоцию радости.

Радость

При описании радостных чувств в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова используется глагол «смеяться» и его синонимы — «улыбаться» и «хохотать». По этому поводу Ю. А. Кузнецов отмечает: «Внешнее проявление эмоционального состояния, обозначаемого глаголом смеяться, его интенсивность, степень самоконтроля могут варьироваться» [7, с. 18]. Как следует из сопоставления словарных дефиниций, разница в значении этих единиц заключается в степени пол-

ноты проявления действия, выразительности смеха и стилистике.

Так, в меньшей степени радостное чувство описывается глагол «улыбаться», который обозначает- улыбкой выразить чувство радости, удовольствия или иронии, насмешки; смеяться молча [14, т. 4, с. 18]: когда Печорин купил множество подарков и убедился в том, что с помощью этих подарков он сможет покорить Бэлу, *Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш*(Бэла). В наиболее высшей степени *радость* передается глаголом «хохотать» — громко смеяться [13, с. 421], заливаться смехом или гоготать. Глагол характерен для разговорного стиля [3, с. 910]. «Хохотать» употребляется в двух контекстах. 1. *«Лиза хохотала от души»* [12], потому что Алексей божился, что она лучше всевозможных «беленьких барышень». 2. *Она громко хохотала*[8, с. 201] после того как ей удалось рассердить старуху и добиться своей цели. Можно заметить, что состояние, обозначаемое глаголом «хохотать», практически не поддается контролю. А глагол «смеяться» употребляется для передачи обычного смеха и веселья, поэтому он занимает промежуточное, нейтральное положение между глаголами «улыбаться» и «хохотать»: *Лиза смеялась* [12], когда она нарядилась крестьянкой и увидела себя в зеркале.

Можно заметить, что в прозе А. С. Пушкина спектр языковых средств передачи радости намного шире, чем в прозе М. Ю. Лермонтова- это глаголы («улыбаться», «смеяться», «хохотать», «рассмешить», «обрадоваться», «развеселиться»), междометия («ой» «боже мой» «ура»), фразеологизмы («быть в духе» и «бросать в воздух чепчики»), имя прилагательное («сладкий») и другие средства выражения эмоции. В прозе же М. Ю. Лермонтова имя существительное «улыбка» употребляется с такими прилагательными, как «иронический» и «хитрый». Глагол «улыбаться» чаще всего употребляется со такими наречиями, как «лукаво» и «коварно», что подчеркивает иронию и насмешку. Описание смеха героев у М. Ю. Лермонтова в большинстве случаев употребляется с ироническим оттенком. Например: 1. *Эти слова были произнесены с иронической улыбкой.* [8, с. 134]; 2.— *А почему же вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкой.* [8, с. 13]. 3. *Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.— Вы, верно, недавно на Кавказе?* [8, с. 17]; 4. *Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головой и улыбнулся лукаво*[8, с. 19]; 5. *Но только я начинал говорить, она убежала, коварно улыбаясь*[8, с. 117].

Горе

При анализе языковых средств передачи эмоции горя мы столкнулись с сложностью по определению

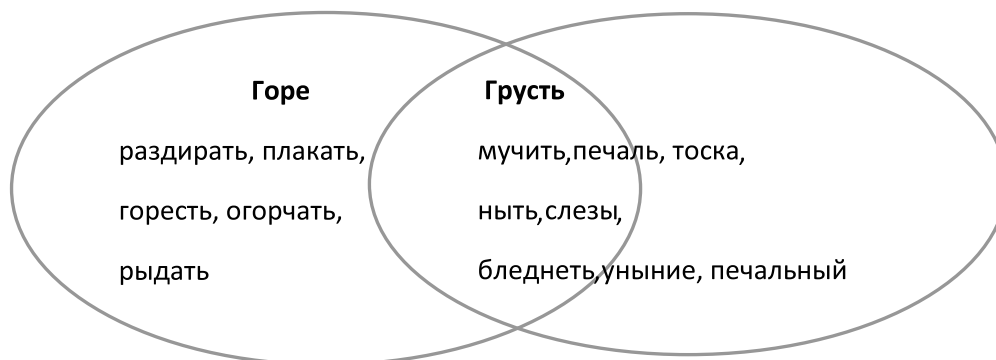

Схема 1

самой лексемы *горе*. Это связано с тем, что для толкования данной эмоции в словарях используется много сходных по значению слов таких, как: скорбь — глубокая печаль, горесть [3, с. 749]; страдание — физическая или нравственная боль, мука [3, с. 801]; беда — очень большая неприятность, несчастье, горе [3, с. 136]. Поэтому объединив значение данных единиц мы предполагаем следующее определение: *горе* — это подавленное эмоциональное состояние, вызванное определенными событиями (беда, несчастье, утрата, гибель близкого/дорогого человека и другие), в результате чего кому-либо наносится эмоциональный ущерб. Данное определение предполагает, что для отнесения тех или иных лексем к средствам передачи эмоции *горя* необходимо в первую очередь учитывать ситуацию, в которой находится герой. С точки зрения К. Изарда, «горе является сложной структурой, включающей фундаментальные эмоции и эмоционально-когнитивные взаимодействия». При этом считается, что в переживании горя ведущее место принадлежит грусти, страху и т.д. [6, с. 264]. Соответственно, лексические средства передачи *горя* и *грусти* иногда пересекаются, что отражено в *схеме 1*. В таких случаях важную роль для трактовки эмоций играет контекст.

В повестях А. С. Пушкина эмоциональное проявление *горя* свойственно преимущественно героиням «Повестей Белкина». А. С. Пушкин «генеально выбирает языковые средства, соответствующие выражению эмоций разных героев» [5, с. 142]. Например, в такой ситуации: Когда Марья Гавриловна тайком решила покинуть своих родителей, *Марья залилась слезами* (Метель). Чтобы описать горе Марьи, А. С. Пушкин использует словообразовательную модель *за-глагол-ся*, которая указывает на интенсивность действия [2, с. 48]. А горе отца, который потерял свою единственную дочь, подчеркивается практически полным отсутствием слез. *Слезы навернулись на глазах*[12], когда старик-смотритель попросил Минского вернуть ему дочь. Можно сделать вывод, что в одной и той же ситуации, русские мужчины по срав-

нению с женщинами эмоционально более сдержанны. Это связано с русской традицией: с детства в русских мальчиках воспитывали умение держать себя в руках. Поэтому, став взрослыми мужчинами, они уже умеют скрывать свои слезы от окружающих. Кроме того, прослеживается частотность употребления глаголов «ныть» и «раздирать», например: 1. *Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть*[12], потому что старик осознал, что уехала своя дочь. 2. *Их (отца и матери) нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобой, Маша? Не больна ли ты, Маша? раздирали ее сердце*[12]. В данных контекстах описывается внутреннее состояние человека и его самочувствие, что обычно предполагает употребление существительного «сердце» — своеобразного символа человеческой эмоциональности.

В прозе М. Ю. Лермонтова наблюдается частотность выражения *горя* с помощью лексем со значением «смерть», например: «умереть», «смертельный», «мертвый» которые выражают высокую степень горестного чувства. Например: *Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом*[8, с. 10]. Азамат очень хотел приобрести коня, но Казбич отказался продать его. Данная лексема употребляется для выражения сильного духовного состояния, то есть если Казбич не продает ему коня, то ему будет так плохо, что он даже умрёт от *горя*. Еще пример: *Я бы на его месте умер с горя*[8, с. 33]. В обоих примерах степень проявленного горя достаточно высока.

Аналогичную роль также играют сравнения, которые усиливают интенсивность выражения *горя*, как и воздействующий эффект всего текста в целом («бледный как полотно», «лежать ничком, как мертвый»). Согласно толкованию словаря «бледный как полотно» обозначает — очень бледный (отъ страха, волнения) [15, с. 31]. Но в нашем контексте, данное выражение употребляется именно для описания внешнего проявления горестного эмоционального состояния героя: *Он сделался*

бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей [8, с. 40]. Потому что сильно мучилась Бэла, которая скоро умрёт. Нам кажется, что эмоциональное состояние героя является сложным, он испытывает в этом случае не только страх, но и одновременно огорчается. Сравнение «лежать ничком, как мертвый» наиболее точно, как нам кажется, выражает высокую степень грусти и страдания Казбича, потому что он потерял свою любимую лошадь: *я велел возле его (Казбича) положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый* [8, с. 28].

Остановимся далее на выражении и описании еще одной эмоции.

Злость

На основе анализа материала можно заметить, что для передачи *злости* оба автора используют не так много эмотивной лексики, которая непосредственно способствует подчёркиванию семантики лексемы *злости*, оба автора используют в большинстве случаев иные средства для описания проявления данной эмоции: действия, мимику и жесты героев в конкретных ситуациях. Поэтому при анализе материала мы обращали внимание в первую очередь на описательные особенности той ситуации, в которой герой испытывает раздраженно-враждебное чувство.

В повестях А.С.Пушкина в качестве лексических средств выражения *злости* в речи героев использованы междометие «эка» и глагол «возненавидеть». Среди лексических средств описания *злости* наибольшая часть принадлежит существительным («зло», «гнев», «бешенство», «дьявол»). При этом интересно выявить разницу между данными лексемами. «Зло» — «Отрицательное нравственное начало, противопоставляемое добру, благу. Что-н. дурное, греховное, вредное» [14, т. 2, с. 148]: *«Полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня (Сильвио), как на необходимое зло»* [12], потому что Сильвио был первым буйном в армии. Поэтому, на наш взгляд, «зло» — конечная негативная оценка чего-либо, из-за последствий для человека.

В двух контекстах автор использует синонимы — «гнев», «бешенство» [13, с. 113]. Как следует из сопоставления словарных дефиниций, разница в значении этих единиц заключается в степени полноты проявления действия. В меньшей степени *злость* выражает слово «гнев» — «чувство сильного возмущения, негодования» [14, т. 4, с. 716]: когда смотритель попросил Минского вернуть дочь, *«Минский, увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева»* [12]. По сравнению с лексе-

мой «гнев» в большей степени *злость* выражает слово «бешенство» — «крайняя степень раздражения, злобы» [14, т. 1, с. 97]. «Бешенство» употребляется в следующем контексте: *«Офицер в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио»* [12], когда офицер взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным, а Сильвио взял мел и записал снова, что взбесило офицера.

Кроме того, в текстах «Повестей Белкина» нами обнаружены случаи, когда *злость* описывается лексическими средствами, которые сами не являются эмотивными (существительные — «дьявол» и «враг»). Но анализ контекста и толкование данных лексем в словаре позволяет нам отнести их к лексическим средствам для описания злости героев. По толкованию слово «дьявол» — «1. По религиозным представлениям, чёрт, сатана, злой дух. 2. Бранное слово» [14, т. 1, с. 763–764], т.е. с его помощью полностью можно выразить чувство раздражения — когда Сильвио узнал, что его враг еще жив, *«сверкающие глаза и густой дым, выходящий из рта, придавали ему вид настоящего дьявола»* [12]. При этом автор для усиления описания добавляет прилагательное — «сверкающий», которое обозначает «проявляющийся, обнаруживающийся с большой силой, выразительностью» [14, т. 3, с. 344].

В другом контексте — *«Проезжающий смотрит на него (смотрителя), как на врага»* (Станционный смотритель). Автор использует сравнение и существительное — «враг», которое обозначает «ненавистник, противник» [14, т. 1, с. 379], что соответствует толкованию слова *злость* — враждебное состояние. Соответственно, можно отнести его к средствам передачи злости в данной ситуации.

В большинстве случаев для выражения *злости* в конкретной ситуации используется сочетание лексических средств (одновременно глаголы и существительные, а также описание мимики, жестов, действий): *«стиснув зубы»; «схватив старика за ворот»; «Он (смотритель) сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел.»; «Сильвио бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке»* [12]. В данных контекстах эмоциональное состояние героев передается только с помощью описания внешнего проявления, что отражает точность описания эмоций А.С.Пушкина и особенность его языка.

В отличие от А.С.Пушкина для описания эмоции *злости* своих героев М.Ю.Лермонтов преимущественно использует глаголы: «сердиться», «вспыхнуть», «завреветь», «завизжать». Из этих глаголов более частотен глагол «сердиться». Можно заметить, что глаголы за-

нимают самое важное место при передаче злости. Для выражения эмоции злости у М. Ю. Лермонтова особую роль играет именно тембр голоса, а не выражение глаз, как у А. С. Пушкина.

Надо отметить, что критерии и нормы понимания и употребления данных исследуемых эмоций (*любовь, радость, горе, злость*), значимых концептуально, часто имеют существенные национальные отличия и обусловлены определённой культурной спецификой, в частности, в русской и китайской картине мира, у китайских студентов возникают естественные трудности при понимании эмоционального поведения героев литературных произведений, в том числе и героев прозы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Остановимся кратко в данной статье на сравнение передачи эмоции *злости* в русской прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и её переводах на китайский язык.

На основе анализа материала можно говорить о том, что в большинстве случаев китайские переводчики используют эквивалентные переводы.

Но в некоторых случаях наблюдаются частично-эквивалентные переводы. Приведем такой пример: *Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом... Азамат вспыхнул (亚扎玛特火冒三丈)*. Китайский переводчик вместо слова «вспыхнуть» использует фразеологизм *火冒三丈*, который обозначает «пламя запылало до 3 чжан(китайская сажень, равна

3,33 метра), то есть прийти в ярость до крайности» [20, с. 788]. Можно заметить, что по сравнению с русским текстом в китайском переводе прослеживается более высокая степень выражения эмоции *злости*.

А также существуют неэквивалентные переводы, например: *Офицер в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио*. Вместо лексемы «бешенство» китайский переводчик использует фразеологизм *气急败坏*, который обозначает- Офицер задыхался от злости, испытывая крайнее затруднение/ в старшном замешательстве [19, с. 1001]. Заметим, что по сравнению с русским контекстом, фразеологизм «*气急败坏*», который используется в китайском переводе, делает степень проявления эмоции злости интенсивнее. С его помощью переводчик выражает свою отрицательную оценку поведения офицера. В китайском древнем произведении написаны такие манеры поведения: «Человек может получить успех только тогда, когда он способен терпеть и быть снисходительным» [21, с. 9], «Человек должен разумом контролировать свое раздражение» [22, с. 48]. То есть при переводе языковых средств передачи эмоций переводчики иногда используют языковые средства, сходные по значению с русскими лексемами, но несущие другую эмоциональную окраску (подобные выводы из сравнения выражения и других исследуемых выше эмоций отражены в наших статьях, указанных в список литературы 17, 18). Это определяется национальным мышлением и традициями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. — 184 с.
2. Барыкина, А. Н., Добровольская, В. В. Изучаем глагольные приставки. — СПб.: Затуост, 2009. — 252 с
3. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норринт, 1998. 1536 с.
4. Гоголь Н. В. Сборник «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». СПб. Часть 1. 1835.-287 с.
5. Горшков А. И. Все богатство, сила и гибкость нашего языка. А. С. Пушкин в истории русского языка: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. — М.: Просвещение, 1993.-176 с.
6. Изард К. Эмоции человека. М., 1980. — 954 с.
7. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира // Автореферат. — СПб, 2005. — 23 с.
8. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. СПб.: Академический проект, 1996. — 369 с.
9. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Советская Энциклопедия». М.: Советская Энциклопедия, 1981. — 746 с.
10. Мануйлов В. А. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтов 1958. 43 с.
11. Перльмуттер Л. Б. Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый / Под ред. Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 310–355.
12. Пушкин А. С. Повести Белкина [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/89/p.1/index.html> (дата обращения: 2018).
13. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова Печатное издание М.: Русские словари, 1999. Перевод в текст и вычитка (С) Александр Ильин, 2003. — 433 с.
14. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000.
15. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей. Под ред. А. И. Молотков. — 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. 543с.
16. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.

17. Чжан Яньцю Лексические средства передачи эмоции горя в «Повестях Белкина» А. С. Пушкина и их китайские аналоги// Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. № 34 (2017): — СПб., 2017—246 с.
18. Чжан Яньцю Лексические средства передачи любви в в прозе М. Ю. Лермонтова (на фоне китайского языка)// Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2018. № 7. Ч. 2. С. 417–421. ISSN1997–2911.
19. 成语大词典 北京：商务印书馆 2013.— 1568с. (Большой фразеологический словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое книгоиздательство, 2013. 1568 с.).
20. 现代大俄汉词典 北京：外语教学与研究出版社 · 1998.-1314с (Новый большой русско-китайский словарь. Пекин: Преподавание и исследование иностранных языков, 1998. 1314 с.).
21. 尚书 作者不详 华艺出版社 编辑 袁堂欣 2010298页 (Шаншу. Под ред. Юань Тансин, автор неизвестен, 2010. 298 с.).
22. 心术 北宋 苏洵商务印书馆 2009—77с. (Синьшу, династия Бэйсун. Сусюнь. Пекин: Коммерческое книгоиздательство, 2008. 77 с.).

© Чжан Яньцю (Yanqiu.zhang@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

СУБКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОГО СЛЕНГА США)

SUBCULTURAL SPECIFICITY OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE SOMATIC CODE (ON THE MATERIAL OF US MILITARY SLANG)

E. Chicherova

Summary. The article is devoted to the study of subcultural specificity of lexical and phraseological units of the somatic cultural code in US military slang. Analysis of words and idioms with the somatic component in the slang of US military subculture representatives reveals the number of symbolic meanings, associations, emotions and assessments arising from the use of linguistic units of somatic code in speech, determined by the army society specifics. The author notes that vocabulary and phraseology of the somatic cultural code in US military slang allows to reveal the peculiarities of the armed forces representatives' worldview. The article concludes that vocabulary and phraseology with the somatic component in US military slang represents the soldier, his emotions, activities and behavior, relationships, nominates weapon and military equipment, reflects the stereotypes, prevailing in the army society.

Keywords: cultural code, somatism, military subculture, stereotype, image.

Чичерова Елена Александровна

*Адъюнкт, Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)
elena.chicherova@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию субкультурной специфики лексико-фразеологических единиц соматического кода культуры в сленге военнослужащих США. Анализ слов и устойчивых словосочетаний, имеющих в составе компонент-название части тела человека, в сленге представителей военной субкультуры США выявил ряд символических значений, ассоциаций, эмоций и оценок, возникающих при употреблении в речи языковых единиц соматического кода, обусловленных спецификой армейского социума. Автор отмечает, что лексика и фразеология соматического культурного кода в сленге представителей военной субкультуры позволяет выявить особенности мировосприятия представителей вооруженных сил. В статье делается вывод о том, что лексика и фразеология соматического кода культуры американского военного сленга обозначает военнослужащего, его эмоции, деятельность и поведение, отношения с окружающими, используется для номинации единиц вооружения, военной техники и оборудования, отражает сложившиеся в военной субкультуре стереотипы.

Ключевые слова: культурный код, соматизм, военная субкультура, стереотип, образ.

В языке как одной из составляющих жизни этноса находит отражение способность человека видеть и наделять смыслом явления окружающего мира в различных его проявлениях [8, с. 17].

Мировоззрением народа в широком смысле признается его культура, которая находит воплощение в языке, участвующем в формировании, хранении и передаче культурных ценностей и стереотипов. Язык не только отражает национальный менталитет, сознание и традиции этноса, но и прививает носителю языка особенности мировидения, формирует личность представителя лингвокультурного сообщества [11, с. 14–15].

Воссоздание стоящей за языком культуры и образа мира с входящими в его состав концептами происходит путем изучения значимых для данного этноса и его представителей смыслов, которые находят выражение средствами различных культурных кодов [12, с. 109]. Под кодом культуры понимается своеобразная «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающую действи-

тельность, создавая категории, структурируя и оценивая происходящие в мире явления и процессы [7, с. 232].

Для всех языков мира универсальным признается соматический код культуры, что объясняется стремлением человека познать окружающий мир, проецируя на него и социум специфику строения собственного тела и функциональные особенности его частей. Свойства различных частей тела становятся носителями культурно-значимых смыслов, стереотипов и эталонов мышления этноса, составляют соматический, или телесный, код культуры [3, с. 5].

Соматический код универсален по своей природе, так как «само человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека с первых его жизненных шагов. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человеку «удобнее» соотносить, прежде всего, с частями своего тела» [13, с. 41]. Однако удельный вес соматического культурного кода у разных народов, и метафоры, в которых он

реализуется, национально и культурно детерминированы.

Символический смысл, которым наделяются части тела человека в семантике лексико-фразеологических единиц, выражает не только особенности мировоззрения этноса, но и специфику культуры малых социальных групп, тесно зависящих от национальной культуры и выступающих в качестве ее производной. Под социальной группой понимается относительно устойчивая совокупность людей, объединенных общими интересами, ценностями и нормами поведения, основанными на их общем участии в выполнении определенного вида деятельности [9, с. 199]. Одной из особенностей и главным символом принадлежности к социальной группе, показателем лингвистического проявления субкультуры считается наличие общего языка, отражающего специфические признаки мировоззрения данного объединения людей [2, с. 72].

Для выявления специфики военной субкультуры рассмотрим образы, заложенные в семантику слов и устойчивых словосочетаний сленга военнослужащих — лексико-фразеологического слоя, находящегося за пределами литературного языка, имеющего ряд оценочных, экспрессивных и эмоциональных значений и употребляемого в речи профессиональной группой [1, с. 358].

Особое место в исследовании образности военного сленга отводится лексико-фразеологическим единицам, имеющим в составе соматизм — слово, обозначающее часть тела. Языковые единицы, в состав которых входит компонент-соматизм, отображают специфику мировоззрения военнослужащих благодаря наличию широкого спектра образов, заложенных в их внутренней форме.

Во внутренней форме, под которой понимается национальный дух, находящий отражение в системе языка [5, с. 101], заключается образное основание слова или устойчивого словосочетания, служащее для номинации объекта или явления окружающей действительности. Образ, заложенный в основе языковой единицы, выступает носителем национально- культурной информации, закодированной в семантике [4, с. 27].

Строение тела человека, в котором вершина телосложения — голова — управляет способностью к прямохождению на задних конечностях, подобно пирамидальной мифологической концепции божественного устройства мира [6, с. 78]. Важность головы как части человеческого тела, вмещающего мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха и рот, проявляется в наличии значительного числа языковых единиц с опорными ком-

понентами-соматизмами head, brain, face, eye, ear, nose, mouth, tongue в английском военном сленге.

Идея о первостепенной значимости головы как местонахождения головного мозга, контролирующего деятельность всего человеческого организма, лежит в основе фразеологизма head in the lion's mouth 'идти на ненужный риск, ввязываться в неприятности, отдавать себя на растерзание врагу'. Главный орган центральной нервной системы обеспечивает психические процессы в организме человека — память, внимание, восприятие. Так, в армейской среде распространена крылатая фраза, заимствованная военнослужащими из сленга спортсменов, head in the game 'Внимание! Собратся!'. Командой heads up! в военной субкультуре призывают обратить внимание на что-л., дают сигнал о тревоге, опасности.

Популярный в вооруженных силах США слоган Head to head! содержит идею о беззаветной преданности родине, которая должна присутствовать у каждого рядового, сержанта и офицера. Авторы словника Military Terms of the Modern Era признают слоган, призывающий к верности, солидарности и сотрудничеству, романтическим клише, и утверждают, что подобные выражения свидетельствуют о свойственном многим представителям вооруженных сил, основной задачей которых является выполнение приказов, необоснованном оптимизме: «this well-intentioned sentiment that ostensibly promotes the virtues of loyalty and solidarity is actually a romantic cliché of boundless honor, because military servicemembers are subject to orders, hence this pronouncement underscores the vulnerability of MIL-PERS, and is a testament to their wishful thinking» [14]. Слоган Head to head содержит в себе бытующее в армейской субкультуре стереотипное представление о верном и преданном родине солдате, для которого долг перед отчизной превышает всего, что находит отражение и в ряде других синонимичных призывов: death before dishonor, loyalty up — loyalty down, true blue.

В семантике сленгизма jarhead 'тупой, бестолковый' заключено стереотипное представление об ограниченности и малообразованности определенных категорий военнослужащих (первоначально слово использовалось для обозначения представителей ВМС и морских пехотинцев, впоследствии приобрело более широкое значение). Еще одним примером номинации глупого человека служит сленгизм deadhead 'дурак, тупица'.

Вышеназванные соматизмы в составе английского военного сленга содержат отрицательную оценку умственных способностей человека. Примеры положительной оценки находим в лексике и фразеологии с соматическим компонентом brain: brainiac 'умный, сообразительный', brain trust 'умный, мудрый, рациональный человек'.

В военном сленгизме *trugglizard brain* на передний план выдвигается идея о расчетливости, хладнокровии человека, не поддающегося влиянию эмоций и чувств. Устойчивые обороты с компонентом *brain* в составе английского военного сленга часто имеют фамильярный, грубый и насмешливый оттенок: *brain bucket* 'шлем, каска', *brain washer* 'пропагандист, занимающийся идеологической обработкой личного состава; специалист психологической войны'; *brain washing* 'идеологическая обработка личного состава; психологическая война'.

Субкультурная специфика английских соматизмов проявляется в наличии ряда слов и устойчивых словосочетаний, обозначающих предметы и явления, свойственные военной службе. Так, каждый военнослужащий в вооруженных силах США имеет специальную карманную записную книжку, издаваемую правительством, в которой он делает отметки о запланированных событиях, вышедших приказах, инструкциях и директивах. По аналогии с расхожим российским армейским анекдотом, в котором командир говорит подчиненному «если вы настолько тупой, что не можете все запомнить, записывайте в блокнот, как это делаю я», в военной субкультуре США записная книжка приобрела насмешливое название *rocket brains* (досл. «карманные мозги»).

Важной частью головы, на которой расположены начальные отделы зрительных, слуховых, обонятельных органов и начинающее пищеварительный тракт ротовое отверстие, является лицо. Применительно к рассмотрению особенностей семантики слова *face* в составе военных сленгизмов, первостепенное значение приобретает свойство лица выражать человеческие эмоции.

В английском языке широко распространено устойчивое словосочетание *rocker face*, имеющее значение 'каменное, ничего не выражающее лицо', свойственное игрокам в покер. В военной среде находим синонимичное выражение, обладающее большей субкультурной спецификой *flint face*. В образном основании сленгизма лежит представление о лице из кремня, ассоциации с которым вызывает бесстрастное выражение лица военнослужащих, стоящих в почетном карауле или в парадном строю, где недопустимо проявление эмоций. У идиомы есть ряд синонимов *wooden face*, *official face*, *formal face*, каждый из которых служит для обозначения невозмутимого внешнего вида.

Способность человека скрывать негативные чувства и эмоции под маской улыбочивости легла в основу устойчивого оборота *put a good face on it* (*put a pretty face on it*). У данной идиомы существует несколько аналогов, среди которых *put a good face on a disaster*, *put a pretty face on a bloody corpse*, *polish the turd*. Все вышеназванные фразеологизмы призваны описать ситуацию, когда

от общественности скрывают страшное, неприятное событие.

Человек способен видеть объекты окружающего мира и ориентироваться в пространстве благодаря глазам — важнейшему зрительному органу восприятия. В фокусе внимания говорящего, использующего в речи военные сленгизмы с соматическим компонентом *eye*, находится внешний вид глаз или выполняемая ими зрительная функция. Так, специфику военной субкультуры определяет наличие соматизмов, описывающих единицы техники и оборудования вооруженных сил: *eye* 'петля или узел для связывания тросов', *big eye* 'основной объект вооружения бортовой радиолокационной станции', *eyes 'n' ears* 'очки и беруши для защиты зрительных и слуховых органов'.

Отдельного внимания, ввиду возникающей проблемы поиска адекватного эквивалента в переводе, заслуживают военные команды, имеющие в составе соматизм *eye*. Например, если интерпретация команды *eyes right!* не вызывает затруднений — в строевом уставе вооруженных сил РФ находим российский аналог команды 'равнение направо!' [10], то при переводе команды *eyes front!* приходится прибегать к описательному переводу 'команда, устное напоминание военнослужащим сухопутных сил, стоящим в строю по команде «смирно» или «вольно», смотреть строго вперед' (в военно-морских силах аналогом выступает команда *in the boat!*, в военно-воздушных силах — *cage!*). Несоблюдение требования смотреть перед собой в военной субкультуре выражается еще одним соматизмом: *eye-ball* 'смотреть по сторонам, озирается, стоя в строю по команде «смирно» или «вольно»'. Выражение также используется как команда военнослужащим внимательно слушать говорящего, призывает строй сосредоточиться на словах командира.

Военные сленгизмы, имеющие в составе компонент-соматизм *eye*, отображают особенности мировоззрения военнослужащих за счет яркой образности. Например, в слове *eyewash* 'ерунда, треп; нести чушь' на передний план выдвигается идея об уязвимости глаз перед факторами окружающей среды.

Представление о глазах как органе, позволяющем установить невербальный контакт и передать определенные сигналы собеседнику без использования слов, лежит в основе языковых единиц *eye-check* 'визуальное наблюдение, испытующий взгляд; вопрошающий взгляд; молчаливое согласие', *eye-fighting* 'презрительный, враждебный взгляд'.

В образном основании устойчивого выражения *eye service* лежит представление о визуальном контроле,

надзирающем взоре начальника, вследствие чего идиома получает значение 'неохотно выполнять обязанности, проявлять старание и усердие только в присутствии руководителя'.

Специфика военной службы, проявляющаяся в недостаточной удовлетворенности условиями отдыха и свойственным военнослужащим постоянным желанием спать, проявляется в шутовском сленгизме *eyelid maintenance* 'сон'; употребляемом также в составе устойчивого оборота *check eyelids for leaks* 'спать'. Другим примером насмешливого отношения представителей вооруженных сил к особенностям военной службы и повседневной деятельности выступает выражение *black eye* 'бомбардир', в семантике которого заключено представление о следе от окуляра в виде черного кольца вокруг глаза при работе с оптическим бомбардировочным прицелом. Производная от данного устойчивого выражения идиома *to give a black eye* имеет значение 'нанести сильный удар, дать отпор'.

Компонент-соматизм *ears* ('уши') в английском военном сленге актуализирует представление об основном органе человека, предназначенном для восприятия звуковых колебаний, при номинации единиц оборудования вооруженных сил. Так, словом *ears* в армейской среде именуют любое прослушивающее устройство или акустическую систему, в которой используются стереофонические наушники.

Функция ушей как органа, отвечающего за способность человека воспринимать звуки, лежит в основе языковой единицы *ear bang* со значением 'речь, лекция или конференция, присутствие на которой обязательно для всех военнослужащих'.

В образном основании ряда лексико-фразеологических единиц английского военного сленга лежит представление о полном или частичном снижении способности человека обнаруживать и распознавать звуки. Идея о глухоте в переносном значении — безразличии к проблемам окружающих — заключена в сленгизме *brass ear*, употребляемом в речи военнослужащими со времен Гражданской войны для номинации упрямого, своевольного и заносчивого командира. В образном основании устойчивого оборота лежит представление о медной слуховой трубке, за счет которого идиома получает свое метафорическое значение и характеризует человека, глухого к чужому мнению. Преднамеренное нежелание

воспринимать поступающую извне информацию лежит в основе идиомы *fall on deaf ears* (*turn a deaf ear*), имеющей значение «быть подчеркнуто проигнорированным, не получить ответа».

Важной частью лица человека, участвующей в дыхании и обонянии, является нос. Компонент *nose* в составе фразеологизмов способствует созданию ярких образов при восприятии устойчивых выражений: *hard nose* 'жесткий, практичный, безэмоциональный человек'; *blue nose* 'имеющий опыт службы в условиях крайнего севера или Антарктиды, полярник; пересекший полярный круг'; *blue nose certificate* 'запись в послужном списке о прохождении службы в условиях Крайнего Севера или Антарктиды'; *give the bloody nose* 'нанести противнику тяжелые потери; потрепать противника в бою'; *bloody nose hill* 'место кровопролитных боев'; *nose cap* 'противогаз'; *nose heavy* 'подвыпивший, пьяный'.

В армейской среде компонент *mouth* ('рот') используется в составе сленгизма *bad mouth* 'критиковать, осуждать (часто безосновательно); использовать вульгарную, грубую, ненормативную лексику; ворчание, брюзжание', в образном основании которого лежит представление о рте как, прежде всего, части тела человека, значение которой связано со способностью говорить. Идея о языке, участвующем в процессе вербальной коммуникации, заключена в наименовании словом *tongue* военнопленных, схваченных с целью проведения допроса в разведывательных целях.

Подводя итог, следует отметить, что понятия, выражаемые языковыми единицами соматического кода, универсальны, поскольку строение тела человека и особенности функционирования его частей общеизвестны и едины для всех этносов мира. Однако, у представителей военной субкультуры возникают особые ассоциации, эмоции и оценки при использовании в речи языковых единиц соматического кода культуры. Лексико-фразеологические единицы военного сленга, имеющие в составе компонент-название части тела человека, обозначают военнослужащего, его эмоции, деятельность и поведение, отношения с окружающими, номинируют единицы вооружения, военной техники и оборудования, отражают сложившиеся в армейской среде стереотипы и обладают рядом особенностей, исследование которых позволяет раскрыть сущность нравственно-ценностных установок и специфику мировоззрения представителей военной субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

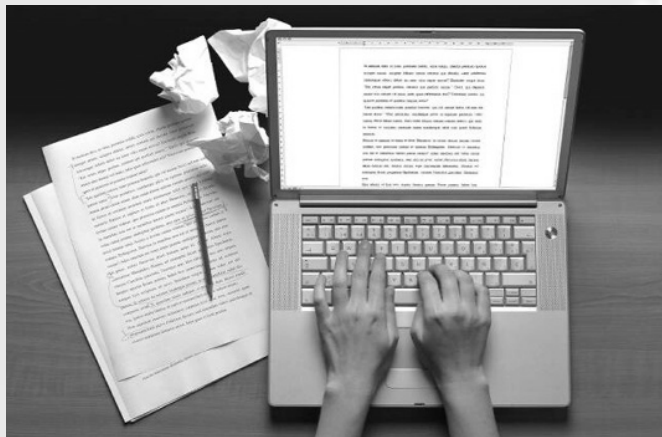
1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.

3. Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Москва, 2006. 24 с.
4. Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. № 1–2. М.: Наука, 2005. С. 25–30
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
6. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 415 с.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Словарь социолингвистических терминов. РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук / отв. ред. В. Ю Михальченко. М., 2006. 312 с.
10. Строевой устав Вооруженных сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://doblest-chest.ru/zakoni/obshchevoinskie-ustavy/62-stroevoy-usta> (дата обращения: 25.07.2018).
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
12. Толстая С. М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.
13. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии: Учебное пособие для студентов университетов. Самарканд: Изд-во Сам. ГУ, 1972. 97 с.
14. Combat [Электронный ресурс]. URL: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-I.HTM> (дата обращения: 27.07.2018).
15. (Footnotes)
16. 1 Респондентам назывались/демонстрировались характеристики на выбор. Количество выбранных характеристик ограничивалось 3 главными.

© Чичерова Елена Александровна (elena.chicherova@rambler.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Absalyamova L. — Candidate of Philology Sciences, Assoc. Prof., Sibai Institute of Bashkir State University

Akhmetzadina Z. — Candidate of Philology Sciences, Assoc. Prof., Sibai Institute of Bashkir State University
z.ahmetzadina@rambler.ru

Ashmarina S. — Doctor of Economics, Professor, FGBOU VO «Samara State Economic University»
ashmarina@mail.ru

Beloshitskaya N. — Northern (Arctic) Federal University, M.V. Lomonosov
n.lenina@mail.ru

Blaginin V. — Ural State University of Economics
v.a.blaginin@usue.ru

Blonska L. — Doctor of Philology, Professor, Federal state Autonomous educational institution higher education institution «North Caucasus Federal University»
libron@yandex.ru

Burtseva A. — PhD in Pedagogical Sciences, Murmansk Arctic State University
alexandraburtseva@yandex.ru

Chicherova E. — Military university of the Russian Defense Ministry (Moscow)
elena.chicherova@rambler.ru

Chininov I. — Candidate of historical sciences, researcher at the Center for Asian and Pacific Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
chininov@mail.ru

Datsun N. — All-Russian state university of Justice branch in the city of Sochi (RLA of Ministry of Justice in Russia)
n.a.01.06@mail.ru

Emelianov I. — North-Eastern Federal University in Yakutsk
krzl@inbox.ru

Fedotova N. — PhD in Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University"

Gafarov A. — Kazan (Volga region) Federal University
anvargafarov@mail.ru

Gaisina F. — Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
gais73@mail.ru

Galeeva M. — Kazan (Volga region) Federal University
galeeva_mariyam@mail.ru

Gavrilova N. — Lomonosov Moscow State University
gavrilovanatalia7@gmail.com

Goncharova A. — Candidate philological science, Associate Professor of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
litera2306@mail.ru

Grigoreva L. — M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk)
grigormila@mail.ru

Il'ina S. — PhD, associate professor, Far Eastern Federal University
svilyina@mail.ru

Izmailov A. — Candidate of economic sciences, Associate Professor, FGBOU VO «Samara State Economic University»
airick73@bk.ru

Julius K. — University of Cambridge, Gonville and Caius College
julius.kochan@gmail.com

Kandrashina E. — Doctor of Economics, Professor, FGBOU VO «Samara State Economic University»
kandrashina@sseu.ru

Klymenova O. — Candidate of historical sciences, senior lecturer of Ryazan State Medical University named after academician I.P.Pavlov
klymenova.rgmu@mail.ru

Kondrashova N. — St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
nvkondrashova@mail.ru

Kotov A. — Doctor of history, associate professor, St.-Petersburg State University
a.kotov@spbu.ru

Krasnov R. — Ural State University of Economics
krasnovrv@usue.ru

Kutejnikov A. — PhD in Psychology, Associate Professor, The North-West Institute of Management - Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
alex_kutejnikov@mail.ru

Melnikov A. — Postgraduate, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
ioa1372@yandex.ru

Osipov D. — PhD in Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University"
daniio@yandex.ru

Parfenova K. — Postgraduate student, Leningrad state University named after A. S. Pushkin
parfenov-277@mail.ru

Pertsev E. — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University
empertsev@list.ru

Petrova I. — Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow City University (MCU)
miinna@yandex.ru

Podgornova A. — Senior instructor, Far Eastern Federal University
diamante-anna@mail.ru

Raigorodetskaya Y. — Russian State University for the Humanities (Moscow)
r_yulia@list.ru

Rassokha M. — Candidate of science (philology), Far Eastern Federal University
mrassokha@gmail.com

Rychkova T. — PhD in Philological Sciences, Murmansk Arctic State University
rychkovata@yandex.ru

Safonov M. — Graduate student, Russian State Social University (Moscow)
em_kei@mail.ru

Shushunova E. — Post-graduate student of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula
schuschunova.elena@yandex.ru

Smirnova Iu. — Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
June06@mail.ru

Sokolova T. — Orenburg State University, Orenburg, Russia
sokolova.ty89@yandex.ru

Solodilova I. — Orenburg State University, Orenburg, Russia
solodilovaira16@gmail.com

Sonina E. — Post-graduate student, Federal state Autonomous educational institution higher education institution «North Caucasus Federal University»
elena_sonina17@mail.ru

Stepanov V. — Doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of Economy, Russian Academy of Sciences (Moscow)
valerij-stepanov@mail.ru

Tereschenko E. — Saratov State University name of N. G. Chernischevski
elmira.tereshhenkoaxmetova@mail.ru

Terskikh T. — Irkutsk State University
tirskich@mail.ru

Tokarev Y. — Candidate of economic sciences, associate professor, FGBOU VO «Samara State Economic University»
tokarev_ya@mail.ru

Tsurikov A. — Rostov State Transport University
tsurik7@yandex.ru

Vaganov A. — Candidate of Philology, Assistant Professor, Taganrog Institute named after Anton Chekhov (Branch of the University) RSUE
vaganov.65@mail.ru

Vasilieva T. — M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk)
vtatyanan@yandex.ru

Vertinskaia O. — Candidate of philology science, Associate Professor of the FGAOU VO «Immanuel Kant Baltic Federal University»
Overtinskaya@kantiana.ru

Volobueva O. — Industrial University of Tyumen
volobueva-olga-n@yandex.ru

Yartsev S. — Doctor of history, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia, Tula
s-yartsev@yandex.ru

Zhang Yanqiu — Saint-Petersburg State University
Yanqiu.zhang@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).